

Олег Северюхин
Как изгибали сталь

Путевые записки офицера

О чём эта книга

Предисловие

Глава 1. От автора

Глава 2. Недавно кончилась война

Глава 3. Юнкера

Глава 4. Учкудук три колодца

Глава 5. Об иностранных языках

Глава 6. На Дальнем Востоке

Глава 7. Закавказские мотивы

Глава 8. Каспийский прибор

Глава 9. За Байкалом

Заключение

Предисловие

Тот, кто начнёт читать эту книгу, возможно, сразу почувствует скрытую интригу в изложении. А, может, и не поймёт. И это тоже не страшно, потому что всё здесь изложенное почти что правда, хотя не будет названо ни одного реального действующего персонажа, кроме лиц исторических, без которых никакое действие невозможно.

Также мы будем иметь дело и с неизвестными географическими наименованиями, которые при минимальной мыслительной деятельности можно сравнить с реальными географическими точками. И всё это будет только догадками живого ума читателя.

Мне приходилось читать немало комментариев к мемуарам советских военачальников и политических деятелей. Всегда находились люди, которые с пеной у рта доказывали, что действие сие произошло, допустим, не шестого сентября, а седьмого, потому что в этот день у него племяш родился, именины были, и не в двенадцать часов пополудни, а в двенадцать часов полночи, и часового у штаба звали не Коля, а Вася и вооружён он был не автоматом, а винтовкой и тому подобное. Я думаю, мы обойдёмся без таких уточнений.

Мне не пришлось руководить крупными воинскими подразделениями и соединениями в прошлой войне, потому что я родился через пять лет после Победы. Я не командовал полками, дивизиями, округами и «вообще во Всемирном масштабе», поэтому у меня нет и не может быть ссылок на какие-то оперативные документы, директивы и постановления. Здесь будет рассказ простого труженика границы о тех временах и о том, как мы охраняли границу до демократической революции одна тысяча девятьсот девяносто первого года, которую ещё пока не обозвали Великой демократической революцией, и как мы жили после неё.

Описываемые мною персонажи могут быть узнаны, хотя я не стремился к этому и всё найденное сходство будет совершенно случайным.

В книге будут описаны события с середины двадцатого века и почти до наших дней, происходившие в СССР и в России не как в учебнике, а в виде описания условий жизни и работы людей. Этот период как-то быстро выпал из памяти нашей молодёжи и с нашим уходом это время будет рисоваться в виде огромного

тёмного пятна, потому что о нашей жизни будут рассказывать только публицистические статьи, сводки милицейских происшествий, статьи учебников истории государств, входивших в состав СССР. А ведь мы ещё и жили вместе. А то, как трактуется там наша совместная история, это разговор особый.

Автор внимательно рассмотрит все критические замечания и внесёт изменения в свой текст, если он где-то был неточен. В всяком случае, моя дочь сказала, что все тяготы и лишения мы переносили с юмором. И она права.

И ещё одно пояснение, все стихи, принадлежащие другим авторам, я взял в кавычки, а свои как-то не привык «кавычить».

Глава 1. От автора

Осень. Туман. Моросит мелкий, почти невидимый дождик. По дорожке парка, засыпанной облетевшими кленовыми листьями, не торопясь шёл человек в чёрной кожаной куртке. В руке он держал свёрнутые в трубку газеты. Достав из кармана куртки пачку сигарет, вытряхнул одну и взял её губами. Достал спички, резко развернулся, зажёл спичку и привычным движением спрятал огонёк в «домик» из ладоней. Так прикуривают люди, привычные к ветру, моряки, охотники, рыбаки и военные. Выпустив клуб дыма, растаявший в тумане, мужчина пошёл дальше. Было видно, что осенняя погода ему нравится и настраивает на философский или на лирический лад.

Мужчина был не молодой и не старый. Не высокий и не низкий. Не худой и не толстый. Одет аккуратно, шаг чёткий, стрелки на брюках как лезвия бритвы, можно безошибочно сказать, что это военный человек. Или бывший военный. О чём он думал, мы не знаем, но можем наверняка предполагать. Любого человека заботит его будущее, даже того, кто включён в число тех, кому счастливое будущее обеспечено всем достоянием государства.

С философской точки зрения, таких людей в стране нашей практически нет. Президент боится потерять свою власть, потому что потом его будут пинать все, кому не лень и особенно те, кто были приближены.

Гарантий нет никаких.

Олигархи думают о прививках им дипломатического или депутатского иммунитета для защиты «праведных» капиталов.

Бизнесмены озабочены тем, как потратить деньги, избежать налоговой инспекции и президентской участи, а также спрятаться от уголовного элемента, который, как и большевики, мечтает всё отобрать и поделить, но только между собой.

Правоохранительные органы стремятся выполнить свой долг и не обидеть криминал, с которым стало труднее управляться.

Вся приватизация совершена с помощью ОМОНов и СОБРов.

Под защитой судебной системы советского государства мелкие фарцовщики и продавцы жвачки в одночасье стали владельцами крупнейших комбинатов, которые строил весь Советский Союз.

Бывшие российские граждане, получившие по мановению волшебной руки огромные деньги, стали скупать недвижимость за границей в таких количествах, что забеспокоились страны, где находится это имущество.

Россия стала страной владельцев английских футбольных и американских баскетбольных клубов, самых дорогих яхт и автомобилей, занимает первое место в мире по количеству самых богатых и самых бедных людей.

Произошёл грандиозный розыгрыш лотереи государственной собственности. Все слышат слово лотерея, но никто не слышит слово розыгрыш. Каждому дали по бумажке-ваучеру, но кому-то они принесли деньги, а кому-то даже и на бутылку не хватило.

Народ не знает, кто для них опаснее: организованные правоохранительные органы и силовые структуры или организованная преступность. Последняя хотя бы строго соблюдает свои законы.

Законы есть, но главное них понятия.

Права человека интересуют только ГАИ-ГИБДД.

Поборники совести потеряли её во время обстрела Белого дома.

Армия оделась в американизированные одежды от Юдашкина, высота военных фуражек начала превращать пигмеев в великанов, а площадь её верхнего поля, по-военному – аэродрома – видна даже из космоса и в неё не промахнётся ни один уважающий себя «сокол».

Офицеры получают непонятное денежное содержание с доплатами от партии и правительства и не понимают, что их

оклады остались такими же мизерными и по окончании службы они будут получать такую же мизерную пенсию.

Водку стали делать из воды, очищенной фильтрами «Шойгу» по рецепту Грызлова-Петрика.

Все президенты стали корешами, встречаются без галстуков и называют друг друга по имени, не забывая врезать по челюсти неловко повернувшегося российского партнёра.

Аудиенции стали уединениями.

Россия оставила всех своих традиционных и стратегических союзников, многие из которых только числились в союзниках, получая безвозмездную помощь, и благословила их гуманитарные бомбардировки.

Буквально на днях отмечалась десятая годовщина бомбардировок Югославии авиацией НАТО. А Россия не встала на защиту государства, родственного ей по духу. Даже непонятно, за что сербы любят русских и прощают им многое.

Болгарские «братушки», за которых мы воевали на Шипке и освобождали от османского ига, в двух мировых войнах в качестве благодарности за прежнее воевали против России и сейчас стали такими «братушками», что не приведи господь вернуться к ним спиной.

Благополучные бюргеры и мэны стали забывать о том, что Россия была основой СССР, имела острые зубы и собственный нор, заставлявший относиться к ней, если не с уважением, то с боязнью быть укушенным при проявлении бестактности или враждебности.

Советники и советчики ведут российский народ по бескрайней пустыне рыночной экономики, создавая все условия для того, чтобы к капиталистическому раю пришли самые стойкие и самые приспособленные к борьбе зубами за кусок хлеба.

Народ ждёт, когда президенты и банкиры выполняют данные перед обвалом цен или обменом денег обещания лечь на рельсы или обрезать по локоть руки.

Как только власть начинает говорить о стабилизации экономики и укреплении рубля, народ начинает запасаться всем необходимым, начиная с соли, спичек, сахара, мыла, круп и обменивать рубли на доллары, укрепляя экономику долларовой зоны.

Выборная власть думает о предстоящих выборах.

Назначаемая власть думает о последствиях этих выборов.

Работающие думают о зарплате, которую могут и не получить.

Ветераны партии и правоохранительных органов мечтают о возвращении того времени, когда, как говорил Андрей Платонов, «с беспощадностью идейного духа можно было держать под угрозой разоблачения дома, села, города, районы, области, края, республики и всю страну в целом».

Неработающие думают о такой работе, чтобы денег приносила вволю и ни о чём не надо было думать.

У безработных угоняют автомашины стоимостью в полмиллиона долларов и из трёхэтажных лачуг крадут бриллианты и чемоданы иностранной валюты.

Имеющие машину, дачу и квартиру думают о том, чтобы их не обокрали.

Не имеющие машин, дач и квартир думают о том, чтобы их заполучить.

Дети думают о «Сникерсах». «Сникерсы» ... Стоп! Можно черт знает до чего додуматься.

В стране произошла революция. Сначала она была демократической, и были у неё перспективы для качественного обновления жизни, но большевистская партия не поступилась принципами и вызвала демократическо-пролетарскую революцию. Антибольшевистскую. По аналогии с коммунистами-ленинцами-сталинцами, должно было начаться уничтожение интеллигенции и красного офицерства, как носителей старой государственности. И большевики ждали этого с замиранием сердца.

Вообще-то, нужно было их поразогнать по лагерям и лесоповалам, но они же все садо-мазохисты и превратят себя в мучеников, не известно за что репрессированных новым режимом.

Демократы оказались хитрее. Они в три секунды развалили государство, создаваемое веками, и точно так же, исподволь уничтожили интеллигенцию, красное офицерство и армию, экономику, не прибегая к репрессиям. Чего легче прекратить финансирование науки, армии и экономики. Они сами развалятся. Люди сами разбегутся в разные стороны, а потом, когда страна встанет у края пропасти, закричат на весь мир:

– Отечество в опасности!

А кто его привёл на край пропасти? Мы – простые люди, или вы – власть предрежащие?

Как Сталин на костях тридцати миллионов жертв стал вождём и учителем всех народов, так и те, кто развалил Россию и

предал русских, в мгновение ока оставшихся за границей, стали символами новой демократической государственности.

Дракон старой власти выщипнул из себя несколько пёрышек, выкинул серп и молот и стал новым орлом с растопыренными по-польски крыльями, с державой и скипетром в когтях и тремя царскими коронами над двумя головами, к красному знамени добавил белую и синюю полосы и запел как бы новый гимн одного и того же автора на старую музыку.

Народ российский, в течение веков пребывавший в крепостной зависимости до одна тысяча восемьсот шестьдесят первого года, имел маленькую полувековую, или проще говоря, пятидесятилетнюю передышку, во время которой он ничего не понял и сразу попал в идеологическую зависимость к дворянам-большевикам.

Дворяне много с ним не разговаривали. Давали на выбор – стенку или лагерь. Довели народ до такого состояния, когда он генетически не был способен выразить своё мнение по поводу происходящего с ним и в его стране, и ещё несколько поколений не смогут этого делать, пока не придут люди с обновлёнными генами и с чувством собственного достоинства, выдавившими из себя капельки рабской психологии.

Эти ребята, а их будет большинство, снова устроят русский бунт, бессмысленный и жестокий, а потом успокоятся и будут строить нормальную жизнь. А всё потому, что сейчас инициатива и самостоятельность масс находится под жёстким запретом. Хотя, внешне, никаких запретов нет. Занимайся, чем хочешь и говори, что хочешь. А попробуй, займись чем-нибудь, сам заречёшься и детям своим накажешь не верить правителям, а всё, что они предлагают, спускать на тормозах путём пассивного неприятия. Мели Емеля, твоя неделя. Мы и тебя переживём, и таких, кто на смену тебе придёт в виде тандема, тоже переживём.

Чтобы наладить новую жизнь мы Государственную Думу избрали. Правда, сначала правители состряпали новую КПСС как бы демократического типа из бегунков из других партий, и в думе оказалось правительственное конституционное большинство, созданное при помощи бородатого волшебника и административного ресурса при полном непротивлении народа.

Думу стали называть по имени не совсем умной женщины, которые и стали задавать тон в этой, сами понимаете, где и принимать законы, запрещающие людям высказывать своё мнение

и рассуждать о том, что полезнее, оральный секс или чупа-чупс для увеличения рождаемости в стране.

Потом демократы создали Совет Федерации, в котором губернаторы из членов КПСС сидели с председателями парламентов регионов тоже из членов КПСС. Вроде бы революция была, но партия Ленина всё так же живёт и процветает. Потом этот Совет перетасовывали и реформировали в прибежище людей, отставленных от высот власти и не имеющих никакого отношения к представляемым ими регионам и сейчас совсем не понятно, а нужен ли этот Совет Федерации?

Наш герой вышел из марксизма-ленинизма. Взял и вышел.

– Мужик, дай закурить.

Два тинэйджера, а по-нашему, два пацана лет семнадцати-восемнадцати (таким ребятам комсомольского возраста раньше всё было по плечу, а сейчас всё по хрену) стояли и ждали ответа. Мужчина ничего не ответил. Он ждал, когда эти два волчонка кинутся в драку, чтобы навалить им так, как будто это они виноваты в развале великого государства и всех бедах, свалившихся на нашу голову.

Почувяв неладное во взгляде, пацаны исчезли так же незаметно, как и появились.

Мимо, один за другим, прошли три автобуса маршрута номер восемьдесят два. Вероятно, плохая обстановка на левом берегу, не помогает и нахождение там высшей школы милиции. Даже автобусы по одному туда не ходят. Либо боятся, либо диспетчеры так составили график, что любому жителю кажется, что все автобусы в городе только восемьдесят второго маршрута.

В голове роем крутились заголовки газет:

«От Бутырки ... до бутылки.

Кто расстрелял ОМОН?

Доллар обвиняется в инфляции.

*Банкротство. Чудесный способ приумножить
собственность.*

Крепкий рубль как угроза.

Бандитский промысел.

Кастро уйдёт, социализм останется.

Цена свободы слова.

Родина любых радикальных реформ.

С бюджетниками почти расплатились.

Страна вечно светлого будущего.

Отборные сибирские академики по цене западноевропейских шлюх.

Не учите нас ...

Никто не виноват. Ничего не поделаешь.

Закон о местном самоуправстве.

Демократия и диктатура в одном государстве.

Фондовый рынок. Грустные размышления.

Мы не обещаем. Мы не делаем.

Кому по карману детский отдых?

Из махорочной фабрики монахи храм возродили.

Что будет, если в женской тюрьме вырубить свет и сигнализацию.

Что с нами происходит?

Остановите Вовчика.

Где найти беззащитного олигарха?

Наши люди на такси по Москве не ездят.

Рубль ждёт падение.

Родные офшоры покруче кипрских.

По ночам в Чечне идёт работа ...

Пулемётное избирательное право.

Подмётное письмо в защиту Гусинского.

Что Касьянов оставил от Грефа.

Диверсия в Хабаровском крае.

Задумано с умом.

Спустившись по связанным мокрым пелёнкам из яслей бежали четыре ребёнка.»

Боже мой, всего лишь две газеты купил. «Коммерсант» и «Правда». Нет, раньше было лучше. Помалкивай в тряпочку, никуда не лезь и проживёшь как человек. Гласность была. Тяпнет человек стаканчик, выйдет на улицу и всю правду-матку всем и выложит, а то и по роже кому-нибудь съездит. И так до следующего дня откровения.

Сейчас один круче другого. Соревнуются, кто побольнее Родину-мать обложит перед лицом всего мира.

Кто придумал это выражение Родина-мать? «Родина-мать зовёт!». Патриотический лозунг. Но разве никто не знает, как этот лозунг переворачивается в России, когда призывают беречь, охранять или защищать Родину-мать? «Защитим Родину – вашу мать». Даже в лесничестве: «Берегите природу – мать вашу!». И то это переделка из своего лозунга: «Береги природу – твою

мать!». Говорят, императрица Екатерина Вторая категорически отказалась от предлагаемого ей почётного наименования «Мать империи».

Кто знает, что бы было, если бы в одна тысяча девятьсот девяностом году в Верховном Совете СССР омский юрист Алексей Казанник не отдал своё место могильщику великого государства Борису Ельцину? Уж, наверняка, хуже бы не было.

Недавно я спросил у Алексея Ивановича Казанника, не сожалеет ли он о своём поступке?

– Нет, – твёрдо ответил он, – я сделал всё правильно.

Большое видится издалека. Ещё рано давать оценки. История всё расставит по местам. Хотя, не известно ещё, кто конкретно будет писать историю. Может быть, всё, что было прямым, сделают кривым, а кривое выпрямят. Или как в армии: квадратное – катить, круглое – тащить. Так делают все страны и Россия в этом ряду не будет исключением.

Вполне возможно, что поступок Казанника вообще не будет включён в летопись как несущественный элемент, а ведь могло бы всё пойти по-иному. Лучше или хуже? Да хрен его знает. Возможно, что любой вариант мог быть лучше сегодняшнего дня.

А Казанник взлетел выше неба на место Генерального прокурора, показал свою принципиальность, что не свойственно для этой должности, и был отправлен вниз, в свою губернию на должность вице-губернатора. У опального чиновника положение было хуже вице-губернаторского и из губернской управы он уволился по собственному желанию.

Так что, Клио и Фортуна бабы ветреные и капризные.

Мужчина думал не столько о глобальных проблемах, он больше думал о себе, о своей семье. Как можно всего себя отдать родине и остаться у разбитого корыта, когда подошли все сроки выслуги?

Всю жизнь он бежал за одной телегой. Прицепился к ней в молодости и бежал. Возчики на телеге менялись, а он всё бежал рядом. Его то кормили, то били, то одевали, то раздевали, то намазывали целебными маслами, то посыпали крупной солью, пока он не устал и уже не мог так же резво бежать в такт поскрипыванию колёс. Потом его руки отцепили или сами отцепились, и он остался один среди пустынной дороги в пыли, не зная, в какую сторону ему податься.

Возможно, что всё получилось так из-за того, что он не смотрел по сторонам и не искал для себя лучшей жизни. Боялся

нарушить размеренный ритм жизни, проверить себя в том или в ином деле. Возможно, что он мог стать неплохим олигархом или руководителем собственного предприятия, модным писателем, дизайнером, экстрасенсом, мафиозником. Или организовал бы собственную партию чёрного нала и сейчас бы возглавлял фракцию в парламенте, обладая депутатской неприкосновенностью от всего и разъезжая в чёрной иномарке с синим ведром на крыше, разгоняя людей кваканьем спецсигнала.

– Дяденька, дай сколько-нибудь денег или хлеба купи нам.

Маленький чумазый пацан в сборной грязной одежде и в неизменной вязаной шапочке стоял и протягивал руку. Это он пока просит деньги, а если государство его оттолкнёт, то он уже не будет просить, а будет требовать, подкрепляя свои требования ножичком или пистолетом.

– Пойдём, парень, купим тебе нарезной батон. Деньги давать не буду, их у тебя отберут или потратишь на сигареты и клей.

Возможно, что и он скоро начнёт приторговывать жевательной резинкой, потом купит металлургический комбинат и будет вывозить проституток во Францию, устраивая там такие оргии, о которых узнает весь мир.

Все мы рождаемся одинаковыми, но из элиты вырастает элита, из среднего класса – средний класс, из бедняков – бедняки со своими генами и психологией. Бывает и пересортица, неизбежная в любом деле, но в основе своей всё остаётся так, как это предопределено за тысячелетия до нас. Ни идеи всеобщего равенства, ни революции и физическое уничтожение элиты и интеллигенции не нарушило того расклада, к которому мы вернулись после перестройки.

Задатки человека проявляются в детстве. В детском садике можно определить садистские и мазохистские наклонности детей, беспринципность и принципиальность, стеснительность и беззастенчивость, интеллект и тупость, жестокость и человечность, профессиональную ориентированность. И эти черты с течением времени никуда не деваются. Либо усиливаются, либо ослабляются, либо просто маскируются. Генетика-с. Человек не мушка дрозофила, а существо мыслящее, гомо сапиенс, значит. Он такого может наворотить или наворочать. И генная инженерия не поможет. Да, детство...

Глава 2. Недавно кончилась война

Раннее детство всегда похоже на сон. Как будто человек уснул сразу после рождения и проснулся лет в шесть-семь, смутно вспоминая снившиеся ему сны, то есть те моменты до осмысленного периода жизни, которые запечатлела детская память.

В моей памяти до сих пор остаётся один солнечный летний день. Разноцветные лучи солнца, бьющие прямо в лицо и видимые в какой-то дымке. Большое количество людей. Обнажённая девушка в центре помещения, стыдливо стоящая возле большой деревянной рюмки. Бородатый человек, взявший меня на руки и опустивший в воду. Огромная борода, в которую я инстинктивно вцепился, спасая свою маленькую жизнь. Что-то масляное у меня на лбу, на животе и под мышками обеих рук.

Когда я рассказал об этом, будучи уже взрослым, тридцати с небольшим лет, в присутствии всех родственников во время одного из приездов в отпуск, тётка с материнской стороны, бывшая моей крестной матерью, сразу усомнилась в этом.

Чётко «окая» по-вятски, она сказала:

– Брось-ко врать-то. Тебе кто-нибудь рассказал, как мы с матерью твоей тебя тайком от отца твоего крестили, а ты теперь выдаёшь это за свои детские воспоминания. Тебе же всего полтора года было. Ты и помнить-то ничего не можешь. А попа-то ты за бороду здорово схватил, еле оторвали. Батюшка-то потом сказал, что давненько его за бороду-то никто не драл. Елеем тебе лоб, живот и плечи помазали, окрестили, значит. Да, и девку взрослую перед тобой крестили. Она венчаться пришла, а некрещёная была. Сначала её крестили, а потом уж тебя. А я-то тебе об этом уж точно не рассказывала. Погода-то тогда стояла солнечная, через цветные стекла в церкви слепило.

Оказалось, что не рассказывала об этом и моя мать, а также и крестный отец, сводный брат моего отца, который моего отца очень уважал и боялся, как огня. Попробуй-ка он об этом рассказать.

Мой отец не был правоверным коммунистом. Он вообще был беспартийным, даже в комсомоле не состоял. Я, во всяком случае, об этом не знаю. Но осторожность он имел большую, чтобы, не дай Бог, кто-то мог обвинить его в чём-то антипартийном или противоправительственном. Времена были такие, что загреметь на лесоповал или к стенке можно было только

лишь за то, что твоя комната была на один квадратный метр больше, чем у твоего соседа.

С сомнением, но всё-таки родственники согласились с тем, что я это мог и помнить, но, наверное, нафантазировал и случайно попал в точку.

Более серьёзно к моему рассказу отнеслась тётка, жившая в областном центре и считавшаяся прогрессивной и цивилизованной по сравнению с жителями, хотя и крупного, но всё же райцентра. В молодые годы ей пришлось жить вместе с тётёй мужа – интеллигенткой дореволюционного воспитания, которая и научила её нестандартным оценкам повседневного бытия и культуре жизни.

– Когда сомневаешься в чём-то, – говорила моя тётя, – говори правду.

Единственная в нашей семье она вела генеалогическое дерево (не дворянское), отмечая на нем всех известных ей родственников. А кто в нашей стране может сказать, что он знает всех своих родственников до седьмого колена? Да, пожалуй, только органы КГБ, проверявшие всех не менее одного раза в пятилетку.

Вспоминая её, я всегда поражаюсь различию уровней интеллигентности до и после пролетарской революции.

Мои ранние годы прошли в двухэтажном деревянном бараке, типа общежития, где ютились семьи строителей химического комбината. На каждую семью по комнате. Все родственники из деревни старались вырваться в город, и в комнате моего отца постоянно проживало человек по десять, включая и нашу семью. У кого не было родственников, те жили комфортнее.

Деревянные кровати, полати (это нары под потолком), деревянный комод, такой же, но немного поменьше кухонный стол-гумбочка, несколько табуреток, на стене вешалка для парадной и повседневной одежды, прикрытая ситцевой занавеской – вот и вся обстановка жилища. В углу помойное ведро для пищевых отходов и отходов жизнедеятельности организма на ночное время в зимний период, а ночью кое-кто не из младенцев и под себя напускал, особенно если он спал на полатах. Запах такой, что когда заходишь в вокзальный туалет, то всегда вспоминается эта комната.

В одна тысяча девятьсот пятьдесят третьем году мы переехали из барака в двухэтажный восьмиквартирный дом, где в каждой двухкомнатной квартире жили по две семьи, как правило,

из четырёх-пяти человек. Родственники из деревни остались жить в бараке. Нам дали комнату с фонарём. Фонаря, конечно, никакого не было. Просто в комнате было три окна. Комнатёнка маленькая, но эти три окна ночью светились, как фонарь. Дом строили военнопленные немцы по какому-то не нашему проекту, предназначенному для хорошей и светлой жизни.

Обстановка в комнате такая же, как и у всех: две кровати, шкаф, комод, стол, два стула и две табуретки, этажерка с книгами. До реализации линии партии на удовлетворение всё возрастающих потребностей советских людей было ещё так далеко.

Прелести коммунальной квартиры знают те, кто в них жил. Наше вселение соседями было встречено неодобрительно. Семья питались поочерёдно на общей кухне. Когда приходила наша очередь приёма пищи, перед нами на горшок усаживался соседский младший сын. Так продолжалось до тех пор, пока мой отец, обладавший удивительным терпением и звериным нравом, если его вывести из себя, не распил с соседом бутылку водки и не призвал его быть мужчиной в своём доме.

Сосед, типичный подкаблучник, по пьяному делу устроил разборку в своей семье и прекратил приправлять нашу еду мальчишкой на горшке. На трезвую голову жена устроила ему небольшое ледовое побоище, и недели две любимые супруги ходили украшенные фонарями. Однако это укрепило соседа не только в своём мужском достоинстве, но и в дружеских отношениях с моим отцом.

Несмотря на достижение мира на мужской половине (а это шесть человек с нами, с детьми), женщины продолжали вести холодную войну до нашего отъезда из коммуналки в одна тысяча девятьсот шестьдесят четвёртом году.

Перед отъездом соседка не удержалась и сказала, что по мне и моему брату тюрьма плачет. Лучше бы она этого не говорила. Вместо меня и моего брата оба её сына были осуждены и провели по нескольку лет в местах не столь отдалённых. Плохие пожелания всегда возвращаются к тому, кто их говорит и, как правило, достаются близким людям. Нарушила она заповедь Иисуса Христа – люби врагов своих.

В одна тысяча девятьсот пятьдесят третьем году мы уже были подвижными детьми, повторявшими всё, что говорят взрослые. Результатом повторения сердитого голоса из чёрной бумажной тарелки репродуктора, который сопровождал нас всю

последующую жизнь, было предынфарктное состояние наших родителей, когда мы кричали на улице: «Берия шпион».

Этого я сам не помню. Об этом мне рассказала мать. Сказала, что я говорил об этом в присутствии соседей на общей кухне.

Соседи сразу бросили обедать, убрали со стола и молча удалились. Из-за меня они и детей своих впрок отлупили, чтобы не болтали того, что на улице услышат.

У моего отца тоже пропал аппетит. А уж как они сами слышали сообщение Совинформбюро, то немного успокоились, хотя всё равно страшновато было. Про бригадила (что-то вроде участкового уполномоченного) ничего плохого сказать было нельзя, хотя он пользовался своим служебным положением и хамил в очереди за дефицитом, а уж про Берию и думать страшно было.

Мои отец и мать не были судимы и не сидели в лагерях, но чувство самосохранения у них было на высоте.

– Не высовывайся – это мне долбили денно и ночью. – Высунешься – голову сразу открутят. Все люди завидуют друг другу. Если у тебя есть, а у соседа нет, то сосед обязательно сделает так, чтобы и у тебя этого не было или твоё перешло к нему.

Попытки маленького человека возразить, сказать, что все люди хорошие, наткнулись на суждение типа, что, если не знаешь реального положения вещей, то и не пытайся судить о других людях, а думай о том, как самому целым остаться.

Жизнь показала, что они во многом были правы.

Летом одна тысяча девятьсот пятьдесят пятого года все соседи были свидетелями того, как по двору бежал мальчишка в коротких штанишках с ляжками, а за ним нёсся петух, догоняя прыжками и клюя в голые ноги. Увидевшая меня мама отогнала петуха, а сидевшие у дома мужики с костяшками домино и поллитровкой на столике, громко засмеялись.

– Что, парень, видишь, как клюются живые петухи, – сказал сосед дядя Коля, вечно ходивший в майке, один конец которой всегда вылезал из штанов, – хуже, если клеваться будет жареный петух, – с этими словами он пошёл к петуху и нагнулся, чтобы схватить его. Петух изловчился, подпрыгнул и клюнул его в лоб. Дядя Коля схватился за лоб, закричал:

– Убью, твою мать, – и помчался за петухом.

Петуха он не догнал, но подошёл ко мне и сказал:

– Увидишь этого паразита, бей без слов палкой по башке, а хозяину петуха я сам голову отверну, – и пошёл к столу, где у него по костяшкам была «рыба».

Сеть культурных заведений в послевоенные годы не была сильно развита. В городской части посёлка был Дом культуры, где проводились церемонии торжественных вечеров и танцы. В полугородской части посёлка был деревянный кинотеатр «Заря», где перед киносеансами играл духовой оркестр, и устраивались танцы для кинозрителей, ожидающих очередного сеанса. В сельской части посёлка был «каменный» Дом культуры «Энергетик», тоже являвшийся одним из центров культуры. Для пояснения скажу, что все здания по-народному делились на деревянные, каменные и полукаменные, то есть первый этаж кирпичный, а второй этаж – деревянный сруб.

Основными центрами культуры, где собирались представители рабочего класса и трудовой интеллигенции, это, конечно, учреждения питания, то есть столовые, где можно было хорошо поесть с бесплатным хлебом на столах и практически обязательной ядрёной горчицей, посидеть с компанией, выпить кружку пива, рюмку-другую водки или стакан вина (а не брать бутылку и давить её до конца).

У кого была возможность, строили сарайчики, где в городских условиях пытались содержать живность в виде коз и свиней. Владельцы сараев с дверями, выходящими в сторону противоположную от жилых домов, чтобы не мозолить глаза жёнам и другим жильцам, изнывающим от недостатка общения или спиртного, негласно были самыми уважаемыми людьми, как бы владельцами закрытых клубов поселковых джентльменов. После работы члены клуба, взяв бутылку и закуску, шли в сараюшку, где в течение часа-двух предавались воспоминаниями о прошедшей войне или о том, как прошёл трудовой день.

В «клубе» моего отца часто были и молодые инженеры, которые сейчас являются, как их называют, «красными директорами». Инженеры охотно шли на контакт с рабочей интеллигенцией не ради панибратства, а для того, чтобы посоветоваться по производственным вопросам и заручиться поддержкой кадровых рабочих в осуществлении инженерных проектов. Это понимали рабочие и отношения между молодыми инженерами и высококвалифицированными рабочими были уважительными. Молодёжь, учившаяся во время войны, всегда с интересом слушала фронтовиков.

Пацаны всегда трутся около взрослых и, даже не прислушиваясь, не понимая сути разговора, они воспроизводят или запоминают отрывки текста, говорившегося взрослыми:

– Солдатам в Германии было хорошо. Выходишь на улицу, «фрoляйн, комм, заубер циммер» (девушка, пошли, чистить комнату). И не надо солдату полы мыть. С чего бы это я полы мыл после четырёх лет передовой. Отдал полбулки хлеба, работа сделана и человеку пропитание есть.

– Чистенько всё в Германии. Дома стоят аккуратно. Около каждого дома цветы. Дорожки чистенькие. В домах горячая вода из титанов и газовых колонок. Туалеты отдельные. Канализация. Дома и не закрывались. Заходи в любой дом, как раньше и у нас в деревнях было до гражданской войны. Когда мы пришли, везде велосипеды стояли. Берёшь и едешь. Приехал – бросил. Потом немцы перестали оставлять свои велосипеды.

– Трофеев было много. Кто что хотел, тот и вёз себе домой. Один солдат полный чемодан швейных иголок привёз. Мы над ним смеялись, а он сразу после границы королём себя почувствовал. Что мы за часы выменивали, он за несколько иголок приобретал. Другой домой привёз полный набор столярного инструмента из золингенской стали. Умеют немцы инструменты делать. Дома стоят пустые. Заходи и бери, чего хочешь. Солдаты везли в чемоданах и вещевых мешках, а у кого возможностей было больше, то и везли больше. Говорили, что нескольких генералов посадили за то, что имущество вагонами вывозили. Не поделились, видимо, с кем надо было делиться, а, может быть, кто-то позавидовал, ну и стуканул куда надо.

– Один полковник-танкист из Белоруссии, только вышли в Германию, на танке раскатал всю немецкую деревню. У него немцы всю семью вырезали из-за того, что он командир танкового полка. Хотели под трибунал отдать, но не отдали, понимали, какое у человека горе.

– Что наши в Германии творили – один ужас. Хоть и судили за это, всех разве пересудишь. Это всех немцев надо судить за то, что у нас в России сделали.

– Один раз бомба попала в кондитерский магазин. Везде плитки шоколада разбросаны. Шоколад мы до войны никогда не ели, больше слышали о нем. А тут под ногами валяется. Положил я в вещмешок плиток двадцать и дня три питался только шоколадом. Понемногу и в охотку шоколад вкусен и полезен. Так

я на всю жизнь шоколада наелся, потом раздавал всем, кому шоколад нравился.

– Из Германии многие на машинах домой ехали. На границе пограничники зверствовали. Все вещи перетряхивали, изымали оружие. Машины отбирали. На границе свалки машин были. С собой взять нельзя, ну и гори она синим пламенем. Спичку в бак и не наша и не ваша машина. Другой – разгоняется и машину в столб. Офицеры ещё как-то перегоняли машины, а солдату никак.

– Много станков из Германии вывезли, у нас на заводе тоже есть. С одной стороны, хорошо, что станок есть и работать долго будет. Но он уже устарел, а немцы у себя вместо старого станка новый будут устанавливать. Старое оно новым никогда не будет.

– После войны год работал в авторемонтном батальоне вольнонаёмным работником по своей специальности. Немцы ведь не все фашисты. Трудового человека они уважают. Родственникам помогал. А они всё пишут, приезжай да приезжай, помощь, мол, нужна. Приехал. Ну и что я помог? Так хоть мои посылки продавали, а зарабатывал я в Германии прилично, а тут ни моих заработков и никаких других в деревне. Осенью соломой дом покроют, а к середине зимы уже и крыша голая – скотину кормить надо. Уехал в город на стройку, снова стал по специальности работать. В Германии я на свинцепаяльщика выучился. Холодильные установки восстанавливали.

– В Польше было хуже. Немцы те дисциплинированные. Войну проиграли и терпят, что с ними победители делают. В Польше отношение людей к Красной Армии такое же, как и к немецкой армии. Банды, отдельные бандиты. Днём в поле работает, а вечером берётся за автомат и стреляет по активистам. Никак не хотели советскими быть. Армии Людова и Крайова. Форма одинаковая, а друг в друга стреляют.

– Пришли брать одного солтыса (старосту). Ладно, панове, деваться некуда, садитесь за стол, с родней попрощаться надо. Наклюкались все, а брат солтыса из нашего автомата по окнам в деревне стрелял. Солтыс куда не убежал, как и обещал. Отвели куда приказано. Недавно на заводской стройке его видел.

– В начале войны плохо было. Командиры были такие же, как и вы – молодёжь. Бежит лейтенант с пистолетом впереди, а мы сзади бежим. Ему первая пуля достаётся, что спереди, что сзади. Сколько было взводных, всех и не упомнишь. Положение было такое, что и меня с четырьмя классами в офицерскую школу направляли. Не пошёл.

– Был у нас один, откуда-то с северов. По-русски ни бельмеса или притворялся. Всегда растрёпой ходил. Его взводный один раз отругал за неряшливый вид. Если бы ничего не понимал, то не обиделся бы. В первом же бою у нас на глазах лейтенанту пулю в спину вогнал. Мы его быстренько связали и бросили. Когда окопы немецкие отбили, доложили комроты. Нашли его, гада, увели. Что с ним было, не знаем. Частенько осуждённых перед строем расстреливали.

– В сорок четвёртом году возвращался из госпиталя на Западной Украине. До одной деревни паренёк на подводе вёз. Всё упрашивал меня:

– Дяденька дай стрельнуть из автомата, дай стрельнуть.

– Куда же ты стрелять будешь, – спрашиваю его, – кругом одна степь?

– Да вот, по цаплям, – говорит.

– Что ты, разве можно по цаплям стрелять? – спрашиваю его.

– Мне, – говорит, – можно, я местный.

Уговорил всё-таки. Показал я мальцу, как стрелять из автомата, две очереди он сделал, никуда не попал, всех цапель распугал. Въезжаем в деревню, а из неё банда бандеровцев только что уехала. Вырезали семью председателя сельсовета и предупредили, что так со всеми будет, кто с советской властью сотрудничать будет. Услыхали стрельбу у деревни, подумали, что «кистребители» едут и быстро унеслись в лес. А, если бы я пацану пострелять не дал? Приехал бы прямо в лапы к бандитам. Сколько бы я продержался? Минут десять. А этого парня мне, наверное, Бог послал.

– У нас в сорок первом в Мурмане немец через границу так и не перешёл. Держали его крепко.

– В том же сорок четвёртом меня в «СМЕРШ», смерть шпионам значит, перевели. Звучит сильно, а что это для простого солдата? Командир приказывает, и мы участвуем то в облавах, то в арестах.

Однажды при выполнении задания окружённое немецкое подразделение блокировало наше отделение в костёле на окраине одного села. Обычно окруженцы в драку не ввязываются, но что-то им было нужно в этом костёле, раз нам пришлось несколько дней от них отбиваться. Помогло оружие, которое мы нашли в костёле.

Еды у нас собой не было, а я был старшим группы. Пришёл к ксёндзу, говорю:

– Пан ксёндз, прошем жолнеж поснедать.

Повёл он нас в погреб, а там окорока, колбасы, всякой еды навалом. Не подумаешь, что в условиях оккупации с одна тысяча девятьсот тридцать девятого года жили. Взяли мы немного, а я ксёндзу расписку написал, чтобы он предъявил нашему командованию для оплаты. Где бы мы ни находились, а солдату положено есть три раза в сутки, находясь на котловом довольствии или иметь сухой паек.

Через несколько дней через село прошла наша маршевая рота и разогнала немецких окруженцев. Мы поблагодарили ксёндза, и пошли выполнять задание. Задание выполнили, вернулись в часть, я доложил о выполненной задаче и сразу же у командира роты был арестован. По жалобе ксёндза, который приехал в часть и пошёл к командиру с жалобой, что ефрейтор с несколькими солдатами ограбили его и несколько дней пьянствовали в костёле. Одним словом, бесчинствовали. По тем временам, такого заявления хватало, чтобы перед строем солдата шлёпнуть. Из нагана в затылок и ещё одной «жертвой фашизма» больше.

Спасибо командиру роту, Коган его фамилия была. Мы всё удивлялись, как он в «СМЕРШе» с такой фамилией оказался («в русской делегации все какой-то чудной нации» – И. Губерман). Доложил он командованию, что верит старшему группы о том, что они были блокированы в костёле. Начали искать командира маршевой роты, помнил я и звание, и фамилию командира этой роты, и в какую часть следуют. Нашли его, и он всё подтвердил. Сказал, что ксёндз всё благодарил нас за «вызволение от немцев». Отблагодарил.

Ксёндзу попеняли на неправду, расписку мою, конечно, он найти не смог, хотя все мои друзья подтверждали сказанное мной слово в слово. Меня освободили, за бой с немцами и за выполнение довольно сложного задания никого из нас не поощрили. Спасибо, что не расстреляли или в штрафбат не отправили. Поляки вроде бы славяне, но славянин славянину рознь. Имей такого брата-славянина и врагов не надо.

Этот же комроты Коган ещё один раз спас отца от верной гибели. Стоял отец на посту – охранял землянку с задержанным шпионом. Русский, бывший офицер, попал в плен, был завербован, обучен и заброшен в тыл наших войск с радиостанцией. Считай,

уже приговорённый к смертной казни. Вдруг отец слышит, что-то шуршит у окошечка землянки. Он туда, а этот шпион свои сапоги хромовые через прутья решётки проталкивает.

– Отойди от окошка, – командует отец.

А шпион протолкнул и второй сапог, и говорит:

– Мне уже сапог не носить, а тебе они пригодятся.

Отец вызвал начальника караула, как по Уставу положено. Пришли, а шпион им говорит, что часовой зашёл в землянку и насильно снял с него хромовые сапоги. Сам без сапог, а сапоги аккуратненько у двери в землянку стоят. Кому поверили? Конечно, шпиону. Смертник врать не будет. Прямо на посту произвели смену, забрали автомат, ремень и посадили в соседнюю землянку-камеру под такой же замок. Спасибо Когану. Написал рапорт о том, что для того, чтобы войти в землянку, часовой должен иметь ключ от навесного замка, который находился у начальника караула. Часовой уже три года на фронте и жизнью рисковать из-за каких-то сапог не будет. И сапоги он никуда не прятал, а поставил на видное место, чтобы доложить о случившемся. И часовой же вызвал начальника караула для доклада о случившемся. Посмотрели, а действительно надо открыть замок, чтобы в землянку войти. Сапоги никто никуда не прятал и часовой доложил обо всём начальнику караула. Освободили. Скажи спасибо командиру роты.

Я уже позже спросил отца, как он относится к евреям.

– Сынок, – сказал мне отец, – если ты будешь кого-то и в чём-то превосходить, то эти люди будут твои злейшие враги, хотя ты им ничего плохого не сделаешь. Не верь тому, что про них говорят. У каждого народа есть плохие люди. Хороших людей всё равно больше. И запомни, если бы не евреи, то не было бы Бога, и отца у тебя не было бы.

Тогда же мне отец и сказал то, что запомнилось навсегда:

– Не хвались тем, что ты русский, пусть другие люди о тебе скажут, что русские хорошие люди.

Рассказывали в «клубе» и анекдоты. Как правило, нейтрального содержания, чтобы никто из известных людей там не засветился или, не дай Бог, про решения партии и правительства. Всегда про иностранцев и про русского Ивана – он среди них лучший.

Осознание услышанного приходит потом, когда человек начинает узнавать то, что он ранее слышал на уроках истории, в книгах, в кинофильмах, из рассказов ветеранов.

Отец только удивлялся, когда я его потом просил рассказать про войну и напоминал эпизоды, которые слышал в раннем детстве.

Однажды, уже в зрелом возрасте я спросил отца, почему он до сих пор ничего не говорит о войне. Посмотри кругом, всюду ветеранские организации, фильмы о войне, книги о войне, стихи о войне. Телевизионные передачи, радиопередачи, у нас до сих пор осталось с кровью впитанное чувство – «убей немца». И за границей то же самое.

– Знаешь, сынок, – сказал мне отец, – когда-то и я был таким же. Стоило нам собраться где-то в количестве больше двух человек, то ли за бутылкой, то ли без бутылки по работе, сразу начинались разговоры о войне, кто и где был, что он делал, кто и сколько немцев убил, как жили в Германии после победы, как освобождали те или иные города. Много на войне было того, о чём можно рассказывать, рассказывать и рассказывать. И у твоего отца, как и у всех, было что порассказать. Иногда фронтовики в чём-то не соглашались по поводу того или иного эпизода войны, характеристик командиров и генералов, дело доходило до того, что начинали хватать друг друга за грудки, бить по морде, благо, если ты в людей стрелял, то угрызений совести от того, что кому-то нос расквасишь, никогда не возникает. Подумаешь, какое дело. Драка – это как бой. Один раз подрался, два раза подрался, а потом уже будешь распускать кулаки, куда ни попадя, пока не найдётся боец, который тебя отделает, да ещё ногами попинает так, что потом человек начинает задумываться, а стоило ли кулаки распускать. В войне мы показали, что, несмотря на нашу отсталость, не стоит русских задирать, долго запрягают, зато потом несутся во весь опор. А война - это болезнь, и всех участников войны надо серьёзно лечить.

По рассказу отца, году в тысяча девятьсот пятьдесят четвёртом году на медобследовании, а завод наш как военная организация и обследования были ежегодные, обнаружили у него свинец в крови. Он тогда в основном со свинцом работал, паяли свинцовые соединения охладителей, делали свинцовые покрытия, под горелкой свинец расплавлялся, как вода, и нужно было ухитриться не слить его, а равномерно распределить по поверхности трубы или стыка. Пары свинца опасная штука. По тогдашним временам, крест на бате поставили.

В войне за пять лет уцелел, как-то снаряды и пули мимо летели, а тут в мирное время свинцовая пуля подкосила. Работу со

сваркой ему запретили, стали кормить разными лекарствами, на курорты отсылать за казённый счёт. У нас тогда мало кто видел хорошего, а он поездил по югам, процедуры принимал, и без женщин не обходилось, и все разговоры снова сводились к войне. Лечение результата не давало. А тут закончилось дело «врачей-вредителей», стали возвращаться врачи ещё с дореволюционным образованием и с фамилиями не совсем русскими.

– При чём здесь фамилии, – говорил отец, – специалист это и фамилия, и должность, и звание. Если еврей, то ты у него лечиться не будешь? Ну и не лечись. Иди, ищи себе другого врача.

Вернулся и заводской доктор. Его за глаза звали «батенька», потому что он ко всем, невзирая на возраст», обращался «батенька». Пришёл и отец к нему.

– Так, батенька, – говорит он, – чего же это вы не лечитесь? На курорты ездили, процедуры принимали, а уровень свинца в крови и не понизился. Вы что же, белокровие себе хотите заработать?

– А что делать, доктор, – говорит батя, – испробовал всё, что было возможно, а толку никакого, и фронтные рецепты по выгонке всяких хворей, и методы дедовские и всё без толку.

– Ладно, – говорит доктор, – есть у меня рецепт, но только ты об этом никому не говори: тебя на смех поднимут, а меня с работы выгонят. Всё равно я на прицеле из-за своей фамилии да из-за родственников моих, что в госпиталях работали и в белых, и в красных. Должен ты, Иван, каждый день выпивать по поллитровке хорошего вина, виноградного, и лучше красного. Учти, что ты будешь пить лекарство, а не вино. Даже вода становится горькой, если её как лекарство пьют. Не вздумай пить вместе с кем-то. От одной бутылки наши мужики только трезвеют. Иди домой, выпей бутылку сам, жене рюмочку налей, объясни, что к чему и попроси языком не трепать.

– А как же компания наша, ведь обидятся мужики? – спрашивает отец.

– Ничего, пообижаются и перестанут. Вот что ещё посоветую, – сказал доктор, – говори поменьше о войне. Эти рассказы, как наркотик. Чем больше говоришь, тем больше хочется говорить. Тем больше у человека развивается чувство того, что именно он на войне совершил нечто такое, от чего война пошла совсем не так, как её задумывали генералы и что подвиги его по-настоящему не оценены. Развиваются неврозы, когда любое слово кажется оскорбительным для ветерана. Эти исследования

проводил ещё мой дед, участник русско-турецкой войны и балканского похода. Но его исследования посчитали вредными и запретили дальше проводить мероприятия по адаптации участников боев к условиям мирной жизни. А последняя война в пример тем войнам не идёт.

– Вот с тех пор, – сказал мне отец, – я и не «тусуюсь», как говорит молодёжь, на встречах ветеранов. К чему нервы беречь? Всех павших друзей я помню поимённо, где, кто и когда и в День Победы обязательно рюмку за них подниму. Можно вспомнить раз, два, но ежедневно прокручивать в памяти один и тот же фильм никакое сердце не выдержит.

Так вот о лечении отца вином. Через полгода медкомиссия. Всё-таки нашли какие-то остаточные явления свинца. Ещё через полгода допустили к работе в качестве газосварщика. Вероятно, когда паял свинец, была какая-то неполадка в противогазе, раз пары свинца в организм проникли.

Потом я узнал, что на атомных подводных лодках в рацион экипажа входит виноградное вино, как средство против воздействия радиации.

В училище на занятиях по защите от оружия массового поражения изучали первую помощь при отравлении ядовитыми веществами. Нужно антидот, ампулу, замотанную в вату, сломать и сунуть под маску противогаза поражённого воина. Все мы допытывались у преподавателя, что входит в состав антидота. Оказалось, ничего особенного, простой этиловый спирт.

Кто-то говорил, что войны всегда способствуют быстрому техническому развитию как воюющих стран, так и невоюющих.

Сейчас мне и самому начинает казаться, что без Великой войны Россия была бы двухполюсным государством: Москва и её окружение (считай Западный федеративный округ) и Дальний Восток с центром в Красноярске или в Хабаровске. А между ними паслись бы козы в промышленно неразвитых и отсталых до крайней степени районах Сибири, Забайкалья и Казахстана. Война толкнула промышленность вглубь России. Естественное промышленное развитие Сибири произошло бы не ранее две тысячи пятидесятого года.

Фронтовики фронтовикам рознь. Те, кто сражался, знали, за что сражались и не требовали для себя ничего сверхъестественного. Живы остались, и слава Богу. Родину свою защитили, на то мы и русские люди.

Чувство скромности участников войны и военных конфликтов уменьшается по мере их удаления от передовой. Самыми скромными оказываются те, кто ходил в атаку, руками рвал проволочные заграждения, собирал товарищей своих по кускам на поле боя, раненным в плен попал и мыкался по концлагерям, сохраняя достоинство гражданина великой страны, кто из окружения пробивался, а затем доказывал, что он не изменил воинскому долгу.

Орден

Трудно отличить боевой орден от небоевого. Небоевые шумят громче. Если где-нибудь в автобусе или ещё где-то услышите чьё-то для всеобщего услышания, типа: «Я Харьков брал, я кровь мешками проливал» или «Мэймене, Баграм, Саланг, Афган», не верьте – дальше каптёрки не вылезал.

Вчера встретил своего друга с лейтенантских времён, офицера продовольственно-фуражной службы. Толик, был, как и раньше – кровь с молоком, только сейчас от мата не краснеет и водку стаканом пьёт. А на груди аж шесть боевых орденов. Посмотрел на мой взгляд и говорит:

– А чего сделаешь, командовал снабжением, вместе с продуктами боеприпасы везём, медикаменты, ложки, вилки, обмундирование и горюче-смазочные материалы, а обратно раненых и убитых. Для душманов мы такая добыча, что не проходило ни одного рейда, чтобы к нашим с боем не приходилось прорываться. Что эти ордена? Пять раз по госпиталям валялся с ранениями. Война давно кончилась, а как когтями вцепилась. Смотрю на бывших дружков, кто в олигархах, кто в бандитах, они и на войне такими же были: кто о деньгах думал, а кому кровушку пролить одно удовольствие. Со дня на день приказ на увольнение жду. Пойду в бизнес, а ты меня знаешь, если работать, так работать, и пусть только кто попробует встать у меня на дороге, я пальцы растопыривать не буду. Рад видеть. Заходи почаще. Один пить не могу, с кем попало, не буду, а ты человек спокойный, да ещё и знаешь, как меня утихомирить можно. Пока.

Пока, Толик. Время лечит. Но частный бизнес - это тоже война, и война беспощадная. Будь таким, каким ты был всегда. Только ой как трудно тебе будет.

Когда я сделал отцу орденские планки на утерянные нами в детстве награды и упросил, чтобы он их надел на праздничный костюм в День Победы, то все соседи и работавшие долгое время с ним люди изумились:

– Иван Семёнович, да ты оказывается у нас самый заслуженный ветеран.

Даже сейчас, после шестидесятипятилетнего юбилея Победы, у фронтовиков только одни разговоры о минувшей войне. А о чём ещё говорить людям, у которых война отняла самые лучшие годы, не дав взамен лучшей жизни?

Мой отец всегда говорил:

– Война – это такая грязь, о которой даже не хочется вспоминать.

Возможно, это он был такой, зато других рассказов о войне я наслушался предостаточно. Объективной оценки Отечественной войны до сих пор не сделано и вряд ли её кто-то будет делать до тех пор, пока жив последний участник этой войны.

Раньше в СССР выпускались и юбилейные медали, но сейчас историю, как обычно, начали писать с чистого листа, юбилеев вообще не осталось и, вероятно, в ближайшее время не предвидится, как и юбилейных медалей, которых не стало с тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года. Так всегда бывает, когда к Верховному главнокомандованию приходят «пиджаки».

Прослужил человек в армии лет двадцать-тридцать, должностей, подлежащих награждению государственными наградами, не занимал, честно исполнял свой долг, не был ранен, амбразуру дота собой не закрывал, самолётов не сбивал, а надел на праздник свой мундир и:

*«На груди его могучей,
Болтаясь в несколько рядов,
Одна медаль висела кучей,
И та за выслугу годов».*

Сейчас, правда, медали в форме государственных наград стали выпускаться всеми организациями, у которых есть деньги, даже какое-нибудь жилищно-коммунальное управление (ЖКУ) может выпустить медаль в связи с пятой годовщиной образования ЖКУ на пятиугольной колодочке государственного образца с цветной орденской лентой.

Недостаток того, что упустило государство, с лихвой восполняют предприниматели. На то они и предприниматели, чтобы предпринимать действия по заполнению пустующих ниш для получения прибыли. И в разворотливости им не откажешь. Сейчас в привокзальных киосках можно купить столько «наград», что диву даёшься изобретательности изготовителей знаков и значков по всем поводам воинской службы в любом роде войск.

Иногда посмотришь на иконостасы ветеранов и действующих офицеров и поражаешься тому, что рядом со знаками отличия, утверждёнными государством, висят медали, изготовленные по заказу коммунистической партии, постоянно действующего Верховного Совета СССР под руководством госпожи Умалатовой, Советов ветеранов различной тематики и прочее, и прочее. Ордена адмирала Кузнецова, генсека и председателя КГБ Андропова, председателя ВЧК Дзержинского, медали и ордена российских императоров...

В тысяча девятьсот пятьдесят пятом году в возрасте пяти лет я попал под машину и сломал ногу. Бежала ватага ребят по узенькому тротуару и при проезде мимо нас автомашины несколько человек столкнулись друг о друга. По одному из законов Исаака Ньютона меня отбросило к заднему колесу машины. Двойное сальто, и я лежу на асфальте. Открываю глаза, водитель выходит из кабины.

– Ну, – думаю, – сейчас влетит.

Встаю, делаю два шага и падаю. Остальное всё в темноте. Но я отвечал на все вопросы и защитил дяденьку-шофёра, который меня видеть никак не мог. Потом он приходил ко мне в больницу вместе со своей семьёй, а я никак не мог понять, чьи это родственники приходили меня проведать.

Лечили меня в маленькой поселковой больничке на крутом берегу реки. Часто мама моя со мной сидела и что-нибудь рассказывала. По тем временам она была образованным человеком с семью классами образования. Об уровне того образования может говорить и тот факт, что в средней школе изучался такой предмет как логика. Кто-то слышал о таком предмете в нашей современной средней школе? В тысяча девятьсот пятьдесят пятом году она не была доросшей до этого, а при сегодняшней реформе образования об этом лучше и не заикаться.

Однажды в больнице ей попался в руки отрывной календарь за тысяча девятьсот пятьдесят пятый год, и она читала его мне, как говорится, «от корки до корки». Где-то в третьем заходе я начал её

останавливать и просил читать дальше, так как это уже помню. А ну-ка, расскажи. Пожалуйста. Изумлённая мама поделилась этим с лечащим врачом Ларисой Петровной. Та пришла проверить. Открывает наугад календарь и спрашивает: «Кто это?». Пятилетний мальчик отвечает: «Никита Сергеевич Хрущёв, Председатель Совета Министров СССР, Первый Секретарь Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза». «А это кто?» «Долорес Ибаррури, председатель Коммунистической партии Испании». Ещё и ещё. Безошибочно. С детства в память накрепко врезались фамилии Ворошилов, Будённый, Булганин, Шверник, Пospelов, Маленков, Каганович, примкнувший к кому-то Шепилов и другие. Сейчас мне и самому в это трудно поверить, но специально приезжал профессор из области посмотреть пятилетнего уникама, который «знает в лицо» всех руководителей партии, правительства и выдающихся людей тысяча девятьсот пятьдесят пятого года.

Пролежав два месяца в гипсе, я разучился прямо стоять. Поднимут меня с кровати, поставят под углом к стенке, и я пошёл. Вестибулярный аппарат восстановился быстро, и я снова стал прямоходящим (*homo erectus*). Отец сделал мне маленькую спецстальную полированную тросточку и я, «как денди лондонский», стал ходить в гости в соседние палаты. Оказалось, что я единственный пацан во всей больнице. Через двадцать и тридцать лет я встречал людей, лежавших вместе со мной в больнице, и мы общались как старые друзья. Правда одна, уже в возрасте матрона, всегда краснеет при встрече. Молодой штукатур, упавшая с лесов, научила пятилетнего мальчишку частушке:

*«Вилки-носилки,
Топор-молоток,
Попросил я у милки,
Сказала – короток».*

Хорошо, когда ничего не понимаешь. Ни один взрослый не остановил меня, улыбались. Моя мать поступила более педагогично. Треснула по затылку, сказала:

– Ещё раз услышу, язык вырву.

Перелистнула страницу.

Летом мы бегали на реку. Почему бегали? Да просто дети в то время не ходили, а бегали. Если будешь ходить, то никуда и не

успеешь. Городок наш стоит на слиянии двух рек. При проведении дноуглубительных работ были намыты большие пляжи и места для купания с неожиданными ямами. Купались, загорали, бывало, и тонули, рыбачили на отмели с помощью полулитровой или литровой банки. В жестяной крышке прорезаешь дыру, края загибаешь внутрь, снаружи крышку обмазываешь размягчённым слюной хлебом и снасть готова. Вроде бы и ерунда, но за пару часов мы налавливали по двадцать-тридцать рыбёшек и приносили их домой жарить. Вкус изумительнейший.

Фильмы шли в основном о войне. О нашей войне и войне китайского народа против ненавистных им гоминдановцев. Кто это такие, никто не знал, но понимали, что очень нехорошие люди, такие же, как фашисты. Всюду победоносные сражения, люди умирали красиво и с достоинством. Офицеры, все как один, отличались высокой культурой и беспримерным мужеством, и каждый солдат считал своим долгом вынести его с поля боя. Китайский Матросов, обязательно с каким-то холщовым пакетом с взрывчаткой, который он никак не может приладить к амбразуре дота. Или девушки с маузерами из «Хунсэ нианцзыцзюнь» («Красный женский батальон»), уходящие в воду и дальше в неизвестность или во славу.

После больницы зимой я поправлялся у бабушки с дедом в деревне. Помню вечерние посиделки мужиков при свете трёхлинейной керосиновой лампы. Курящие сильно ядрёный самосад садились поближе к двери, так как на них шумели не только женщины, но и сами курильщики. Разговор шёл о проделанной работе и о том, что будут делать на следующий день. К концу месяца приходили по одному, по двое, приносили какие-то бумажки. Говорили о шерсти, яйцах, шурах. Один сдаёт за другого овечью шерсть, другой ещё что-то. Как я потом узнал, сдавали натуральный налог.

По деревням ходили пимокаты. Останавливались у кого-то на постой и начинали катать валенки. Натягивали на стену кожаные струны, закладывали туда шерсть и начинали «играть на гитаре» – взбивать шерсть. Потом парили шерсть, катали из неё «блины», обворачивали колодку валенка, гладили, приглаживали, сушили, и получался валенок. Пим. Мягкий, лёгкий, тёплый. Сам в таких маленьких валеночках бегал. В наших местностях никто валенки пимами не называл, а вот тех, кто дела эти валенки, называли не по-местному – пимокатами.

Дед мой был коммунист фронтовой закваски и старался быть в курсе всех дел. Первым в деревне у него появился радиоприёмник «Новь» на батарейках, которые были раза в два больше самого приёмника (анодная и катодная батареи, подсоединявшиеся к приёмнику при помощи колодок, похожих на основание радиолампы). Так как батареи быстро разряжались, дед всё лелеял мечту купить пятилинейную керосиновую лампу, на которую надевался радиатор термопары, вырабатывающий электрический ток, необходимый для питания радиоприёмника.

Мужики приходили к деду послушать новости. Их мало интересовали внутрисоветские новости, хотя слушали их очень внимательно, зато международные новости слушали вполуха, но регулярно клеймили проклятых империалистов, не дающих житья нашим африканским и латиноамериканским братьям.

В отношении событий в СССР мужики старались ничего не говорить, а, если кто и пытался начать обсуждать какую-либо тему, то дед его обрывал и говорил, что на эту тему пусть парторг говорит или приезжий лектор из города.

Я играл с погонами деда и его наградами, а иногда и надевал их на своё пальто. Старшинские погоны с артиллерийскими эмблемами, орден «Красной Звезды», медали «За отвагу», «За боевые заслуги». Ходил героем по деревне, собирая ватагу таких же пацанов в отцовских погонах и медалях, устраивая «брестские крепости» на развалинах сгоревшей кузницы. Хотя мы и были маленькие, но к наградам относились бережно, сдавая после игры их хозяевам.

В деревне мне впервые пришлось столкнуться и с религией. Бабушка учила меня правильно креститься перед иконой и читать молитву «Отче наш». Что взять с ребёнка пяти лет? Я повторял за бабушкой молитву и показывал язык маленькому ребёнку, сидящему на руках у женщины на иконе, украшенной блестящей фольгой. У одной маленькой иконы открывалась задняя крышка, и я ею «фотографировал» всех домочадцев под их улыбки.

В то время в деревнях сохранялись патриархальные традиции, касающиеся жизни общиной в замкнутом мире одной деревни. Каждая деревня – это как отдельное микросообщество, осуществляющее свою внутреннюю политику и внешние сношения с соседями, волостями и уездом.

У каждого жителя деревни были, естественно, фамилия, имя отчество, но не было паспортов, а по фамилиям в деревнях никто

друг друга почти и не знал. Людей отличали по имени хозяина семьи и данной ему кличке по профессии или по какому-то курьёзу, произошедшему с ним или с его родственниками ещё в незапамятные времена.

Например, Вася Баран. Отчего их всех зовут баранами, никто уже и не помнил, но кличка прилипла намертво. Жена Васи прозывалась Васихой (Пети – Петихой, Тимофея – Тимофеихой и т.д.). Дети прозывались как Васихины дети. С уточнением, что дети Васи Барана, так как Василиев было немало.

В разговоре присутствовали старинные слова, типа лопотина – верхняя одежда, стахан – стакан, бахорить – разговаривать или баять – красиво говорить. Очень похоже на убаюкивать.

Довелось самому увидеть, как в деревню проводили электричество. У всех настроение праздничное. Каждому мужчине было определено место для копки ямы под столб. Столбы ошкуривались и ставились коллективно. Затем приехали весёлые ребята электрики. Размотали катушки с алюминиевым проводом, подвесили его на изоляторы на столбах, сделали отводы в каждый дом. Когда вечером и утром пользуешься «лампой-коптилкой», то свет сорокаваттной лампочки сравним со светом солнца. К электричеству привыкли очень быстро, как будто всю жизнь им пользовались. Появились свои специалисты в области электричества.

Не обходилось и без несчастных случаев. На одном доме трактором оборвали электрический провод. Нам было лет по двенадцать-тринадцать, а для деревни это уже вполне зрелый возраст для работы на лошадях, на сенокосе. Наш одноклассник решил в отсутствие отца соединить порванные провода. Видел, как это делают взрослые, сам играл с обрывками проводов. Я отговаривал его как мог. Реакция обыкновенная: вы городские ничего не умеете и ничего знаете, лошадей боитесь. Босиком стоя на земле, он взялся за провод и упал. Я хотел палкой сбросить с него провод, но мне не дали это сделать подбежавшие женщины. А ведь парня можно было спасти. Потом за спиной стали говорить, что это городской надоумил его за провод взяться, «наши-то пеньки до этого бы не додумались». Додумались.

У меня у самого к этому времени уже был опыт осторожного обращения с электричеством. В то время в ходу были электроплитки, в большинстве своём кустарного производства, у которых постоянно отваливался токоподводящий провод – ломался от перегивов. При соединении двух проводов возникает

маленькая электрическая дуга, и провода на какое-то время соединяются. Неужели сын электрогазосварщика с этим не справится? Синие отцовские очки на лоб, провод в руку, а провод оказался подключённым. Шрамы от электрического ожога руки остались на всю жизнь.

Человека при поражении электротоком трясёт, он не может ни говорить, ни кричать. Мама моя это вовремя увидела и отключила меня от сети. Сразу в больницу. Там без разговоров сделали укол противостолбнячной сыворотки. После укола я упал в обморок. Плохо стало и моей матери, а вместе с ней и доктору. Я пришёл в себя первым и очень быстро. Смотрю, медсестра чего-то ищет на столе с медикаментами. Спрашивает меня, – ты нашатырный спирт не видел? А он в такой же бутылочке, как и у нас дома. Взял его и дал всем понюхать. Меня же потом ругали, что по моей вине в больнице всем стало плохо. Домой шёл как герой, правда, мой геройский поступок получил своеобразную оценку со стороны отца. Но запомнилось накрепко.

Деревенские воспоминания эпизодические, не похожие на то, что происходило в городе (очень была тогда сильна разница между городом и деревней).

Однажды, когда дед с бабушкой поехали в город в гости к моим родителям, моя младшая тётя по матери, ей тогда было лет семнадцать, устроила с подругами дома вечерку. Я, во всяком случае, видел, что молодёжь плясала и пела песни. На следующее утро тётя меня стала осторожно уговаривать, чтобы я ни о чём не рассказывал деду. Исполняла все мои прихоти. А я попросил кусочек варёного мяса с сахаром. Почему именно мяса с сахаром? Наверное, потому, что мясо в деревнях ели редко, а сахар кусковой и песок был «с выдачи». Ну и отвратительное же это мясо с сахаром. До сих пор вкус помню. Хотя, как-то у китайцев ел красные помидоры с сахаром. В целом, вкус неплохой.

В этот же период началась целинная эпопея, когда Казахстан был укрупнён за счёт целинных и залежных земель ряда областей России, РСФСР, которая числилась только на бумаге республикой и не имела никаких прав.

Молодёжь гурьбой ринулась на целину. Первое – получение паспорта и возможность не быть крепостным крестьянином, не имеющим права никуда выехать без паспорта, которого у него на руках не было; второе – получение образования, специальности и возможность устроиться на работу и жить в городе.

С этого времени надо вести точку отсчёта развала российского сельского хозяйства. Всё бросалось на целину, огромные деньги уходили на борьбу с эрозией почв, с травопольной системой, строительство новых городов и поселков и тому подобные мероприятия. В городах обстановка складывалась более или менее нормально, а за городом прежде цветущие села и большие деревни стали уменьшаться. Дети перевозили родителей в город, дома стояли заколоченные досками, сокращались площади посевов.

В это же период на побывку в деревню приехал Коля Васихин. Одет в новеньки костюмчик как обыкновенный стилига, о которых писали в юмористических журналах? Однобортный темно-синий пиджак на одной пуговице, узкие брюки-дудочки, белая рубашка с тоненьким галстуком самовязом, на ногах туфли на толстой микропористой подошве. Он заходило к моим дядьям, сводным братьям отца от третьей матери. Стоял у стены перед осколком зеркала, вращательными движениями ладони превращал короткостриженные черные волосы в кучеряшки и напевал, приплясывая: «Эй, мамбо, мамбу талияна». Первый парень на деревне, но он исчез так же быстро и незаметно, как и появился.

Ночь

В тысяча девятьсот пятьдесят пятом году, когда мне было пять лет, отец взял меня и моего старшего брата в гости в деревню к деду. Ехать надо было километров сорок на поезде, а затем с маленького полустанка восемь километров идти пешком.

Стоял март месяц. Днём уже пригревало солнце, а ночью примораживало, и достаточно сильно. Мы с братом были одеты в зимние пальто с цигейковыми воротниками и яловые сапожки, которые отец регулярно смазывал очищенным дёгтем, чтобы они не рассыхались и не пропускали влагу.

Как ехали в поезде, помню смутно, так как я всю дорогу спал. Вспоминается полутёмный вагон плацкартного типа, освещённый фонарём с вставленной в него свечой.

На полустанок прибыли ближе к полуночи и сразу пошли в деревню отца. Шли не быстро. Ночь была тихая, ясная, звёздная. Дорога, а вернее тропинка, была хорошо натоптана, и шлось по ней легко.

Учитывая наш возраст, отец решил спрямить путь, и пошёл прямо на огоньки деревни, видневшиеся где-то вдалеке.

Сойдя в низинку, мы начали проваливаться в снег, и потеряли избранное направление.

Отец протаптывал дорогу, далее шёл брат, приминая снег, а последним плелся я, чувствуя уже достаточную усталость.

Внезапно мне показалось, что сзади кто-то идёт. Повернувшись, я никого не увидел. Через некоторое время мне снова показалось, что кто-то идёт. Повернувшись, я увидел сзади огоньки и сказал отцу, что мы идём совершенно не туда, так как огоньки деревни у нас за спиной.

Отец остановился и начал всматриваться в темноту. Результатом осмотра был громкий хохот и громкий крик на меня и брата о том, что мы разгильдяи, придумываем всякие огоньки, чтобы не идти, хотя до деревни осталось всего триста метров, для этого надо сосчитать до трёхсот, и мы будем возле дома дедушки.

Почувствовав твёрдый наст, отец поставил меня и брата впереди, и практически погнал нас вперёд, выкрикивая всякую чушь и матерные слова. Действительно, только мы вышли на пригорок, как открылась деревня, а до ближайшего дома было всего метров сто.

Я хотел побежать, но был остановлен отцом, который сказал, что в гости надо входить все вместе, а не так, кто быстрее добежит, тот и впереди.

Подойдя к ограде, отец буквально перебросил нас через забор и перескочил сам. Подойдя к дому, стал барабанить в окно. Кто-то выглянул в окно и через несколько секунд дверь открылась. Отец затолкал нас в тёмные сени и вошёл сам.

Это не был дом деда. Нас напоили горячим молоком и уложили спать. А отец ещё долго сидел с хозяином, дымя сельским самосадом, и разговаривая о разных вещах. Сквозь сон я слышал обрывки разговора:

– Понимаешь, малой волков увидел. Говорит, пап, огоньки сзади, и кто-то за нами идёт. И я сам их увидел. Четыре волка. А у меня только перочинный ножик. А ну-ка напугай я ребят или пойди быстрее, сразу обезножат или сил лишатся от большой нагрузки. А возьми их на руки, и я сил лихуюсь. Бежать, значит, волков спровоцировать. Ну и начал я кричать и материться, чтобы волки голоса слышали и чувствовали, что люди их не боятся, может быть, даже с оружием. Так и до дома дошли. Хорошо, что ты быстро открыл, а то ребята сильно устали.

Утром нам позволили спать столько, сколько нам хотелось. Днём нас хорошо накормили, а хозяин запряг кошёвку и довёз нас прямо до дедовского дома.

Помню, бабушка наша, всё нас гладила по голове, целовала и плакала:

– Ой, соколики вы мои дорогие, да наконец-то к бабушке с дедушкой приехали. Ой, как я заждалась вас, ой да чем вас покормить-то попотчевать.

А отец с дедом так напились самогона, что я ни разу в жизни не видел их такими пьяными.

В тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году я пошёл в школу. Моя мать умела шить и из старого отцовского костюма сшила мне приличный костюмчик. По одежде первоклассников можно было судить о социальном положении и достатке родителей. О моде тогда вообще не говорилось.

У людей достаточных – дети в гимназической форме, существовавшей до тысяча девятьсот семнадцатого года: суконная мышинного цвета гимнастёрка, перепоясанная ремнём с латунной бляхой с перекрещёнными лавровыми (а, может, берёзовыми) венчиками, такого же цвета шаровары навыпуск, черные ботинки. Всё это великолепие венчает фуражка военного образца под цвет формы с кокардой в виде двух перекрещённых веников.

Люди попроще – дети в шароварах, вельветовых куртках с обязательным белым воротничком поверх воротника, кепочках-шестиклинках.

Девочки в коричневых фартуках для повседневного ношения или белых фартуках для парадных построений.

До нижнего уровня дотягивали все.

На торжественном вечере, посвящённом началу учебного года и проходившем в Доме культуры энергетиков, меня вывели на сцену перед полным зрительным залом и сказали, что я прочитаю стихи о Ленине:

*«Жаль, что я родился с опозданием,
Повстречаться с Лениным не смог.
Жаль, что над Разливом утром ранним,
Не видал костра его дымок».*

И так пять четверостиший. Волновался сильно. Стихи учил со слуха, повторяя вслед за мамой.

В октябре этого же года запустили первый искусственный спутник Земли. В памяти это не отложилось, но все дети знали, что в космос летали собаки Белка и Стрелка. В нашем понимании они были разумными существами и после полёта рассказывали людям, что они видели в космосе. Детская фантазия играла во всю ивановскую.

Начальная школа, может быть, и не запомнилась бы ничем, если бы не обидная несправедливость, дважды проявленная по отношению ко мне.

Один раз меня подозвала преподавательница из соседнего класса и стала ласково уговаривать сказать ей, от кого я услышал слова «ать-два». Сейчас я догадываюсь, какие идиоматические слова русского языка созвучны с этими «ать-два». Мне было сказано, то же было сказано и моим родителям, что я научил этим словам мальчика из района частных домов, примыкавших к старому поселковому кладбищу и исправительно-трудовой колонии. Пожалуй, это они учили нас премудростям русского мата. Тем не менее, в моем понимании слова «ать-два» были бранными, подкреплённые наказанием дома.

После коллективного просмотра фильма «Суворов» я, второклассник, подошёл к стыдившему меня учителю и спросил, почему в фильме солдатам постоянно говорят «ать-два». Мне кажется, до преподавателя дошло, чего она добилась своим внушением и что я до сих пор не понимаю, причём здесь «ать-два». Это очень уважаемый преподаватель, учила она меня географии и в другой школе в старших классах, но при общении со мной её, по моему представлению, преследовало чувство неловкости. Требовательная и не скупившая на резкости к ученикам, игнорирующим её предмет, со мной она была более мягкой, хотя и меня надо было бы поругать.

Любое событие в нашей жизни нужно воспринимать как урок, который пригодится в жизни и мне, и вам, прежде чем сделать внушение зависящему от вас маленькому человечку, нужно подумать, а действительно ли этот человек сделал то, за что вы собираетесь его пристыдить или указать на что-то.

Во второй раз, уже в третьем классе, вошедшая классная руководительница с начала урока приказала мне встать, и я стоял весь урок, не понимая в чём дело. Оказалось, что тот же мальчик (доносчик с детства), будучи застигнут во время рассказа о сексе (это слово я употребил, чтобы как-то понятнее довести суть

рассказа), сказал, что он это слышал от меня и просто лишь повторяет.

Первый опыт сваливания на меня прошёл удачно. Хотя классный руководитель в начальной школе - это единственный преподаватель по всем предметам на все четыре года и ему было прекрасно известно о прошлогоднем случае с тем же самым мальчиком, но заявление маленького матершинника снова было принято на веру.

Опять родители, опять наказание. Мать пыталась выяснить, что я рассказывал «деревенскому». Что я ему мог рассказать, если я с ним вообще не общался, так как они держались своей группкой и на контакт с «городскими» и «поселковыми» не шли.

Мать мне поверила. Я человек не мстительный, но по истечении определённого количества лет я с долей юмора напомнил своему первому учителю об этих случаях, чтобы у неё не оставалось обо мне мнения, как о развращённом малолетке.

Можно было и не напоминать об этом, простить, как записано в Божьих заповедях, но после этого разговора у меня исчезло чувство обиды и отложился ещё один уро о том, что человек должен защищаться.

Все мы личности и в любом возрасте должны уметь защищаться. От любого, кто бы это ни был. От родителей, от преподавателей, от властей. Человек, не умеющий защищаться, достоин быть рабом. Для другого он не пригоден.

*Всегда я в чём-нибудь виновен,
То встал не так, то взгляд не тот,
И не по тем лекалам кроен,
И что душою не урод,*

*Что не маячу пред глазами
И не пою молитв богам,
Не куплен златом и щенками,
И каждый день я сам с усам.*

*Таких, как я, на свете много,
Мы родились не в этот век,
Там впереди видна дорога
И ждёт нас добрый человек.*

Нас разбросало злое время

*По полкам лет, ларям эпох,
И мне досталось чудо-племя,
Где каждый есть и царь, и бог.*

*Но я молчу про то, что знаю,
В молчанье скрыт огромный смысл,
Налью себе стаканчик чаю
И усмирю свой страстный пыл.*

К этому времени относится и осознанное соприкосновение с миром открытым, и с миром закрытым. Я имею в виду криминал. Взрослые старались держать нас в неведении о тех происшествиях, что происходят под покровом ночи и о которых иногда пишут в газетах. Всё это приходило к нам в рассказах обыкновенных вербовщиков от преступного мира. Они собирали пацанов около кинотеатров, гладили по головам, обещали защиту от всех хулиганов, рассказывали про злых «мусоров» (мы раньше думали, что это дворники) и благородных ворах, которые во сто раз умнее и хитрее любого «мента» и которых ни за что, ни про что садили в тюрьму. Рассказывали про Лёньку Пантелеева, который представлялся нам как «Николка-паровоз» из одноименного фильма или как Лёня Голиков – герой-партизан неполных двенадцати лет, о нем и песню пели: «Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца...». Немало ребят поддавались на интересные байки, которые не прочитаешь ни в одной книге, и связывали свою жизнь с нарушением закона, иногда вырываясь оттуда сильно поломанными жизнью.

Начальному образованию уделяли очень большое внимание, как основе дальнейшего обучения в школе. Тогда обязательным было восьмилетнее образование. Потом перешли на обязательное десятилетнее образование. Много с нами занимались чистописанием по прописям перьевыми ручками. Чернильницы часто загрязнялись местными вредителями или опрокидывались в самый неподходящий момент. На среднем пальце правой руки у всех было несмываемое чернильное пятно и вмятина от ручки, оставшаяся на всю жизнь.

Очень внимательно преподаватели относились к нашему внеклассному чтению. Проверяли, какие книги ученик читает дома, в какую библиотеку записан. На уроках мы пересказывали содержание прочитанных книг. Помню, как мой приятель Витька Рыжов сказал, что он читал книгу «Чапаев», но содержание не

помнит, так как книга очень толстая. А на вопрос показать толщину книгу, бедный Витя, как рыбак, развёл руки на всю ширину плеч. От смеха все падали с парт.

Мне в то время очень нравился Жюль Верн и, особенно, его «Таинственный остров». Я представлял, что нахожусь на необитаемом острове, при помощи подручных средств, например, стёкол от часов развожу огонь, нахожу селитру, смешиваю её с углём и делаю порох для охоты, и так далее. Познавательная ценность этих книг для развития ребёнка неоценима.

В детстве я прочитал почти все книги в собрании сочинений французского писателя-фантаста Жюль Верна и приключенческие романы Майн Рида.

Книг издавалось очень много и очень хорошего качества. Что можно плохого сказать о старых книгах, если в некоторых из них в качестве иллюстраций использовались оригинальные гравюры, а не фотокопии с них. Это высший мировой класс, особенно в произведениях классической литературы.

Старые книги давно стали раритетами и не совсем корректно говорить о том, что мы были зашоренными в то время. В политике – да, в других областях – нет, хотя, если говорить честно, то политика была во всём.

А ещё нас доставала арифметика. Примеры на сложение и вычитание, деление и умножение; заучивание таблицы умножения наизусть; задачи с яблоками и грушами, бассейнами, в которые одновременно кто-то наливал воду, а кто-то в это же время с другой стороны выливал её; путешественниками, которым не сиделось дома, и они пешком, на велосипедах, на поездах то ехали навстречу друг другу, то разъезжались в разные стороны. То мы делили три яблока на семь человек, то три четверти яблока делили на пять человек (а кто взял отсутствующую четвертушку, об этом в задаче не сообщалось). Иксов и игреков не было, необходимо было думать логически, зато и сейчас мало кто из нашего поколения прибегает к калькуляторам, в уме быстро решая все житейские и математические задачи.

Октябрятское прошлое в памяти ничего не оставило. Носили на груди разные звёздочки с изображением маленького Володи Ульянова, одетого в рубашку, каких у нас никогда не было. Мы никак не могли поверить в то, что кудрявый мальчик на октябрятском значке и лысый дядька на комсомольском значке – один и тот же человек.

Нам часто рассказывали о том, как Володя Ульянов сам прибирался в своей комнате, а затем в просторной гостиной они всей семьёй читали вслух книги. Мы тоже всей семьёй читали книги в нашей единственной комнатке, в которой все спали, ели, готовили уроки, мама чинила нашу одежду, что-то шила соседям для приработки, отец готовился к экзаменам на повышение разряда по специальности.

Наверное, всё закономерно. Из разных комнаток вырастают разные люди. В великие люди выходят из отдельных комнат и после занятий с гувернёрами и наёмными учителями, а масса, живущая как масса, и впоследствии остаётся массой, из которой высканивают то руки, то ноги, то головы.

Сейчас на дворе двадцать первый век, но не изменилось совершенно ничего. Дети обеспеченных родителей учатся за границей, то ли будут жить там, то ли приедут учить нас уму-разуму, начиная свою карьеру с должности, до которой нормальный человек должен прослужить на периферии не менее пятнадцати-двадцати лет.

Точно так же и сейчас бластные дети получают сразу после институтов высокие должности в органах исполнительной власти, обгоняя по службе не только своих низкоставленных сверстников, но и других служащих с большим стажем работы. В России это традиционное («представить ли к крестичку иль местечку, ну как не порадеть родному человечку») и вряд ли оно когда-то будет искоренено. Это не могут искоренить и в тех странах, которые якобы совсем не имеют коррупции (куда она у них делась?).

Пионерские годы явились началом моего политического воспитания. В пионеры принимали не всех. Если честно, то всех, но по группам, давая понять, кто достоин, а кто ещё не достоин. Мы равнялись на пионеров Валю Котика и Марата Казея, Героев Советского Союза. Все хотели быть похожими на них и поэтому заявление о том, что ты ещё не достоин быть пионером, воспринималось как высшая обида даже завзятыми хулиганами и двоечниками.

Со стороны красивой была белая пионерская форма с красными галстуками, погончиками, нашивками о должностном положении пионеров (аналогично польским харцерам, американским скаутам и немецкому «гитлерюгенду»), казались интересными пионерские сборы (типа партсобрания), хотя в сборе

металлолома и макулатуры участвовали «партийные и беспартийные».

Не надо подпрыгивать при слове «гитлерюгенд». Чем оно отличается от названия ленинцы, сталинцы или тельмановцы? Ничем. По-немецки это тоже будет звучать как «ленинюгенд» или «сталиннюгенд». Пришёл бы другой вождь, и название бы сменилось.

Если бы во главе партии встал Троцкий, то и мы все были бы пионерами-троцкистами или пионерами-зиновьевцами, если бы победу одержал Зиновьев. Пионеры-троцкисты! Троцкийюгенд, зиновьевюгенд. К борьбе за дело Троцкого и Зиновьева будь готов! Всегда готов! И Льва Давидовича Троцкого мы бы ласково называли дедушка Троцкий или дедушка Лёва.

И комсомол бы назывался – Всесоюзный Троцкистский Коммунистический Союз Молодёжи – ВТКСМ. И коммунисты были бы троцкистами-коммунистами. И все бы славословили вождя по его фамилии.

А если бы в Германии к власти пришёл фюрер по фамилии Маркс или Энгельс, это что-то бы изменило в мировой истории? Совершенно ничего. Тогда немецкие солдаты, рвавшие к Москве, назывались бы просто по имени фюрера – марксисты. Или энгельсовцы. И медаль за победу над немецко-марксистской Германией. Имена и фамилии на идеологию не влияют, это идеология влияет на имена и фамилии.

Чтобы вступить в пионеры, мы заучивали, что мы должны расти, как завещал Ленин, настоящими коммунистами. Пионер равняется на коммунистов, готовится стать комсомольцем, ведёт за собой октябрят. Пионер – юный строитель коммунизма, трудится и учится для блага Родины, готовится стать её защитником. Пионер – активный борец за мир, друг пионерам и детям трудящихся всех стран. При приёме в пионеры мы тоже приносили присягу. Ритуал и текст торжественного обещания и военной присяги примерно одинаков. Организация на четверть военного типа, связанная присягой и дисциплиной.

В принципе, пионерские организации играли положительную роль в деле организации юношества, если бы им поручали действительно нужные дела, и они видели реальную отдачу (и моральную и материальную) от своих дел.

Кроме пионерских сборов и сбора металлолома пионеры выполняли неприятную роль Павликов Морозовых, разнося по

домам неуспевающих учеников записки-вызовы родителям. Это просто отбивало у всех охоту заниматься пионерскими делами.

Пионерские галстуки хороши для пятого или шестого классов, а в тринадцать - четырнадцать лет они являются напоминанием о твоём детском возрасте, хотя у молодого человека уже пушок на верхней губе растёт. Естественно, класса с шестого галстуки перестают надевать, несмотря на увещевания штатных пионервожатых. И начинается увиливание от пионерских поручений. При продуманном подходе к этому делу у пионерских организаций должно было быть хорошее будущее. Военизированные игры типа «Зарница» появились на более позднем этапе.

Пионерские лагеря, как бы к ним не относились, занимали детей каким-то делом в дни летнего отдыха и не давали развиваться группкам по наклонностям, как правило, криминального характера.

Торжественные и бравурные песни, стихи пионерского направления вообще-то способствовали привлечению ребят к чему-то важному, что их могло ожидать.

К месту и не к месту тебе постоянно напоминают, «а если бы ты вёз патроны?». Мне кажется, и в нынешних, культивируемых новыми коммунистами детских пионерских организациях обстановка такая же, а, может быть, и более сложная, ведь юных пионеров готовят к выживанию во враждебном демократическом окружении, строящем капиталистическое общество, против которого выступал товарищ Ленин.

В моде В. Маяковский. Наступательные стихи. Чётко. Рублено. Думать не надо. «Левый марш» учим.

«Разворачивайтесь в марше!

Словесной не место кляузе.

Тише, ораторы!

Ваше

слово,

товарищ маузер.

С детских времён остались оклики типа: «Кто там шагает правой?левой!левой!».

«Сегодня приказчик,

А завтра царства

Стираю в карте я».

Мы не понимали, что в этих стихах, в нескольких строчках выражена вся внешняя и внутренняя политика страны Советов, страны победившего социализма. Во внешней политике – крепить у мира на горле пролетариата пальцы, а во внутренней – тише ораторы, ваше слово, товарищ маузер. Бороться надо с правым уклоном, наиболее прогрессивный – левый. Власть отдадим приказчикам, а они с соседними государствами церемониться не будут. Даёшь, Варшаву! Да здравствует социалистическая революция в Германии! Но стихи привлекают лёгкостью, призывом командовать во всём мире. И я не думаю, чтобы кто-то оставался равнодушным от стихов Маяковского. Кто-то сжимался в предчувствии беды, а кто-то был готов эту беду делать.

Маяковский же давал безошибочный рецепт молодёжи в выборе жизненного пути, профессии, призвания:

*«Юноше, обдумывающему житье,
Решающему, делать жизнь с кого,
Скажу не задумываясь –
Делай её с товарища Дзержинского».*

Небольшое отступление. Сейчас идёт полемика о восстановлении памятника Ф.Э. Дзержинскому на Лубянской площади в Москве. Молодые сотрудники органов безопасности по примеру старших товарищей на столах держат портреты Дзержинского. Всё идёт по кругу. Восстановим Дзержинского. За ним придёт Ягода, Ежов, Берия. Единая партия уже создана, кто-то должен бороться с инакомыслием. Сотрудники органов в приказном порядке станут членами этой партии и опять на дороге валяются грабли, которые ударили по нам в тысяча девятьсот семнадцатом - тысяча девятьсот тридцать седьмом годах.

Вообще, В. Маяковский – талантливый поэт-агитатор. Его поэма «В.И. Ленин» – ярчайший тому образец.

Как он хорошо описал, что единица - это ноль. Голос единицы – тоньше писка. Так оно и есть. Очень хорошо запоминаются слова:

*«А если в партию сгрудились малые,
Сдайся враг, замри и ляг.
Партия – рука миллионопалая,*

Сжатая в один громящий кулак».

Это кодирование установок преступного мира для всего общества. Все не могут быть членами партии, и все не могут быть членами преступного сообщества. Но кодировка того, что партия (сообщество) кулаком сметёт любого на своём пути, откладывалась в сознании каждого сознательного и несознательного (не осознающего себя как личность) гражданина, и каждый ожидал команды замереть и лечь, чтобы громилы не покалечили.

В мафию (партию) или в партию (мафию) «сгруживаются» малые. Каждый пишет заявление и приходит к секретарю парторганизации (дону) и говорит:

– Товарищ (дон) разрешите мне быть вашим товарищем (другом).

– Хорошо, – отвечает тот, – разберём твоё заявление на ячейке и вынесем решение. Только найди двух поручителей из проверенных членов нашей организации.

Нашёл поручителей. Вступил. Платит взносы (в зависимости от заработка и левых доходов). Деньги идут в партийную кассу (общак) для поддержки товарищей в лагерях (социалистических, капиталистических, пионерских, исправительных строгого и общего режима), на проведение съездов (сходов, сходок), на агитацию и распространение влияния во всём мире, на представительство и выборы.

В обеих организациях для простых членов существует общее правило, взятое из «Нагорной проповеди» Иисуса Христа: «Если тебя ударили по левой щеке, подставь правую. Обвиняют – не протестуй, наоборот займись самокритикой, может быть, в словах товарищей есть и правда».

Для другой категории это правило звучит уже по-другому: если тебя ударили по левой щеке, подставь правую... Затем уйди под локоть, и снизу – в челюсть.

Организация одна, а для каждого правила разные.

Разница в организациях в малом.

Первые действуют легально, имея в руках власть и преследуя вторых.

Вторые действуют нелегально до тех пор, пока сами не возьмут власть в свои руки. Затем они очистятся от одиозных элементов, занимавшихся экспроприациями и бандитскими налётами, превратят общак в партийную кассу.

Держатели общака станут банкирами.

Боевики станут генералами.

Авторитеты – партийными руководителями.

Смотрящие – чиновниками различных рангов.

Их семьи и дети приобретут светский вид. Жены вначале будут щеголять чернобурками, увешиваться пудовыми золотыми цепями, но потом они будут пользоваться услугами «Картье» и «Версачи», приобретут изящество и лоск.

Станут ездить по заграницам.

Детей будут рожать и учить за границей.

Дети получают высшее образование и постепенно заменят старый государственный аппарат.

Произойдёт качественная перестройка общества по тому образцу, который принят во всём мире.

По философии это называется единство и борьба противоположностей.

Нетронутым (или сильно тронутым) останется средний класс, который они будут называть гнилой интеллигенцией, но будут копировать её.

Низвергнутые лидеры уйдут в подполье, начнут объединяться на конспиративных принципах и, «дерни мочало и начинай сказку сначала».

Вся система настраивается на создание условий для массового или группового психозов на съездах партии, партийных конференциях, митингах. Всё строилось по системе раннего Кашпировского или Алана Чумака, по телевизору заряжавшего воду, кремы, пасты и аккумуляторы.

Сначала происходит проверка приглашённых участников. Каждому вместо приглашения выдаётся красненький (синенький, зелёненький, жёлтенький) мандат. Затем рассадка. Каждому своё место. Ожидание чего-то необычного. Затем просьба соблюдать тишину. И, наконец, объявляется, что в работе будет участвовать лично товарищ такой-то. Аплодисменты. Вносятся знамёна. Входят высшие должностные лица. Гимн. Все встают (военные – по стойке «смирно»). Садятся. Избирают почётный президиум в составе Политбюро ЦК. Все встают. Овации. Избирается президиум (рабочий) по заранее подготовленному списку. Передаётся поздравление лично от товарища такого-то. Все встают. Овации. Доклад, во время которого все спят. Запись в прениях. Все уже давно записаны. Сортировка выступающих членов партии. Предварительная проверка текстов выступлений,

чтобы кто-то чего-то не отчебучил. Таким образом, можно принимать какие угодно решения. Чумак и Кашпировский до таких размахов не доходили, хотя и им предоставлялась возможность «заряжать» народ по телевидению.

Весь мир боялся Советской России с её теорией мировой революции. Какому государству, скажите мне честно, хочется вваливаться в трясины междоусобной, братоубийственной гражданской войны, привнесённой заморскими, заокеанскими или соседними коммунистами-экстремистами и их передовым боевым отрядом – террористами.

Коммунисты занимали свою нишу в экспорте революции, и никто в эту нишу не лез. Но как только коммунисты ушли, в эту нишу забрались самые демократичные из демократичных и начали экспорт демократии по всему миру, не останавливаясь перед применением силы для насаждения демократии. Гренада, Панама, Афганистан, Ирак, Югославия, Ливия, Сирия... И список этот не исчерпывается этими географическими наименованиями.

У коммунистов, а по реалиям сегодняшнего дня – и у демократов, лозунг один, его очень точно выразил великий пролетарский писатель М. Горький: «Если враг не сдаётся – его уничтожают». Следовательно, те, кто не согласен с теорией мирового коммунизма (мировой демократии), являются врагами Советского Союза («Свободного мира»). А с врагами как поступают? Так, как сказал великий пролетарский писатель (см. выше).

Это нам внушали днём и ночью. Любой житель иностранного государства является тайным агентом буржуинов и ведёт подрывную работу против социалистического образа жизни. С этим я согласен. Образ жизни тех граждан сам по себе, хотел бы носитель этого образа или не хотел, уже боролся с социалистическим образом жизни.

Мой товарищ попал в разработку Особого отдела только за то, что летел в одном самолёте с представителем буржуазного государства и не доложил об этом по команде. А о чём докладывать? Гражданин не представлялся, что он иностранец, прекрасно говорил по-русски, их беседа о собрании Третьяковской галереи не могла нанести никакого вреда социалистическому государству. Тем не менее, карьера товарища была подорвана.

В годы моего отрочества была широко развита система кружковой работы с молодёжью. Я не могу перечислить все

имевшиеся кружки по интересам, но сам я занимался в авиамодельном кружке, автомобильном и в школьном театре.

В авиамодельном кружке в Доме культуры энергетиков мне поручили делать простейший резиномоторный летательный аппарат. Это как микросамолёт на заре авиации. Каркас из тонковыструганных бамбуковых палочек. Смоченный бамбук легко изгибается при нагревании на свечке или на паяльнике, принимая необходимую форму. Весь каркас обклеивается папиросной бумагой. Такой же и несущий винт из бамбуковой палочки, обклеенной бумагой. Тонкая резина, которую так и хочется связать петельками, надеть на два пальца и использовать в качестве портативной рогатки для стрельбы «галочками», скручивается в жгут, прикреплённый к винту. Весь кружок выходит в фойе клуба, огромный зал с высоким потолком, где по воскресным дням устраиваются вечера отдыха и танцев. Ну, что же, конструктор, запускай свой самолёт. И вот лёгкий самолётик взлетает почти к потолку и начинает порхать как бабочка. Весь кружок кричит – ура! – ещё один самолёт полетел. Второй моделью был планер. Закончить его не успел, потому что мы с семьёй переехали на новую квартиру на другой конец города.

К четырнадцати годам наступает время вступления во Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодёжи. ВЛКСМ. Это уже прообраз настоящей коммунистической партии, без которой ничего не решалось в нашей стране. Опять выборочный приём на ранних стадиях и принятие поголовно всех, кто выскажет хоть малейшее желание. Всеобъемлющая комсомольская организация. Всеобъемлющая партийная (комсомольская) дисциплина.

Самое значительное, что я почерпнул от комсомола – это слова Павки Корчагина из романа А. Островского «Как заклалась сталь». «Самое дорогое у человека – это жизнь. Она даётся ему один раз и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...». Книга очень хорошая, а эти слова надо помнить всем.

Всем нам помнится, как хозяин ресторана на вокзале заставлял Павку Корчагина полотенцем чистить вилку между зубцами, чтобы грязи не было. Сволочь такая. А по сути – почему вилку нельзя чистить? Надо, и Павка делал ответственную работу, чтобы нормальные люди не морщились, взяв в руки вилку, а вилка не являлась переносчиком инфекций и бактерий всякого рода. Легко воспитать пренебрежение к другим людям: какая вилка есть,

чистая или грязная, этой и жрать будете. Хочешь, чтобы вилка была чистая, возьми и сам вытри её. Обыкновенная общепитовская психология, впитываемая с детства на примере молодого революционера.

Кому-то комсомол открыл большую дорогу в большую политику и большую коммерцию. И поэтому сейчас смешно выглядят заявления демократов о поиске пресловутого «золота партии». Это золото воспитывалось в пионерских, комсомольских и партийных организациях, которые до настоящего времени поддерживаются «золотом» более высшей пробы, работающим во властных структурах всех степеней, избранными депутатами всех уровней, возглавляющими (или же курирующими, находясь на заслуженном отдыхе) производство и крупные коммерческие структуры. Что бы с компартией не делали, а «дело Ленина живёт и побеждает».

Когда смотришь, как наша страна плетётся в хвосте мирового прогресса, как уничтожаются учёные, а оставшиеся бегут за границу, то начинаешь понимать «величие» переживаемой, именно переживаемой, а не проживаемой нами эпохи.

Посёлок, где я родился, стал городом за счёт крупного промышленного строительства. Мой отец, деревенский паренёк, в четырнадцать лет был изгнан (как говорят, отправлен в жизнь) из дома мачехой при непротивлении этому родного отца, моего деда, у которого на шее сидели двое детей от второй жены и двое детей от третьей жены. Перед войной отец выучился на хорошую рабочую специальность. Учили молотком по голове. Отец, правда, сказал мастеру, что если он его ударит ещё раз, то после его похорон он пойдёт учиться к другому мастеру. С этого разговора у мастера и ученика установились хорошие, как говорят, деловые отношения.

Об отце. С первого до последнего дня войны отец находился на передовой. Начал краснофлотцем Северного флота в тысяча девятьсот сорок первом году, закончил ефрейтором пехоты в Германии. Награждён медалями «За победу», «За оборону советского Заполярья», «За Варшаву», польской медалью «За Варшаву». Вернулся из армии в тысяча девятьсот сорок седьмом году и сразу на стройку. Человек уважительный, суровый. В мирное время награждён медалью «За доблестный труд в ознаменование столетия со дня рождения Ленина», знаком «Отличник химического машиностроения». Ну и полным

комплектом юбилейных медалей по Вооружённым Силам и по годовщинам Победы. Не во всём я был с ним согласен, но с течением времени оказывалось, что он был прав практически во всём. Как часто молодёжь не прислушивается к тому, что говорят старшие. На чужих ошибках учатся только идиоты. Но это характерная черта всех подрастающих поколений.

Моя мама была обыкновенной женщиной, умеющей вести семью и умеющей работать на любом производстве. Со мной ей пришлось сидеть дома, и я в какой-то степени получил неплохое домашнее воспитание. Она хорошо писала стихи, знала много песен и стихов, получив по тому времени неплохое семиклассное образование. О качестве образования того времени говорит и то, что школьники помимо прочих дисциплин изучали и логику. А это, признаться, неплохая основа для развития умственных и ораторских способностей человека. Затем она долгое время работала завхозом на швейной фабрике. Награждена медалями «За доблестный труд в ознаменование столетия со дня рождения Ленина», «Ветеран труда».

В молодом городе велось большое строительство. На стройках работали в основном заключённые. Конвойные офицеры, руководившие охраной бесплатной рабочей силы, являлись не последними представителями светского общества города. В гости к соседям приходил старший лейтенант лет тридцати пяти. Но как он разительно отличался от всех других мужчин. Стройный, подтянутый, всегда в форме с золотыми погонами. Помните, как в песне тех времён: «На нём погоны золотые и яркий орден на груди...»

Отец тихо говорил мне:

– Смотри, офицер идёт.

Авторитет офицеров у бывших фронтовиков всегда был высок, а золотые погоны накрепко врезались в детскую память.

В школе мы часто ходили в туристические походы по родной области. Были в достопримечательных местах, связанных с революцией и гражданской войной, в местах раскопок древних поселений, посещали местные краеведческие музеи, фабрики народных промыслов и промышленные предприятия. Ходили пешком, ездили на поездах и плавали на теплоходах (для моряков – ходили на теплоходах). Видели старинные вещи и предметы, слушали истории, связанные с ними. Знали, что в наших местах отбывали ссылку М.Е. Салтыков-Щедрин (говорят, наш областной центр был прототипом «Истории одного города», но и несколько

других городов оспаривают этот приоритет), Ф.Э. Дзержинский. В такие знаменитые места и медведь на воеводство приглашался.

То, что закладывается в раннем детстве, остаётся на всю жизнь. Отец всегда мечтал, чтобы мы с братом стали музыкантами. Купил баян, а мать повела нас в музыкальную школу. Мне было шесть лет, брату – семь. У него со слухом всё в порядке, но учиться он не стал. Стали прослушивать меня, а я заплакал. Решили, что слуха нет. Так всю жизнь считалось, что медведь на ухо наступил. А когда стал учить китайский язык, оказалось, что могу разбирать четыре тональности китайского языка и воспроизводить незнакомые слова. Отнёсся бы преподаватель музыкальной школы внимательнее ко мне, может быть, и вся судьба моя сложилась иначе.

Мой отец очень любил нас с братом. Брат был годом старше, и на него возлагалась ответственность за меня. Поэтому ему попадало больше, чем мне.

Мне вспоминается, как отец летом приходил с работы уставший и звал меня «послушать, как растёт трава». Интерес в маленьком человечке пробуждался необыкновенный. Мы шли в скверик, отделяющий торфяной склад от жилой зоны, ложились на траву и очень внимательно слушали рост травы. В течение пяти минут мы оба засыпали. А через час, отдохнувшие, шли к ужину. И сколько раз мы ни слушали, как растёт трава, я так ни разу это и не услышал.

Отец очень внимательно относился к нашему с братом здоровью. По мере подрастания каждому покупался велосипед, и мы втроём ездили на рыбалку, собирали грибы, выезжали на обработку картофельного участка, а то и просто выезжали покататься в пригород. Мне приходилось в два раза быстрее крутить педали на велосипеде «Школьник», у которого колеса в два раза меньше, чем у взрослого велосипеда, чтобы догнать отца и брата. Считаю, что крутил педали в детстве для своей же пользы. Часто приходилось ночевать в лесу или на берегу реки.

Вспомнив о велосипедах, нужно сказать, что именно с них начиналось наше приобщение к технике и к разного рода механизмам, стоящим на службе у человека. Качество велосипедов желало быть лучшим, но у нас только оборонке придавалось первостепенное значение, а остальное как Бог на душу положит. Самое уязвимое место велосипеда – задняя втулка с тормозным механизмом, который рассыпался на куски при резком торможении. Что мы только не исхитрились делать, чтобы

велосипед поехал. Отец работал на заводе в ремонтно-механическом цехе и изготавливал нам некоторые детали или восстанавливал поломанное, но только не тормозной механизм. Тут без штамповки не обойтись. Зато без всякого ремонта ездили велосипеды, привезённые из Германии в качестве трофеев. Красная резина, никелированные крылья, огромные никелированные фары фирмы «Diamant», аккуратные электрические генераторы, приводимые в движение колесом, ажурные сетки на заднем колесе дамских велосипедов. Что сделать, в другом мире люди живут по-другому. Зачем только они к нам полезли, совершенно непонятно. Места для жилья мало? Приезжайте, селитесь по-мирному, у нас на всех земли хватит.

Однажды, когда мы с братом ещё не ходили в школу, мы с отцом поехали на рыбалку на его деревянной лодке, приводимой в движение вёслами. Лодочные моторы были такой же редкостью, как и индивидуальные легковые автомашины. До места рыбалки добрались к вечеру. Отец наварил рыбы, сварил уху. Спали втроем на свежесрубленном лапнике, укрывшись большим темно-синим плащом. А с утра начался дождь и испортил отцу утреннюю зорьку. Собрались и поехали домой. Я спокойно спал в носу лодки, укрытый тем же плащом, отец сидел на вёслах, а мой старший брат сидел лицом к ветру в настоящей матроской бескозырке (подарок одного из родственников). Правда, моряком он не стал и вообще в армии не служил, рано обзаведясь семьёй и двумя детьми.

С детства я уже знал принципы укладки вещей, подготовки места стоянки к ночёвке, умел быстро разводить костёр, готовить уху или грибной суп, ловить рыбу, различал съедобные и несъедобные грибы, знал съедобные дикие травы, такие как дикий лук или чеснок. Но то, что я не любил в детстве и не люблю сейчас – это собирать ягоды. Каким же надо обладать терпением и усидчивостью, чтобы по ягодке набрать целое ведро земляники. Мне это кажется героизмом. С детских времён запомнился вкус земляники с деревенской сметаной. Подавалась она только с оладьями, но, по мне, лучше было её кушать ложкой и без всяких оладий.

Однажды мы собирали дикую малину в лесу. Нас было пять человек. Малина выше человеческого роста, кто и где находится не видно, а только слышно. Работали молча. Все собирали, а я ел. На моем участке малины было мало, и я пошёл на звук, по моему мнению, в сторону бабушки. Раздвинув кусты, я нос к носу

столкнулся с медведем примерно моего роста. Первая реакция – крик. Никогда так не кричал. Медведя как ветром сдуло. Сбежалась вся моя родня и спрашивает, – чего орёшь? Сказал про медведя, никто не поверил. Потом бабушка на землю посмотрела, нашла следы, и мы потихоньку ушли с этого места. По сегодняшним понятиям, это был годовалый медвежонок, но для меня он был большим медведем. Инстинктивно, но я поступил правильно, так как криком или другим неприятным звуком можно напугать и большого медведя.

Медведей до этого я видел только в областном цирке. Они катались на мотоциклах по вертикальной стенке, кувыркались на арене, делали всё, что им прикажет дрессировщик. В то время при показе зверей арена отделялась от зрителей металлической решёткой с острыми пиками сверху, загнутыми внутрь арены, чтобы зверь не мог перепрыгнуть. Звери казались такими милыми и безобидными, что на решётку обижались многие зрители. Лучше видеть зверя за решёткой, чем нос к носу.

Ещё в детстве я выбрал себе одну профессию – военного. Разубеждения отца о том, что это самая трудная профессия, которая съедает человека целиком, наоборот укрепили детское воображение. Как губка я впитывал всё, что касалось Вооружённых Сил. Военские звания от рядового до маршала, военно-морские звания, названия орденов, стрелковое оружие и его особенности и т.п.

Мы готовились стать первопроходцами, брали на лодочной станции на прокат прогулочные лодки и больше таскали их по песчаным берегам слияния двух российских рек Вятки и Чепцы, изображая русских моряков. Мы так играли, пока не перевернулись в самом широком месте слияния двух рек. Лодка не потонула, потому что была деревянной, и это нас спасло, так как мы не настолько хорошо умели плавать, чтобы добраться до любого из берегов.

Больше всего меня огорчило то, что в подаренные отцом старенькие часы «Победа» налилась вода, и я был уверен в том, что они больше ходить не будут. Когда мы обсыхали в доме у одного из друзей, я открыл часы, вылил из них воду и положил их на батарею отопления. Часы высохли и вновь пошли, и я их носил до второго курса училища, пока случайно не разбил при тренировке быстрой посадки в бронетранспортёр.

Нас, мальчишек, всегда тянуло к военным. Маленькое стрельбище конвойной части мы излазили вдоль и поперёк.

Гильзы, пули со следами нарезов были нашими игрушками. Играли только в войну, и никто не хотел быть немцем. Нашли выход – играли в наших и не наших. Делали деревянные автоматы и почему-то у большинства получались немецкие, те, которые все называли «шмайсеры», хотя на самом деле это были МП-40 (машиненпистолете образца тысяча девятьсот сорокового года), а не наш «ППШ» (пистолет-пулемёт системы Шпагина). Для «ППШ» нужно было делать срез с бревна в виде дискового магазина для патронов, а пацанам трудновато это было сделать. Для «шмайсера» подходил любой деревянный брусочек, имитировавший магазин с патронами.

С деревянным оружием происходило и наше трудовое обучение. Оружие делали сами и брали отцовские инструменты. Иногда рубанком «проезжали» и по гвоздю. Чего только от отца не выслушаешь, но в результате садишься с брусочком и ножом и начинаешь стачивать зазубрину. Вот это урок. На всю жизнь хватает. Потом уже начинаешь просить отца учить обращению с инструментами.

Взрослые были для нас непонятны и говорили странные вещи, не поддающиеся логике. Однажды, году в тысяча девятьсот пятьдесят шестом, мы ходили вслед за двумя вооружёнными солдатами, охранявшими двух заключённых-электриков. По сегодняшним понятиям конвоиры службу несли небдительно. Дремали, разговаривали с нами, давали подержать оружие. Тяжёлый и неудобный был этот «ППШ». Если бы не солдат, то я и поднять его не смог бы, не то, что прицелиться. На наш вопрос, а не убегут ли заключённые, последовал ответ:

– Это не те заключённые, эти не убегут.

«Зеки» приятного вида, интеллигентных манер то же сказали что-то странное:

– Учитесь ребята, станете инженерами и у нас на «зоне» электриками работать будете или зажигалки будете клепать.

Спросил об этом у отца и получил по шее за то, что разговаривал с заключёнными.

– Ты что, всю семью погубить хочешь?

Откуда мне было знать, что в лагерях в то время, кроме уголовников, было ещё много людей, не совершивших никаких преступлений, а пострадавших по пятьдесят восьмой статье («пятьдесят восьмую статью дают. Ничего, – говорят, – вы так молоды. Если б знал я, с кем еду, с кем водку пью, он бы хрен доехал до Вологды»).

Преступность была и в то время. Однажды я нашёл в зелёной зоне (огороженная забором из штакетника десятиметровая полоса, отделяющая торфяной склад от жилого массива) полоску нержавеющей стали сантиметров двадцать длиной, которая была заточена как финский нож. На лезвии были какие-то бурые разводы. Показал отцу. Тот забрал у меня нож и утопил в озере в районе торфяного склада, а затем строго-настрого предупредил меня о том, чтобы я никому, даже старшему брату, не говорил о моей находке.

– Пойми меня правильно, – сказал он. – Как граждане, мы обязаны доложить о своей находке в милицию. Но так как ни они, ни мы не знаем, кому принадлежит этот нож и какое преступление им совершено, то мы, а, вернее, я буду самым главным подозреваемым. Так как вряд ли найдут владельца этого ножа, то на меня запишут любое нераскрытое преступление и посадят в тюрьму, причём не в ту, которая у нас, а пошлют куда-нибудь в тайгу, откуда очень трудно вернуться. Если хочешь, чтобы у тебя был отец, то молчи, кто бы и что тебя не спрашивал. Ты ничего не находил и ничего не знаешь.

С точки зрения Павлика Морозова, мой отец не по-граждански поступил с моей находкой. Частенько мне доставалось от него за мои прегрешения. Так что, по всем втискиваемым в меня правилам, я должен был пойти и доложить о находке и о том, что мой отец не позволил мне выполнить мой гражданский долг.

Думать я мог о чём угодно, но я не мог понять, как можно сделать заявление на своего отца, который из кожи вон лезет, чтобы прокормить семью. После работы ещё и калымит где-то, что-то кому-то сваривает, приваривает, слесарничает. Занимается незаконным по тем временам частным промыслом и деньги за это берет. Да, иногда приходит домой выпивши, и крепко. Но всегда принесёт нам с братом какой-то гостинец. Порадуется успехам в школе. Поддаст за двойку. Не идеал, но мой отец намного лучше отцов моих друзей. Сам не съест, но дети должны быть сытыми.

Поэтому, что бы нам ни говорили в школе, какие бы ни приводили примеры, но наша семья всегда была тем элементом, на которые вопросы политической бдительности распространялись только в том, чтобы младшие не вздумали повторять то, что они слышали от старших, хотя сами старшие мало чего говорили из опасения за свою жизнь и судьбу семьи.

С другой стороны, и в те времена у людей не было особого доверия к правоохранительным органам: милиции-НКВД-МВД,

прокуратуре, судам. Ещё свежи были в памяти процессы и расстрельные приговоры троцкистам-оппортунистам, заклеенные портреты в учебниках истории, штрафбаты, заградотряды, дела врачей-вредителей и прочих. Правда, нужно отметить особо, что сильного слияния правоохранительных органов с преступностью не было, партия всё-таки стояла на страже чистоты органов.

А что сказать о сегодняшнем дне? В основу правосудия положен принцип виновности ничем не защищённого человека. Говорят, такая же ситуация была в тридцатые годы в Америке, особенно в Чикаго во времена сухого закона. Простому человеку сейчас трудно жить, если он вдруг не понравится криминалитету и тем, кто его должен защищать.

Уже в более позднее время отец рассказывал о том, что долгое время он с тревогой ожидал известий о судьбе своего двоюродного брата по отцовской линии.

– Какой-то он непутёвый был, – рассказывал отец. – Когда молодёжь ходила в другие села на заработки, то все парни домой либо деньги приносили, либо вещи справные: сапоги, гармошку, инструмент хороший. Каждый родителям и соседям хвалится, как он поработал и что заработал. А брат его двоюродный потихоньку пришёл и сидит на крыльчке.

Отец его и спрашивает:

– Показывай, сынок, что заработал.

– А я на божничку деньги положил, тятенька, – отвечает сын.

Пошёл отец посмотреть, а на божничке пятнадцать копеек серебром лежит. Отец берет в руки вожжи, выходит на крыльцо и давай охаживать сына по спине, приговаривая:

– Ах, подлец ты такой, отца своего опозорил.

Получив своё, сын и говорит:

– Да, а если бы я рубль заработал, то вы, тятенька, меня бы до смерти забили.

Двоюродный брат отца был отчаянным до сумасбродства. Один мог выйти на драку против любого противника. Ему ничто не стоило зайти в толпу совершенно незнакомых людей, выбрать самого сильного парня и ударить его по лицу. Били его за это нещадно, но он всегда оставался живым и не утрачивал своей смелости.

– Поверь мне, – говорил отец, – он и во время войны никуда не пропал и после войны не пропадёт. Много людей, которых считали без вести пропавшими, просто были в плену, а потом не

возвращались, чтобы не подвергать репрессиям себя и свою родню. Ох, и будут у тебя, сынок, неприятности на твоей службе, когда выяснится, что твой троюродный дядя из-за границы разыскивает наследников. Пусть уж лучше бы он погиб смертью храбрых, прости Господи. Хотя, он не такой дурак, чтобы неприятности родственникам приносить

Кстати, и от нынешней судебной и правоохранительной практики волосы встают дыбом. И воспоминания о тысяча девятьсот тридцать седьмом годе могут оказаться явью в самое ближайшее время.

Диктатура может быть легко введена самым демократическим путём в самой демократической стране.

В тысяча девятьсот тридцать седьмом году советский народ тащился (современное звучание слова – радовался), когда репрессировали начальников. Срабатывал принцип: «начальники – все сволочи». Когда репрессировали друзей, срабатывали уже два принципа: «дыма без огня не бывает» и «наверху не дураки сидят». Когда сами подвергались репрессиям, принцип: «начальники – сволочи, дурят нашего Хозяина, он бы во всём разобрался».

В то время воспитание в рабочих семьях было очень простое. Каждый член семьи должен соблюдать правила, считавшиеся приличными. При нарушении правил следовало наставление, как надо вести себя. После этого, при повторном нарушении, следовала взбучка, которая являлась более эффективной, чем наставления.

Как-то мой брат вместе с соседским мальчишкой нашли на улице десять (десять!) рублей. Отец в месяц зарабатывал сто рублей, телевизор стоил сто сорок рублей. Представляйте, какие бешеные деньги они нашли. И два пацана пошли в «загул». Попили газировки, купили пирожков с повидлом, мороженое по две порции, цветные карандаши, стирательные резинки... Дома сразу стали допытываться, откуда такие покупки? Сказали, что нашли на улице червонец. В первую очередь дознание стало выяснять, а не украли ли молодые люди эти деньги? Поверили, что не украли, но за то, что не сообщили об этом родителям, последовало наказание: моего брата – ремнём, соседского мальчика – драние за ухо. Но на экзекуцию моего брата пришли соседи и привели своего отпрыска. Брат мой держался мужественно. Мне его было жалко, но уважать брата стал больше.

Кстати, запоминаются наставления, а не взбучки. Но и после взбучки почему-то не тянуло дальше заниматься «интересными» играми.

А игр было очень много. Например, в войну. Деревянные винтовки и автоматы не стреляли, а оружие – это машина разрушения и, если оно ничего не разрушает и не издаёт никакого звука, значит это не серьёзное оружие. На смену деревянным автоматам пришли рогатки из резины от использованных противогазов, которых было достаточно на свалке отходов химического предприятия. Стреляли в разные стороны камешками, гайками и стреляли метко.

С течением времени рогатки заменили пугачи из медных трубок с гвоздём и резинкой. Выстрел как настоящий. Пальба иногда такая стояла, что приходилось вмешиваться взрослым. Производной от пугачей была самодельная граната, состоящая из двух болтов и одной гайки, соединяющей эти два болта воедино. Всего лишь селитра от спичек, тугое соединение болтов и от удара об асфальт следовал взрыв, срывающий резьбу с болтов и с гайки. Прилетало болтом и по лбу. Затем от пугачей и «гранат» переходили к «поджигам» – прототипам фитильных пистолетов начала XVII века. Самодельная пуля летела довольно далеко и имела хорошую пробивную способность. Но была опасность в передозировке пороха и разрыве (или отрыве от пистолета) ствола. Немало ребят покалечилось. Это увлечение прошло быстро после серьёзного ранения одного из детских друзей.

Затем мы с братом увлеклись фотографией. Отец купил нам фотоаппарат «Смена - три». Вроде такой угловатой «мыльницы» с крутящимся объективом, пружинным замком затвора, лепестковой диафрагмой. Объективчик был маленький, но обеспечивал такую глубину резкоизображаемого пространства, которая даже сейчас не под силу наворочанным «зеркалкам» хваленых мировых брендов. Расстояние определялось «на глазок», по наитию ставили диафрагму и выдержку, и фотографии получались резкими и хорошего качества. Ночами сидели и проявляли плёнки, печатали фотографии. Вообще здорово. Брат этим заразился на всю жизнь и ему отец купил у соседа старенький фотоаппарат «Зоркий» с выдвигаемым объективом. Так фотоаппарат плоский, а выдвинул объектив и у тебя в руках чудо современной для того времени техники. Конечно, «Зоркий» и в то время был архаизмом, потому что был советской копией немецкого фотоаппарата «Лейка» и

выпускался питомцами знаменитого в те времена педагога для трудновоспитуемых Антона Семёновича Макаренко.

Затем пошло повальное увлечение «лаптой», что-то вроде американского бейсбола. Биты, мячи, зоны, лунки. Играли до тех пор, пока родители с ремнями на улице не выходили.

«Лапту» сменил дворовый футбол. Азарт. Родители выходили болеть за нас. Тут же раздавались «награды» за разбитые окна и собирались деньги для оплаты работы стекольщика. Обувь горела на ногах. Травмированные герои футбольных сражений вызывали всеобщее уважение.

Зимой хоккеем. Не в подготовленной хоккейной коробке, а на замёрзших озёрцах на торфяном складе. Деревья на болоте были чахлыми и почему-то изгибались у самого корня. Сломанное дерево было готовой клюшкой для хоккея с мячом, да и с шайбой тоже.

Хоккеем был у нас вообще профилирующей спортивной дисциплиной. В нашем маленьком городке силами химического предприятия одним из первых в Союзе был построен закрытый спортивный комплекс с искусственным льдом. Мой сверстник из соседней школы Александр Мальцев впоследствии стал чемпионом мира по хоккею. Единственное, что меня отвращало от хоккея и от футбола, так это то, что тех, кого приглашали тренироваться в городские команды, становились, как сейчас говорят, такими крутыми, приклатненными и высококомерными, создавая впечатление, что и все спортсмены у нас такие.

У меня и сейчас о спортсменах не очень высокое мнение как о людях, у которых стремление быть первым любым путём вырабатывает качества, далёкие от джентльменских. В повседневной жизни они такие же люди, как и все. Но только стоит им почувствовать дух соревновательности, как человек на глазах превращается в некое существо, готовое разорвать своего товарища на куски за неточно данный пас или за пропущенный гол. У меня в училище такая же лошадь была: как только почувствует перед собой препятствие, так ничем её не остановишь, всех растолкает и вперёд побежит.

В случае неудачи все виноваты в том, что какому-то спортсмену не удалось занять пьедестал почёта. Вот он немножечко не собрался, немножечко не сосредоточился, немножечко не доготовился... Почему не сказать просто, что не получилось. Есть такие ситуации, что будь ты хоть семи пядей во лбу, но сотые доли секунды достались не тебе. И эти

«немножечко» выглядят как потуги медалистов – «Марь Ивановна, ну поставьте пятёрку, а не четыре с плюсом. Я же знал материал, но почему-то его немножечко забыл. Ну, Марь Ивановна...». Вероятно, и безапелляционное отношение болельщиков к спортсменам также формирует те качества, о которых я уже говорил выше. Ни в коей мере не хочу бросить тень на всех спортсменов, просто мне встречались не те представители спорта.

Каков человек на спортивной площадке, такой же он и в реальной жизни. Не погнушается и допингом, найдёт слабинку соперника и будет наносить туда сокрушительные удары, совершенно не думая о том, что перед ним стоит человек, ударит человека бутсой по ноге, столкнёт с дорожки, обматерит человека на лыжне. Самый хороший кандидат на занятие административной должности. Такой будет ломать своих сотрудников через колено и заработает характеристику волевого руководителя. Нужно куда-то далеко ходить за примерами? Не нужно, оглянитесь вокруг, вот они рядом, улыбающиеся, широкоплечие. Страна у нас такая: интеллигентность и человечность как отрицательные характеристики руководящего работника и вообще работника органов исполнительной и законодательной власти.

Со мной в одном классе учился один спортсмен-хоккеист. По сути – законченный подонок и сын всеми уважаемой чопорной учительницы – носителя традиций воспитательной школы Антона Семёновича Макаренко. В классе этот здоровый парень издевался над всеми, кто не мог дать ему сдачи при молчаливом непротивлении большинства мальчишек, и в нашем присутствии пресмыкался перед своей мамочкой, ловя преданными глазами каждое её слово. Не знаю, как сложилась его судьба, но я не видел его фамилии в списках всех хоккейных команд.

Собственно говоря, даже в то время обстановка в школах была примерно такой же, какой её показывают в современных американских и российских фильмах, разве что наркотики мы не принимали и у нас не было оружия для стрельбы по соученикам и преподавателям.

Брат мой занимался борьбой «самбо», имел высокий спортивный разряд. Он и все его друзья были спокойными и уравновешенными людьми, чуждыми рисовки и блатных манер. Меня в восьмом классе без всяких разговоров определили в секцию классической борьбы.

– Поднакачайся, – сказал мне брат, – потом пойдёшь к нам в секцию.

В нашей же секции прошло довольно много времени, пока подошли к самой борьбе. Общефизические упражнения, игры с тяжестями, отработка приёмов, таскание и броски куклы. Главное понять, в чём заключается смысл борьбы, понять рисунок поединка.

Был я несколько помельче моих сверстников и часто натёкался на бросок через бедро. Но выучка хорошо приземляться на ковёр помогала занять такую позицию, что результат броска оказывался не всегда в пользу бросавшего за счёт потери им равновесия. Тренер мне поручил подумать над вопросом равновесия, и я начал реагировать на толчки в ту сторону, в которую меня толкают. Толкнули меня, и я падаю, увлекая за собой соперника. В тот момент, когда противник теряет равновесие, готовясь упасть на меня, я становлюсь на колено, и делаю бросок через бедро, используя кинетическую энергию более мощного соперника. Бросок, как правило, получается неожиданный, мощный и заканчивается чистой победой.

Однажды и мой брат налетел на этот приём. Пришёл к нам потренироваться перед соревнованиями и покидать брата вместо куклы, благо тот умеет немного сопротивляться и падать. Захват моей куртки, толчок вправо, влево, от себя и я начал падать. Брат за мной и оказался на ковре подо мной. Вскрывает, хотя и брат, а безразрядник повалил кандидата в мастера спорта. Ещё раз. Ты чего делаешь, показывай. Показал. Понравилось. В классической борьбе броски ниже бедра (то есть подножки) делать нельзя. Это не самбо и не вольная борьба, а борьба несколько рыцарского типа. Больших успехов в борьбе добиться не удалось. Подошло время поступать в военное училище.

Оценивая моих знакомых детства и их жизнь на протяжении довольно длительного периода времени, можно сделать вывод о том, что в человеке, в первую очередь, развиваются те гены, которые заложены в нем изначально, несмотря на то, что даже родителями приплетённой молодёжи являются на внешний вид уважаемые и интеллигентные люди. Значит, дед или прадед у них занимался разбоем на большой дороге. Смелый, конечно, тезис, но, как мне кажется, опровергнуть его очень трудно, ведь гены могут проявляться и через несколько поколений. Бояться нечего, но, может быть, научатся составлять генетико-генеалогическое древо каждого человека, зная, на что при воспитании младенца нужно обратить внимание, чтобы не вырос следующий Чикатило.

Во времена начала космической эры нас всех тянуло в авиацию и в космос. Самолёты над нашей местностью не летали, а если и летали, то на очень большой высоте и именно в то время, когда родители загоняли нас по домам.

В магазине продавались летающие пропеллеры, создававшие иллюзию сопричастности с авиацией. Но эти пропеллеры были маленького диаметра, делались из хрупкой пластмассы, заводной пружиной вращались очень быстро, также быстро и летали, попадали в стены зданий и разбивались вдребезги.

Такого обилия игрушек, как сейчас, у провинциальных ребятшек не было. Мы брали пустую катушку от ниток, в торец которой вбивали две иголки от патефона. Тогда патефоны были не редкость, иголки от них тупились очень быстро и валялись по домам в коробочках в великом множестве. Из консервной банки вырезался пропеллер. В центре пропеллера пробивались две дырочки, под размер патефонных иголок. Катушка надевалась на палочку, на катушку наматывалась бечёвка, на иголки надевался пропеллер. Потянув бечёвку, мы раскручивали пропеллер до скорости взлёта. Пропеллеры взлетали очень высоко и красиво планировали. Изменяя шаг пропеллера (изгиб лопастей), можно было добиться либо высотного полёта, либо планирующего над землёй. Наши специалисты даже проводили соревнования на точность приземления пропеллера в специально отмеченном месте. А какие были пропеллеры по форме! Детская фантазия, возможно, могла бы дать толчок какому-нибудь направлению в авиации или революционному открытию в технике, но взрослые, они как дети, всё нетипичное и умное отталкивают от себя как тарелку с манной кашей.

Начало моей сознательной жизни было пропитано Сталиным. На самом высоком месте в маленьком городишке высился огромный серый гипсовый памятник Сталину. Метров десять высотой. На верхушке огороженного металлической изгородью холмика, из-за которого сделали полукруговое с одной стороны движение вокруг этого памятника. Главная улица была названа проспект Сталина. Около памятника все проходили и проезжали как виноватые в чём-то ещё несовершенно.

В тысяча девятьсот пятьдесят девятом году сталинский монумент куда-то незаметно исчез, главный проспект переименовали в проспект Мира (улица с именем Ленина уже была, а прогулка по проспекту называлась просто – пройтись помиру), зато на улицах появилось много офицеров, кто с

погонами, а кто и без погон. По радио все говорили о мирных инициативах СССР, а бывшие офицеры каламбурили: «Кило двести, суд чести и миллион двести». Сейчас нам это понятно, а тогда это воспринималось как интересная игра слов. В журнале «Крокодил» помещались ласковые карикатуры на майоров и подполковников, успешно увеличивающих свиное поголовье.

Двенадцатого апреля тысяча девятьсот шестьдесят первого года всех напугал Левитан своим сообщением по всем радиостанциям Советского Союза. Думали, что опять с кем-то война, а оказалось, что в космос полетел советский человек – первый космонавт Юрий Гагарин. Концовке сообщения ликовала вся страна. Да хоть кто лети, лишь бы войны не было.

В этом же году состоялся «исторический» двадцать второй съезд КПСС, осудивший культ личности Сталина. Об этом тихо шушукались компании за столами и в сараюшках за бутылкой водки. Говорили и оглядывались, а потом ночи не спали, не донесёт ли кто. Съезд принял и программу построения коммунизма к тысяча девятьсот восьмидесятому году. С этой программой у меня приключилась история, о которой я расскажу попозже.

В тысяча девятьсот шестьдесят первом году я прослышал о существовании неподалёку от нас Свердловского суворовского училища и горел желанием поступить туда. Такого ещё не было в нашем городке, чтобы ученик, окончивший начальную школу, дальше учился в военно-учебном заведении, носил форму особого образца и жил по строгим военным законам. Мой отец, в принципе, не возражал: раньше впряжёшься в военную лямку, раньше поумнеешь. Мама моя была категорически против, а всего-то надо было написать заявление в городской отдел народного образования, горono. Отговорили меня общими усилиями и, наверное, правильно сделали. В военном училище мне пришлось учиться с суворовцами, которые пробыли в СВУ от трёх (после восьмого класса) до шести (после четвёртого класса) лет.

Всё познаётся в сравнении и потом. Суворовские военные училища были созданы в основном для сирот военного и мирного времени, преимущественно детей военных. Пример Вани Солнцева из кинофильма «Сын полка» подвигнул тысячи ребят к романтике суворовских и нахимовских училищ. Внешняя дисциплина и подтянутость скрывала многие пороки, присущие казарменному быту подростков, понимающих в основном не методику убеждения, а методику принуждения.

Обыкновенные ребята, не все испытавшие долю сиротства, требовали ласки и развития в процессе игр, общения со сверстниками в процессе различного культурных и досуговых мероприятий. Это в училище было, но в усечённом виде.

Как и кадетские корпуса, о которых много рассказывается в мемуарах военачальников, бывших кадровыми офицерами царской армии, суворовские училища, руководимые советскими офицерами, создали свою атмосферу замкнутого мира, где процветала дедовщина и другие не менее опасные пороки. Это было во все годы существования кадетских, а позже суворовских училищ. Говорю не для того, чтобы бросить тень на военно-учебные заведения типа суворовских училищ, а для того, чтобы они стали действительно, как сейчас модно говорить, инкубаторами талантов, выдающихся людей будущего времени.

Выпускники СВУ, приходя в военное училище, отличались лучшей военной и физической подготовкой, приспособленностью к «тяготам и лишениям военной службы», коллективизмом и верностью в дружбе. Кажется, что переход из состояния воспитанника СВУ (воспитуемый контингент) в состояние курсанта военного училища способствовал очищению от нравов суворовских училищ. Во всяком случае, в пограничных училищах дедовщины, а также кличек по курсам не было.

Интересно, что те, кто «весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем...» начали воссоздавать то, что в своё время разрушили. Восстановили практически военно-сиротский дом с правилами кадетских корпусов.

Году в тысяча девятьсот шестьдесят втором мой отец, наконец, накопил сто сорок рублей (практически месячная зарплата высококвалифицированного рабочего) и купил маленький телевизор «Волхов». Экран этого телевизора был в два с половиной раза больше экрана телевизора КВН-сорок девять, который смотрели через увеличительное стекло. Надо сказать, что это был переход в новую эпоху. Владельцы телевизоров тогда относились в разряд обеспеченных людей. Но и у этих обеспеченных людей существовала своя градация обеспеченности, определяемая маркой телевизора. Люди побогаче покупали телевизор «Рубин», середнячки – телевизор «Знамя», ниже среднего уровня – телевизоры «Волхов» или «Заря».

Как-то так получилось, что телевизоры двух последних марок, в народе называемые просто «духовками» за сходство с электрическими печками для выпечки хлеба, оказались на

редкость надёжными в эксплуатации и не ломались так часто, как телевизоры выше перечисленных марок подороже.

Мы смотрели все передачи подряд, а программа, то есть канал, был один. Шутка ли, дома бесплатно смотреть кино, не идти в кинотеатр, не стоять в очереди за билетами и никакие головы впереди не мешают.

В старинном городке Слободской нашей Вятской губернии стоит в музее одна из первых моделей телевизоров в мире, да и поговаривали, что человек, который поднял американское и всё мировое телевидение, тоже является вятским уроженцем.

Честно говоря, мы вятские, этому не удивляемся. Говорят, во время Первой мировой войны произошёл такой случай. Землёр от взрыва снаряда завалило солдата. Другой солдат раскопал его и привёл в чувство. Открыв глаза, солдат поблагодарил своего спасителя и поинтересовался, откуда он. Узнав, что вятский, спасённый выматерился и сказал:

– Да что это такое делается? Война мировая, а одни вятские воюют.

Чему удивляться, если мой брат с десяти лет серьёзно взялся за радиотехнику. В двенадцать лет он на базе патефона собрал электропроигрыватель с асинхронным двигателем. Двигатель шумел как трактор, усилителя не было, но мы с братом не отходили от техники. Тогда отец купил радиолу ВЭФ производства рижского завода электроники. Электропроигрыватель нами был заброшен. Но радиоприёмник мы слушали одни, а друзья, а прохожие, почему они не могут вместе с нами послушать что-то приятное? Значит, нужен усилитель. И такой усилитель братом был собран. Окрестные дома сотрясались от музыки (народной), жалобы были, но не особенно нас задевающие. Если бы мы включили «костяшку» (пластинку на использованной рентгеновской плёнке с записями группы «Битлз» или других иностранцев), нас бы быстро пресекли за идеологическую диверсию.

Однажды у брата в усилителе перегорела лампа, и он временно вместо неё в панельку лампы поставил диод. Комнатушка наша называлась «фонарём» и имела три окна с тюлевыми занавесками. Усилитель стоял на среднем окне. В отсутствие брата я включил усилитель, чтобы поиграть музыку дворовым футболистам. Вдруг я почувствовал запах как у сильно нагретого утюга. Заперев дверь, я пошёл выяснить причину этого запаха. Только я подошёл к усилителю, как раздался взрыв. От

перегрева взорвался большой электролитический конденсатор. Как меня не ранило алюминиевой оболочкой, не знаю. Протерев глаза, я увидел, что загорелась тюлевая занавеска. Быстро сорвал её, бросил на пол и затушил подушкой. Надо прятать следы преступления. Навожу в комнате порядок, а в дверь уже стучат соседи. Открыл, а они с вёдрами и воду льют на окно. Запачкали комод, скатерть на комод, а когда вода попала на стекло, то оно пошло трещинами. Протёрли бы глаза, то и воду бы не лили. Это уже не спрячешь. Пострадали мы с братом здорово. Он месяца два радиотехникой не занимался. Потом перешёл на сборку полупроводниковой аппаратуры.

Вместе с «костяшками» к нам пришла и новая мода, носителей которой называли стилиягами. Не очень-то дешёво было одеться в брюки-дудочки, полуботинки на микропористой подошве, «широкоплечий» пиджак из грубой ткани, отрастить волосы с коком, носить рубашку с узким галстуком, желательного вязаным... Такая форма в школе не полагалась, но узенькие брюки нам делала мама, а вот со всем остальным было трудновато. Вероятно, это даже и хорошо, что поветрие стилияг пронеслось над нашими головами, не забив их тем, чем сейчас забиты головы нашей молодёжи.

В тысяча девятьсот шестьдесят четвёртом году из коммуналки мы переехали в новую отдельную квартиру «хрущёвского» типа с двумя смежными комнатами. На то время это было таким достижением, что хотелось плясать и каким-то другим образом проявлять свою радость.

Всей семьёй мы поехали осматривать наше новое жильё. Маленькая прихожая, из неё дверь в туалет-ванную, затем зал – маленькая комнатка, из которой выход в маленькую кухню, в смежную вторую маленькую комнатку и дверь в малюсенькую кладовую. Жильцы коммуналок знают, что такое получить и переехать в отдельную квартиру. Меня оставили в квартире ночевать – караулить – а сами уехали собирать вещи. Где-то к обеду следующего дня пришла машина с нашими пожитками, и мы переселились в новый век.

В этом же году сняли Н. Хрущёва за волонтеризм. О тех временах помнятся поджаристые пончики с повидлом за пять копеек и кукурузные хлопья изумительного вкуса (те кукурузные хлопья, которые пытаются делать сейчас, и в подмётки прежним не годятся). И очереди за хлебом, по булке хлеба в руки. Говорили,

что «колхозники булками хлеба откармливают скотину, и городским хлеба не достаётся». Об этом и «Крокодил» писал.

Газеты в рабочих семьях выписывали мало, в основном журналы «Крестьянка», Работница», «Крокодил», «Здоровье». Очень дешёвыми и популярными были красочные журналы «Китай». С детства мы знали нехороших людей типа Макнамара, Чан Кайши (по-китайски Цзян Цзиешу), Ли Сынман (не путать с советским лётчиком Ли Си Цын, воевавшим в Северной Корее), Генеральных секретарей ООН У Тана и Дага Хаммаршельда, который погиб в авиакатастрофе (колонизаторы с ним посчитались, об этом даже фильм был, назывался «Комитет восемнадцати»), африканских диктаторов Чомбе, Мобуту. Хороших людей – Долорес Ибаррури, Мориса Тореза, Клару Цеткин (в её честь табачную фабрику в Ленинграде называли. Эта фабрика по качеству соперничала с другой табачной фабрикой имени чекиста Урицкого), Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая. Не знаю, может быть, это я такой начитанный был в детстве.

В мае тысяча девятьсот шестьдесят пятом была учреждена медаль «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне тысяча девятьсот сорок первого - тысяча девятьсот сорок пятого годов». Новое руководство страны, пришедшее после Н.С. Хрущёва, решило заявить о себе тем, что через двадцать лет напомнило народу о величии совершенного им подвига. Это была самая массовая медаль. Как бы то ни было, но эта медаль сыграла очень большую роль в патриотическом воспитании населения. Наличие награды, пусть даже юбилейной, накладывало на человека определённые обязательства по отношению к своей стране. Это не ордена для отмыывания олигархов от ответственности.

Под разговоры о празднике Победы я и спросил как-то отца:

– Пап, а у тебя был фронтовой друг? Такой, чтобы в огонь с ним и в воду?

Отец задумался, а потом сказал:

– Это только в кино так бывает. У каждого человека в любой обстановке бывает человек, с кем он делится хлебом и табаком, и с кем в атаку ходит. Тут не поймёшь, кто от кого зависит, хотя, если присмотреться, то можно определить, кто дружит, а кто дружбой пользуется, хотя всё это выглядит благопристойно. Был у меня товарищ на войне. Под одной плащ-накидкой от дождя укрывались, из одного котелка хлебали, патронами делились, да только дружба провернется не на войне, а в мирной жизни. Как

стал я на строительстве химкомбината работать, так сварщикам положили оклады больше инженерских. Тут и все родственники из деревни ко мне потянулись. Семья стала десять человек. А тут и дружок мой приехал, говорит:

– Иван, дай денег, хату хочу построить.

Я ему на ораву свою показываю и говорю:

– Смотри, еле концы с концами сводим. Не могу я тебе деньги дать, даже в долг, извини. Обиделся мой друг и исчез. Как будто и не бывало. Я потом прикинул, а ведь накрывались моей плащ-накидкой, мой хлеб делили, из моего котелка хлебали, и я патронами делился. Неужели он не мог понять, что я не в состоянии оставить семью без средств к существованию? Разве друг может забрать у тебя последнее? Если он друг, то не может. Попросил бы помочь устроиться на работу, я в лепёшку бы расшибся, а его бы пристроил на хорошее место.

В конце тысяча девятьсот шестьдесят пятого года друзья отца с оживлением обсуждали перспективы развития химического производства на основе хозрасчёта, доходы, которые будут получать рабочие и многое другое. Выходило, что все мы будем жить в благоустроенных квартирах или отдельных коттеджах, рабочие будут получать большую зарплату, будут созданы оздоровительные учреждения и мы действительно семимильными шагами (семилетними планами – семилетками) пойдём к коммунизму.

Проходило время и ничего не менялось. Почему-то скептицизм моего отца по этим вопросам оказался верным. Позднее я узнал, что состоялся Октябрьский тысяча девятьсот шестьдесят пятого года Пленум ЦК КПСС, который рассмотрел вопросы реформирования хозяйственного механизма и введения элементов хозрасчёта в деятельности предприятий, что позволило бы существенно повысить уровень благосостояния работающих путём создания хозрасчётных бригад и производств, повышения производительности труда, сосредоточения усилий на выпуске продукции, пользующейся повышенным спросом.

Автором новых предложений был Предсовмина Алексей Николаевич Косыгин, не гнушавшийся личной регулярной проверкой истинного состояния дел в производстве и торговле. Но и он был использован в качестве клапана, с помощью которого выпускают излишки пара, и всё осталось на своих местах.

Позже мы уже профессионально изучали решения этого Пленума, как образец влияния партии на экономическую политику

страны, но никто нам не мог объяснить, почему это решение так и не было претворено в жизнь. Если бы экономическая реформа шла планомерно, то «младореформаторам» типа Гайдара или Явлинского, соревновавшимся в перестройке за триста или пятьсот дней, не пришлось бы гордиться тем, что они в течение нескольких месяцев поставили Россию, извините за мягкое выражение, на уши.

В тысяча девятьсот шестьдесят пятом году в новой школе я вступил в автомобильный кружок. В кружке мы разрабатывали и строили микроавтомобили-карты. А спорт с участием картов называется картингом. Это чтобы понятнее было, о чём идёт речь. Мотоциклетный движок на сто двадцать пять кубиков, сварная рама из тонкостенных трубок, цапфы, поворотные рычаги из поршневых рычагов и прочее. Большую часть деталей обрабатывали сами. Навыки работы с металлом остались на всю жизнь. На мою машину были нужны гнезда (можно сказать – круглые коробки, которые приваривались к раме) для подшипников задней оси. Отец пригласил знакомого токаря, посидели они за столом, поговорили о том, о том, о сём, водки выпили, закусили.

– Ну, – говорит токарь, – давай чертёж изделия.

Даю я ему рабочий чертёж, эскиз с размерами.

– Да разве это чертёж, – говорит токарь, – вас что, в школе чертежи не учили чертить: фас, вид сверху, вид сбоку, рамочка, в табличке допуски, материал...

Боже, какое зло меня взяло. Был бы в школе токарный станок по металлу, сам бы выточил. А тут пришёл «спец» и вместо дела выкобениваться стал.

Говорю отцу:

– Пап, ты кого привёл? Кого ты водкой поил? Какой он спец, если даже не представляет, что это за деталь.

Повернулся и ушёл. Отец потом сказал мне:

– Да, маху дал я с этим токарем. Пусть потом подойдёт ко мне, попросит что-нибудь приварить... Я уж его заставлю рисовать чертёж стыка в фас, вид сверху и вид сбоку и вид с расстояния десяти километров. Ты смотри, так со старшими больше не разговаривай. Есть у меня паренёк, который сделает тебе гнезда, в учениках у меня ходит.

И сделал паренёк гнезда для подшипников. Я потом дал ему прокатиться на карте. Сейчас этот паренёк специалист высшей

квалификации, который, как и мой отец, имеет личное клеймо как показатель высшего качества работы.

Нас с детства втягивали в экономическую жизнь страны. Каждый учебный год начинался уборочной кампанией. Собирали картофель или турнепс в пригородных колхозах. Труд совершенно бесплатный, на одном энтузиазме и осознании того, что делаем общественно-полезное дело. Когда погода хорошая, и трудиться в поле приятно. А когда начинают идти дожди или снежок, то сразу почему-то хочется в школу, в тёплый класс послушать какую-нибудь сложную теорему по геометрии или покрутить электрофорную машину в классе физики, пока наш классный руководитель разбирается с расписанием в учительской.

Друзья

В одной школе и в одном классе учились два товарища. Одного возраста, одного роста, одних интересов, только цветом волос немного отличались.

Отличниками друзья не были, но учились хорошо. Сидели на разных партах, хотя один из друзей сидел за партой один. Оно лучше. Когда постоянно вместе, то можно и надоест друг другу. А так, первый с первого класса сидел с одной и той же девочкой, а второй, как-то так повелось, предпочитал сидеть один, периодически обращая пристальное внимание то на одну, то на другую одноклассницу, приводя в трепет одно девичье сердце и вызывая гневный взгляд ревности у другой. Но, мальчик он был умненький, и знал, что стрельба глазами может вызвать рикошет, если не в бровь, так в глаз.

Была у друзей одна единственная страсть. Страсть путешествий. В городской округе ими были обследованы все закоулки, все заброшенные строения, все перелески в лесополосе, на лодке пройдены все протоки в районе слияния двух рек. Всё, что они находили во время своих путешествий, они прятали в тайник, который был их общей тайной и ещё больше укреплял их дружбу.

Несмотря на то, что им и вдвоём было хорошо, в их компанию каким-то образом затесался новичок, бойкий парнишка, всё знающий и умеющий, могущий кого-то похвалить или восхититься. Этакая влюбчивая ворона. И фамилия его имела тот же корень. Основным его отличием было то, что его отец имел мотоцикл и научил своего сына управлять им. И сын сразу стал разбираться во всей технике, похожей на мотоцикл

ижжевского автозавода ИЖ-49. При слове техника глаза его разгорались, чувствовалось, что он сейчас представляет, как поршень проходит ступень впрыска топлива, теперь идёт на сжатие, бац – возгорание топлива, взрыв!!! – и медленная стадия выпуска отработанных газов. Симфония огня. А если двухтактный двигатель заправить горючим для межконтинентальных баллистических ракет, то запросто можно долететь до Венеры, или даже до Марса. Одним словом, готовый механик дядюшки Скруджа.

Было бы неразумно сразу доверять тайны новичку и доводить до него все наши планы. Церемониала посвящения у нас не было, но проверка велась, и довольно тщательная. Что-то нам не нравилось, что-то нравилось, но было не так существенно.

В нашей местности у рек один берег высокий, а другой низкий. Объясняют это какой-то силой Кориолиса, которая возникает в результате вращения Земли и направления течения реки – к полюсу или от полюса. Но вне зависимости от этого Кориолиса, весной реки разливаются и заливают низкие берега. Когда вода уходит на низком берегу вырастает большая трава и поэтому эти места называются заливными лугами. Однажды весной мы пошли на заливные луга ловить рыбу, оставившуюся в ямах после схода воды. Во время прогулки с сачком новый друг достал из кармана пачку сигарет и предложил закурить. Я уже пробовал курить, но мне это совершенно не понравилось.

Рыбалка выдалась в целом удачная. Принцип ловли простой. Вода в яме взбалтывается, т.е. поднимается донный ил. Рыба, в основном щуки (вернее, небольшие щучки), всплывают на поверхность, как подводные лодки под перископ, осмотреться. Так как перископов у них нет, то на поверхности появляются выпуклые глаза. Такие маленькие крокодильчики в воде. Подводишь под глаза сачок, и рыбка наша. Количество пойманной рыбы делилось поровну без всякого коэффициента трудового участия.

Когда число пойманных щучек достигло по пять штук на брата, в одной большой луже появились здоровые глаза, примерно сантиметра на три отстоящие один от другого. Легко представить огромную щуку, скрывающуюся за этими глазами в мутной воде.

Наши виртуальные представления были прерваны криком:

– Эта рыба моя!

Глаза в воде тоже сверкнули на этот крик, но не спрятались.

Наш новый «друг» быстро снял обувь, осторожно вошёл в воду, подвёл сачок под глаза и вытащил...огромную жабу!

Рассказать это трудно. Это надо представить: торжествующий взгляд, ощущение в сачке солидного веса добычи, предвкушение шествия по городу с огромной рыбиной, восхищённые взгляды рыбаков и объяснение для всех: «Это я поймал, а не они!», утренние разговоры в школе о результатах рыбалки, мельчайшие подробности, увеличение размеров и т.п., кровавая схватка с опасным хищником, утащившим на дно множество рыбаков и охотников, но тут пришёл он, и всё обрушилось из-за этой проклятой жабы. И эти два придурка, катающиеся от смеха по земле возле дужи. Придурки. Ни один из вас мотоцикла водить не умеет и мало что соображает в двухтактных двигателях.

Молча обувшись, наш «друг» ушёл домой, не забыв отобрать из добычи самые крупные экземпляры в качестве своей доли.

На следующий день в школе мы были как будто и не очень знакомы. У него появились новые друзья. Но каждый раз, когда он начинал хвастаться, мы показывали ему два пальца как знак Виктории: а помнишь те два глаза? Помнил.

В тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году я окончил среднюю школу, будучи твёрдо уверенным в дальнейшей военной карьере. В этом не сомневались и мои родители, и преподаватели в школе. На всех вечерах по случаю годовщины образования ВЛКСМ школьная самодеятельность ставила сценку о юной комсомолке, попавшей в лапы к врагам (то к фашистам, то к белогвардейцам в зависимости от настроения школьного комитета ВЛКСМ). И обязательно белогвардеец (фашист) должен тушить об её руку горящую сигарку. Белогвардейцем (фашистом) в военной форме как всегда выступал я. Мне же персональным распоряжением директора единственному было позволено курить в стенах школы во время выступления. Форму брали в конвойной части. Сценка всегда проходила на «ура».

Ещё в школе мне довелось прочитать роман Леонида Соболева «Капитальный ремонт» о событиях на российском флоте в самый канун первой мировой войны и о судьбе юного гардемарина Юрия Левитина. Гардемарин – дословный перевод –

морской гвардеец, учащийся выпускного класса Морского корпуса, кандидат в офицеры. Книга написана очень интересно в стиле социалистического реализма с классовой подкладкой: драконы-офицеры и благородные революционные матросы. По прочтению книги путаница в голове была полнейшая. По своей классовой позиции, как сын рабочего, я должен был восхищаться революционной деятельностью матросов, не выполнявших боевые приказы и вредивших делу поддержания в боевой готовности линейного корабля российского флота «Генералиссимус граф Суворов Рымникский», ненавидеть профессионала морской службы лейтенанта Николая Левитина и других офицеров линкора за то, что они не давали послаблений матросам в исполнении воинского долга. А выходило почему-то наоборот: симпатии были на стороне офицеров, не всех, конечно, но большинства.

Время прочтения книги по случайности своей совпало с выступлением на Балтике капитана третьего ранга Саблина, политработника, члена КПСС, взявшего на себя командование сторожевым кораблём и обратившегося с воззванием о необходимости реформирования советского и партийного строя. Капитан Саблин был расстрелян. Так почему же я должен восхищаться саботажем революционных матросов и негодовать по поводу капитана Саблина? Почему я в шестидесятые годы должен восхищаться советскими морскими офицерами, которые, как и «драконы» с царского линкора, живут в отдельных каютах и питаются в кают-компаниях? А это оттого, что на царском линкоре матросы были наши, а офицеры – не наши. А на наших кораблях – и офицеры, и матросы – все наши. Муть.

Точку поставил Валентин Пикуль в романе «Моонзунд». Офицер – опора государства. И от того, насколько крепка эта опора, настолько и крепко государство. Сейчас, по прошествии определённого количества лет, я твёрдо знаю, что русский офицер, где бы он ни был, должен твёрдо придерживаться присяги и решительно пресекать поползновения революционного типа в армии любыми дозволенными средствами.

Вполне возможно, что в стране снова возникнет ситуация, когда каждый офицер должен будет сделать для себя трудный выбор – с кем он, с Белыми или с Красными, с Либералами или Псевдодемократами. Россия такая же Киргизия, только размером побольше, и народ русский можно довести до состояния киргизов. Я не буду говорить за всех, скажу за себя. Я не знаю, на чьей

стороне я буду. И так, и так всё это будет во вред нашему государству.

В нашем юношестве «мы ехали шагом, мы мчались в боях и «Яблочко» песню держали в зубах. Дан приказ ему на Запад, ей в другую сторону. Уходили комсомольцы на гражданскую войну. Каховка, Каховка – родная винтовка. Горячая пуля лети! Иркутск и Варшава, Орёл и Каховка – этапы большого пути. Ты прости, прости, прощай! Прощевай пока, и покуда обещаю не беречь бока. Не ныть не болеть, никого не жалеть. Пулемётные дорожки расстеливать, беляков у сосны расстреливать. Так бей же по жилам, кидайся в края, бездомная молодость, ярость моя! Чтоб звёздами сыпалась кровь человечья, чтоб выстрелом рваться Вселенной навстречу, чтоб волн запевал оголтелый народ, чтоб злобная песня коверкала рот. Нам нож – не по кисти, перо – не по нраву, кирка – не по чести, и слава – не в славу. Мы ржавые листья на ржавых дубах...».

М. Светлов, Э. Багрицкий, В. Маяковский, В. Луговской. Прекрасные поэты. Каждый по-разному воспринимал свою эпоху. Если бы мы исключительно серьёзно и вдумчиво читали или слушали эти стихи под аккомпанемент теории об обострении классовой борьбы в развитом социалистическом обществе, то из нас бы вышли яркие представители той эпохи, типа нынешних коммунистов, которые ходят с завёрнутой назад головой в черных очках и мечтают о возврате в тысяча девятьсот тридцать седьмой год, чтобы посчитаться с нынешними выразителями демократических преобразований и идеологии свободного рынка.

На формирование личности огромное влияние оказало кино. Мы ходили в кино всей семьёй. Будучи постарше ходил в кино один или с приятелями. Как сейчас дословно помню фильмы «Чапаев», «Щорс», «Суворов», «Кутузов», «Нахимов», «Адмирал Ушаков», «Корабли штурмуют бастионы», трилогию о Максиме с Б. Чирковым в главной роли, «Сорок первый» Г. Чухрая о трагической любви красноармейки Марютки и гвардейского поручика Говорухи-Отрока, и великое множество фильмов, которые были событиями в нашей культурной жизни и не проходили мимо внимания как современные американские боевики.

Наши режиссёры действительно воспитывали людей в духе любви к своей Родине, гордости за принадлежность к великому государству и заставляли думать о том, что эпохальные события и отдельные события являются чьей-то судьбой, горькой или

сладкой, внутренне говорили – не трогайте, не бейте, поймите, простите, пожалейте других людей.

По окончании школы мы выходили в жизнь, что-то умеющие и что-то знающие. Трудовое обучение не ограничивалось только занятиями по труду и изготовлением скворечников. Мы проходили трудовую практику на предприятиях, и я вместе со всеми получил специальность автослесаря второго разряда. О том, как нас подготовили, может служить тот факт, что моей квалификационной работой была ручная притирка клапанов двигателя автомобиля ГАЗ-пятьдесят один. Многие из вас представляют систему клапанов двигателя? Сомневаюсь. А мне с моим товарищем нужно было разобрать двигатель, произвести дефектовку клапанов и при помощи дрели и пружинки вручную притереть клапан так, чтобы не было пропускания газов. И это в семнадцать лет.

Зато мы твёрдо знали, что советские люди самые гуманные и добрые люди в мире. Они борются за права угнетаемых людей. Наши отцы и деды освободили от фашизма всю Европу и нам до сих пор благодарны за это, а империалисты стремятся преуменьшить значение нашей победы, даже вот день Победы они празднуют восьмого мая, а мы девятого мая.

Глава 3. Юнкера

Перед окончанием школы я собрал группу добровольцев для поступления в инженерное училище в городе Пермь, в соседней области. Прошли комиссии и собеседования. Все годны по здоровью и полны энтузиазма учиться.

О нас стали говорить во всех школах: «Смотрите, какие патриоты!» Желающих прибавилось, но необходимая группа была уже набрана. Откуда мне было знать, что сыну председателя одного совета захотелось тоже побыть в центре внимания. Почётным людям у нас всегда почёт. Одного из команды надо отчислить. А кого? Конечно, сына рабочего. За него заступиться некому. Вызвали меня в военкомат и говорят:

– Знаешь, какая досадная штука получилась? Есть твёрдое требование в военные училища направлять только тех, кому на первое сентября исполнилось семнадцать лет, а ты родился шестого сентября. Извини, не можем послать тебя в инженерное училище. Есть, правда, пограничное училище в Алма-Ате, там

требования не такие строгие. Если желаешь, направим туда, а так – жди ещё год, пока не исполнится семнадцать лет.

Куда деваться, конечно, согласился. О причине поворота в моей судьбе я узнал много позже. Будучи уже майором, приехал в отпуск и при постановке на учёт в военкомате обратил внимание на одного старшего лейтенанта, личность которого мне показалась очень знакомой. Действительно, это оказался бывший делопроизводитель-сверхсрочник, который и направил мою жизнь по другому руслу.

– Извините, товарищ майор, думал, вы меня не узнаете, – сказал он. – Мне приказали поговорить с вами, офицерам было стыдно говорить из-за того, что вы были инициатором поступления в военное училище, а вас пришлось исключить из команды. Все офицеры внимательно следят за вашей службой по вашим приездам в отпуск и радуются, что вы здорово обогнали ваших друзей-инженеров в служебном продвижении. Успехов вам и не держите на меня зла. А тот человек не поступил, съездил, прокатился и вернулся домой.

Бывший сверхсрочник уволился в запас в звании майора, и мы до сих пор поддерживаем с ним дружеские отношения.

Кстати сказать, каждому человеку, у которого получился такой же «облом», необходимо философски подумать, а действительно ли это облом? Да, я не стал ракетчиком, не сидел на позициях стратегических ракет, но я объездил почти весь СССР. А стал бы ракетчиком, то и семья у меня была бы другая, и жизнь сложилась бы не так, и я был бы не таким, какой я сейчас есть, и не сидел бы около компьютера и не писал эти строки. Я считаю, что те «неудачи», которые пришлись на мою жизнь, на мою службу и сделали небольшой изгиб в моей судьбе, провели меня той дорогой, о которой я мог бы сказать словами песни: «...если снова начать, я бы выбрал опять бесконечные хлопоты эти». Поэтому я сейчас с определённой долей благодарности отношусь к тем людям, которые на протяжении всей моей жизни пытались и устраивали мне неприятности. Большой им привет и низкий поклон.

*Воспевайте в молитвах заклятых врагов,
Они Богом даны, как пути указатель,
Вам закроют дорогу в страну дураков
И на пьяном столе снимут скатерть.*

*Они вас сэберегут от прилипчивых баб,
Что как моль в гардеробе любом,
Раньше вас они выпьют ваш яд
И ваш гроб разобьют топором.*

*Раскидают венки по дороге
И засыплют могилу землёй,
И пойдут ваши голые ноги
По знакомой тропинке домой.*

*Снова будут враги вас клянуть,
Видеть пыль где-то там на ресничке,
Не забыть бы вам в храм заглянуть
И оставить им рубль на божничке.*

Перед отъездом в училище на моё имя пришло письмо, подписанное ровным девичьим почерком. Отец изъясил это письмо, вскрыл, прочитал и спрятал, чтобы не сорвать мой отъезд. О существовании этого письма я узнал много позднее от матери, а потом нашёл это письмо в старых бумагах.

Письмо из детства

Я тебя люблю. Сначала ты мне нравился просто как ласковый мальчик, который учится в соседнем классе, но я видела звериный блеск в твоих глазах, когда ты бросился на защиту своей одноклассницы, и поняла, что люблю тебя.

Я очень обрадовалась, когда наши классы объединили, но потом поняла, какая это мука каждый день видеть тебя и не иметь возможности подойти к тебе, потому что ты был окружён вниманием всех наших девчонок, старавшихся пробить брешь в той стене, которую ты построил, войдя в наш класс.

Я помню, как ты вошёл в класс, хмурый, грозно спросил, где свободная парта, сел за неё и положил ногу на сиденье, явно показывая, что никого не хочешь видеть рядом. И в нашем классе оказалось тридцать пять учеников, что позволило тебе сидеть одному.

А твоя наглая манера осматривать всех девчонок, иногда задерживая на ком-то взгляд и вгоняя её в краску? Я всегда злюсь, когда ты начинаешь утренний осмотр девчонок.

Как мы старались попасть вместе с тобой в дежурство по классу. Ты поднимал парты, выметал под ними мусор и бегал по несколько раз менять воду в ведре, пока мы мыли пол.

А помнишь, на субботнике, когда Танька вместе с рамой начала вываливаться из окна нашего класса на третьем этаже, ты успел схватить её за ноги, и она висела головой вниз, сверкая своими голубыми рейтузами. Только ты один не смеялся над ней. Это оценили все.

На вечерах двадцать восьмого октября ты всегда был в военной форме и играл то белогвардейского офицера, то немца, которые пытаются попавшую в плен комсомолку. И тебе единственному разрешали курить в школе на сцене. А как верещала Галка, когда ты ей нечаянно прижжёг руку папиросой? И как потом гладил ей руку и дул на обожжённое место, и мы так отчаянно завидовали Галке, что она на некоторое время стала нашим врагом.

Ты всегда что-нибудь интересно рассказывал и вокруг тебя собирались ребята, а нам приходилось прислушиваться к тому, что вы обсуждаете во время ваших разговоров.

Ты играл всеми девчонками, как кот с мышками, но ни одной не удалось поиграть тобой. Тебе ничего не стоило на школьном вечере пройти через весь зал, пригласить девушку и выйти с нею на середину зала первым и начать танцевать. Даже наши молодые преподаватели называли это вызывающим и не совсем скромным поведением.

А когда ты пошёл в военкомат и подал заявление о поступлении в военное училище, то я поняла, что скоро совсем потеряю тебя.

Я не думаю, что тебе удастся забыть меня. Когда-нибудь я встречу тебя в дороге, на вокзале и скажу:

- Здравствуй, любимый!

И всё. Я до сих пор не знаю, кто написал это письмо, хотя и пытался это осторожно выяснить по прошествии достаточного количества лет.

А, впрочем, так ли это важно? Это письмо я помню наизусть. Иногда мне кажется, что на меня смотрят чьи-то внимательные и ласковые глаза, охраняя меня от невзгод и опасностей, встречавшихся на моем пути.

Поездка в Алма-Ату из небольшого российского городка была делом неординарным. Отец по-военному собрал меня в

дорогу. Всё разложил по полочкам и показал, где и что лежит. Инструктаж, как вести себя в дороге и прочее, и прочее. Впервые в жизни поездка в неизвестность. Нас ехало три человека, но в дороге мы держались дружно и без происшествий добрались до города Свердловска. Пересадка в Свердловске на другой поезд и через двое суток мы уже на станции Алма-Ата II.

Ночью добрались до училища. Незнакомые парни, солдаты различных родов войск, подтянутые офицеры-пограничники – наши первые курсовые офицеры. Подъем, завтрак в курсантской столовой, подготовка к занятиям, консультации по предметам, экзамены, работа на хозяйственных объектах, вечерняя прогулка, отбой. Месяц пролетел незаметно.

В абитуриентский период подружился с одним парнем из местных, но русским, года на два старше меня. Вместе работали на расширении строевого плаца, носили носилки (таврология, а носилки не только носят, но при желании их можно катать или таскать), перетаскивали здоровенные бордюры, подцепив их ломом на проволочную петлю, перекуривали после работы, разговаривали за жизнь. Парень понравился тем, что не строил из себя старика и многоопытного человека и тем, что ему можно было доверять без боязни, что сказанное завтра будет известно всем. Потом я узнал, что его отец работает преподавателем в училище и профессия пограничника у них как бы наследственная, династическая. При распределении нас назначили в разные группы, но мы всегда поддерживали дружеские отношения, встретились в Москве в период учёбы в академии, дружили семьями и практически не встречались до окончания службы, зная, как обстоят дела у каждого из нас. К слову сказать, он закончил службу генерал-лейтенантом, занимая достаточно высокий пост в руководстве пограничных войск.

Экзамены в училище я сдал хорошо. Конкурс был шесть человек на одно место. Конкурс, конечно, небольшой, но пришлось постараться при сдаче экзаменов и соблюдении требований дисциплины для абитуриента. В тысяча девятьсот шестьдесят девятом - тысяча девятьсот семидесятом годах после событий на острове Даманском конкурс был до двадцати человек на место, как в театральное училище. В казармах не хватало места. Ставили палатки на спортивных площадках, чтобы разместить абитуриентов.

Вызов на мандатную комиссию. Обыкновенные смотрины руководством училища. Посмотрели, оценки нормальные. Характеризуется хорошо. Желание учиться есть? Есть. Зачисляем.

После мандатной комиссии строим баню. Внеочередная помывка. Каждому выдали новенькую хлопчатобумажную курсантскую форму. Как мы крутились в ней перед зеркалом. Своя форма, а не прокатная. И сидит хорошо. Возвращаясь из бани, встретились с настоящим курсантским взводом и поняли, какие же мы гадкие утята по сравнению с ними. Форму надеть мало, военными надо ещё стать. И началась работа, чтобы из гражданских парней сделать военных.

Одним из главных элементов изучения будущих командиров является столовая. Да, столовая! В наши времена мы сидели в столовой по четыре человека за столом. Столы были сервированы, а пищу нам приносили милостивые официантки. Нас готовили быть офицерами, а не солдатами. Так всегда было на Руси, да и не только на Руси. Офицерское воспитание начинается с малого.

Так вот, о столовой. В самом начале можно составлять точную характеристику будущего офицерского корпуса по тому, как они едят с самого первого дня.

Есть такое поверие, что хозяин набирает работников по тому, как они едят. Если человек ест за троих, то и работать он будет за пятерых. Всё это вранье. Это придумали те, кто любят пожрать, а вот в отношении работы они не шибко любят распространяться.

Все едоки делятся на три категории. Первая. Ест степенно, с достоинством. Как правило, и в будущем человек достойный. Вторая. Съедает быстро и никому не смотрит в глаза. Этот из большой семьи, а в большой семье хлебалом не щелкают: не успеешь ложкой в очередь, достанется меньше, не успеешь съесть свою пайку, другие её съедят. Как правило, эти люди в считанные дни переходят в первую категорию и раскрываются в своём естестве как нормальные люди. Третья. Этот съедает всё в мгновение ока и сидит с голодными глазами, как будто его обделили, всем дали больше, а ему меньше всех. Эта категория самая опасная. Этот по костям пойдёт за своей пайкой, да так оно и получалось всегда.

Человека видно и тогда, когда приходится с ним есть из одного котелка. Если ложка в ложку, отталкивание лучшего куса другу, то с таким можно идти в бой и в разведку не раздумывая.

Потрудились над нами на славу. Через месяц мы уже хорошо знали своё оружие, неплохо стреляли из него, могли делать гимнастические упражнения на снарядах, слаженно ходили в строю, выполняли строевые приёмы, знали и выполняли требования воинской дисциплины, и форма из мешков начинала приобретать очертания военных людей, на которых мы старались походить.

Много пришлось поработать над нами и в плане приучения к дисциплине от самостоятельного и точного выполнения воинских Уставов до беспрекословного выполнения приказов и распоряжений командиров и начальников. Воинская дисциплина - это основа военной службы. Неповиновение самый большой грех или самое большое преступление защитника Отечества.

Сейчас принято много рассуждать на тему правомерности приказов и распоряжений командиров и начальников. Да, за преступные приказы должен нести ответственность те, кто вправе отдавать такие приказы. И реформа армии, в первую очередь, и постоянное руководство Вооружёнными Силами должны состоять в том, чтобы у руководства армии стояли высокообразованные люди, не способные к отдаче преступных приказов.

Как правило, такие офицеры честно исполняют свой воинский долг и отличаются только в военное время, получая строжайшие взыскания за вдумчивый подход к планированию военных операций и сохранение жизни вверенных ему солдат.

В мирное время вдумчивые офицеры не в чести, потому что отказываются выполнять приказы любой ценой, не имея соответствующего материального и морального обеспечения.

Вообще-то молодым, и не молодым, людям необходимо учитывать и то, что армия - это не какая-то автономная организация, управляемая хорошими или плохими офицерами, а составная часть государства, управляемая политическим руководством страны. Не лейтенанты, капитаны и генералы начинают войны. Каждому военнотружущему придётся выполнять задачи, поставленные политическим руководством.

Это же политическое руководство определяет, что для военных хорошо и что для них плохо. Вот поэтому поначалу и летали наши штурмовики ИЛ-2 с палками в заднем фонаре, изображая несуществующего стрелка, и у танков Т-34 были пушки, не позволяющие вести эффективную борьбу с танками противника, и Т-34 мог не снискать славу лучшего танка Второй мировой войны, его попросту бы не было.

За время учёбы с нашего курса ушло около десятка человек. В принципе, естественный отбор это один из постулатов генетики, которую верные большевики-ленинцы то отрицают, то не отрицают, в зависимости от генерального курса партии.

Из нашей группы ушло пять человек. Первый попался на краже. Воровал деньги товарищей перед первым зимним отпуском. Кражи в нашем училище были настолько редким явлением, которые можно разве что сравнить с прилётом в зону видимости земли кометы Галлея.

Выявили его поголовным обыском всех групп. Его сразу «выдернули» от нас, потому что я не знаю, чтобы мы с ним сделали. Армейские порядки в этом отношении строгие. Высокий чернявый красавец, медалист, боксёр, хороший товарищ (фамилию и национальность называть не буду, чтобы не обвинили меня в великорусском шовинизме) и вдруг воровство. Через два часа он был уже в солдатской форме, отправили в тыловое пограничное подразделение в Забайкалье, а там таких тоже не любят.

Вторым ушёл весёлый парень из Закарпатья с широченными плечами, для забавы носивший на вытянутых руках наполненные водой ведра, который каждый день писал своей Маричке и каждый день получал от неё письма.

– Нет, ребята, – сказал он, – счастье моё рядом с Маричкой.

Жаль, а что поделаешь? Он пытался подстроиться под всех, даже начинал курить, несмотря на запреты от курильщиков, но такая любовь не могла перенести даже минутной разлуки. Не знаю, хорошо ли это или нет, но уделом княгини всегда было ожидание мужа из похода.

Третьим ушёл небольшого росточка парень, гений в математике, виртуоз в гимнастике, пришедший в училище со второго курса физмата в академгородке в Новосибирске.

– Боже, какую ошибку я совершил, – сказал он и ушёл на два года служить рядовым на границу, так как начальству нужно было примерно наказать ошибшегося студента. Ах, студент, и корни квадратные извлекать умеешь? Вот и поедешь лес корчевать под учебный центр в Забайкалье.

Четвертым ушёл третькурник одного из престижных университетов в западной части страны. Чем его сманили-заманили к нам, он нам не говорил, да это и не так важно. И он поехал на два года в Забайкалье рядовым.

Пятым был мальчик из порядочной еврейской семьи в Черновцах. Конечно, там стоит пограничный отряд, пограничные

офицеры – женихи первый сорт и Боря тоже решил поблестеть офицерскими погонами. Парень неплохой. Но попасть в училище КГБ при СМ СССР с пятой графой в документах это было просто чудом. Возможно, что его приняли за молдаванина. Может, кто-нибудь скажет, сколько молдаван проживало в Черновцах в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году и сколько проживает сейчас? Погрешность будет предсказуемая. Его мама всегда повторяла:

– Мальчик из нормальной еврейской семьи и вдруг пошёл в пограничники, чтобы задерживать на границе наших родственников. Ой, горе мне!

И её можно понять. Боря честно проучился три курса. В классе он сидел на первом столе сразу у входа в аудиторию. Преподаватель спецподготовки, подполковник с лошадиной или с хоккейной фамилией, соответствующей фамилии внешности, с кулаками с голову жеребёнка, но добрейшей души человек, правда тот, кто об этом не знает, при встрече с ним отдаст всё и ещё сдунет несуществующую пылинку с его костюма, всегда заканчивал свои занятия одинаково, и мы все ждали её как финальную сцену в «Ревизоре» русского писателя Н.В. Гоголя:

– Так что, Борис Михалыч, допустим мы, чтобы проклятые империалисты безнаказанно ходили через наши советские границы? – громко говорил подполковник и стучал огромным кулаком по столу Бори.

Съёжившийся в комок Боря тихо отвечал:

– Не допустим, товарищ подполковник.

– Вот то-то. Дежурный, занятие окончено.

– Встать, смирно!

– Вольно, перекур.

– Ну, чего он ко мне прицепился? Каждый раз одно и то же, – жаловался нам Боря.

Как ему объяснишь, что все лихорадочно искали повод.

И повод нашёлся. На офицерской стажировке на Дальнем Востоке застава Бори разгружала ящики из вагона, пришедшего из Кореи. Что за ящики, никто не знал. Сказали, что это спецгруз и попросили быть осторожнее с ним. Но где вы найдёте такого советского солдата, который бы при слове «тайна», «спецгруз» остался равнодушным? И такой солдат не нашёлся. Ящики были не тяжёлые и поэтому один из них аккуратно треснули об рельс. Оттуда посыпались авторучки северокорейского производства. В эпоху тотального дефицита такая ручка приравнивалась к позолоченному «Паркеру», корпус которого затейливо расписан

алмазным резцом. Один ящик «скоробчили», на учебной заставе тридцать человек, потом кореша на других заставах, сунули курсанту авторучку:

– Нашли вот, вам ещё учиться, а мы и карандашом письма домой напишем.

Но фраера всегда губит жадность. О пропаже ящика доложили, почти все ручки собрали, а одна лежала на Бориной тумбочке в палатке. Нельзя доверять «данайцам, дары приносящим». Кто всё организовал? Товарищ курсант приказал. Все в один голос говорят. Как в тысяча девятьсот семнадцатом году. Бедные несчастные, что поделаешь, если без пяти минут офицер приказывает. Всем была ясна подоплёка, но что поделаешь, если человек с пятой графой. Отправили служить в Забайкалье, в спецотряд, где уже служили три еврея – начальник отряда, старший инструктор политотдела, врач медсанчасти и четвёртый Боря. А нам объявили, что Боря совершил акт международного терроризма и за это отчислен из училища рядовым в погранвойска. И доказать обратное было невозможно.

Служил он недолго, три курса училища это как шесть лет в армии. Уволился старшиной.

Последний раз видел его в тысяча девятьсот семьдесят шестом году, незадолго до окончания академии. Мы группой слушателей летели в Петропавловск-Камчатский подработать в отпуске в качестве студентов в студенческом стройотряде, все в гражданке и вдруг Боря с женой. Рад до невозможности, а мы задержаться не можем, несёмся с рюкзаками на отходящий самолёт, только успел сказать: «Боря не волнуйся, свидимся». Свидеться не пришлось, но меня потом так неназойливо спрашивали люди из органов, а что хотел от меня этот человек в аэропорту? Ответил: обознался.

А Забайкалье интересное место. Туда испокон веку ссылали самые лучшие умы России и от нас уезжали не самые плохие люди.

В училище нас серьёзно учили стрелять. Не менее одного раза в месяц выезд на стрельбище на одни или на двое суток. Стрельба днём и ночью. Из пистолетов, автоматов, пулемётов, гранатомётов. На выполнение упражнений хватало половины выделенных Курсом стрельб боеприпасов. Старшины жаловались – опять боеприпасы сдавать на склад.

Хорошие результаты стрельбы достигались не натаскиванием на боевых патронах, а на стрелковых тренировках.

Лежишь в тире, прицеливаешься в уменьшенную мишень и учишься держать «ровную мушку». Добиваешься автоматического плавного спуска курка. Это основа основ меткой стрельбы. Сорок девять очков из пятидесяти возможных при скоростной стрельбе из автомата одиночными выстрелами на дистанцию сто метров в течение одной минуты. Сутки увольнения из расположения училища. Это что-то значит. Правда, всего лишь второе место в училище. Мой товарищ был точнее – двое суток увольнения.

На выпускных экзаменах по огневой подготовке в ночных условиях я выполнил упражнение двумя очередями, затратив три патрона (последний одиночный выстрел допускается) и получил отличную оценку. Из пистолета на государственном экзамене выбил двадцать девять очков из тридцати возможных (такой результат показал впервые, выше двадцати восьми очков не поднимался). «Огневики» на экзаменах волновались больше нас. Как они научили, так мы и стреляли.

Стрелять мы любили. Два раза в год сами пристреливали своё оружие. Автоматы знали на ощупь, не глядя на заводской номер. В дождь прикрывали автомат шинелью, хранили от резких ударов и толчков. Поэтому и автоматы стреляли туда, куда хотели мы.

До сих пор я помню мнемоническое правило для стрельбы с поправкой на ветер: «Ветер умеренный – пулю так относит, как от прицела два с половиной отбросить». То есть при среднем ветре и при прицеле «три» (на триста метров) нужно сделать вынос на половину фигуры мишени в сторону ветра.

В тысяча девятьсот семидесятом году на войсковой стажировке в Приаргунском пограничном отряде Забайкальского пограничного округа в должности заместителя начальника пограничной заставы мне пришлось работать на учебном пункте с только что призванной молодёжью.

Ребята в основном вятские, мои земляки. Стрельба по мишени с кругами. Пули уходят «пить молоко». Кто виноват? Конечно, автомат. Старый, не пристрелянный. Для этих случаев на своём направлении у меня были разложены куски красного кирпича. Берёшь автомат, показываешь стрелку кирпич и стреляешь. При попадании кирпич взрывается красным облачком. Вывод – хозяин автомата стрелок никудышный. На тренировку человека. Руку на спину положишь и чувствуешь, как он весь напрягается перед выстрелом и дёргается в момент выстрела. Дергун. Снаряжаешь магазин учебными и боевыми патронами

впережку. Человек ждёт выстрела, а патрон пустой. Раз, два, три, четыре, бдительность притупляется, а тут раз и выстрел. После выстрела, по теории, должен быть холостой патрон, а он снова боевой. Но после этого-то должен быть холостой патрон, а он снова боевой. Подходит человек к мишени, видит свои попадания и неплохой результат. Он уже начинает тренироваться сознательно.

Для особо непонятливых, на учебном пункте рядом с огневым рубежом была небольшая сопка с пограничным знаком. Командир отделения, вместе с рядовым Ивановым узнать номер пограничного знака и доложить! Прибегает солдат, а номер пограничного знака забыл. Снова к знаку. Доложил. Правильно. На огневой рубеж, к бою! Результат – отлично. Сил у солдата нет дёргаться и ждать выстрела: ровная мушка, плавный спуск и поражение цели. А нам мандраж перед выстрелом успокаивали километровой пробежкой. Хорошо расслабляет.

Рядом с учебным пунктом были сборы снайперов. Созданы они были сразу после событий на острове Даманский. Командовал курсами старшина срочной службы, который никак не мог найти форму общения с курсантами военного училища. В прибывшей группе только один сержант, остальные рядовые. Но все ходят в хромовых сапогах, питаются в офицерской столовой, присутствуют на совещаниях вместе с офицерами и имеют свободный выход в город, чего не позволено военнослужащим срочной службы. Попробовал качать права, но получил такой отпор, что решил больше не связываться.

Единственный способ показать своё превосходство отличной стрельбой. Стрелял он хорошо. Как-то на полевом выезде на стрельбище он обратился к нам:

– Ну что, товарищи курсанты, слабо вам посоревноваться в стрельбе из снайперской винтовки по пятаку (пятикопеечная монета) на сто метров.

Всё это на виду у офицеров и подчинённого личного состава. Промахнуться, значит потерять авторитет. Расчёт был на то, что мы откажемся. Друзья мои хорошие за меня сказали, что я согласен. Как в анекдоте, когда все поздравляли смельчака, прыгнувшего с десятиметровой вышки.

– Храбрец-то я храбрец, – сказал прыгун, – но дайте мне найти того гада, который меня с вышки толкнул.

Здесь «гады» все рядом были, рядом спим, рядом питаемся.

Кто думает, что из снайперской винтовки легко стрелять, тот глубоко заблуждается. Надо уметь прицеливаться в прицел. В окуляре должен быть ровно видимый круг. Затемнение с той или иной стороны означает неточное прицеливание и уход пули от цели. Кроме этого, нужно плавно нажимать на спусковой крючок и уверенно держать оружие в руках. Плохому стрелку и снайперский прицел не помогает.

Для стрельбы была предложена винтовка системы капитана Мосина образца тысяча восемьсот девяносто первого дробь тысяча девятьсот тридцатого года. И оптический прицел времён Великой Отечественной с тремя «гвоздиками». Без тренировки в соревновании не победить. А старшина ежедневно проводит занятия с солдатами и сам тренируется.

Пришлось выставить условие – стрельба без оптического прицела, из одной винтовки после проверки её особенностей практической стрельбой. Всё проверили, приготовились. Пятак начистили как золотой. Гвоздиками прикрепили к столбу. Мне из вежливости предложили стрелять первым. Первым в любом случае стрелять лучше. Хорошо выстрелишь – посеешь сомнение в силах и способностях у соперника. Плохо выстрелишь – притупишь бдительность соперника, и он может показать результат хуже, чем у тебя.

Целился я долго. Выстрел и блестящего кружка как не бывало. Всей заставой искали и нашли. Пуля задела самый краешек монеты, она и улетела, жужжа, как майский жук. Старшина ликовал. Но он попал в столб рядом с пятак. Я всё-таки задел монету. Победа за нами. После этого старшина держался с нами очень уважительно.

Моя стрельба не прошла мне даром. Заместитель начальника штаба отряда, командовавший учебным пунктом, вызвал меня и поручил вести курсы пулемётчиков КПВП (крупнокалиберный пулемёт Владимирова пехотный). Пушка калибром четырнадцать и пять десятых миллиметра на колёсах и с раздвижными станинами. Стреляет автоматически. В училище мы его не изучали. Только что отгремели бои на острове Даманском, откуда сообщалось, что старший лейтенант Виталий Бубенин поражал противника из всех пулемётов БТР. А стреляли он только из пулемёта Калашникова танкового (ПКТ), спаренного с крупнокалиберным пулемётом. Поэтому и ввели в программу изучение крупнокалиберного пулемёта.

Некоторые товарищи из читательской аудитории уже высказывали замечания о том, что есть только КПВТ (крупнокалиберный пулемёт Владимирова танковый). Нет. Был и есть такой, пехотный. Сейчас вместо него универсальный калибра двенадцать и семь десятых миллиметра пулемёт «Утёс». Хотя я не удивлюсь, что образцы КПВП находятся в каких-нибудь странах вместе с ПППШ (пистолет-пулемёт Шпагина) и ещё стреляют как надо.

Сначала я сам разбираю и собираю пулемёт, изучаю устройство и назначение частей, а затем проводил занятия. Опасная штука крупнокалиберный пулемёт. Меры безопасности в конце инструкции, а я разбираю пулемёт с книжкой в руке. Возвратно-боевая пружина как амортизатор у автомобиля. Начал снимать затыльник пулемёта, а затвор, как и предупреждалось в мерах безопасности, находился во взведённом положении, и пружина выбросила меня вместе с затыльником из палатки. Как я не получил серьёзную травму, до сих пор удивляюсь.

Изучили пулемёт, и пошли стрелять. Естественно, для изучения нам дали пулемёт, из которого давно никто не стрелял. Специалистов по пулемётам нет. Всё практически путём, эмпирически, как говорят марксисты. Начал производить пристрелку. Нажал гашетку, чтобы сделать короткую очередь, а пулемёт начал стрелять непрерывно, и я его остановить не могу. Ухватился за ленту, а он, прожора, на себя её тянет. Я оказался сильнее. Выяснилось, что не отрегулирован шток, поднимающий боевой зацеп спуска. Отрегулировали. Затем оказалось, что пулемёт стреляет неизвестно куда. При помощи молотка, плоскогубцев (нормальных принадлежностей к пулемёту, кроме шомпола, не было) и разных волшебных слов заставил пулемёт стрелять в сторону мишеней.

Чтобы пулемёт зарядить, надо обладать недюжинной силой и сноровкой, а ребята-пулемётчики были щупленькие после гражданских хлебов. Рычаг перезарядки как ручка у трактора, если слабо дёрнешь, то затвор останавливается в среднем положении и нужно упираться ногами в колёса и изо всех сил дёргать ручку, чтобы затвор (по инструкции – боевая личинка) встал на боевой взвод. Ничего, отстрелялись хорошо и сдали зачёты. После этого я уже был специалистом по пулемёту и в училище помогал преподавателю в проведении занятий с товарищами.

Были у нас и специальные занятия на тему: «Советское оружие – лучшее оружие в мире». С этим мы все были согласны. Автоматы и пулемёты Калашникова прошли апробацию во всем мире и показали отличные качества. В самый грязный автомат надо умудриться вставить патрон в патронник, можно даже каблуком ударить в рукоятку перезарядки, и выстрелить один раз. После этого стрельба пойдёт без задержек, если не попадёт какой-нибудь крепкий камень или железка. Против лома нет приёма. Единственное, что нас удивляло, так это то, что к лучшему в мире оружию нет приспособлений для чистки, кроме шомпола, ёршика и протирки для канала ствола. А ведь кроме ствола в автомате есть и ствольная коробка, газовая трубка и газовая камера, к которой труднее всего подобраться и вычистить от нагара пороховых газов.

Каждый курсант пытался придумать какое-либо приспособление для чистки автомата, кто во что горазд. Ствольную коробку и газовую трубку очень удобно чистить старой зубной щёткой. Щётку можно изогнуть так, как это удобно. Для газовой камеры вырезали из дерева «Г»-образный сучок (лучше из клёна), на который наматывали тряпку и вычищали нагар.

Попробуйте вычистить доньшко стреляной гильзы охотничьего ружья. Мата послушаетесь достаточно. Наши конструкторы этот мат слушают с тысяча девятьсот сорок седьмого года и как об стенку горох.

Училищные изобретатели использовали даже опыт аборигенов по добыванию огня. В камеру через отверстие в прицельной коробке вставляется палка, которая с торца прижимается газовым поршнем. На палку наматывается в два оборота брючный брезентовый ремешок, придающий палке вращательное движение. Десять минут работы и камера как отполированная.

Кстати, если бы в автомате Калашникова приклад был продолжением линии ствола, то точность стрельбы из автомата повысилась бы значительно. Но, снова начнутся обвинения в низкопоклонстве перед Западом, потому что в винтовке ЭМ-шестнадцать и других модификациях иностранного оружия линия приклада является продолжением линии ствола. Наша дурь исправляется только тогда, когда эта дурь становится совсем невыносима, и давно, десятилетиями, веками отринута всем

миром. И только потом наших вдруг осеняет, что они делали что-то не так.

Чем русские отличаются от всех других народов? Твёрдостью. Знают, как надо сделать, чтобы было лучше, но делать это не будут – зачем создавать себе хлопоты, когда и так неплохо.

Единственное, с чем мы были не согласны, что ПМ (пистолет Макарова) самый лучший в мире. Механика – да. Ни одного винта. Надёжность – почти сто процентов. Ствол – коротышка, отклонение мушки на сотую долю миллиметра кратно сантиметровому отклонению пули от цели. Патрон – слабый. Скопирован с патрона американского пистолета «Кольт» калибра одиннадцать и сорок три сотых миллиметра и уменьшенный до калибра девять миллиметров. Самое лучшее, считали мы, это увеличение калибра спортивного пистолета Марголина с калибра пять и шесть десятых миллиметра до калибра семь целых и шестьдесят две сотых или девять миллиметров (до тридцать второго калибра по западным стандартам и применения патрона типа «парабеллум»). Получилось бы мощное оружие с большой прицельной дальностью стрельбы и высокой кучностью боя.

Сильное оружие всегда в цене. Преступный элемент по достоинству оценил старый, снятый с вооружения ТТ (Тульский Токарева). А в армии до сих пор нет пистолета, сильного и не уступающего мировым стандартам. Разговоров было много, образцов много, да только воз и поныне там.

Как-то в Забайкалье сотрудники НКВД преследовали сбежавшего преступника. Прижали его к речушке и пошли брать. А тот переплыл речушку и бежать. Один сотрудник стал стрелять в него из пистолета Макарова. Выстрелит, преступник упадёт. Снова встанет и бежать. И так пять раз. Потом преступник поднял руки и закричал: Не стреляйте! А почему? - поинтересовался один из сотрудников. Больно же, - сказал преступник. Мокрый ватник оказался как бы бронежилетом, а у преступника сломано два ребра и три огромных кровоподтёка.

Учёба в училище пришлась на период очередной военной реформы. В тысяча девятьсот семидесятом году сменили военную форму для офицеров и солдат. Остались в прошлом синие брюки, мундиры и гимнастёрки со стоячими воротниками.

Чуть раньше у офицеров были отменены шашки и кортики, а в училищах прекратились занятия по привитию хороших манер и обучению танцам.

Наши курсанты всегда отличались от курсантов других училищ своей формой. Мундиры немнущиеся из тонкого сукна с лавсаном, а не из грубой диагонали. Зелёные фуражки с малиновым кантом и курсантские жёлто-зелёные погоны с малиновым кантом, как знак принадлежности к органам НКВД. Мы потом узнали, не достоверно, по-моему, что за качеством курсантской формы наблюдал сам Лаврентий Берия, в ведении которого находились погранвойска. По этой причине нас часто останавливали армейские патрули, которые ни в одном уставе не встречали трёхцветных курсантских погон. А офицеры Советской Армии, сами бывшие курсанты, удивлялись качеству сукна на форме пограничников.

Недавно читал приказ об изменении пограничной формы. Комментировать не буду, но напрашивается аналогия с мундирами некоего ведомства безопасности в уже несуществующей структуре некоего рейха, в котором проходил службу товарищ Штирлиц-Исаев. Иссиня-чёрная форма. Как у полицейеров. Зелёная фуражка с голубыми кантами и каким-то васильковым околышем. Прямо скажу, это не пограничная форма. Эту форму придумал пиджак, кто сам пограничником не был, пограничников не знает и из шкуры вон лезет, чтобы выпендрить органы госбезопасности, и чтобы новый Лермонтов, или даже не Лермонтов, но сказал про весь народ и про мундиры, которые их сторожат:

*Как непонятна ты Россия
И молчалив во всём народ,
И сине-черные мундиры
Из пролетариев господ.*

Время покажет, надолго ли это. Если бы «государь-анпиратор» на свои деньги полки обмундировывал, то он бы крепко подумал, как одеть их так, чтобы и красиво было, и носко, и в бою не мешало, и на балу за дам не цеплялось. А когда «всё вокруг колхозное – всё вокруг моё», то форму можно менять с каждым президентским сроком. Погоны большие, погоны маленькие, аккуратные фуражки-карацуповки и огромные аэродромы, в которые не промахнётся ни одна уважающая себя тварь небесная, зато те, кто ростиком не вышел, но чуть ли не в наркомы выбился, будет всегда на две головы выше любого высокого человека, если невзначай ветер не подует. Как люди не понимают, что фуражки с высоченными тульями превращают их в

шутов гороховых, в модных баб-любителей шляпок, а не в офицеров армии, которой есть чем гордиться.

Вспоминаю себя в настоящей кавалерийской шинели настоящего шинельного сукна с разрезом до того самого места, где спина превращается в мягкую подушку для седла, маленькой «карацуповской» фуражке с маленьким околышем и маленьким козырьком, потемневшей от времени металлической выпуклой звёздочкой с настоящей эмалью. У всех куцые шинелюшки с ворсом и с маленьким, намного ниже прибора, разрезом и блестящие алюминиевые звёздочки. Когда пошли в казарму, то меня обступили старшекурсики и начали предлагать на выбор любой элемент одежды. И тут я вспомнил, что сказал мне старый сверхсрочник:

– Сынок, формы будут меняться, а твоя форма не изменится никогда. Не думай, что товар лежалый, просто сын мой на тебя похож, тоже на границе служит, дай Бог, что и его оденут так же по-человечески.

Как я ему был благодарен, когда на конной подготовке моя шинель не поднималась как подол юбки, чтобы можно было сесть в седло, а свисала по сторонам седла, прикрывая лошадь от холода и закрывая мои ноги.

Лошади мне доставались с интригующими кличками. Первая – Тайна, а вторая – Трагедия.

Тайна на галопе спотыкалась, и можно было вместе с ней свернуть свою молодую шею, поэтому мне и заменили лошадь. Трагедия – спокойная, выдержанная лошадь с твёрдым характером, и мы с ней по-настоящему подружились.

Тайна

Особенно большой тайны я не вам не открою, потому что речь пойдёт о Тайне – имени собственном. Как говорил незабвенный капитан Врунгель: «Как вы яхту назовёте, так она и поплывёт», будете с нетерпением ожидать таинств и трагических подробностей, связанных с этими именами.

Я немного приоткрою завесу неизвестности и сообщу, что это имя принадлежит лошади – Тайне. Меня всегда занимал вопрос, почему имена лошадей-однолеток начинаются с одной буквы? Оказывается, всё очень просто. Каждому году присваивается своя буква. Тысяча девятьсот пятьдесят шестому году была присвоена буква «Т». Тысяча девятьсот пятьдесят

седьмому году, соответственно, была присвоена буква «У». Лошади – существа бессловесные и не могут заявить о своих правах, поэтому человек и стриждёт их под одну гребёнку. Хорошо, что людей не загоняли в те же рамки, чтобы мальчиков и девочек тысяча девятьсот пятьдесят шестого года рождения называли на одну букву для исключения путаницы.

История умалчивает о том, кому в голову пришло озарение назвать Тайну этим именем, но мы будем исходить из того, что лошадей в этот год родилось много, а словарный запас коннозаводчиков был скудным, потому и появились на свет Тайна.

В тот год и у меня не было возможности выбора лошадиного друга на один год конной подготовки. Просто объявили: «Курсант Северцев, лошадь Тайна, седлать и на построение в манеж».

Легко сказать – оседлать лошадь. Как её седлать, когда не знаешь, с какой стороны к лошади подойти и как к ней втиснуться в тесный станок, который некавалеристами называется стойлом, не получив кованым копытом по самому болезненному месту? А как седло надевать?

Основная масса курсантов – городская братия, оказалась совершенно неприспособленной к общению с лошадьми и стояла с именными сёдлами в руках у входа в станки.

Проходящий по проходу между станками пожилой подполковник-кавалерист ласково говорил каждому курсанту:

– Не бойся, сынок, вытяни руку в сторону, чтобы это увидела твоя лошадь, и скажи твёрдо – Принять!

Повинуясь этому волшебному слову, лошади послушно сторонились, пропуская человека с седлом. Остальное было уже не столь сложным: положить седло на спину лошади, установить переднюю луку седла точно посередине холки, проверить, ровно ли лёг потник, и затянуть подпруги. Отрегулировав длину стремян, надеваем оголовье (его ещё называют уздечкой) и выводим лошадь в манеж.

С лошадью надо ласково разговаривать, похлопывать легонько по шее, чтобы установить с ней контакт и притупить боительность перед решительным затягиванием подпруг седла: когда затягиваешь подпруги, лошадь естественно надувает свой живот, ослабляя подпруги, и во время езды можно легко вместе с седлом съехать под живот лошади.

Когда подпруги надёжно затянуты, человек становится хозяином положения, и лошадь внимательно наблюдает за ним,

чтобы использовать любую слабость и оплошность всадника для перетягивания на свою сторону чаши весов пока ещё хрупкого равновесия в отношениях человека и животного.

Тайна была созданием нежным. Тёплые серо-голубые плюшевые губы её ласково собирали с ладони крошки хлеба, а большие блестящие влажные глаза ежедневно обдавали такой волной нежности, что прикосновение стремян к Тайне, не говоря уже о резких движениях поводом, рассматривались как непростительная грубость.

Венцом идиллии стал выход Тайны из общего строя, её падение вместе с всадником в осеннюю грязь, присыпанную крупными хлопьями влажного снега. Тайна безмятежно кувыркалась в грязи, совершенно не обращая внимания на других лошадей и на своего товарища, который не знал, что же предпринять для прекращения этой хулиганской выходки.

Точка была поставлена старым кавалеристом с помощью «конспекта» – кнута длиной около четырёх метров, заканчивающегося метровой полоской сыромятной кожи, чуть тоньше обыкновенного карандаша. Ужаленная лошадь вскочила, готовая к ревностному исполнению обязанностей строевой лошади. Небольшой кончик «конспекта» ужалил и мою спину через шинель. Боль была уменьшена ласковыми словами пожилого офицера:

– Лошадь, молодой человек, всё равно, что женщина: её нужно держать в руках. Чуть ослабь, и не дай Бог, выпусти повод – уже не ты, а она ездит на тебе. Ласковой рукой крепко держите повод, и лошадь будет вашим верным другом. Потом вы поймёте, что и армией нужно управлять, как лошадью – вовремя кормить, поить, давать отдых и уход, чистить снаряжение и крепко держать повод в руках.

Моя Тайна вообще была шёлковой лошадью – исполнительная, в меру спокойная, сильная, выносливая, легко бравшая любые препятствия и имевшая исключительно мягкий шаг на учебной рыси. Иногда она начинала косить на меня лиловым взглядом, делая занос вправо при выполнении команды «налево кругом – мааарш» – в ней просыпался чёртик противоречия и хулиганства. В это время надо было внимательно следить за ней и настораживать повод, чтобы уловить момент подгибания ног для кувыркания на мягком грунте манежа, и в необходимый момент напоминать, кто из нас лошадь, а кто наездник.

К сожалению, вскоре нам пришлось расстаться – Тайне была уготована участь генеральской лошади – стать жирной, лоснящейся, неповоротливой и ленивой кобылой, которой уже не хотелось поваляться на опилках манежа, оглашая окрестности озорным ржанием.

Трагедию расставания с Тайной смягчила Трагедия. Но об этом разговор особый.

Курсы назывались по сериям популярного фильма «Щит и меч».

Первый – «Без права быть собой».

Второй – «Приказано выжить...».

Третий – «Обжалованию не подлежит».

Четвёртый – «Последний рубеж».

«Дедовщина» в училище была особая. Первый курс сразу брался под опеку курсантов четвёртого курса на основании приказа начальника училища, распределявшего выпускников по группам первокурсников. На нас тренировались в проведении политико-воспитательной работы с личным составом, нас учили училищным традициям и урезонивали второкурсников, уже считавших себя корифеями военной службы. Третий курс никого не трогал и его никто не трогал. И настоящие филантропы на четвёртом курсе. Со временем второкурсники превращались в третьекурсников, а затем и в выпускников, защищающих молодёжь.

Отношение к курсантам в Алма-Ате было особое, начиная с тысяча девятьсот сорок четвёртого года, после передислокации туда Харьковского училища. Занятия шли в две смены. Одна смена учится, другая – патрулирует город, огнём и мечом пресекая бандитские выходы выселенных Сталиным из районов предстоящих военных действий горячих представителей народов Захребетья.

Программа обучения в пограничном училище ничем не отличается от программ других училищ. Все должны стать офицерами одной армии, но специалистами в своих областях. Одним высшее образование дают за счёт получения инженерной специальности, а пограничникам давали высшее общее образование за счёт углублённого изучения математики. Зачем сверхвысшая математика нужна офицеру-пограничнику, не могу понять до сих пор. Зато как я знал математику! На выпускном экзамене по математике мне достался вывод дифференциала. Как

его выводят по-современному, я просто забыл, но, зная, что такое дифференциал, сделал математический вывод по-своему. Профессор университета, принимавший экзамен, сказал мне, что так дифференциал уже давно не выводят, есть более простой способ. Увы, профессор, более простого способа я просто не помню, пришлось выводить самому.

После слов:

– Боже, ну почему мои студенты так не знают математику! – я был отпущен без дополнительных вопросов с отличной оценкой.

А виной всему был наш преподаватель математики. Он не ставил двоек. Не готов – точка в журнал. Накопилось пять точек – пожалуйста на дополнительные занятия. За каждую точку надо решить сто примеров. Всего пятьсот. Можно пользоваться любыми справочниками и пособиями. Таким образом, мы прекрасно знали теорию и имели такие навыки решения примеров, что без труда в уме брали производные функций любой сложности. Сейчас я математику совершенно не помню, но навыки логического мышления нам были привиты.

Много интересного мы узнали в математике. Попробуйте представить себе две параллельные прямые, которые по теории никогда не смогут пересечься. Но если представить бесконечно большую величину, на которую оказывают воздействие бесконечно малые величины, то можно увидеть, как две параллельные прямые то расходятся, то приближаются друг к другу, то скручиваются в замысловатый жгут, то вдруг снова становятся параллельными и т.д. Исследовательская работа в математике чрезвычайно интересное занятие, но нам не суждено было ею заниматься.

Особенностью программы пограничного училища перед всеми остальными являются такие предметы, как служба и тактика пограничных войск, конная, ветеринарная подготовка и служебное собаководство. Как и у всех у нас была артиллерийская, бронетанковая, автомобильная, инженерная и другие виды военных подготовок, но конная была только в пограничном училище. На втором курсе за каждым курсантом закреплялась своя лошадь, которую по утрам надо было чистить. Ежедневно. Это животное чрезвычайно любит ласку, очень культурно и разборчиво. Не доведённая до крайности лошадь никогда не будет пить из грязного ведра.

Лошади удивительно чуткие животные, которые сразу чувствуют настроение хозяина-всадника. Волевой всадник

управляет лошадью, а волевая лошадь – всадником. Нужно находить контакт или подчинять лошадь своей воле, но не жестокостью, а лаской и твёрдым требованием исполнения своего желания.

Во время войсковой стажировки после первого курса я был назначен командиром конного отделения на линейной пограничной заставе. Интересно было посмотреть, как командир отделения взбирался на уже осёдланную лошадь и никак не мог выехать с территории заставы до тех пор, пока её под уздцы не выводили за линию инженерно-технических сооружений. Ехал только шагом, стараясь сохранять равновесие. Лошадь на всё махнула хвостом и прекратила попытки перейти на рысь или пуститься в галоп. Нужно было вносить изменения в учебную программу: либо войсковую стажировку вводить после второго курса, либо конную подготовку начинать с первого курса. Но, как мне кажется, учебная программа до сих пор не претерпела никаких изменений.

Трагедия

Как все несчастья, Трагедия свалилась на мою голову совершенно внезапно.

Когда тушат жаркое пламя, то на месте пожарища остаётся грязная лужа чёрного цвета, вызывающая некоторые сомнения в том, что эта чёрная краска смогла уничтожить нечто прекрасное, созданное поколениями людей. Это относится и к людям, и, естественно, и к животным.

Можете со мной не соглашаться, сколько людей, столько и мнений, но в процессе миллиардолетней эволюции получают такие экземпляры, что на них, как говорится, клеймо ставить некуда. Нужны примеры?

Началось с того, что моя Тайна прогнулась перед генералом. Не в переносном, а в прямом смысле этого слова. Во время выводки, то есть показа товара лицом, когда каждый всадник представляется сам и представляет свою лошадь, моя Тайна сделала генералу книксен – подогнула левую ножку и вытянула в полуприседе правую ногу. И я не получил ни единого замечания, как свидетельство того, что понравилась не только выходка моей лошади, но и она сама.

И на выезде Тайна решила кувыркнуть перед начальством, но вовремя натянутый повод произвёл действие

танцевального па, посвящённого товарищу генералу. Мне оставалось только ждать конца песенки о всаднике, которым управляет лошадь.

По окончании выездки меня вызвали к генералу, который похвалил выучку Тайны и сказал:

– Товарищ курсант, я вижу, что вы мастер в подготовке строевых лошадей и поручаю вам тренировку лошади, которая была закреплена за мной. Хочу предупредить, что лошадь хорошая, но от неё можно ждать всяких пакостей.

– Есть, товарищ генерал, благодарю за доверие.

На кой черт мне сдалось это доверие, если каждый должен воспитывать свою лошадь. Теперь поздно говорить об этом, у меня уже другая лошадь. Даже имя её я воспринял стоически – Трагедия.

Внешне Трагедия почти ничем не отличалась от Тайны – ласковая, спокойная, послушная. Но это только в станке. В манеже с Трагедией не было никакого удержу – она рвалась в голову строя, нарушала очерёдность выполнения упражнений на препятствиях, кусалась или, вырвавшись вперёд к препятствию, резко останавливалась перед ним, предоставляя мне возможность в свободном полете самому преодолевать это препятствие. Неоднократно не только она получала «конспектом» по мягкому месту, но и мне доставался самый вкусный кусочек этого угощения. Одним словом, Трагедия была самой настоящей стервой.

Клин вышибают клином. После очередной порции «конспекта» я попросил разрешения покинуть строй для выработки педагогических средств. Трагедия была несказанно удивлена, когда я направил её в сторону от строя, и сразу поняла, в чём будет заключаться моя педагогика: я никак не мог подъехать на ней к дереву, росшему в стороне от манежа.

Я человек не гордый. Спешилса у ограждения манежа, привязал Трагедию и пошёл к дереву. Можно было выломать стек, культурный такой, потом привязать к нему кожаную петлю, но для этого надо надеть костюм для верховой езды и кепи. Я был в серой шинели и зелёной фуражке и поэтому выломал дрын, прямо пропорциональный моей степени зла на эту стерву.

Когда я шёл к беснующейся у ограждения Трагедии, зловеще постукивая дрыном по голенищу сапога, то даже лошади товарищей по строю старались держаться подальше от этого места.

Сев в седло, я ещё раз хлестнул дрыном по сапогу и засунул его за голенище. Жёстко взяв повод на себя, я направил лошадь в строй. Трагедия чётко выполняла все команды, держа голову чуть направо, чтобы видеть «хлыст».

Мне ни разу не пришлось воспользоваться этим педагогическим средством, но оно постоянно было со мной. С этого дня начали меняться и наши отношения. Чувство возбуждения Трагедии перед началом движения на препятствие воспринималось и мною, и я знал, в какой момент надо чуть-чуть приподняться в стременах, чтобы помочь лошади плавно перелететь через высокий забор, и мягко опуститься в седло, чтобы не повредить сухожилия у лошади и не сбить её шаг.

При выполнении гимнастических упражнений в седле Трагедия стояла ровно или помогала мне балансировать на ней. Во время перерыва Трагедия везде ходила за мной, и по утрам во время чистки приветствовала меня тихим ржанием.

А на полевой езде произошёл случай, когда Трагедия показала, что для неё представляет высшую ценность. Во время езды в строю по крутой горной тропинке под ноги Трагедии метнулась змея, вероятно, гадюка, потому что Трагедия поднялась на дыбы и тревожно заржала, всполошив всех лошадей, готовых ринуться туда, куда понесётся Трагедия.

Ситуация осложнялась ещё и тем, что на тропе некуда развернуться. Впереди и сзади товарищи, управляющие уже подчиняющимися стадному чувству лошадьми. Ещё немного и лошади начнут теснить друг друга, скидывая всех вниз с тропы и освобождая себе дорогу. И генератор всего этого моя Трагедия.

На все эти рассуждения ушли доли секунды. Я выпрыгнул из седла и крепко ухватился за шею лошади. При движении Трагедии в любую сторону ей пришлось бы вначале сбросить меня со своей шеи. И Трагедия остановилась, наклонив шею, чтобы я встал на ноги, тревожно всхрапывая над моим ухом. Я гладил её по шее, нежно похлопывал и говорил разные ласковые слова о том, какая она у меня хорошая, красивая, как ею восхищаются все мои товарищи, что мы с ней ещё не поехали по чистому полю... Наконец, Трагедия успокоилась полностью, и мы продолжили спуск по горной тропе.

Преподаватель-кавалерист сказал мне потом:

– Трагедия очень переживала смену хозяина и бесилась. А вы с ней спелись славно. На своего друга-хозяина лошадь не наступит никогда и в поле не бросит. Я не завидую тому, кто будет

всадником Трагедии после тебя. Лошадь, как человек, привязывается сердцем и страдает от разлуки так же, как и человек. Заходи к ней чаще, она будет рада.

Старые привязанности сменяются новыми. Это закон природы. Мы не забываем тех, кто был с нами ранее, но чувства притупляются, заставляя сердце больше волноваться при каждой встрече с новым другом. Но есть и те, кого забыть невозможно.

До окончания училища я частенько заходил в манеж, ездил и общался с Трагедией, рассказывая молодым курсантам, какая это хорошая лошадь, обещающая вырвать руки-ноги тому, кто её обидит. Трагедия внимательно слушала всё это, положив свою голову мне на плечо, как бы говоря новому всаднику: «Видишь, какая я хорошая, меня любить надо!»

В наше время в городах не было конных клубов и в системе ДОСААФ (добровольной организации содействия Армии, Авиации и Флоту, сейчас РОСТО) мы также не могли получить первичные навыки конного дела.

Чистка лошади - это целое искусство. А вот перед увольнением в город нужно на шинель набрызгать немало хорошего одеколона, чтобы никто не принюхивался в местах скопления праздно гуляющих людей.

*Мы после конной подготовки
Шинели брызгали духами,
Ведь дамы наши не винтовки
И мы для них благоухали.*

Курсанты в большинстве своём были городские парни, которые лошадёй только в кино видели. Как к лошади подойти, если станок (некавалеристы называют его стойлом), в котором она находится, очень узкий, а заходить надо сзади под прицелом копыт и косящего назад левого глаза.

Всё оказалось очень просто. Надо громко сказать (или показать жестом) лошади – ПРИНЯТЬ! – чтобы она подвинулась. Затем спокойно войти в станок и забросить седло на спину лошади. Нужно обязательно расправить волосяной покров под потником, чтобы не повредить и не натереть спину лошади. Следующий элемент седловки – подтяжка подпруг. Лошадь хитрющая бестия, только начинаешь подтягивать подпруги, а она сразу живот надувает. Стремена регулируются по длине руки.

Последним надевается оголовье, и всадник вместе с лошастью выходит в манеж на построение. На построении нужно отвлечь внимание лошади каким-либо действием и быстро затянуть подпруги (иначе вместе с седлом окажешься под брюхом), сесть в седло и войти в строй. Об этом можно рассказывать много, но в результате мы были подготовлены как кавалеристы лично и умели организовать службу с применением лошадей в любых условиях местности на шестидесяти четырёх тысячах километров государственной границы СССР.

Выходы на полевую езду проходили в конце апреля – начале мая, когда в Алма-Ате буйным цветом «расцветали яблони и груши». Перед центральными воротами с девяти часов собирались люди, чтобы посмотреть на кавалеристов, которых видят только в кино. Наконец, ворота открывались, из них выезжали двое курсантов с красным флажком и перекрывали движение по улице Ленина. После этого на рысях выходил взвод. Цокот подкованных копыт по асфальту. Молодые ребята, приподнимаются на стременах, срывают цветы с деревьев и бросают их в толпу. Как писал Александр Сергеевич Грибоедов:

*«Кричали женщины – ура!
И в воздух чепчики бросали.»*

Езда на лошади это не самое основное. Лошадь надо вовремя накормить, напоить, почистить, расчесать, сделать педикюр (привести в порядок копыта), при необходимости – подковать, вылечить, после езды поводить в поводу, чтобы восстановить дыхание, растереть мышцы соломенным жгутом, чтобы не было застоя крови в ногах. Лошадь должна быть чистой, красивой, с расчёсанной чёлкой, гривой и хвостом. А ещё её надо угостить черным хлебом с солью, чтобы закрепить дружеские отношения.

Езда – это искусство и тактика. Лошадь видит и чувствует всадника. Почувствует слабинку – начинает сама управлять. Тут и надо показывать, кто в доме хозяин.

На начальном этапе конной подготовки о каждом из нас можно было сказать, что сидит на лошади как корова в седле. Посадка кавалериста должна быть гордой и свободной (и не такой, как у туркменского майора на последнем параде в честь шестидесяти пятилетия Победы). А для того, чтобы выработать такую посадку, есть, чтоб ей ни дна и ни покрывашки, учебная рысь. Лошадь идёт мелкой рысью, а ноги всадника не в стременах.

Болтаешься как куль с картошкой на лошади, пока не почувствуешь лошадь, не найдёшь такт и равновесие, как на велосипеде, и не станешь перпендикуляром относительно горизонтальной плоскости лошади.

На учебной рыси мы до крови сбивали внутреннюю часть бёдер. Тяжело в учении, легко в бою. Основной принцип: у кавалериста ягодицы должны быть как подошва, а нежное мужское достоинство, как башмак. Кто сам этого не испытал, тому, может быть, и смешно. А нам, честно говоря, тогда было совсем не до смеха.

Сама езда - это не скачки в кинофильмах. Если бы на лошадях так ездили, то все лошади гибли бы в течение дня или были загнанными с большими лёгкими, сердцем и ногами.

Передвижение на лошадях идёт по графику: десять минут – шагом, десять минут – рысью, десять минут галопом, десять минут – рысью, десять минут шагом и так далее. Через определённое время надо делать привал, чтобы лошадь могла отдохнуть, попить воды, перекусить. Во время отдыха ей надо ослабить подпруги, растереть ноги.

Команды в кавалерии отдаются протяжно, чтобы они были понятны не только кавалеристам, но и лошадям, например, «Ррррысью, марш-марш!».

Кино - это не жизнь. Жизнь прозаична и сложна. Кому доведётся иметь дело с лошадьёю, то он должен представить себя на месте лошади и относиться к лошади так, как сам хотел бы, чтобы также к нему относились другие люди. Это касается всех других животных. В них, в первую очередь, надо видеть живое существо со своим менталитетом (образом жизни) и не превращать животное в бессловесного раба.

Интересно преодолевать препятствия. Любое препятствие преодолевают двое – лошадь и всадник. У лошади нет особой охоты преодолевать препятствие. Только по приказу или в случае опасности. Всадник ни в коем случае не должен мешать лошади, она сама подберёт шаг для прыжка, нужно только лететь вместе с лошадьёю и мягко приземляться в седло. Иногда во время разбега лошадь резко останавливается перед препятствием, а всадник плавно перелетает через препятствие один.

Лошадь прекрасно чувствует опасность и проходит там, где человек не пройдёт. Однажды уже на границе в горах нужно было преодолеть наклонную каменную осыпь. Камешки мелкие-мелкие, тропинка узенькая. У меня возникло сомнение в том, что лошадь

не поскользнётся на осыпи, но бывалый сержант дал совет довериться лошади. И лошадь прошла, а человек обязательно бы поскользнулся и поехал по осыпи, которая при большой скорости спуска превращается в огромный напильник. Одни уши бы вниз приехали.

И вообще, Алма-Ата – это город наше молодости, о которой мы всегда вспоминает с теплотой.

*Утром падал снег неслышно,
Непривычный в феврале,
И ложился слоем пыльным
На изогнутом стекле.*

*Он мне молодость напомнил,
Тихий вечер, поздний час,
По манежу мчатся кони,
На меня кося свой глаз.*

*Я не всадник, на свиданье
Я иду в соседний парк,
Снег ложился белой тканью,
Разгоняя ночи мрак.*

*Но не вышло нашей встречи,
Видно, снег всему виной,
Может, был я первый встречный,
Чтоб смеяться надо мной.*

*В старом парке очень тихо,
На дорожках ни следа,
Затаилось где-то лихо,
Заманив меня сюда.*

Кстати, это стихотворение ассоциируется у меня с одной встречей, произошедшей глубокой осенью в пустынном парке. Был вечер. Шёл снежок, пролетая крупными белыми мухами в свете фонарей. Я, курсант выпускного курса, шёл под руку со своей будущей женой и вдруг нам навстречу ещё одна парочка – генерал под руку со своей женой. Поравнявшись с ними, я чётко отдал честь, получил ответное приветствие, и мы пошли дальше. Моя невеста сказала, что и мы когда-то, когда будем генералами,

вот так же пойдём под руку и нам встречу попадёт курсант со своей невестой. А я спиной чувствовал, как генерал с женой говорил примерно о том же: а ты помнишь, когда ты был курсантом и мы гуляли в парке, нам навстречу шёл генерал со своей женой...

Одновременно с конной подготовкой шла автомобильная подготовка. Изучали устройство автомобиля, порядок его служебного применения, правила дорожного движения, занимались практическим вождением. Курьёзов было много. То кто-нибудь на перекрёстке от избытка здоровья отломит рычаг переключения передач на ГАЗ – пятьдесят один, то заедет куда-нибудь не туда. Мне инструктор приказал сделать поворот налево, и я повернул налево. Еду, ни одна машина не обгоняет, только встречные. Водитель одного автобуса высунулся и кричит:

– Не робей, парень, до перекрёстка осталось немного, прорвёшься.

Оказывается, я выехал на улицу с односторонним движением и ехал навстречу потоку. Потом ходил смотреть на знак, который необходимо было учитывать при выполнении команд инструктора. Ничего, раза два бегом пробежишь до незамеченного дорожного знака, сразу внимание усиливается. Дурная голова ногам покоя не даёт. И обратно.

Служба и тактика пограничных войск - это основа. Пограничники не призваны вести наступательные действия. Их главная задача – обнаружить нарушителя границы и задержать его. Заблаговременно обнаружить признаки или факт нападения на нашу страну, доложить руководству и задержать противника на столько, насколько это возможно, чтобы наши части могли развернуться и дать достойный отпор.

Тактику пограничных войск учили с рядового бойца, чтобы потом можно было учиться организовывать охрану границы на участке пограничной заставы и пограничной комендатуры, а в академии – и в других звеньях пограничных войск.

Много внимания уделялось физической подготовке. Особенно бегу. С утра – бегом. На занятиях по физической подготовке бег. Наш преподаватель писал диссертацию и его девиз был: «Хочешь быть красивым – бегай, хочешь быть здоровым – бегай, хочешь быть умным – бегай». Бег сам по себе дело нелёгкое. Но участие в написании диссертации в качестве подопытного материала породило у меня стойкое отвращение к бегу. Но бегать приходилось. Кстати, бег в определённое время

превращается в наркотик и человек становится бегозависимым – не пробежал с утра, не надыхался кислородом, не получил адреналина – ломка как у наркомана.

По воскресеньям устраивались марш-броски с полной выкладкой на дистанцию шесть километров. Маршрут один: училище – гора «Кок-Тюбе» – училище. Три километра по серпантину вверх в гору и три километра с горы обратно. Бежишь, а тебя обгоняют такси, наполненные нарядными людьми, едущими в ресторан «Юрта», вокруг которого мы оббегаем в обратный путь. Везде сочувственные лица, предложения ухватиться за такси, чтобы облегчить бег.

Однажды нам запретили бегать на «Кок-Тюбе» и мы бегали по ровной местности сада «Горный Гигант». Привыкли бегать в гору и выдыхались в беге по ровной местности. Оказалось, что во время одного из марш-бросков в Алма-Ате находился корреспондент итальянского журнала, который сфотографировал бегущих пограничников. Пробежите шесть километров и попробуйте быть стройными, красивыми, подтянутыми и с улыбкой во всё лицо. А тут осунувшиеся, тёмно-красные лица, выражение звериное, гимнастёрки расстёгнуты «до пупка», автоматы на груди, фуражки в руках, кого-то волоком волокут.

Снимок был опубликован в американском журнале «Лайф» с надписью: «Подготовка офицеров в высшей партизанской (перепутали с пограничной, а, может, и не перепутали) школе в Казахстане». Западные обыватели, естественно, задрожали от страха. Если простые пограничники (или партизаны) так готовятся, то как готовится у них спецназ (разные там синие и краповые береты)? Не знали они, что у нас есть ещё и стройбат, так там такие звери, что им даже оружие не выдают (армейская шутка).

Строевая подготовка - это основа военной выправки и выработки умения управления подразделением в движении. Строевая подготовка вспоминается со смешанным чувством, но когда начинаешь становиться настоящим военным и выполнять строевые приёмы как нечто само собой разумеющееся, то о трудностях забываешь.

Пару слов об отдавании воинской чести. В последнее время начинаешь замечать, что этим манкируют военнослужащие всех званий и всех родов войск. Два офицера с разным цветом просветов на погонах проходят мимо друг друга, даже не глядя на

встречного. Два разнопланетянина. Это верный признак деградации армии.

Гражданские люди тоже должны иметь право отдавать воинскую честь, будучи в гражданской одежде и без головного убора (как говорят, с «пустой» головой).

Структура, неспособная к совершенствованию, мертва или уже в состоянии окаменения. Почему-то в других странах, каждый, кто имеет отношение к армии, в форме он или не в форме, в головном уборе или без него, становится по стойке «смирно» и рукой отдаёт честь. Он уважает свою армию и показывает своё отношение к ней воинским приветствием, как бы говоря: мы с тобой одной крови! Если уж мы ввели у себя американизированную форму одежды, то нужно перенимать всё полезное у армии, которая в течение десятилетий была для нас противником номер один, в том числе в вопросе воинских ритуалов.

Особо отмечу курс медицинской подготовки, который вёл начальник медицинской службы училища, пожилой грузный подполковник с польской фамилией. Мы узнали, какие существуют заболевания, как их лечат, какие медицинские препараты совместимы и какие несовместимы при одновременном употреблении, как ставить уколы, как делить ягоды на четверти для постановки уколов, как делать повязки, как спасать людей при отсутствии квалифицированных медиков. Он же дал нам азы профилактики древних заболеваний, вызываемых непростыми взаимоотношениями между мужчинами и женщинами. Говорят, что один из его учеников сам делал операцию аппендицита солдату, слушая наставления по радиостанции от врача, болтавшегося в шторм на корабле в нескольких милях от берега.

Новым веянием реформы стало распространение суждения о том, что будущие офицеры должны полностью пройти все ступени службы, чтобы знать умонастроения солдат (очень созвучно с китайской Великой культурной революцией, которая говорила, что каждый маршал, генерал и офицер должен ежегодно месяц служить солдатом, чтобы не забывать военной службы). Постепенно исчезли милостивые официантки из курсантской столовой, стало уменьшаться количество приборов на столе. Главное отличие русских от других наций в том, что русские могут множество изысканных блюд подряд съесть одной и той же ложкой. На кухне стали работать курсанты, впитывая в себя то

самое худшее, что в последующем формировало их отношение и к солдату, и к окружающим людям.

Нас, старшекурсников, воспитывали немного не в этом стиле и пищеблок нам знаком как организаторам приготовления пищи, уборки и поддержания санитарного состояния. Это не продувание макарон, а контроль над тем, чтобы продувателей не было.

Командирские качества будущих офицеров-пограничников проверялись во время войсковых стажировок на государственной границе после второго и третьего курсов. На первой в должности командира отделения, на второй – в офицерской должности.

Столкновение с реальной жизнью границы у большинства курсантов укрепляло желание стать офицером и влиться в офицерский корпус пограничных отрядов. Непосредственное общение с будущими подчинёнными позволяло глубже узнать быт солдат и пути его улучшения как снизу, так и сверху.

Первая стажировка самая знаменательная и запоминающаяся на всю жизнь. Стажироваться пришлось в Средней Азии при сорокоградусной жаре. Резкая смена климата для молодого организма проходит практически бесследно. Я, вероятно, простыл во время ночного бдения в открытом со всех сторон тамбуре вагона в компании однокурсников и студенток одного из ВУЗов, едущих в строительный отряд.

Утром, уже в пограничном отряде, располагавшемся в двухстах метрах от железнодорожной станции, я почувствовал боль в левой части грудной клетки и сильную боль при вдохе. Обратился в санитарную часть, где немолодой врач из представителей местной интеллигенции прослушал меня с помощью стетофонендоскопа, постучал пальцами по спине, по рёбрам, посчитал пульс и сказал, что я абсолютно здоров, но, вероятно симулирую боль, чтобы не ехать на пограничную заставу. Для меня это было равносильно тому, что меня не выпускают в первый долгожданный самостоятельный полёт на самолёте по причине симуляции. Когда я надел гимнастёрку, врач посмотрел на мои курсантские погоны, хромовые сапожки и извинился за свои слова, поставив диагноз межрёберная невралгия, дал лекарства и через два часа я уже пылил в кабине старенького «газика» на определённую для меня заставу.

Позже я узнал, что у врача были основания говорить так. Не все солдаты хотят служить на пограничных заставах, предпочитая отсидеться в ядре отряда, где служба намного спокойнее. Уже офицером мне пришлось прочитать письмо одного из «ветеранов»

пограничных войск, который писал письмо своему сыну, находящемуся на учебном пункте: «Сынок, не лезь на границу, послушай старого пограничника, пусть другие морозят свои яйца в дозорах и секретах. Скажись больным и прояви какие-нибудь способности, чтобы тебя замполит или врач какой заметил. Оставят в отряде, будешь служить как человек. А на гражданке никто не будет проверять, что ты на границе не был. Зелёные погоны они всех равняют в пограничников».

На заставе встретили приветливо. Командиры отделений отнеслись ко мне несколько скептически: им всем по двадцать лет, а мне только-только восемнадцать исполнилось. Они в эти годы только на службу призвались, а я уже год прослужил и приехал командиром отделения. Хотя и рядовой, но погоны-то не солдатские, и к начальнику заставы вхож без особых для всех церемоний. По этим причинам и началась негласная проверка нового командира отделения личным составом заставы.

Когда я на лошади с заставы выехать не мог, это мне в минус было засчитано. В плюсах был по стрельбе, по физической подготовке, по знанию уставов, по методике проведения занятий по боевой подготовке, политинформациям и политзанятиям, следовой подготовке, и, самое главное, не отстал от командира второго отделения, который «тащил» меня по границе.

Протащить по границе – через это проходят все от курсанта до офицера. Этот этап проверки заключается в том, что пеший дозор должен пройти фланг участка протяжённостью десять километров за два с половиной часа, а он проходит десять километров за два часа. Это не ерунда. Кто не ходил на большие расстояния, тот это представить не может. Я протопал след в след за старшим пограничного наряда десять километров. Тридцать минут на наблюдение и прослушивание местности и снова десять километров.

К воротам на пограничную заставу мы прибыли на тридцать минут раньше назначенного приказом времени. Здесь я сделал разбор организации службы пограничного наряда, благо мы оба командиры отделений. Отметил, что по пути движения мы должны были сделать не менее двух остановок для организации прослушивания местности и наблюдения (приборы ночного видения тогда были редкостью). Но, так как я, вероятно, должен был показать, как умею ходить по границе, то будем считать, никаких отступлений от приказа на охрану границы нами допущено не было. Начальнику заставы я тоже ничего не говорил,

хотя он регулярно заслушивал меня о ходе выполнения плана стажировки.

Через три года в этом же пограничном отряде меня, молодого офицера, «потащили» по горам в скрытый наблюдательный пункт. Курсант первого курса - это не выпускник училища. Я шёл по узкой тропе сзади и подгонял «тащившего» меня сержанта. Устал я изрядно. А сержант был готов. Я же по прибытию на наблюдательный пункт сразу закурил (хотя во рту было как после обработки грубой наждачной бумагой) и приступил к наблюдению за охраняемым участком. Обрато я уже шёл впереди, не торопясь, расспрашивая об условиях службы на данной пограничной заставе. В следующие приезды на пограничную заставу именно этот сержант вызывался идти со мной на службу.

Проход десятикилометрового марафона выровнял меня в среде командиров отделений, что проявилось в обязательных подъёмах на ночную «хавку». Нет, это никакая не «дедовщина». Ночная еда для пограничных нарядов - это такое же обязательное дело, как завтрак перед уходом на работу. Пограничные наряды, уходящие ночью на границу и пришедшие ночью с границы, обязательно подкрепляются кружкой молока с печеньем или кружкой горячего чая с молоком и сахаром (либо со сгущённым молоком), с печеньем и маслом. Перед выходом в ночь, как зимой, так и летом, не лишним оказывается кружка горячего чая с сахаром, чтобы зрение быстрее адаптировалось к темноте. На еду поднимают только тех, кому положен ночной паек. Не твоё – не трогай. И никто не трогает. Святое дело. Иногда ночные или вечерние наряды приносили «добычу»: початки кукурузы, рыбу, голубей из накрытого плащ-накидкой кяриза, дикобраза (надо сказать, что мясо неплохое) и т.п. Повар сразу же начинает готовить «хавку». По готовности поднимают командиров отделений и уважаемых людей.

На границе учились солдатским хитростям, которые нигде не описаны, но значительно скрашивают тяготы и лишения воинской службы и не являются нарушением приказов. Например, холодная вода в самое жаркое время дня, приготавливаемая путём испарения воды с толстого чехла фляжки.

На нашей заставе офицеры ездили на проверку пограничных нарядов на велосипедах. И неслышно, и все пограничные наряды за ночь проверены. А пограничные наряды сидят и слушают, не идёт где-либо нарушитель границы, и не шуршат ли шины

велосипеда начальника заставы. Никто в наряде не спал. Усни, а тут начальник над тобой стоит и говорит:

– Выспался, сынок?

Ух, и даст потом проспаться.

Офицерская стажировка более степенная. Спецы приехали. Надо, чтобы офицеры своими признали. Да как не признают, если они все в этой шкуре были и к курсантам радушно относились: а вдруг вот из этого конопатого курсантика получится твой будущий начальник?

Завершением реформы стало повышение денежного содержания офицеров, получавших больше интеллигенции, но меньше рабочих.

Несмотря на военную форму, мы были обыкновенными молодыми ребятами, интересующимися современной музыкой, любителями смотреть кино, знакомиться с новыми людьми. Даже на ежедневной вечерней прогулке за тридцать минут до отбоя мы умудрялись петь не только строевые песни, но и эстрадные, начиная каждый куплет с левой ноги:

*«По переулкам бродит лето,
Солнце льётся прямо с крыши.
В потоке солнечного света
У киоска ты стоишь.*

*Блестят обложками журналы,
На них с восторгом смотришь ты,
Ты в журналах увидала
Королеву красоты»*

Командиры ругаются, а нам интересно от того, что все песни можно петь в строевом ритме.

Чисто курсантских песен не было, да и вряд ли они есть сейчас. В царское время у кадетов была песня, исполняемая на несколько голосов:

*«Взвейтесь соколы орлами,
Полно горе горевать,
То ли дело нам с кострами
В поле лагерем стоять!»*

Ваш покорный слуга тоже приложил руку к созданию курсантской песни, чтобы её можно было петь и в строю, и танцевать под неё вальс. Как получилось, не взыщите:

Юнкерский вальс

*Облетели последние листья
И опять начался новый год,
Аксельбантов блестящие кисти
И в манеже учебный галоп.*

Припев:

*Юнкера – мы надежда России,
Эй, труба, нам «Славянку» сыграй,
Мы пощады в боях не просили,
С нами Бог, но и сам не плошай!*

*Всем профессия наша известна –
Защищать нужно Родину-мать,
Хоть она не всегда и любезна,
Мы не можем её выбирать.*

Припев

*Мы по жизни душевные люди,
Нашим дамам приносим цветы,
Нам минуты даны для прелюдий,
И любовь моя встречная – ты.*

Припев

*Скоро выпуск и мы – офицеры,
Бросит мелочь мальчишеский строй,
И забот у нас будет без меры,
И по золоту звёздочек рой.*

Припев

В училище по субботам и воскресеньям устраивались вечера танцев, на которые мы имели право приглашать своих знакомых

девушек. Самые завидные женихи во всей Алма-Ате. В целом отношение к женскому полу в училище было уважительное. Хамов у нас не уважали.

В каждом дивизионе (название осталось от кавалерийских времён), то есть на курсе, был свой вокально-инструментальный ансамбль. В каждой ленинской комнате стояло пианино, были музыкальные инструменты. В свободное время наши музыканты репетировали предстоящие выступления или просто пели для своих товарищей.

Молодость – она и есть молодость. Мы гуляли с девушками, ходили на танцы. Приобретали опыт в общении с противоположным полом. Кто-то по молодости женился, разводился, влюблялся, расставался, набирая себе котомку жизненного опыта.

Основой основ военного образования была марксистско-ленинская подготовка. История КПСС – два года. Затем марксистско-ленинская философия и научный коммунизм. Наличие дисциплинарного взыскания автоматически снижало оценку по политическим наукам на один балл за несознательность. Будь ты хоть Ньютоном или Эйнштейном, Королёвым или Гагариным, если тройка по марксизму-ленинизму, то закон всемирного тяготения и теорию относительности не утвердят, признают её вредной и в космический полёт не пустят.

В пограничных войсках вообще политическая подготовка всегда была на высоте, а в пограничном училище в особенности. Будущий офицер должен быть так теоретически подкован, чтобы ни один самый каверзный вопрос военнотружущего или представителя чуждой нам идеологии не остался без аргументированного и ясного ответа на основе марксистско-ленинской теории.

Чем отличается мат от диамата (диалектического материализма)? Мат знают все, но делают вид, что никто не знает. Диамат не знает никто, но делают вид, что знают все.

Основной принцип марксизма-ленинизма: «Учение Маркса правильно потому, что оно верно» (от изменения места постановки запятой и слов «правильно» и «верно» смысл не меняется). Шаг вправо или влево – оппортунизм или контрреволюция. Прыжок на месте – провокация. И все силы государства бросаются на уничтожение несогласного.

Сколько нами было законспектировано ленинских работ за четыре года! Конспектировали механически, не вдаваясь в суть написанного.

Все ленинские работы надо читать с картавинкой. У меня у самого есть картавинка и однажды на семинаре по истории КПСС меня попросили зачитать отрывок из ленинской работы. Я зачитал, ребята засмеялись, а преподавательница почему-то густо покраснела. Больше отрывки из ленинских работ мне зачитывать не приходилось.

В тысяча девятьсот шестьдесят девятом году молодым курсантом пограничного училища на занятиях по истории КПСС я выразил сомнение в возможности построения коммунизма в стране к тысяча девятьсот восьмидесятому году. Что тут началось! Комсомольские собрания по критике ревизионизма, собеседования, математические доказательства возможности создания материально-технической базы коммунизма.

Пожилой преподаватель научного коммунизма отозвал на перерыве в сторону и сказал:

– Молодой человек, мне понятно ваше стремление к реализму, но вас сломят. Если вы не признаете свою вину или ошибку, то вас отчислят из училища и с данной вам характеристикой вам будут закрыты дороги всюду, кроме рабочего класса и вне оборонных предприятий. Раньше за такие мысли сразу отправляли на лесоповал. А с вами возьмется, потому что опровергнуть ваше сомнение невозможно. Признайте свою ошибку и увидите, как всё повернется к лучшему.

Он был прав. Я и сам чувствовал, что надо мной сгущаются тучи. Приехать домой отчисленным из военного училища за политические убеждения, значит, бросить тень позора на головы моих родителей. А если бы это случилось пораньше, то меня бы попросту осудили минимум на десять лет без права переписки и шлёпнули бы при первой возможности. Партия, предавшая интересы своего государства, боится, как бы кто-то не стал сомневаться в правильности её политической линии.

Выбора у меня не было. На следующем комсомольском собрании я покаялся в ошибочности своих суждений по причине ошибок в математических расчётах. Аплодисменты, овации, радостные лица преподавателей общественных наук. Да, была дискуссия по насущному вопросу, да, были оппоненты, но сила партийной логики способна бороться с любыми оппонентами.

Мне всегда было интересно, как репрессированные, искалеченные физически и морально люди, плакали от радости, когда им возвращали партийный билет и грозили пальцем на случай возможного повторения ошибок-преступлений. Примерно так же плачут придворные, которых отдалили от престола и снова приблизили к нему. Зато насколько принципиальными становятся бывшие партийные заключённые или отлучённые от престола. Та собака, которую хозяин бьёт каждый день, а потом кормит и ласкает, страшнее и злобнее всякого волка. И самые знаменитые праведники вырастают из великих грешников.

Вскоре я начал вести «Клуб кинопутешественников» (стал таким небольшим провинциальным Сенкевичем) и вышел в разряд активистов общественной жизни училища. За год до окончания училища вызвал меня к себе тот же преподаватель научного коммунизма.

– Давно наблюдаю за вами, молодой человек, и хочу, чтобы у вас жизнь и карьера служебная сложилась удачно. Если вы на комсомольском собрании ничего не сказали о том, кто посоветовал вам сменить своё мнение, то думаю, что с вами можно разговаривать откровенно. Давайте поговорим о вашем членстве в партии, и не пытайтесь делать возражения о том, что вы ещё идейно не доросли. Речь идёт не об идеях, а о вас лично. Идеи могут прийти, а могут и не прийти. Говорю вам прямо, что служебного роста без членства в партии быть не может. Останетесь на всю жизнь капитаном, заместителем начальника пограничной заставы.

*«Там, где Китай граничит с Казахстаном,
Пятнадцать лет служил он капитаном».
(Из поэмы «Пятнадцатилетний капитан»).*

О дальнейшей учёбе не коммунист может и не мечтать. Я подготовил вам рекомендацию на приём кандидатом в члены КПСС. Сегодня же обратитесь к такому-то преподавателю, он о вас уже знает, а затем пишите заявление в комсомольскую организацию и учите Устав партии. Всего вам хорошего.

Где Вы сейчас, добрый, умный человек? Уверен, что не в старой форме с мятыми погонами и с красным флагом в колоннах демонстрантов, а среди людей, пытающихся найти выход из исторического тупика.

Буквально недавно, собирая информацию для книги о нашем выпуске, я узнал, что этот офицер недавно умер, будучи доктором политических наук и автором книги о нашем училище.

Приём в партию прошёл организованно. Политически мы были подкованы. Устав партии знали, как Устав внутренней службы. Знали, что партия есть ум, честь и совесть нашей эпохи. Комсомольцами были активными. Попробуйте не быть активными в армейских условиях. Приняли меня кандидатом в члены КПСС перед самым окончанием училища, вручили кандидатскую карточку и комсомольский билет с надписью на память – снят с учёта в связи с вступлением в КПСС.

В училище уделялось много внимания связям с местным населением. Связи мы устанавливали и сами в период увольнений в город или массовых выездов на концерты заезжих эстрадных звёзд.

Мы недолюбливали мероприятия, которые проводились в период увольнения в город. Увольнение и так короткое, а тут ещё надо идти в музей или на выставку. Если бы мы имели свободный выход в город, то такая экскурсия имела бы несомненную пользу.

Однажды мы, группа уволенных в городской отпуск, стояли у музея, расположенного в церкви в парке имени героев-панфиловцев, и ждали экскурсовода. Увольнительные были у курсового офицера. Везде толпы прогуливающейся молодёжи. На танцплощадке начинались танцы, а мы стояли и ждали. Неожиданно, старинная пушка, стоявшая лет сто пятьдесят у входа в музей, выстрелила в сторону танцевальной площадки, выбросив сноп огня и гору окурков, собиравшихся в ней десятилетиями. Народ на танцплощадке разбежался в разные стороны. В парке воцарилась тишина. Прибежала милиция, а мы в это время уже начинали осмотр музейной экспозиции.

Сама пушка, конечно, выстрелить не могла, но мы до сих пор не можем сами установить, кто же перед заходом в музей положил в ствол пушки взрывпакет с бикфордовым шнуром, горящим ровно пять секунд, которых нам хватило для входа в музей. На следующий день ствол пушки был забит деревянным чопиком (пробкой, по-сухопутному) и больше она не стреляла.

Хорошей традицией было посещение училища театральными знаменитостями, приезжавшими в Алма-Ату. В училище проводились премьеры кинофильмов, главные герои рассказывали нам о том, как снимался фильм или о том, что они видели во время гастролей. В конце вечера на сцену выходил

курсант с огромным букетом роз (в районе училища в основном находились дома частного сектора с обязательными розариями) и целовал всех находившихся на сцене женщин. Традиция-с.

Периодически мы выезжали на концерты эстрадных звёзд, которые проводились в огромном Дворце спорта. Места были дальние, но удалённость от сцены мы компенсировали мощной оптикой с восьми- и двенадцатикратным увеличением. Однажды попробовали взять с собой артиллерийскую стереотрубу. Очень удобно. Не надо держать в руках, изображение не прыгает. Правда, зрители больше смотрели на стереотрубу, чем на сцену.

Иногда по нашим просьбам устраивались экскурсии на промышленные предприятия: табачную, текстильную и кондитерскую фабрики.

Вообще интересно было познакомиться с процессом изготовления сигарет и папирос. Раскрывание тюков, сортировка, увлажнение, резка табака, подача в наполнитель, изготавливающий одну бесконечно длинную сигарету, которая потом режется на маленькие. Иногда, при сбое машины, эта сигарета обрывается и, как тонкая змея, летит в сторону. Машину останавливают, конец змеи заправляют в приёмник, и процесс снова продолжается.

Мы брали эти десяти или пятиметровые сигареты, сматывали как верёвку и укладывали на книжный шкаф. Во время перекура каждый подходил и отрезал себе сигарету нужной ему длины.

Папиросы у нас популярностью не пользовались: метр куришь, два – бросаешь. Работники табачной фабрики следили за тем, чтобы каждый курсант взял достаточное количество сигарет для потребления, а каждого некурящего уверяли в необходимости подумать и о своих товарищах.

В результате экскурсии мы были обогащены знаниями о тонкостях табачного производства и месячным запасом табачных изделий, что особенно важно в период безденежья. На курсантское жалованье сильно не разбежишься: на первом курсе – восемь рублей тридцать копеек, на втором – десять рублей восемьдесят копеек, на третьем и четвёртом – пятнадцать рублей. Ну и родители понемногу помогали.

Текстильная фабрика была богата знакомствами с прекрасной половиной населения Алма-Аты и белым подшивочным материалом, без которого курсант не являлся курсантом. Белоснежные подворотнички пришивались каждый

день (утром или вечером), в танцевальный день – и утром, и вечером (как и бритье в этот день, кому это необходимо). Вместе с тем, я до сегодняшнего дня имею представление об общих особенностях текстильного производства. Знаю, что наши женщины и девушки работают там в таких невыносимо трудных условиях, что конструкторам-текстильщикам давно надо было бы сделать все, чтобы уменьшить шум ткацких станков. У нас ещё два дня эти станки тарахтели в ушах.

Кондитерская фабрика была на десерт. Мне уже довелось в детстве побывать на маленькой кондитерской фабрике, изготавливающей в основном карамели. Когда я взял мягкую карамельную массу в рот, она вдруг застыла, и прилипла к зубам. Ладно бы я один. Весь наш класс мычал, не в силах открыть рот, пока нас не отпоили квасом. Здесь несколько другое дело. Производство намного больше и качество выше. Кроме карамели там выпускали шоколадные конфеты с различной начинкой и шоколадно-вафельные торты. Работницы не рекомендовали нам есть карамель, чтобы больше «вошло» в шоколадном цехе. Зато в шоколадном цехе мы оторвались. Особенно на конфетах с начинкой. Начинка была ничего себе – ликёр, коньяк, рябина на коньяке, чернослив, миндаль, шоколадная масса. Примерно год я на шоколад смотреть не мог. Потом прошло.

Такие мероприятия проводились только на нашем курсе, потому что замполитом у нас был довольно эксцентричный майор, для которого не было преград ни в чём. В субботу он раздавал направо и налево поощрения, а в воскресенье приходил на отбой в норвежском свитере, пыжиковой шапке и направо и налево раздавал взыскания. Ему надо было только намекнуть о решении комсомольских организаций дивизиона и о том, что кроме него это никто не может сделать. Через два часа уже есть договорённость с руководством предприятия, а у дивизиона стояли крытые машины для перевозки личного состава.

Я помню один незапланированный выезд нашего дивизиона за пределы Алма-Аты весной тысяча девятьсот шестьдесят девятого года. Нам выдали сухой паек, боеприпасы, посадили на машины, и мы поехали в южном направлении туда, где виднелись маленькие горы, постепенно увеличивающиеся в размере по мере нашего приближения к ним. Офицеры были сосредоточены и мы, видя их настроение, чётко выполняли все команды.

Километров через триста наша колонна была остановлена, и нам приказали возвращаться обратно. Потом узнали, что мы, как

резерв пограничного округа, были выдвинуты на направление возможного совершения вооружённых провокаций на советско-китайской границе, но после улучшения обстановки на границе возвращены в училище. Хотя нам не доводили обстановку, не говорили, куда мы едем, но подспудно мы чувствовали, что скоро начнётся практическая проверка того, чему научились в училище и ближайшие часы покажут, кто из нас есть кто.

Мне довелось застать то время, которое можно назвать временем воспитания кодекса чести офицера. Оценивая с позиций того времени, шумящий сейчас фильм Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник», могу сказать, что часть виденного культивировалась и в нашем пограничном училище.

Дуэлей у нас не было, но за нетактичное отношение к женщине любой человек, невзирая на должность, звание и положение в обществе мог получить по физиономии от курсанта.

Курсантская корпоративность была присуща не только нам, но и офицерам, которые относились к нам не как к солдатам, а как к будущим коллегам. Жёстко, но с пониманием. Помните выпившего юнкера Толстого? Было и у нас такое. И своих офицеров мы берегли и уважали.

В училище мы все жили в одной казарме, рассчитанной на двести человек с размещением кроватей в два яруса. Об отдельных комнатах на взвод или на отделение мы не могли и мечтать. О горячей воде в кранах мы вспоминали тогда, когда приезжали на побывку домой.

В отпуск надо ехать в тщательно отутюженной форме. Сделать это трудно при наличии двух-трёх утюгов на всю казарму. Гладились всю ночь, разбудив следующего по очереди. Благо, если бы погладивший мундир курсант, тихонько добирался до своей кровати и проваливался в объятия Морфея. Обязательно надо топтать сапожищами или песни петь среди ночи.

Для шумных представителей курсантского племени была проведена «подковёрная диверсия». Через весь коридор казармы пролежала огромная ковровая дорожка, поделённая на две части. Вытряхивать эту дорожку приходилось с огромным трудом, развешивая её на всех спортивных снарядах и выбивая всеми подручными средствами. Ночью с разных сторон под дорожку подсовывали деревянные табуретки, которые надёжно сваливали нарушителя тишины на пол. После этого все ходили по ночной ковровой дорожке тихо и осторожно. Настоящая «подковёрная борьба» в коридорах власти, к сожалению, ведётся не при помощи

табуреток. Вместо синяков там поломанные судьбы, карьеры и здоровье.

Как бы в продолжение темы о воде. Мы приехали в училище если не маменькиными сынками, то уж не такими, как представляются военнотружущие в понимании того времени. Утром после физической зарядки идёт процесс умывания. Обнажённые по пояс. Обязательное ежедневное бритье, мытьё шеи с мылом и ополаскивание разгорячённого физическими упражнениями туловища. Летом, зимой, весной и осенью. Исключений не было. Молодая поросль на лице сбивалась даже знаменитыми в то время лезвиями «Нева», которые больше драли волосы, чем брили. Лучше были лезвия «Спутник», но и они были, можно сказать, на самой низшей стадии развития бритвенных принадлежностей в СССР.

Мне встречались маленькие электрические машинки для заточки бритвенных лезвий. А не лучше ли было сделать острые лезвия, чтобы не было необходимости их точить? Фронтвики точили эти лезвия путём круговых движений лезвий по внутренней стороне стакана.

Современные бритвенные принадлежности мы увидели в начале восьмидесятых годов и то, если кому-то во время командировки в Москву «обламывалось» увидеть вброс импортного товара. Так и к двухлезвийным станкам не было запасных лезвий. Моряки-инженеры из морского отдела округа пробовали их точить токами высокой частоты, но результат был таким же, как и у специалистов с гранёными стаканами.

Ситуация с офицерскими кадрами в пограничных войсках была очень сложная. После событий на острове Даманский оказалось, что офицеров-пограничников катастрофически не хватает.

Как в тысяча девятьсот четырнадцатом - тысяча девятьсот семнадцатом годах юнкерские училища досрочно выпускали прапорщиков военного времени, так и в начале семидесятых срочно были созданы курсы младших лейтенантов, которые в срок от трёх до шести месяцев выпускали офицеров со средним военным образованием.

Конечно, это не чета высшему образованию, качество не то, но большинство младших лейтенантов достойно показали себя в войсках и получили хорошее продвижение по службе.

Была также использована и система партийного набора, то есть призыва офицеров запаса, находившихся на партийной,

комсомольской и хозяйственной работе. Хочешь, не хочешь, а партия приказала, значит – надо.

Нам, курсантам, дико было смотреть, когда офицеры в званиях старших лейтенантов ходят в строю по принципу «сено-солома» и вообще находятся на уровне курсантов первого курса. Партнабор себя, в общем-то, не оправдал и на границе мне редко встречались офицеры, которые по партнабору значительно продвинулись по службе.

Весна тысяча девятьсот семьдесят первого года была чрезвычайно насыщенной событиями, связанными с окончанием училища. Государственные экзамены и женитьба. Всё бегом. Получение офицерской формы, которую специально шили в ателье. Вывоз всего офицерского «приданого» (в чехле для матраца, такой здоровый мешок) в город. Распределение. Остановился двадцать седьмого мая в ЗАГСе. Молодой лейтенант в золотых погонах и рядом молодая девушка в белом подвенечном платье. Вместе с дипломом получил и свидетельство о регистрации брака. Начиналась самостоятельная жизнь. Не надо ждать подъёма, команды построения на завтрак и другие мероприятия по распорядку. Надо самому устраивать свою жизнь и заботиться о пропитании собственной семьи.

С женитьбой всё было по-нормальному и по-человечески. Встретились. Познакомились. Влюбились. Поедешь на границу? Поеду! Пошли в ЗАГС подавать заявление. Выбираем дату. Двадцать восьмое мая официальный выпуск в училище. Двадцать девятого мая в Алма-Ате остаются единицы выпускников. Значит, свадьба и регистрация Двадцать седьмого мая. За бланк свидетельства платила невеста, один рубль сорок семь копеек. Даже сейчас вспоминает, что купила меня за один рубль и сорок семь копеек. Ближе к выпуску кто-то из больших начальников решил, что выпуск будет не двадцать восьмого мая в День пограничника, а двадцать седьмого. Мне дают команду:

– Меняй день свадьбы!

Поехал в ЗАГС, а там огромная очередь и на мою просьбу следует ответ:

– Товарищ курсант, вы что, шутите, что ли, у нас дни по минутам расписаны.

Начальники снова командуют:

– Отменяй свадьбу!

– Нет, – говорю им, – отменять ничего не буду. То, что меня не будет на вручении диплома, не является основанием для того,

чтобы мне не выдавать диплом. А отмена свадьбы может разрушить всю мою жизнь.

Однокашники говорят:

– Правильно, у нас твоя свадьба давно в планах, а на двадцать восьмое уже билеты взяты. Иди, регистрируйся и жди в ресторане.

Вот и времена были, когда лейтенант мог позволить себе арендовать банкетный зал и устроить свадьбу на тридцать человек.

Со свадьбой связан ещё один эпизод, касающейся моей фамилии. Вроде бы в нашей стране абсолютное большинство населения грамотные люди, но лишь единицы способны без ошибок написать фамилию, начало которой есть слово СЕВЕР. Как только не перевирают слово СЕВЕР высокообразованные люди, диву даёшься. Так и я решил проверить, а правильно ли выписано свидетельство о регистрации брака. Со скандалом, но мне дали прочитать свидетельство. И что вы думаете? В начале моей фамилии написано СИВИР. Взяли заявление на регистрацию брака – фамилия написана правильно и печатными буквами, потому что сам писал и знал, что сделают ошибку. Бегом передельвали свидетельство. С тех пор все документы проверяю только на написание фамилии.

После окончания училища я сразу был командирован в Москву на высшие пограничные курсы для изучения основ работы с нарушителями границы.

В Москве я был вообще в первый раз. На курсах со мной учился сын Никиты Карацупы, окончивший Московское пограничное училище в этот же год, и мне посчастливилось познакомиться с его отцом, прославленным пограничником, Героем Советского Союза, полковником Никитой Фёдоровичем Карацупой, рассказами о котором я зачитывался в детстве. А Ингусом мой дядя назвал свою овчарку, с которой я маленьким гулял по улицам областного центра.

Москва, конечно, произвела на меня огромное впечатление. Учёба не давала много времени на осмотр города, но кое-что увидеть удалось. Кремль, Красная площадь, Исторический музей, музей Вооружённых Сил, Третьяковская галерея, музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

Москва в то время готовилась стать городом коммунистического труда и быта. Это относилось и к военным. Не дай Бог военному в жару снять китель и нести его в руке. Сразу, несмотря на заслуги и возраст офицера, ему выписывался билет на

строевую подготовку, чтобы не терял выносливости, чтобы обливаться потом, но китель не снимал.

В то время Министр обороны Д.Ф. Устинов фотографировался в кителе с португеей, заправленной кое-как. Ретивые комендантские служаки начали всех гонять за «неправильное» ношение португеи: Министр обороны знает, как надо носить португею, если фотография растиражирована на все Вооружённые Силы, несмотря на то, что тем же Министром были подписаны Правила ношения военной формы одежды с другим описанием ношения португеи.

Чуть позже, один военачальник из омских уроженцев, он потом Министром обороны был во время ГКЧП, будучи командующим войсками Дальневосточного военного округа, начал бороться с нарушениями формы одежды в Хабаровске. Стали вылавливать всех офицеров и прапорщиков, которые в сорокаградусный мороз носили тёплые ботинки коричневого цвета, а не уставные уродливого образца башмаки на рыбьем меху или сапоги, пригодные для маршировки по утеплённому плацу.

Говорю об этом не с чужих слов. Сам в звании майора и в должности офицера управления пограничного округа был посажен в «чёрный воронок» недалеко от своего дома, отправлен на гарнизонную гауптвахту рядом с управлением пограничного округа и посажен в камеру с младшими офицерами и прапорщиками. Уставы я знаю, вытребовал себе право свободного передвижения по гауптвахте, питание. Пользуясь воинским званием, согнал с нар младших по званию и стал подбивать сокамерников – старших офицеров писать жалобу военному прокурору. Армейцы на меня руками замахали, что ты, дай Бог небольшое взыскание получить. А я коменданту, личному другу командующего, пообещал не оставить это дело без последствий.

К вечеру за бутылку коньяка договорился с караульным начальником, майором, сделать один телефонный звонок (в фильме «Офицеры» – дежурный Витька за три компота выпустил позвонить) и не подставить его. Позвонил оперативному дежурному по пограничному округу, и через полчаса меня освободили.

Начальник штаба пограничного округа, генерал-майор, после совещания у которого меня арестовали, освидетельствовал меня на предмет трезвости, подтвердил, что я в нормальном состоянии и поддержал мою идею обращения к военному

прокурору. Заявление я накатал по всем правилам юридической науки со ссылками на Уставы и процессуальные документы.

Жалобу рассмотрели. Подтвердили, что я был незаконно задержан и помещён на гауптвахту, принесли официальные извинения. Наказали, конечно, не коменданта за самоуправство, а стрелочника, который был ни при чём (отличный парень, мы потом ближе с ним познакомились). Зато потом офицеров-пограничников патрули не трогали.

У одного из наших штабных офицеров комендантский патруль забрал удостоверение личности, сказав, что удостоверение отдадут в комендатуре после наложения взыскания. Забыли, что мы не армейцы, а продолжатели традиций Отдельного корпуса пограничной стражи. Я посоветовал приятелю в комендатуру не ходить, удостоверение принесут в управление округа как миленькие и на блюдечке с синей каёмочкой. И действительно, через два дня помощник военного коменданта получил от своего руководства нагоняй за то, что удостоверение до сих пор в комендатуре, а в это время, наверное, военным прокурором уже рассматривается новая жалоба офицера-пограничника. От греха подальше удостоверение вручили его владельцу.

Во время таких облав на военнослужащих один пограничный прапорщик сбежал из колонны «военнопленных» самым наглым образом. Подцепился к проходящему трамваю и уехал, помахав коменданту рукой. Комендант об этом рассказывал с большим возмущением и говорил, что пограничники у него на особом счету. А прапорщика так и не нашли.

Вообще, отношение к офицерам, особенно в армейской среде, совсем не похоже на отношения среди офицеров, описанные в воспоминаниях бывшего полковника российского Генерального штаба, Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова и лидера Белого движения, командующего войсками Юга России генерал-лейтенанта А.И. Деникина.

Были и в той офицерской среде невоспитанные начальники и офицеры, самодуры, но честь офицерская была уважаема начальниками всех рангов. Рассказывают, что император Александр III, будучи наследником престола, допустил бестактность в отношении одного офицера. Оскорблённый офицер застрелился, так как не мог вызвать на дуэль лицо императорской фамилии. Александр II приказал своему наследнику идти впереди похоронной процессии, чтобы впредь было неповадно

пренебрежительно относиться к офицерскому званию других людей, не имеющих возможности отстаять свою честь.

Это только раньше офицеры не имели права ездить в трамвае, а только на извозчике (в такси, по-нашему), жениться на актёрках, и вообще жениться, не имея достаточных средств для содержания семьи, сидеть в театре дальше седьмого ряда партера. Офицер, подвергнувшийся оскорблению, должен был кровью (оружием) смыть свой позор или уйти из армии. В офицеры не брали тех, кто хоть раз подвергался телесному наказанию.

Всё это в далёком прошлом, хотя это должно быть основной дисциплиной обучения в военном училище и кадетском корпусе. Сейчас офицера можно встретить и с сумкой-авоськой, и с полиэтиленовым пакетом. В автобусе и в трамвае он такой же, как и все, выскакивает с оторванными пуговицами и расстёгнутой шинелью. В частях работает вместо сержанта, пытаясь достучаться до каждого солдата лично. Поэтому настоящим офицером он становится после того, как получает в командование роту и выше, начиная заниматься организацией службы, обучением подразделения и повышением уровня своих знаний.

Однажды с выпускниками Московского пограничного училища мы гуляли по центру Москвы. Мой товарищ ушёл позвонить, а я стоял у входа на станцию метро «Площадь революции» и курил. Ко мне подошёл какой-то пехотный лейтенант с бляхой на груди (сейчас такие носят и патрульные милиционеры) и официально сказал:

– Товарищ лейтенант, вы носите обувь неустановленного образца.

Я, как провинциал, носивший нормальные полуботинки, похожие на форменные, прямо сказал лейтенанту, в какую сторону ему надо идти в пешеходную прогулку с эротическим уклоном. Лейтенант аж подпрыгнул и куда-то убежал. Не привык к такому обращению.

Подошедший товарищ спросил, что я сказал лейтенанту. Я повторил. Теперь подпрыгнул мой товарищ:

– Ты что, это же кремлёвский патруль. Пошли скорее, а не то придётся заниматься строевой подготовкой.

Месяц пролетел незаметно. Точно также пролетел и первый офицерский отпуск. Нужно было выезжать в часть для дальнейшего прохождения службы.

Не играю на скрипке и флейте,

*Не подвластен гитар перезвон,
Лучше водки в стакан мне налейте,
Расскажу вам вчерашний я сон.*

*Был на бал приглашён к королеве
И записан я с ней в менюэт,
Встал я скромно у трона налево
В блеске дам и в лучах эполет.*

*Шёл я в паре с моей королевой,
Прикасаясь легонько к руке,
А сержант мне кричал: левой, левой!
И оркестр нам играл вдалеке.*

*На плацу строевом как на бале,
С автоматом «на грудь» чёткий шаг,
И в манеже верхом гарцевали,
Новой жизни совсем не страшась.*

*А потом в офицерском собрание
Своих дам пригласим мы на вальс
И уедем служить утром ранним,
Ожидая известий от вас.*

Глава 4. Учкудук три колодца

В училище я попал в группу переводчиков немецкого языка. Учитель немецкого языка в школе заложил в нас хорошие знания, которые по достоинству были оценены и в училище. Наши преподаватели наряду с вопросами военного перевода старались привить нам любовь к немецкому языку. Факультативно мы учили стихи, делали переводы произведений немецких писателей, проводили языковые конференции.

*«Der schone Schaffer zog so na
Voruber an dem Kënigschloß.
Die Jungfrau an der Zehne sah
Da sah Jhr sehnnne groß.»*

(Прекрасный пастушок гнал стадо овец мимо королевского дворца. С балкона его увидела юная принцесса и влюбилась с первого взгляда).

Я не занимался немецким языком после окончания училища, но даже сейчас смогу объясниться с немцами и понимаю примерно половину из того, что слышу на этом языке.

По окончании училища выпускники нашей группы получили квалификацию военных переводчиков (по образовательным меркам – владение иностранным языком в объёме шести семестров). Распределяться я должен был в Германию в сто пятый пограничный полк по представлению кафедры иностранных языков.

Распределить нас хотели в соответствии с нашими пожеланиями и способностями, но приехал генерал-кадровик из Москвы, и мы поехали туда, куда нас послали (не направили, а послали). Я с немецким языком поехал в Туркестан.

Как знающего иностранный язык меня направили в штаб пограничного отряда для работы с нарушителями границы. Мой начальник, предупреждённый о приезде офицера-переводчика, обратился ко мне на фарси:

- Салам алейкум.
- Салам алейкум.
- Эсме шома чист? (как твое имя).
- ???
- Сенне шома чист? (сколько тебе лет).
- ???
- На каком языке ты умеешь разговаривать? (по-русски).
- На немецком. (Тоже по-русски).

Далее последовала непереводаемая игра слов об отношении к родственникам тех, кто меня сюда направил. Успокоившись, начальник проверил меня на знание правил оформления процессуальных документов на нарушителей границы и пообещал лично заняться со мной изучением фарси. И своё слово сдержал. Я до сих пор читаю и пишу на фарси, понимаю процентов на пятьдесят, но разговорной практики очень и очень мало.

Впоследствии в Магелане, где я был заместителем пограничного комиссара, иранцы удивлялись тому, что я не говорил на фарси, но иногда не требовал перевода и сразу отвечал на заявления, читал и переводил изречения аятоллы Хомейни, а незнакомые слова записывал на фарси в свою записную книжку. Юношеская память.

После знакомства мой первый начальник, заядлый шахматист, сразу спросил, умею ли я играть в шахматы. Шахматные фигуры переставлять я умею, но с детства не уловил прелестей этой умной и развивающей игры и не играю до сих пор. Я честно ответил, что играю очень плохо, что-то не ладится с защитой Каро-Канн (шутка). Начальник за столом даже подскочил. Достает из стола доску с фигурами. А ну, давай, садись. Досталось играть черными. Через двадцать минут на десятом ходу поставил начальнику мат. Тот посидел, подумал и говорит:

– Этого не может быть. А ну, давай ещё партию.

Минут через пятнадцать посмотрел на меня и говорит:

– Парень, да ты вообще в шахматы играть не умеешь. А я-то сидел, все варианты твоих ходов просчитывал и подставился.

Больше мы с ним в шахматы не играли, но стали добрыми друзьями, и я очень многому научился у своего старшего товарища.

О службе в Средней Азии вспоминается приятно. Молодость, множество новых впечатлений. Офицер – значит начальник, башлык. Вспоминаю всегда уважительное отношение к нам, пограничникам, со стороны местной интеллигенции и чиновников.

Тогда мы не обращали внимания на то, что всегда подчёркивалась роль русских в развитии той или иной республики в таком виде, что только с помощью русских они сидят за столом, а не разваливаются на ковре, что до русских они не пили водку, постоянные извинения, что они принимают нас не как в России, а как принято у них в республике. Это говорилось для нас, но между собой говорилось, наверное, не совсем приятное для нас, так как в нынешних событиях активно и наиболее агрессивно принимали участие те молодые люди, которым в то время было лет по десять-пятнадцать и которые внимательно впитывали все разговоры старших.

Внешне законопослушные люди, с сочувствием говорившие об интернационализме, подчинялись своим местным законам и следовали родовым традициям. Преступник мог сколько угодно долго скрываться в своём племени, и никто его не выдавал. Но, если он совершил преступление против своего племени, то никакая милиция его не могла спасти. Калым был порицаемым, но повседневым обычаем в сельской местности. Покупка

водительских прав и партийных билетов были обычными. Дело доходило и до анекдотов.

При обмене партийных документов году в тысяча девятьсот семьдесят четвёртом вдруг выяснилось, что первый секретарь райкома КПСС в посёлке, где стояла наша часть, никогда в партию не вступал, приобрёл билет и продвинулся по служебной лестнице до первого лица района. Скандала большого не было, зачем сор из избы выносить. Из партии его исключили, хотя он в неё не вступал, но всё равно остался одним из самых уважаемых людей в районе.

С каким сожалением я читал новости из этой республики, ставшей удельным владением бывшего партийного бонзы. Люди были низведены до уровня дехкан, которые были во времена Ходжи Насреддина. И пришедший ему на смену личный стоматолог хана многого не сделал для улучшения жизни людей. Главное, репрессиями люди доведены до того, что готовы отдать жизнь за тирана, лишь бы не были репрессированы родственники.

*У дороги старик,
Старый ватный халат,
Всё от солнца горит
И в руке пиала.*

*Рядом дети играют в пыли,
Видно в гости приехал кочевник-кумли.
Сын текинский ковёр расстелил
И соседи с собой, кто что мог, принесли.*

*Эй, начальник-урус,
Выпей с нами кок-чай,
Уважаем мы Русь,
Ты по ней не скучай.*

*Я попил с ними чай
И сказал им - рахмат,
Старика я встречал,
Ехал он в Ашхабад.*

Служба всегда начинается с жилья. Бездомный офицер – офицер наполовину. На службе он думает, где будет сегодня ночевать и что есть. Дома думает, какие задачи на завтра. Не

служба, а сплошное преодоление тягот и лишений военной службы. К приезду жены мне выделили комнату размером три на четыре метра в офицерском общежитии. Общежитие находилось в бывшей капитальной конюшне, оставшейся ещё со времён генерал-адъютанта Куропаткина, впоследствии «отличившегося» во время русско-японской войны. Кстати, и клуб части размещался в этой же бывшей конюшне. Так мы прожили полгода. Но как говорят – не было счастья, да несчастье помогло.

В то время какой-то теоретик из Московского пограничного округа (в армии – это Арбатский военный округ), ограниченного пределами Садового кольца, не служивший в строевых частях, придумал теорию сменной охраны границы. Нам ещё в училище пытались вдолбить прелести этой системы охраны границы, но, то ли по дурости нашей, то ли ум всё-таки присутствовал в свежих курсантских головах, эта теория нами не была понята и не была принята.

Суть её заключалась в том, что три месяца застава охраняет границу, а затем передаёт охраняемый участок и выезжает на зимние квартиры для боевой подготовки и прочее. Через три месяца снова происходит смена застав. Таким образом, для реализации теории нужна двойная численность пограничных войск. Кроме того, если в квартире и на огороде (условно назовём так участок пограничной заставы) часто меняются хозяева, то порядка не жди.

Застава – это отдельное хозяйство и частая смена только начальников, а не всего личного состава, неблагоприятно сказывается на его состоянии. Личный состав плохо знает участок. Иногда для проверки начальники застав бросают кусочек бумажки куда-то, а солдат сразу отмечает это, так как все изменения знакомого участка видны сразу. Привыкаешь к участку, перерыв, снова привыкание. Это не дело.

Новая теория была принята на самом верху в качестве заботы о личном составе и совершенствовании охраны границы. Были выделены огромные средства. Развернулось строительство казарм и домов офицерского состава на двойной комплект погранвойск. Хорошо, что только в нескольких частях для эксперимента. К моменту сдачи квартир теория была раскритикована и отвергнута. А квартиры и казармы остались. Такой простор личному составу и не снился. Ну, и офицеры все были обеспечены квартирами.

Квартиры строились только трёх- и четырёхкомнатные с изолированными комнатами, ставнями-жалюзи, огромными лоджиями с выходом из кухни и из зала. Мне, пока бездетному, была выделена трёхкомнатная квартира. Вещей было немного. В одной комнате стояла только стиральная машина. Стратегический просчёт обеспечил приличными квартирами семьи офицеров. Нашёлся бы в наше время такой же головотяп, чтобы сейчас обеспечить квартирами офицеров, продолжающих службу и находящихся в запасе.

Начало службы в качестве офицера управления пограничного отряда обязывало ко многому. Многие офицеры пограничных застав годами горбатились на линейке (на линейной пограничной заставе), чтобы в качестве поощрения перед поступлением в академию или увольнением в запас быть переведёнными на штабную работу.

Даже такой момент можно считать характерным для штабного офицера того времени. Перед окончанием училища мне почему-то вдруг понравились сигареты «Прима» алма-атинской табачной фабрики. Уже будучи офицером, я продолжал курить «Приму», не считая это чем-то зазорным. Через месяц службы я был вызван к своему начальнику, и мне в очень мягкой форме было рекомендовано сходить в войсковой магазин и выбрать себе сорт сигарет с фильтром, соответствующих моему нынешнему служебному положению. Просьба должна исполняться быстрее и чётче приказа. Я купил пачек десять сигарет с фильтром: болгарских, югославских, наших и, в конце концов, остановился на болгарской «Варне».

Магазины были завалены импортными товарами. В Туркестане мало чего производилось собственной промышленностью, поэтому недостаток местных товаров заполнялся импортом, получаемым за нефтедоллары. Все страны СЭВ (Совета экономической взаимопомощи, то есть страны социализма) были представлены здесь своими товарами.

Привоз товаров – событие равноценное приезду заморской оперной звезды. Очереди занимались с вечера, ночью ходили и отмечались, так как лучший товар доставался только тем, кто в очереди впереди и номенклатуре – командованию отряда – на всех хорошего не хватало. Тоже и со свежими продуктами. Деньги старались готовить ровно столько, сколько всё стоит, так как требовать сдачу у местных продавцов считалось неприличным. Это и сейчас не выветрилось как в Туркестане, так и в Захребетье.

Если человек требовал сдачу, то ему отдавали её как подаяние. Зато продавцы ездили на «Жигулях», являвшихся тогда редкостью и предметами роскоши, а не средствами передвижения.

Ещё пару слов об автомобилях. Не каждому он был по карману, но если даже был по карману, то не так-то легко его было купить, особенно в Туркестане, где за всё нужно было приплачивать и переплачивать.

Помню, на третьей нашей комендатуре в посёлке Душак один житель купил «Жигули» и ездил по посёлку, высунувшись чуть ли не наполовину из окна автомобиля, махая всем рукой и крича восторженно:

– Эй, я машину купил!

Так он проездил примерно с полчаса, пока не врезался в столб, который внезапно выскочил перед ним. Слава Аллаху, что живой остался.

О том, чтобы офицер владел личной автомашиной, об этом не могло быть и речи. Как так? А кто будет службой заниматься? А вдруг офицер задумает куда-нибудь поехать, куда только номенклатура ездит?

На той же третьей комендатуре был один заместитель коменданта, который с помощью родственников всё же купил себе автомашину «Жигули». Сразу про него стали распускать слухи, что деньги на машину он собрал, продавая святую воду из источника Хаджи-Баба, что на заставе «Келат». По червонцу за флягу воды. Вот и насобирал. Вранье, конечно, но нужно было убить в зародыше желание других офицеров купить себе автомашину. А тут и новый автовладелец сыграл по-крупному и не в свою пользу.

Как это всегда бывает, машину нужно обмывать, а кто же позволит офицеру уйти в недельный загул по этому поводу? Никто, поэтому и обмывка производилась в районе гравийного карьера в индивидуальном порядке без всяких компаний.

В тот раз на обмывку поехал командир роты сопровождения поездов. Сколько они выпили, история об этом умалчивает, но машина с пассажирами свалилась в карьер и разбилась вдребезги. А с пассажирами ничего не случилось, за исключением нескольких царапин на лице и синяков на мягких и твёрдых частях тела. С карьера они пришли пешком. Разошлись по домам, а через два часа заместитель коменданта застрелился из своего охотничьего ружья. Продолжение этой истории я не знаю, так как уехал в академию.

В Туркестане я видел предмет, который видел ещё в начале пятидесятих годов и только в семидесятые годы догадался о его предназначении. Предмет представлял собой деревянную имитацию овального женского ручного зеркала высотой около метра. На стекле была нарисована красивая женщина в развевающемся платье. Только на платье не было никакого рисунка, просто прозрачное стекло. Это «зеркальце» накладывалось на отрез материи, и платье женщины оказывалось как бы «сшитым» из этого материала. На какую материю ни положи это «зеркальце», женщина прекрасно выглядит в любой материи, даже в дешёвом ситчике. И с помощью этого нехитрого приспособления увеличивались продажи материи.

Золото было дешёвое, но никто особенно и не гонялся за ним и увешанных с головы до ног золотыми украшениями, с проколотыми носами, пупками, грудями, языками не было ни среди местных и русских женщин.

Характерно было отношение к русским женщинам. Если не одета в туркестанскую национальную одежду, сидит за столом с мужчинами, значит проститутка. Иногда приходилось пускать в ход кулаки, чтобы добиться уважения к своей жене среди местных жителей.

Это характерно для жителей всех союзных и автономных республик: к своим женщинам применяются национальные обычаи, которые всё равно для них как законы, а для русской женщины никаких законов нет. Через двадцать пять лет уже в Магелане нам приходилось под охраной вывозить женщин на местный рынок для закупки продуктов питания.

После первого выезда моя жена сказала:

– Больше я на рынок ходить не буду. Не хочу, чтобы меня лапали за задницу люди, захлёбывающиеся слюной. Это не потомки витязей в тигровой шкуре, это...

И эти люди не понимают, что именно по ним судят о всей их нации. Это же относится и российским гражданам, названным обобщённо – лица кавказской национальности. По отдельным их представителям, показывающим себя отрицательно в других регионах России, судят обо всех народах, хотя это несправедливо во всех отношениях. Но по кому же судить? Как в том анекдоте, когда один человек пренебрежительно отозвался о пении великого певца Карузо. Типа, Карузо поёт совсем плохо, ему сосед напел некоторые мелодии.

Прошло уже много лет с того времени, но отношение к русским женщинам в национальных образованиях не изменилось. И не изменится никогда, пока в России будут существовать национальные административно-территориальные образования и термины титульная и нетитульная нация вместо единого названия – граждан Российской Федерации.

Сторонники сохранения в паспортах графы «национальность» являются активнейшими участниками постепенного разрушения единого Российского государства. Причём их немало среди русских, которые ничем не отличаются от тех, кто проповедуют идею гяурства и джихада. Их можно смело называть басмачами, бандеровцами, черносотенцами и никакой ошибки не будет. Их задача – полное уничтожение одной нации другой. Что будет в результате, их не интересует.

Мне даже кажется, что ортодоксы всех религий сотрудничают между собой, чтобы организовать схватку по религиозным мотивам не на жизнь, а на смерть. Если дать им волю, то они заставят делать татуировки о национальной и религиозной принадлежности на всех частях тела, чтобы не забыть, к какой национальности и конфессии относились их деды и прадеды, и будут далее развивать неприязненные отношения между народами и народностями России.

Сюсюканье в отношениях с местными жителями всегда расценивалось как слабость и заискивание русских. Жёсткость с уважением всегда ценились высоко. Кстати, этого до сих пор, именно до последнего года XX века и первой декады XXI века, не могут себе уяснить руководители государства. В этом они сами с усами и ничьих советов слушать не собираются, доведя страну до Чечни, Будённовска и Кизляра.

Не всегда и русские являли собой образец для подражания. Иногда можно было видеть в троллейбусе или автобусе в Башибаде русских пожилых людей, давно живущих в Туркестане, которые со злобой относились ко всем местным жителям. В таких случаях национальная сопричастность кроме чувства стыда не вызывала ничего. Да и надо прямо говорить, что представители других национальностей в республиках Средней Азии, да и Захребетья тоже, являлись инородными элементами на чуждой земле.

Национальная политика как таковая отсутствовала. Заклучалась она только в том, чтобы любым путём из любых предоставленных в большинстве своём по благу кандидатов

подготовить кадры национальной интеллигенции, идеологически преданной делу коммунизма и пролетарского интернационализма, поставить их на руководящие посты, в заместители поставить толковых русских и обеспечить проведение на местах генеральной линии партии большевиков-ленинцев.

Плоды этой политики мы пожинаем сейчас. Ещё в царские времена власть материально поощряла чиновников и технических работников, знающих местные языки, чтобы они могли общаться с любыми категориями населения и воспитывать уважительное отношение к русскому населению и к русскому царю.

Почему-то мы привыкли к тому, что во всех республиках все должны знать русский язык как язык межнационального общения и не знающий русского языка человек – это просто неуч и чурка. А что можно сказать про человека другой национальности, который за двадцать лет не научился даже здороваться на местном языке? Скажем прямо, что это просто чванливый, неотёсанный болван, чурка дров, как говаривал мой покойный отец, которого даже близко нельзя подпускать к национальным республикам.

Когда бывшие республики СССР получили самостоятельность, за что не менее рьяно выступали и наши соотечественники, почувствовавшие возможность безвизового выезда в мир, то оказалось, что все соотечественники и двух слов не могут связать на национальных языках. Почему никто не едет в США и не требует, чтобы в Америке русский язык был признан как язык межнационального общения как один из шести официальных языков Организации Объединённых Наций? Для первого раза этого человека обрядят в смирительную рубашку и отведут на психиатрическую экспертизу, а потом могут и посадить в камеру к учителю американского уголовного сленга.

Особо вредной является теория «Богоизбранности русского народа». Она воспитывает в нас чувство какой-то исключительности, которая непонятна и неприятна окружающим нас нациям и народам.

Нужно понять, что «богоизбранность» заключается лишь в выборе Богом нашего народа, которому уготована участь постоянно бороться за своё выживание. Сколько Великих войн и Великих потрясений было брошено на Россию, а она выстояла и всё выдержала. И сколько испытаний нам предстоит пройти? Много. И мы к ним должны быть готовы.

Русская – российская – идея должна заключаться в методике выживания России в любой ситуации, которая может сложиться в

мире. Не лишне использовать и опыт других народов, чтобы воспитывать в русском народе организованность, настойчивость, трудолюбие, стремление к достижению первенства в науке, культуре, воспитанию взаимной поддержки всех русских в мире, добрососедства по месту проживания, защите своих интересов, предприимчивости и поддержки своей родины – России.

Совершенно уверен в том, что естественная интеграция русского населения и представителей других наций в состав коренного населения республик не допустила бы того хаоса и волны ненависти к России, какой мы видим сейчас.

В Туркестане всегда существовали своеобразные порядки, присущие Средней Азии. Всё делалось по благу и на основании записок. Есть записка – значит, есть всё. Всё хозяйство республики было прочно поделено между кланами и родами, а внутри них между авторитетными представителями, занимавшими должности министров, начальников управлений, исполнительных комитетов, завскладов или товароведов, осуществлявших снабжение своих родственников и знакомых.

Молодость - это пора обзаведения семьями. Природа требует своё. Постоянный холостяк не является вполне нормальным человеком. Да, он живёт для себя. Совершенствует свои знания. Становится отличным специалистом. Пусть даже академиком. Всё людям. А кто будет после тебя? Кто поднимет твоё знамя? Кому ты передашь всё, чему учился и что приобрёл за всю жизнь? Конечно, семья.

В пограничный отряд я приехал уже семейным человеком, и это меня несколько выделяло среди неженатых однокашников. Заботы были не только о себе, но и своей семье.

Затем пошла череда лейтенантских свадеб. Служил у нас лейтенант Букреев из Башкирии. Симпатичный высокий парень. Умница. Познакомился с дочерью майора из штаба отряда, и все у них сладилось. Не прошло и трёх месяцев, как решили сыграть свадьбу. А у нашего лейтенанта в соседнем отряде служил брат-близнец. Братья были до такой степени похожи, что их друг от друга отличить было невозможно. Когда брат приехал на свадьбу, то началась такая путаница, что нам братишку пришлось взять под плотное обеспечение, чтобы к нему никто не лез с вопросами, касающимися нашего лейтенанта. Как мы его не берегли, однако уже после регистрации молодая жена подошла к нему и говорит:

– Милый, пойдём, нас там папа и мама ждут, начальник пограничного отряда пришёл нас поздравить.

У нас у всех рот до ушей, а брат жениха (опекаемый нами) ей в ответ:

– Ты иди мужа своего ищи, а я здесь с ребятами побуду.

Невеста как мак алый в белом снегу в своём подвенечном платье. Жениху мы потом попеняли, что молодую жену без присмотра оставил. Братья по службе пошли хорошо. Один до сих пор служит в звании полковника, а второй стал генералом. С ним мы долгое время служили на Дальнем Востоке.

Молодость она и есть молодость. В нашем пограничном отряде существовала интересная неформальная традиция встречи молодых офицеров. После оформления в кадрах и представления на офицерском собрании молодой офицер шёл на склад артиллерийско-технического вооружения (АТВ) для получения личного оружия. Завскладом, уже предупреждённый, ласково принимал молодого офицера, выдавал ему положенное оружие и противогаз. Смотря по реакции офицера, говорил, что для такого подготовленного офицера он сделает исключение и выдаст дополнительное оружие, так как граница очень сложная и без оружия на границе очень опасно. При получении утвердительного ответа молодой офицер получал автомат, трёхлинейную винтовку системы капитана Мосина, «маузер» или двадцатизарядный автоматический пистолет системы Стечкина в деревянной кобуре-прикладе, два штык-ножа, саблю, малую сапёрную лопатку и большую сапёрную лопату. Желающим выдавали и гранатомёт. С этим вооружением человек шёл (вернее полз) в штаб, в котором уже все ждали прибытия вооружённого до зубов молодого офицера. Около штаба офицера нагонял завскладом АТВ и переспрашивал фамилию. Затем дико извинялся, что выдал оружие не тому человеку, и всё делалось в обратном порядке. На эту удочку в основном клевали офицеры, призванные из запаса или призванные на два года после окончания института с военной кафедрой. Ничего зазорного мы в этом не видели. Офицер должен быть офицером и должен знать, что к чему.

Была ещё одна шутка. Начальник кадрового отделения в нашем отряде был очень весёлый человек. Как-то начальник войск пограничного округа обратил внимание на то, что у офицеров первой пограничной комендатуры нашего отряда (кстати, там снималась первая часть фильма «Офицеры» и во время съёмок украли из реквизита «маузер», который мы потом нашли) такие все странные фамилии: Петух, Петухов, Медведев, Ежков, Ежов,

Курицин, Куроедов, Лисицин, Лосев и так далее. Что это за звериная комендатура у вас? Разберитесь.

Начали разбираться, и нашли рапорт лейтенанта Курицина о переводе на другую пограничную заставу, так как начальником пограничной заставы является старший лейтенант Куроедов. Хотя между ними прекрасные отношения, однако несоответствие фамилий является предметом постоянных насмешек. Тут-то наши начальники поняли, что подвёл их начальник кадрового отделения. Его наказали, а часть офицеров перевели на другие участки.

Пограничные розыгрыши всегда были в ходу. На Дальнем Востоке к нам был направлен выпускник с корейской фамилией и аналогичной внешностью. Начальник заставы передел его в старенький спортивный костюм и поехал на участок соседней пограничной заставы. Заходит к соседу (начальнику заставы) и с порога в атаку:

– Как ты границу охраняешь, у тебя по участку китайцы ходят как у себя дома? Я по пути к тебе одного поймал.

Тот не верит. Идёт, смотрит, в машине сидит человек в старом спортивном костюме и на китайца похож. Ай-яй-яй-я-яй! Гость говорит:

– Ладно, нарушителя дарю тебе, ставь коньяк и оформляй документы на задержание на своём участке.

Задержание нарушителя всегда событие. Начинают составлять схему местности под коньячок. Тут открывается дверь и входит «задержанный». Один.

– Познакомься, мой заместитель лейтенант такой-то.

Крик, шум, гам. Кончается это всё тем, что лейтенанта одалживают, и везут на соседний участок разыгрывать другого начальника. Ездили до тех пор, пока один ретивый дежурный по заставе не доложил о задержании нарушителя границы оперативному дежурному отряду. На этом поездки закончились. Этого лейтенанта я в последний раз видел в звании полковника.

Вообще военный юмор всегда в ходу, но только в военной среде. Когда юмор начинает выдаваться за действительность людьми, сумевшими увильнуть от службы в армии, то это расценивается как кощунство над военными.

Анекдоты возникают не на пустом месте. Допустим, из-за плохого знания русского языка.

– Рядовой Муслимов!

– Мой!

– Что мой?

- Так точно!
- Что так точно?
- Ур-раа!!!

Некоторые ситуации возникали не от недостатка образования, особенно у сержантского состава сверхсрочной службы, прошедшего войну, а от врождённого народного юмора.

Солдаты представляются старшине:

– Рядовой Петров, рядовой Иванов, рядовой Сидоров.

Старшина в шутку говорит:

– Да что это за подразделение у меня, одни однофамильцы.

Сразу делается вывод, что старшина тупой. Это человек без чувства юмора действительно тупой.

К этой же категории относятся афоризмы типа, что «сапоги надо чистить с вечера, чтобы утром надеть их на свежую голову». Это не глупость, а просто перевёртывание пословиц типа – «сколько верёвочка не вейся, а шила в мешке не утаишь» или «сколько волка хлебом не корми, а у ишака ...».

Армия наша как была РККА (Рабоче-Крестьянская Красная Армия) так РККА и осталась.

*Рядовой Иван Коровин,
Из села и от сохи,
Он – России новой воин,
Нос не прячет в лопухи.*

*Денег нет, чтоб откупиться,
В медицинский не попал,
А хотелось поучиться,
Был бы врач иль коновал,*

*Чтобы дух лечить и тело
У зверей и у людей,
Чтобы сердце не болело
У старушек-матерей.*

*А пока рабочий Пашка
И крестьянский сын Иван
Получили по фуражке
И прозвание «фазан».*

Призывались не дворяне,

*От сохи и от станка,
Нашу армию как ране
Называют РККА.*

*Также платят и солдатам
На махорку и кино,
Кормят кисленьким салатом
И пшено, пшено, пшено.*

*Есть раскладка на солдата,
Сахар, соль, лавровый лист,
Если что – в «чепок» ребята,
У прилавка не толпись.*

Граница в Средней Азии была активная. Постоянные перепасы иранского скота на нашу территорию, большое количество лиц без определённого места жительства и работы, кочующие вслед за летней погодой на товарных поездах. Уголовники, возвращающиеся из мест заключения. В год по четыреста - шестьсот нарушителей пограничного режима, четырнадцать – пятнадцать попыток нарушения границы из СССР в Иран и тридцать - сорок нарушений границы из Ирана в СССР. На каждого нарушителя оформляются процессуальные документы, решается вопрос о привлечении к суду. Несколько случаев достойны того, чтобы о них рассказать.

Задержанный молодой человек не имел паспорта. В качестве документа была справка об освобождении из мест заключения с записью, что он является особо опасным рецидивистом (что вполне заменяет паспорт по нашим законам). Ещё были диплом об окончании на «отлично» ветеринарного техникума, фотография красивой девушки с чувствительной подписью и атлас железных дорог. Почему он вызвал подозрение, не понимаю до сих пор? Вечером при рассмотрении атласа в ультрафиолетовых лучах обнаружилась давленная черта (как будто кто-то ногтем провёл черту) на карте в точке наименьшего расстояния от железной дороги до границы (четыреста метров). За семь дней, что он провёл у нас, мы вдоволь наговорились о философии, в частности о причинно-следственных связях, я послушал на память декламируемые им поэмы Е. Евтушенко, даже запомнил из «Стеньки Разина»:

*«И срамные девки тоже,
Под хмельком вскочив с рогожи,
Огурцом намазав рожу,
Скачут рысью, в ляжках зуд:
«Стеньку Разина везут!!!»*

Оказалось, всё несколько прозаичнее и романтичнее. После окончания техникума он приехал в свою деревню и с любимой девушкой пошёл в кино. Группа претендентов на её руку решила проучить долго отсутствовавшего жениха. В результате деревенской дуэли один против пяти жених сломал челюсть главному претенденту и как следует, поколотил секундантов.

Наш самый гуманный суд в мире осудил оставшегося в живых выпускника ветеринарного техникума к двум годам лишения свободы за хулиганство с нанесением тяжких телесных повреждений. Освободившись досрочно за хорошее поведение, наш герой вернулся в деревню и пошёл с дождавшейся его девушкой в кино (клуб один, других развлечений нет). Снова дуэль с тем же составом участников и две сломанные челюсти (одна повторно). Осуждение по той же статье и клеймо особо опасного рецидивиста, не разбираясь в том, что человек защищал свою жизнь, честь и достоинство себя и своей девушки.

Отсидка, справка об освобождении, звание особо опасного рецидивиста и невозможность устроиться на работу. Ветеринары нужны как воздух, но не судимые. Помыкался в России, помыкался в Средней Азии и решил уйти в Иран, а вдруг там удастся устроиться. Вовремя задержали.

По существующим в то время положениям, ему грозило лет пять лагерей, не меньше. Что бы стало с ним, до этого никому не было дела. Одним человеком больше, одним меньше? Как во времена строительства коммунизма, так и во время строительства демократизма – лес рубят, щепки летят. Подумали-подумали и решили выйти с ходатайством к властям по месту его проживания. Написали, чтобы ему помогли трудоустроиться и оградили от посягательств на его будущую семью. Спасибо, что нашу просьбу удовлетворили. Перед самым отъездом на учёбу в академию я получил письмо от своего «крестника» и семейную фотографию. Работает, женился на своей девушке, родился сын, благодарность за помощь. Приятно.

Перепасы иранского скота на нашу территорию доставляли нам немало хлопот. При появлении пограничников чабаны убегали

на свою территорию, а специально обученные собаки сами выгоняли отару к чабанам. Нам нужно было задержать отару, оформить документы и передать её официально иранскому погранкомиссару. Дело очень хлопотное. Зато выгодное для иранских должностных лиц, получавших немалые деньги с хозяев задержанных баранов. Попадались и чабаны, с которых после передачи также брался «бакшиш» за нарушение границы.

Нарушение границы с хозяйственными целями ущерба для иранского государства не приносило. Все были довольны, а нам приходилось исписывать тонны бумаги. Долго думали, как решить эту проблему. Поймали одного злостного нарушителя, оформили на него все документы, но официально передавать не стали. Вывели на границу и отпустили. А у нас он пробыл трое суток в соответствии с нашим процессуальным кодексом. Отдали все вещи и документы. Человек был ошарашен. Встал на колени, начал умолять о передаче его иранским властям в официальном порядке. Мы повернулись и ушли. Потом узнали, что его необычным возвращением заинтересовались компетентные органы, которые долго выколачивали из него причину такого отношения к нему советских пограничников. Сделали так же и на других участках и сразу резко уменьшили количество перепасов на советскую территорию.

У иранских чабанов замечательно дрессированные среднеазиатские овчарки. Когда чабан убегает, увидев наших пограничников, собаки сами выгоняют отару по уже известному им маршруту. Преданность собак хозяевам очень сильная. Иногда видишь, как чабан бьёт свою собаку, а она, поджав хвост, ползает у него в ногах, хотя она достаточно сильная, чтобы постоять за себя. Как в человеческом обществе.

За уход человека за границу спрашивали очень строго. Сказывалось влияние «железного занавеса». Считалось, что каждый человек, пытающийся уйти за границу, знает такую военную тайну, за которую проклятые буржуины дадут ему корзину печенья и бочку варенья.

Охрана границы построена так, что на каком-то этапе нарушитель неизбежно попадает в поле зрения задействованных на большую глубину сил и средств. Так оно всегда и случается. При расследовании безнаказанных нарушений границы всегда оказывалось, что нарушитель попал в поле зрения наших сил и средств и только отсутствие надлежащей бдительности (а вернее, несерьёзное отношение к делу, пренебрежительное отношение к

деталю) позволяло злоумышленнику уходить за границу. По нарушителям границы, за исключением определённой категории людей, открывался огонь на поражение, поэтому уход за границу и считался безнаказанным, так как человек вырвался живым.

Три раза на одном направлении при попытке ухода за границу мы задерживали одного узбека, который спал и видел себя гражданином Ирана. Военных тайн он не знал, но во время отсидок в исправительно-трудовых учреждениях поднабрался уголовного опыта. Через три дня после освобождения шёл на известный ему участок и напролом шёл через границу. Опять суд, лагерь и через три дня после освобождения опять на границе. Мы его там уже ждали. В третий раз нам с запозданием сообщили о его освобождении, и мы его еле-еле успели перехватить на самой линии границы. Обошлось без стрельбы. После третьего задержания мы взяли с него слово, что он больше не будет нарушать границу. И представляете себе, сдержал своё слово. Живёт сейчас где-то в Узбекистане.

А если бы человек мог свободно уехать в ту страну, которая ему нравится, то не было бы этого дикого числа нарушений границы и стрельбы по людям. Когда нам сообщили об уходе в Турцию офицера-пограничника в звании капитана, доктора, и назвали фамилию, я с горечью подумал, что Марка допекли очень сильно, если он решился на такой шаг. Мы с ним познакомились достаточно давно в одном пограничном отряде в Забайкалье. Более жизнерадостного и энергичного человека я не видел. Он только что получил звание лейтенанта, мне это звание присвоили через год, но у меня такая традиция, что моими друзьями почему-то становятся только врачи. Может быть потому, что мы совершенно не зависим друг от друга по службе и отношения строятся только на личной основе. Мы все удивлялись:

– Марк, как ты со своей национальностью попал в пограничные войска, которые подчиняются Председателю КГБ? Твой земляк из политотдела и начальник пограничного отряда совершенно не в счёт – они горбчатся здесь с японской войны и скоро пойдут гулять по бульварам в родном городке.

Все смеялись и верили, что наступают новые времена с приходом нового руководства в партии, провозгласившего приоритет идеям интернационализма.

Участок границы нашего пограничного отряда был своеобразный. В одном месте линия железной дороги Башебад – Москва проходила в четырёхстах метрах от границы. Этот участок

границы был сильно укреплен проволочными заграждениями и малозаметными препятствиями. Все нарушители стремились именно на этот участок. Подъехал на поезде, спрыгнул и убежал за границу. Для предотвращения нарушений границы было создано специальное подразделение – рота сопровождения поездов, называемая повсеместно РСР.

Пограничные наряды ежедневно ездили на всех пассажирских поездах, в вечернее время составы освещались прожекторными установками, посмотришь на луч, и полчаса концентрические круги в глазах стоят. Неоднократно были случаи, когда пограничный наряд стоп-краном останавливал поезд и открывал огонь на поражение человека, пытающегося уйти за границу. Застава на этом опасном участке в считанные минуты перекрывала границу. Тревожная группа спала в одежде, а для быстрой посадки в автомашину были сделаны специальные помосты на уровне заднего борта.

На этой заставе замполитом служил мой однокашник по училищу. Солдаты очень уважали этого увальня и за глаза звали его Шурик. Так же они называли лохматого, неуклюжего, но преданного пёсика с широкой мордочкой, которого регулярного стригли под льва. Вся застава с улыбкой наблюдала как два Шурика (в хорошем смысле), один замполит, а другой миниатюрный лев, вместе шли по территории заставы.

Пограничная зона по трассе Башебад – Теджен (там произрастают знаменитые тедженские дыни сорта «вахраман», семена которых стоят дороже самой дыни) была перекрыта шлагбаумами. Один недалеко от Башебада, другой – в ста километрах от него. Каждая машина дважды проверялась пограничниками. Заслон нарушителям и спекулянтам (тогда о контрабандистах мало кто слышал) был поставлен сильный.

На одном из шлагбаумов произошёл случай, который заслуженно можно занести в разряд пограничных анекдотов. Старенький автомобиль «Москвич», проезжая через один из шлагбаумов, не остановился по требованию пограничного наряда и сломал стрелу шлагбаума, разбив себе одну из фар. Прорвавшаяся машина, по теории, должна на полной скорости уезжать от пограничного наряда, но «Москвич» остановился метрах в пятидесяти от шлагбаума. За рулём сидел старший лейтенант в лётной форме и улыбался. Ничего себе шуточки. Нам шлагбаум поломал, себе машину подразбил, никуда не убегает и как дурак смеётся. Над кем? Оказалось, что над собой. По его

словам, он уже был проверен на первом шлагбауме и, решив похулиганить, при подъезде к шлагбауму взял руль, как штурвал самолёта, на себя. «Москвич» не взлетел. Чего ему скажешь? Во Франции, одна дамочка, когда её остановил полицейский, невинно спросила:

– Неужели я быстро ехала?

– Нет, мадам, – ответил полицейский, – вы слишком низко летели.

Был случай, когда за границу ушёл пограничник, застреливший своего старшего пограничного наряда. Захотел красивой жизни за границей. Пришёл он на иранский пограничный пост в полном вооружении. Иранские жандармы сразу руки вверх подняли – русские войска вторглись в Иран. А он оружие бросил и сам руки поднял, без знания языка трудно объяснить, что сдаваться пришёл. Жандармы накостыляли перебежчику за причинённый им до печёнок испуг и отправили его в САВАК (сазман-э эмнийат ва эттелаатэ кэшвар – организация информации и безопасности страны), типа нашего КГБ, существовавший при шахе Мухаммеде Реза Пехлеви.

Допрашивали с пристрастием. Средневековые пытки были в ходу. Что может рассказать человек, который не стремился ни к чему и не учившийся ничему? Это во время вьетнамской войны один вернувшийся из плена лётчик сказал своим друзьям: «Мужики, учите матчасть. Ох, и бьют, если не сможешь ответить на вопрос об устройстве самолёта, думают, что что-то скрываешь». А этот вообще был ноль.

Ничего не добившись от бывшего пограничника, передали его в представительство ЦРУ в Иране. В то время США и Иран были друзьями – водой не разольёшь. ЦРУ с его методами обработки тоже оказалось бессильно. Выкинули на улицу – никакой «матчасти» не знает. А тогда все разведки мира интересовал вопрос, как устроена сигнализационно-заградительная система на границе. Как бы её не преодолевали, пограничники своевременно получают сигнал и выезжают точно к месту нарушения.

Заброска агентуры через «зелёную границу» всегда эффективнее, чем приезд в Россию через другие страны, так как у нас отношение к любому иностранцу как к потенциальному шпиону. Неоднократно мы видели, как «простые чабаны» раскручивали линейные блоки системы, внимательно смотрели,

чтобы понять принцип работы. При задержании говорили, что хотели использовать верхний кожух в качестве ведра для воды.

Перебежчик тоже не знал этого секрета. Что делать человеку в совершенно чужой стране, с другой верой и другим языком? Пришёл он в наше консульство в г. Мешхед и попросился обратно в СССР. Консул ему прямо сказал, что в СССР его будут судить и, вероятно, расстреляют. Три дня стоял предатель на коленях у дверей консульства, пока не получил согласия на возвращение.

Потом в Башебаде состоялось специальное заседание военного трибунала, на котором присутствовали представители всех воинских частей даже из других военных округов. Приговор был один – расстрел. У меня и сейчас нет никаких сомнений в правильности приговора. Как можно стрелять в спину своего товарища, с которым вместе находишься на выполнении ответственного задания – охраны и обороны государственной границы? Это высочайшая степень доверия, какая может быть оказана гражданину. Ни в одних войсках военнослужащие постоянно не носят с боеприпасами, кроме караулов. Да и вопрос, как уходить за границу, которую ты днём и ночью охраняешь, никак не укладывается в понимании обыкновенного пограничника.

Принадлежность к погранвойскам накладывает на человека особые обязательства, определённые соответствующими законами.

Бывший командующий Дальневосточным военным округом генерал армии Иван Моисеевич Третьяк всегда рассказывал:

– В любой части моего округа я ни секунды не стоял перед закрытыми воротами частей. У пограничников не так. Подходит сержант, спрашивает, кто едет. Затем докладывает начальнику заставы. А начальник, старший лейтенант или капитан, даёт разрешение на проезд генерала армии. Мне это неприятно, но пограничные правила я менять не могу.

В пограничных войсках никогда не было командующих. Как-то в Среднеазиатский пограничный округ приехал генерал армии П.И. Батов, в Великую Отечественную войну командующий шестьдесят пятой армией (в этой армии воевал и мой отец). Представляются ему – начальник войск пограничного округа, начальник пограничного отряда, начальник пограничной заставы, командир отделения сержант такой-то.

Батов обнял сержанта и с чувством сказал:

– Здравствуй дорогой, ты первый командир, которого я встретил в погранвойсках.

Командующие военными округами всегда хорошо относились к пограничникам. Однажды генерал Федюнинский, герой обороны Ленинграда, посетил одну из пограничных застав. Был он большой любитель чая, который пил сильно горячим и обязательно из солдатской кружки. Заставской повар был об этом предупреждён и держал наготове крутой кипяток и густую заварку. Когда генерал попросил чаю, ему через мгновение подали солдатскую кружку со свежим чаем. Глотнул генерал глоток и говорит:

– Сынок, чего ты мне холодный чай дал?

Заменили, то же самое. На повара все смотрят волком. И повар в недоумении – не может чай быть горячее горячего. Начальник заставы сквозь землю провалиться готов. Повар молодец, раскалил на огне кружку и налил туда чай. Подаёт на подносе. Генерал Федюнинский берет кружку, подержал немножко и поставил на стол. Трясёт рукой, хватая себя за мочку уха и говорит:

– Вот это чай, вот молодец, удружил старику.

Командующий Среднеазиатским военным округом маршал бронетанковых войск Бабаджанян (родственник композитора Арно Бабаджаняна или Арно Бабаджанян родственник маршала) в Башебаде никак не мог обогнать военный самосвал. Наконец обогнал, подходит к водителю и спрашивает номер автомашины. Тот ответил. Маршал приехал в управление округа и приказывает вызвать к нему водителя автомашины номер такой-то. Через пять минут к нему заходит его водитель и докладывает о прибытии. Посмотрел генерал на записанный номер, точно номер его автомашины. Значит, водитель-пограничник назвал номер той автомашины, которая стояла впереди него. Через два дня нашли нашего солдата. По согласованию с начальником войск Среднеазиатского пограничного округа солдата арестовали на десять суток и после гауптвахты отправили в отпуск сроком на десять суток за находчивость.

Сколько раз ночью по команде «в ружье» мы срывались с места и мчались на участок нарушения границы или обнаружения неизвестных следов на любой из застав отряда.

Позже работа со следами превратилась в постоянную, и неоднократно мне приходилось доказывать, что сверхбдительность играет такую же отрицательную роль, как и потеря бдительности, вызывая неоправданное отвлечение и расходование сил и средств.

Уже на Дальнем Востоке я в составе группы на вертолётё был выброшен на границу разбираться с пролазом в сигнализационно-заградительной системе. Ясно видимый пролаз, оттянутые нижние нити колючей проволоки и старый след человека рядом. Подход обнаружить невозможно из-за разлившейся лужи на КСП. Москва звонит через каждые пять минут. Все офицеры за то, что кто-то из-за границы ушёл вглубь нашей территории. На всякий случай прикрыли выходы к транссибирской железнодорожной магистрали. Людей и техники задействовали много. Аппаратуры, чтобы разбираться со следами, не придумали до сегодняшнего дня.

Я встал на коленки и «пошёл» вдоль проволочного заграждения. Разгребал траву, листья и нашёл след маленького копытца, как у поросёнка. На колючке нижней проволоки с помощью лупы обнаружил пятно, похожее на кровь. В стороне от КСП, за дорогой обнаружил следы крупного кабана. Взял лопату, начал гонять воду в луже и показал всем следы кабана, шедшего к месту пролаза. Здоровенный кабан поддел своим пятакон колючую проволоку, поцарапался, вытянул проволоку и пролез. Нижняя проволока вытянута сильно, чуть повыше – меньше, ещё выше – ещё меньше, на четвертой нити – небольшое провисание. Как раз по росту кабана. Убедил присутствовавших со мной офицеров, что нарушения границы не было, а был пролаз кабана.

Убеждать пришлось долго, потому что есть категория людей, которая знает, что любое принятое решение заведомо неправильное, и он один был против, как самый бдительный, умный и проницательный. Такие люди всегда в выигрыше в случае положительного (да, был не прав, но старший-то какой молодец!), так и отрицательного результата (я же говорил!).

А если человек выражает своё ничем необоснованное несогласие ухмылкой (а не состоите ли вы в преступной связи с нарушителем границы, и не является ли ваше предложение попыткой нанесения ущерба государству?), то можно сразу определить, кого он ещё представляет, кроме своего непосредственного начальника, и кому он будет писать дополнительный отчёт о проделанной работе.

Всё это похоже на консилиум врачей. Если один из членов комиссии не согласен, то на его сторону встаёт командование и разворачивается пограничный поиск по полной схеме. Москва не удовлетворена результатами нашего консилиума и требует установить принадлежность следов. Доказал, что след солдатского

сапога давний, вероятно, весенний, так как в следе проросла трава, и эта трава никем не была примята. Сломанная трава, обычно, через двое суток поднимается, но на поломанных травинках остаются полоски в месте слома, которые видны при внимательном рассмотрении. Вызвали личный состав заставы, проверили все сапоги и нашли сапог с царапиной на каблучке. Доказали, что след был оставлен весной при обслуживании заградительного забора. Заделке след не подлежал, так как находился на тропе. Только после этого обстановка Москвой была снята. Ерунда, а разбирались шесть часов.

Другой такой же случай произошёл на одной из застав Тихоокеанского округа. С наступлением тепла на КСП был обнаружен «подснежник» – вытаявший след примерно недельной давности. Днём его никто не видел, а ночью в свете следового фонаря за счёт подмерзания грязи и образования тени от рельефа почвы его и обнаружили. Пришлось выезжать. Часа полтора мёрз у этого следа. Светил под различными углами прямым и рассеянным светом. След, похоже, от сапога, предположительно, военного.

Отошёл подальше и начал быстро водить фонарём из стороны в сторону, чтобы изображение появлялось как кадры на экране: в памяти запечатлеваются только отдельные фрагменты всего изображения. Кроме известного мне следа вдруг показались какие-то кружочки слева от следа, примерно в метре. Подошёл ближе, начал всматриваться. Боже, собачий след. Инструктора службы собак с вожатыми сюда. Построил у следа и спрашиваю, чей? Помялись, помялись – инструктор говорит, – мой. Примерили – точно. А я всё думал, почему собака на след не реагировала. Чего ей на свой след реагировать. В три часа ночи обстановку сняли.

В следующий раз, во время развёрнутых отрядом ночных поисковых мероприятий по сработке сигнализационно-заградительной системы пришлось доказывать, что пролаза человека через проволоку не было. Чей-то пролаз был, и была замечена капелька крови на колючей проволоке. Это зафиксировано, но следов нигде не было, хотя почва вокруг после дождя была влажная.

При ярком свете следового фонаря (он называется по пограничному ФАС – фонарь аккумуляторный следовой) внимательно исследовал проволоку и обнаружил тоненький волосок. Начал дуть на влажную проволоку, подсушивать, и сразу распрымилось ещё несколько тоненьких волосков рыжего цвета, а

рядом нашли и следы рыси. (Кто будет мухлевать, того без разговоров будем бить по хитрой рыжей морде). А всё это время район был блокирован пограничными нарядами, местность постоянно освещалась осветительными ракетами, чтобы нарушитель не смог уйти незамеченным. Чертыхнулись отцы-командиры, доложили наверх, получили нагоняй за то, что подняли тревогу, не разобравшись со следами. Мне тоже досталось за то, что не сразу разобрался в ситуации.

С разбирательством у нас всё происходит как всегда. Сначала рассматривают большие начальники, упуская драгоценное время, затем начальники поменьше, а затем уже подпускают специалистов, подгоняя их работу – смотрите, сколько времени прошло, а результатов никаких нет.

В других странах никто не может прикоснуться к объекту происшествия до тех пор, пока туда не приедет эксперт. Но мы же не в другой стране живём, а в нашей, где способности начальников всех рангов оцениваются не по умению работать, а по умению быстрее всех доложить о чём-то выдающемся.

Кстати, когда задерживали американского шпиона, которого вывели под псевдонимом «Трианон» в романе Юлиана Семенова «ТАСС уполномочен сообщить», на задержание полезли все высокие должностные лица в надежде получить орден или должность повыше. Смотрит «Трианон», что толпа-то пришла неквалифицированная, командовать умеет, а практически что-то делать уже разучилась. Подошёл к сейфу, достал авторучку и высосал из неё яд. Стали крайних искать, а их и нет. Тех, кто ляпов таких не допускает, за дверь оставили.

Служба в пограничных войсках состоит из одних будней: больших и маленьких, неожиданных и ожидаемых, приятных и неприятных. Работа у пограничников в основном ночная. Один наш поэт (авторство приписывают моему сокурснику, которого четыре года мы знали под одной фамилией, а после выпуска под другой, ну не нравилась ему своя собственная фамилия, взял фамилию жены, а недавно узнал, что он умер на боевом посту) об этих буднях писал так:

«Вот ночи начало и сна забытьё.

Ещё не звучало – «Застава, в ружье!».

Но мимо пещеры проходит наряд.

Не спят офицеры и жены не спят»

Зато по-другому, прозой, об этом хорошо сказано в сказке про Буратино: «Наступила ночь, взошла луна, а в стране дураков закипела работа».

С точки зрения сегодняшнего дня я бы офицерским жёнам сказал так:

*Прости, родная, за границу,
Что и живём мы не в раю,
ДОС за заставою ютится
В любой деревне на краю.*

*Пока с тобой мы лейтенанты,
Ты – часть меня, ты – крепкий тыл,
Нам не звонят Кремля куранты,
Но телефон уж зазвонил.*

*Опять сработка на системе,
А то локатор поймал цель,
И вновь несут сигнал антенны,
И взят лазутчик на прицел.*

*Я прихожу всегда под утро,
Тихонько, чтоб не разбудить,
Целую пальцы в перламутре
И дочка к папе уж летит.*

*Меня теплом ты согреваешь,
Я за улыбку в бой готов,
Я на минутку лягу с краю,
Меня разбудишь в семь часов.*

*Такие нежные минуты
В стихах никак не описать,
Лишь только в молодость вернуться
И по ночам опять не спать.*

ДОС – это дом офицерского состава. Всегда в стороне от места дислокации части или подразделения.

Пограничные сутки начинаются вечером. В двадцать часов, то есть в восемь часов вечера. Вечером же на пограничных заставах проходит боевой расчёт на следующие сутки, приходят и

уходят пограничные наряды, поступают доклады с границы, начинают действовать нарушители границы и на охотничьи тропы выходят дикие звери. Все нити с пограничных застав ведут в пограничный отряд, который чутко реагирует на каждое донесение с границы, готовый взорваться сигналом тревоги и выездом на участок возможного нарушения границы.

На иранской границе активно велась погранкомиссарская работа. По согласованию Министерств иностранных дел СССР и Ирана командиры пограничных частей назначались пограничными комиссарами для решения вопросов, возникающих на участке их совместной деятельности и отнесённых к ведению пограничных войск. Пограничные комиссары регулярно обменивались письмами и встречались то на советской, то на иранской территории и подписывали совместные документы по тому или иному вопросу пограничной деятельности или урегулированию возникших недоразумений вследствие нарушений границы или стихийных бедствий.

Ежегодно совместные группы уполномоченных пограничными комиссарами офицеров производили осмотр пограничных знаков, фиксируя их местонахождение и состояние. Это очень важный процесс, подтверждающий факт того, что прохождение линии границы не изменилось, и страна не понесла территориального ущерба. Иногда комиссии составляли акт о том, что такой-то пограничный знак в результате таких-то причин пришёл в негодность и требует восстановления.

Вроде бы простое дело, убрал один знак и поставил другой. Не тут-то было. Каждый пограничный знак имеет свой паспорт. В него внесено описание, точные географические координаты места его нахождения, отметки о произведённых осмотрах и текущих ремонтах. Для восстановления знака собирается совместная комиссия, состоящая из инженеров (делают знак прямо на границе из бетона, сушат, красят, устанавливают), топографов (при помощи небесных светил специальными инструментами определяют, вернее, подтверждают точку установки пограничного знака), офицеров штаба, подтверждающих, что процесс восстановления пограничного знака прошёл в соответствии с установленными правилами.

После подписания официальных документов проводится неофициальная часть, к которой готовятся более тщательно, чем к самой установке пограничного знака. Пока все работали, на противнях жарилась курятина и баранина. На мангалах шипели

аппетитные пашлыкы. Укладывалась пучками всевозможная зелень. Нарезались полосатые арбузы, разваливающиеся от одного прикосновения к ним ножа, янтарные дыни, запах от которых разносился по всей округе. В специально привезённых армейских термосах между кусками пилёного льда плавали огромные красные помидоры, сверкающие хрустальными крупинками на срезе, и бутылки «Столичной» водки. В то время часть мусульман в Иране, а особенно военные, придерживались заветов Омара Хайяма:

*«Вино пить - грех. Подумай, не спеши!
Сам против жизни явно не греши.
В ад посылать из-за вина и женщин?
Тогда в раю, наверно, ни души».*

А затем всё это изобилие съестного устанавливалось на белые скатерти большого стола, установленного в армейской палатке. Для тех, кто работал, привозилась специальная цистерна с водой и душевой установкой, и поработавшие на сорокоградусной жаре люди с удовольствием принимали прохладный душ прямо в полевых условиях. А затем начиналось произнесение тостов за здоровье руководителей наших стран – лично Генерального Секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева и Его Величества шахиншаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви, за здоровье пограничных комиссаров и присутствующих за столом офицеров в порядке убывания должностей. Если встреча проводилась в специальном погранкомиссарском домике на границе, то всё действие проводилось в специальных помещениях для переговоров и для отдыха.

Через полгода после приезда в пограничный отряд меня назначили в состав группы оперативных дежурных, тех офицеров, кто постоянно следит за обстановкой на границе и обеспечивает своевременный доклад о ней командиру части, передачу принятых решений и контроль за их исполнением.

*«Не для хохмы, не для шутки
Назначается на сутки
Не какой-нибудь там сэр,
А дежурный офицер.*

Весь начищен, напомажен,

*Сбоку пистолет прилажен.
Целый день глядит в окно,
Не случилось бы чего».*

(Местные поэмы-баллады о дежурной службе. И вместо слова *эср* там другое слово, созвучное этому).

Служба оперативного дежурного очень ответственная и от неё во многом зависит то, как организуется охрана границы на пограничных заставах и какие решения принимаются по той или иной обстановке. По этим вопросам ко мне претензий не было. Однако, по молодости лет, мне не были известны вопросы углублённого чиновничества, такие как: во время пролёта самолёта с начальником войск округа по участку отряда весь личный состав должен поднять голову и с открытыми ртами сопровождать самолёт начальника; если начальник войск округа едет на поезде, командир части в любое время суток должен выскочить на перрон (или полустанок) и стоять с рукой под козырёк; если поезд останавливается, ввалиться в вагон, представиться, доложить, что на участке происшествий не случилось и выйти из вагона.

В моё дежурство по участку отряда в ночное время проезжал вновь назначенный начальник войск пограничного округа. Я доложил оперативному дежурному в округ о проезде поезда и командиру части, что ночью проехал поезд с новым командующим. Нарушение границы такой реакции не вызывает. Что-то вроде чеховского чиновника, который чихнул генералу на лысину, извинялся, а потом пришёл домой, лёг и помер. Наш командир части не помер, но я полгода ходил на службу дежурным по части. Тоже полезно для изучения личного состава и территории части.

Ежегодно в отряде проводился день молодого офицера на заставе имени Леонида Кравченко – пограничника, погибшего при задержании басмаческой банды, пытавшейся укрыться от преследования на сопредельной территории. По заведённому порядку на митинге выступал кавалер ордена Красной Звезды, медали «За отличие в охране государственной границы СССР» и всех пограничных знаков Тулеген-ага, местный авторитет, работавший ранее в райисполкоме – не маленький был раис. Все его выступления каждый год начинались одинаково:

– Вам хорошо, у вас есть Василий Иванович (начальник пограничного отряда). Нам было плохо, у нас не было Василий

Иванович. Одна нога в сапоге, другая нога в валенке (это в Туркестане-то).

Однажды, присутствовавший на митинге отрядной садовник – добродушный старик-курд, приветливо и душевно относившийся к русским, активный участник борьбы с басмачеством, пробурчал во время выступления Тулегена-ага:

– А на какой стороне ты был, когда убивали Леонида Кравченко?

Это заинтересовало нас, молодых офицеров. Начали копаться в архивах, которых было великое множество в пограничных отрядах, начинавших свою деятельность с начала двадцатых годов. Проходила там фамилия и Тулегена-ага. По рассказам очевидцев, он был активным участником басмаческого движения, но в районе, удалённом от его места проживания.

Идентификации его личности свидетелями не производилось и поэтому данные о его басмачестве не были доказаны в судебном порядке, хотя органы НКВД наблюдали за его деятельностью. К своему месту жительства он вернулся после окончательного разгрома басмаческого движения с деньгами. Купил себе мельницу и стал вести безбедную жизнь.

С началом войны тучи над Тулегеном-ага стали сгущаться. Неудачи на фронте потребовали более сурового отношения органов НКВД к враждебным элементам. Кем-то предупреждённый, Тулеген-ага срочно продал свою мельницу и купил на личные сбережения танк Т-34, который в тысяча девятьсот сорок втором году передал генералу-танкисту Рыбалко, командовавшему танковой армией.

После этого в газетах появилась статья о патриотическом поступке туркестанского крестьянина. Генерал Рыбалко наградил Тулегена-ага орденом «Красная Звезда» (командующий армией во время войны имел право награждать всех военнослужащих до командира батальона включительно медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», орденами «Красная звезда», "Отечественная война" первой и второй степени, Александра Невского) и ему была вручена благодарность Верховного Главнокомандующего И. Сталина. Ну, кто там на национального героя? Затем вступление в партию и занятие административных должностей, а дела в архив.

Меня всегда удивляло, сколько же должен зарабатывать человек, чтобы на свои деньги купить танк или самолёт? Это ведь не мотоцикл и не «Жигули». Да и их сегодня нормальному человеку не так-то просто купить, сколько надо времени, чтобы

накопить деньги, не получая зарплаты. Интересно, сколько сейчас в России нормальных честных тружеников, способных купить танк или самолёт? Сколько было рабочих в США, купивших во время войны для армии танк или самолёт?

Во время работы с населением постоянно натыкаешься на странные вещи. Однажды во время рейда в пустыне обнаружили отару баранов. Из какого колхоза? Не ваше дело. Такие фамилии посыпались, что за голову возьмёшься. Но это же несправедливо.

Когда я после приезда в отряд постепенно купил холодильник (в первую очередь, так как в жаре без холодильника невозможно жить), затем кровать, шкаф, диван, телевизор, радиоприёмник, меня вызвали в политотдел отряда, чтобы разобраться с «вещизмом» молодого коммуниста.

Если бы я спал на полу, вещи развешивал на гвоздиках в выделенной мне комнатухе, а новости узнавал от политрука на политинформации, то всё было бы хорошо, и идейность моя бы не пострадала и, в случае чего, за жизнь бы свою не держался, кому она нахрен нужна такая жизнь.

Доложили мы куда надо о найденной отаре, а потом нас вызвали и сказали, что от состояния нашей памяти будет зависеть состояние нашей службы. Так мы поняли, что коммунистические принципы имеют чёткую градацию не от цвета партбилета, а от занимаемого коммунистом служебного положения. Умеешь приспособливаться – молодец, нужен – защитим от любого закона. Совершил преступление – мгновенно вылетаешь из партии. Партия не причастна ни к какому преступлению.

По этому поводу вспоминается гениальное изречение одного либерала, а затем заместителя начальника III отделения Его императорского Величества собственной канцелярии (охранки) генерала Дубельта, которое он произнёс во время допроса декабриста Дельвига:

– Милостивый сударь, законы пишутся не для начальства, а для подчинённых, и поэтому прошу Вас не указывать мне на эти законы.

В одном из сел был один пожилой дружинник. Активный, но какой-то молчаливый, учитель начальных классов, ветеран войны. Учил от «а» до «я». Как в учебнике и ни слова больше. А ведь мы прекрасно знаем, что, прочитав учебник, многого не узнаешь и толком не поймёшь. Обязательно должен быть комментарий учителя и дополнительная литература. Краем уха от людей услышал, что он был в плену и воевал у Власова. Офицеры,

работавшие с архивами, проинформировали меня, что у Власова он не воевал, а был лейтенантом в Туркестанском легионе СС. Ничего себе! Офицерские погоны немцы просто так не давали. Сейчас детей учит быть строителями коммунизма. (Почему в своём заявлении вы пишете, что просите принять в КП, а не в КПСС. В SS я был с тысяча девятьсот сорок второго по тысяча девятьсот сорок пятый год).

Сейчас бывших эсэсовцев делают национальными героями в Прибалтике и на Украине. Всё в духе современности и еврочеловечности – хоть чёрта лысого в герои приглашайте, лишь бы как-то досадить России.

Население с пониманием относилось к пограничникам. Понимали, что границу надо охранять. Активно участвовали в поисковых мероприятиях учебных и настоящих нарушителей границы.

Однажды проводились серьёзные учения под руководством потомственного генерала с барскими манерами (бывают не только потомственные рабочие). «Нарушителей» готовили в тайне. Задача – дойти до самой линии границы и сделать «прокол» (безнаказанное нарушение границы), а это значит, что нам всем предстоит получить крупнейшую нахлобучку, чтобы бдительность не теряли.

Мы посидели, подумали и решили, что нарушение должно произойти именно в выбранном нами районе. Риск был большой. Сосредоточим силы на одном направлении, а вдруг нарушители пойдут на другом направлении? Настояли на своём. Поехали, подняли все наличные силы дружинников и через три часа задержали подозрительных лиц в пяти километрах от сигнализационно-заградительной системы. Обыск – сомнений нет – «враги». Их, понятное дело, у нас отобрали. Нас вернули на исходное положение, а нарушителей забросили на другом направлении. Мы – как вратари при пенальти. Бросился не в ту сторону – гол. Бросились опять на то же направление и через два часа задержали знакомых задержанных. Они, оказывается, серьёзно готовились только к одному направлению. Пустили их на другой участок и там им не дали развернуться. Не допустили до проволоки. Сорвали затею с проведением поиска в непосредственной близости от государственной границы.

Генерал раздосадован. Первый спрос с «нарушителей».

– А чего мы могли сделать? – оправдываются они. – Шли, прятались. Вдруг, видим, на пригорок аксакал на ослике выехал.

Минут десять постоял и уехал. А через пятнадцать минут приехали десять человек на мотоциклах и с ружьями. Попробуй, убеги от них.

И во второй, и в третий раз туркестанские «байкеры» находили и задерживали «нарушителей».

Начался разбор полётов с представителями пограничного отряда. Здесь у вас карта нарисована не точно, здесь не указано то, здесь не указано это. Вызывают смотреть и нашу карту. А чего её смотреть, если на ней простым карандашом отмечены районы, где могут скрываться «нарушители», указаны группы дружинников, время и маршруты их движения. Времени не было, карту «на коленке» рисовали прямо в машине. Как тут штабные взвились. Да разве вы не знаете, что карту надо рисовать цветными карандашами, да почему у вас никаких условных обозначений нет, да какое вы училище оканчивали, и пошло, и поехало. А что скажешь? Формально они правы. Жаль, что в то время не были изобретены приспособления для отвода глаз в сторону. Стоишь, жрёшь глазами начальство и молчишь. (Товарищ лейтенант, если хотите со мной разговаривать, то стойте и молчите). Спасибо заместителю начальника отдела, старому подполковнику, которому до пенсии один день оставался, и терять ему нечего было.

– Извините товарищ генерал, – говорит он, – мы нарушителей ловили и на карту у нас времени не было. Приедем – поймаем, а нас снова назад. И так три раза. Все сидели и ждали, когда «нарушители» придут, а мы их на местности вылавливали.

Наказывать нас не стали, но и поощрять тоже. Скажите спасибо, что не наказали.

Кстати, это был хороший принцип стимулирования основной массы офицеров. Каждый человек заранее подозревается в совершении какого-либо проступка. Принцип: «Отсутствие у вас дисциплинарного взыскания – не ваша заслуга, а наша недоработка». Не совершил проступка сейчас, потом обязательно совершит. Отсутствие наказания считается благодарностью и положительной оценкой работы. Но, если человек попал «в струю», то чем его только не награждали. И внеочередное звание, и орден, и медаль, и знак, и денежная премия и т.п. «Смотрите, понимаетесь, как мы умеем награждать отличившихся».

Я раньше думал, что такая система поощрений и наказаний была только в военной системе. Оказывается, она везде была такой. Не так давно на железной дороге один начальник указал

другому (естественно, нижестоящему) на его мягкотелость: за два месяца никого не лишил премиальных.

Существует такая военная побасёнка: «Сейчас мы приедем и разберёмся с вами. Наградим провинившихся и накажем непричастных».

Был такой случай. В то время, когда в Афганистане и не помышляли о демократической революции, афганские любители изящной словесности собирались небольшими группами, человек по двести, на конях и с оружием. На стыке трёх границ по советской территории они проскакивали в Иран и гуляли по северной его части вплоть до Каспийского моря, по пути продавая наркотики, захватывая заложников, и отпуская их за солидный выкуп. Иранская жандармерия вела с ними настоящую войну. Мы иногда видели недалеко от границы иранские вертолёты, бомбившие что-то на своей территории, слышали перестрелки и разрывы вблизи границы, будучи готовыми к встрече вооружённых «гостей».

Однажды мы ждали уходящих с боем афганских «ковбоев» и жестами оружием показали им, что границу здесь нарушать не надо. Они нас сразу не поняли, пока свист пуль не сообщил о наших серьёзных намерениях, и они были вынуждены вернуться на иранскую территорию, чтобы снова пробиваться через ирано-афганскую границу. В это время по тыловой дороге проезжал курсовой офицер Московского пограничного училища, привёзший на стажировку на границу своих курсантов. Услышав стрельбу, он остановил машину и вышел на пригорок посмотреть, что делается. На пригорке получил прилетевшую издалека пулю в ногу (зачем выходил, зачем смотрел?).

Наши пограничники после «разговоров» с афганцами осмотрели себя, все целы, доложили наверх, что всё прошло благополучно. Представили людей к медалям «За отличие в охране государственной границы СССР». И вдруг доклад, что в это время и в этом же районе один офицер получил пулевое ранение. Его, не разбираясь, махом наградили орденом «Красная Звезда». Не был, не присутствовал, но ранен. Как у Твардовского: «Глянь, и орден как с куста». Над больными смеяться нехорошо, но этот офицер, пока был в училище, орден не носил. Стоило ему надеть орден, как все к нему подходили и умоляли рассказать, как и за что он его получил.

Пустынные места в Туркестане только поначалу кажутся безжизненными и некрасивыми. Пустыня полна всякой живности

и растительности. Барсы, шакалы, гиены, лисы, ежи, дикобразы, дикие козлы-архары, кабаны, фазаны, утки, змеи всех видов, скорпионы, фаланги и другая мелкая и крупная живность. В отношении пресмыкающихся и ядовитых членистоногих нужно быть осторожными. Сами они не нападают. Но в брачный период своим близким нахождением к ним можно создать опасность для этих животных и получить укус или укол.

Однажды в авиационном полку под Башебадом в комбинезон лётчика заполз скорпион. Пока комбинезон был свободным, скорпион вёл себя тихо. Но во время полёта при нарастании перегрузок комбинезон стал сжиматься, и скорпион пополз на свободное место по телу лётчика. На землю поступил доклад об ухудшении самочувствия лётчика, и он был вынужден садиться в аварийном порядке. Приземлился в полубессознательном состоянии. А ведь могла случиться и трагедия. Со временем начинаешь находить и прелести своего проживания в этом районе. Оказывается, рядом с нами протекает знаменитый Каракумский канал. Рыбы в канале видимо-невидимо. Сомы, караси, сазаны, белые амуры, толстолобики, маринки и прочее, и прочее. Одно время канал начал зарастать камышом и травой. Косили, выдёргивали, ничего не помогало. Решили запустить травоядную дальневосточную рыбу: белых амуров и толстолобиков. Те, как коровы, стали эту траву поедать. Опять проблема. Мало травы, берега осыпаются. Нашли мы себе рыбный промысел и стал появляться приварок к офицерскому столу. Весной охота на перелётных уток. Черным-черно от уток.

Кроме уток охотились и на рыбу. Придумал это один прапорщик. Пошёл охотиться и увидел, что огромные сазаны выпрыгивают из воды и плюхаются в воду. Постоял, подумал, снял ружье, прицелился, бац – и мимо. Ещё выстрел и сазан есть. Штук пять зараз настрелял. И удочки не надо. С малокалиберными винтовками проблем в это время практически не было. Чуть не в каждом хозяйственном магазине их продавали. Хорошо, что начальники наши вовремя учуяли опасность этой страсти, а то перестреляли бы мы друг друга. На воде очень большой рикошет как пуль, так и дроби. Без правильной организации такой стрельбой заниматься нельзя. Правильно сделали.

Рыбалкой в Туркестане можно заниматься везде. Например, в арыке. Небольшая вкусная рыбка маринка любит подниматься вверх по течению в арыке. В одном месте был бетонный арык (жёлоб) на сваях, по которому бежала вода для полива из Ирана.

Сядишься на край арыка, забрасываешь удочку в воду и ждёшь, когда дёрнет. Дёргает очень быстро. Раз рыбка, два – рыбка, смотришь, и ведро наловил. Единственное обстоятельство, надо поглядывать в ту сторону, откуда вода течёт. Вдруг там плывёт кобра или гюрза, которая неосторожно свалилась в воду и не может выбраться по гладким стенкам желоба. За тебя-то она уж обязательно зацепится, чтобы выбраться, но у неё такой змеиный характер, что по пути и укусить может, значит, под рукой надо иметь антигюрзин, о котором мы и слыхом не слыхивали.

Маринка водится и в кяризах, таких глубоких, метров до восьмидесяти, колодцах, стенки которых оплетены прутьями. Кяризы сообщаются между собой и в них удивительно чистая и холодная подземная вода. Перекрываешь два кяриза и сачком ловишь рыбу. И помногу налавливали. Маринка рыба ядовитая, если не вычистить чёрную плёнку, которая покрывает брюшину рыбы внутри.

Рыбалка сменилась эпидемией преферанса. Всё свободное время проводили за картами, хотя отцы-командиры смотрели на это очень косо. Играли не на деньги, на интерес. Азарт был, но без алчности. Вечерами выносили на улицу столы и играли до двух-трёх часов ночи.

Политотдел забил тревогу. Увещевания не помогают. Запреты загнали игру в подполье и бороться с картёжниками стало труднее. Нашли, пожалуй, самый действенный способ. Вместо работы без отдыха и развлечений в субботу всех свободных от службы вместе с семьями погрузили в автобус и отвезли в театр в Башебад. Всю неделю только и разговоров было, что о театре. На следующую субботу коллективный выезд на серный источник на одну из пограничных застав. Целебная вода, приятный микроклимат, шашлыки, плов, общение. Прекрасно. Через два месяца такой активной жизни о картах никто и не вспоминал. Даже самые заядлые картёжники научились приятно проводить свободное время.

Серный источник был достопримечательностью отряда. Находился метрах в ста от линии границы и к нему никто не допускался без особого разрешения. Вода в источнике была святой для мусульман. По преданию, один из правоверных по имени Хаджи-Баба отбивался у этой скалы от гяуров (а может от таких же правоверных, как и он, но не совсем согласных с ним в вопросах веры). Чувствуя, что силы иссякают, он обратился к Аллаху за помощью и получил её. Скала разверзлась, и Хаджи-Баба получил

возможность уйти от врагов, а из скалы полилась вода, которая залечивала раны мучеников.

Действительно, в скале была верхняя пещера, откуда бил источник, и нижняя пещера, куда вода выливалась. Один из начальников заставы при помощи камней и глины выложил бассейн в месте слива источника в реку, и бассейн заполнился целебной водой. В серной воде, молочного цвета, прекрасно лечились многие кожные заболевания.

Из верхней пещеры можно было пронырнуть в нижнюю пещеру и вынырнуть в бассейне. Но делать это нужно только со страховкой. Отверстие узкое и при нырянии можно зацепиться за скалы. Стоит только дёрнуться, так сразу и застрянешь. А там и песенке конец.

Затем началась охота на лис. На шоссе постоянно выбегают серые ушастые ёжики и нередко попадают под колёса быстро мчащихся автомашин. Вечером на шоссе выходят лисы полакомиться любимым блюдом, которое не надо осторожно подкатывать к воде, чтобы ёжик раскрылся. А за лисами на шоссе выходят охотники на мотоциклах. И результат был неплохой. Вроде бы пустыня, а живности всякой видимо невидимо.

Одного ёжика я поймал, привёз домой и посадил в пустую комнату. Вечером на сутки уехал в командировку. Возвращаюсь, а жена в слезах.

– У нас в квартире кто-то есть, – говорит она, – я всю ночь не спала и свет не выключала.

Осмотрел всё. Никого. И ёжика в комнате нет. Стоит в комнате одна стиральная машина, а ёжика нет. Чудеса. Поднял машину, а оттуда ёжик вывалился. Он прятался на моторе машины. Откроют дверь, он прячется. Закроют дверь – он выходит гулять и по линолеуму когтями топ-топ. Дверь откроют, он прячется. И так всю ночь. Ёжика я отпустил на волю, а жена на меня очень обиделась, потому что забыл я ей сказать о нём, а она кроме всего прочего была беременной.

Охота на лис плавно перетекла в «барсоманию». Барсы вдруг стали «нападать» на пограничников и им с оружием в руках приходилось защищаться. Барсы, да и любые хищники никогда первыми не нападут на человека, если человек сам не создаёт угрозу для хищника или его потомства. Это является законом для всего животного мира. Если, находясь вблизи хищника, человек оскалит свои зубы (часто такое бывает при улыбке), то тем самым он выказывает угрозу зверю и может получить ответную реакцию

и от зверя. Даже прямой взгляд может являться признаком агрессии.

Стрельба по барсам до добра не доводит. Это красивое грациозное животное умеет постоять за себя. Есть поверие, что тигровые долго помнят своего обидчика (или спасителя) и впоследствии платят человеку тем же. Один начальник заставы из автомата выстрелил в снежного барса, находившегося на довольно значительном расстоянии. В конце этого же дня на другом фланге своей заставы он подъехал искупаться в озерце, обросшем камышом. Подойдя раздетый к озеру, он увидел раненого барса. Это был тот самый барс. Мы специально проводили проработку его кровавого следа, чтобы исключить все заявления об агрессивности барсов, которых немало ходило по участку отряда. Барс бросился на своего обидчика. Офицер парировал бросок ударом кулаком по морде зверя. Получилось как у Лермонтова:

*«И мы, сплетясь как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.»*

Лермонтов либо хорошо представлял себе схватку со зверем, либо сам видел это. Обнажённый и безоружный человек может и не справиться с барсом. Хорошо, что начальник заставы был не один и его подчинённый не растерялся в этой ситуации. Но два месяца офицер пролежал в госпитале, залечивая глубокие следы когтей на своём теле. Только после серьёзных внушений прекратилась бесцельная стрельба по барсам на границе. Но от этих кошечек лучше держаться подальше. Они сами по себе, и мы сами по себе.

На участке этого офицера надо остановиться подробнее. Участок как участок. «Морской» в том смысле, что своей воды на заставе нет, и её привозят в бочках, строго регулируя потребление воды каждым человеком и внимательно следя за качеством воды, не забывая её вовремя обеззараживать хлоркой и кипятить перед употреблением.

На заставе росло три чахлых дерева, которые дежурный по заставе регулярно поливал из чайника. Холодильник абсорбционный (горит лампадка, которая нагревает резервуар с хладагентом, хладагент расширяется и, проходя по змеевику, охлаждает холодильную камеру), так как электроэнергия на

заставу подавалась только в дневное время на несколько часов. Вокруг голая степь, ограниченная с юга горами, разделяющими Иран и СССР, и постоянная жара, от которой некуда спрятаться.

Зато на левом фланге участка заставы настоящий оазис. Вы подъезжаете к горной громаде, составленной неведомым великаном из каменных пластин толщиной от пяти до десяти метров и длиной метров по двадцать-тридцать. Как будто руками сгребали. И среди этого нагромождения плит проход, по которому можно свободно проехать на лошади, перепрыгивая с одной плиты на другую. Кстати, на этих плитах солдаты выцарапывали своё традиционное «ДМБ», то есть «дембель», но какие года! ДМБ - тысяча девятьсот двадцать семь. Это совсем не ДМБ - тысяча девятьсот семьдесят два. Выезжая из прохода, вы попадаете в оазис с зелёной травой, зарослями инжира и фисташковых деревьев. Рядом небольшое озеро (где была драка с барсом). И совершенно другой климат. Свежий воздух и прохладно. Как в другой мир попадаешь.

Если есть достопримечательность, то к этой достопримечательности тянутся люди, по приезду которых простым смертным доступ к ней перекрывается. В основном из-за охоты. И если бы это была охота. Группа высокопоставленных охотников сидит в окопах возле водопоя, а затем из элитных карабинов расстреливает горных козлов (архаров). Потом адъютанты и помощники развозят туши по резиденциям начальников.

Охота – это выслеживание, поединок со зверем, который нужен для того, чтобы человек мог прокормить себя, а не для того, чтобы насладиться убийством, почувствовать в своих руках силу, изрыгающую огонь и несущую смерть. Я не уверен, что все участники такой, с позволения сказать, охоты чувствовали удовлетворение, но стадное чувство номенклатуры, влекомое не вполне здоровыми инстинктами высших слоёв, делало всех соучастниками зловещего действия.

Так, наверное, происходило, когда визировались списки лиц, подлежащих карательному воздействию машины правосудия. Если ты не согласен с расстрелом бывших соратников, значит, ты на их стороне и сам подлежишь репрессиям. Не хочешь, а стреляешь (т.е. подписываешь) вместе с другими должностными лицами (охотниками).

А у нас как раз был такой период, когда во главе СССР стояли, сменяя друг друга, заядлые охотники Хрущёв и Брежнев.

А в России главный принцип – что крестьяне, то и обезьяне. Если генсек охотник – то все вокруг сплошные охотники. Если генсек играет в теннис – то все заядлые теннисисты. Если борец сумо – то и все вокруг отращивают огромные животы.

В оазисе охотиться можно было только особым людям. На Дальнем Востоке тоже были места высокопоставленной рыбалки. Рядом с одной заставой было место, где прекрасно ловились сиги (рыба, которая при оттаивании пахнет свежим огурцом). Так даже начальнику заставы под страхом дисциплинарного наказания запрещалось ловить там рыбу. Нужно было уезжать подальше. Зато потом на это место приезжали партийные и военные руководители и ловили рыбу. И только в период перестройки начальник заставы по-хозяйски вышел рыбачить на это место и не запрещал половить рыбу всем приезжавшим офицерам. В запретной пограничной полосе была и запретная для пограничников зона. Однако я не сомневаюсь в том, что и сейчас это уловистое место снова стало местом высокопоставленной рыбалки, куда рыбаки прилетают на вертолёте. Всё возвращается на круги своя.

Такие же охотники застрелили и архара с бронзовыми рогами. Ягненком он был подобран солдатами одной из застав. Выращен и дрессирован. Смело подходил к любому приезжему и требовал печенье. Горе тому, у кого не оказывалось печенья. «Обидчик» подкарауливался и в самый неподходящий момент получал рогами в одно место. Неприятностей начальнику заставы приносил много, но детям всегда прощают шалости. Солдаты красили ему рога бронзовой краской для красоты и для отличия от диких архаров.

А тут приезжают высокопоставленные охотники и рассказывают, что добыли такого странного архара. Чего же его добывать, если он людей не боялся. За настоящим архаром надо полазить по горам, посидеть в засаде, да и то, если ранишь архара, то его не достанешь. Даже смертельно раненый он бросается со скалы, чтобы не попасть в руки своих врагов. Пожалуй, самое свободолюбивое животное. У солдат на заставе был траур по поводу его убийства.

Есть такая притча. Умирает один охотник. Бог в наказание превращает его в зайца и отправляет обратно на землю. Там он попадает в капкан и говорит подошедшему охотнику:

– Слушай, друг, отпусти меня, я раньше тоже был охотником.

А охотник ему и говорит:

– Тем хуже для тебя, потому что я раньше был зайцем.

Животные на заставах являются частью воинского быта. На одной заставе в Средней Азии жил орёл по имени Яшка. Кормился из рук. За хозяином вылетал на охрану государственной границы. Подавал тревогу при появлении чужих и подходе проверки. Имел, правда, привычку садиться на козырёк сигнализационно-заградительной системы и вызывал подачу сигнала тревоги на заставу. Когда его гнали из строя на боевом расчёте, обижался, махал крыльями и щёлкал клювом.

На другой заставе на Дальнем Востоке жил медведь, который любил бороться со всеми встречными. Потискаешь его, и он идёт дальше по своим делам. Труднее приходилось тем, кто об этом не знал. Однажды мы пришли на катерах на эту заставу. Старший катеров, мичман, на заставу с нами не пошёл, решил остаться на причале, отдохнуть. По дороге на заставу мы встретили медведика, потискали его и пошли дальше. Минут через сорок мы вернулись на причал. На причале бегали мичман и медведь. Мичман на катер, и медведь за ним. Мичман на причал, и медведь за ним. Медведю весело, а мичман вообще цветом стал как его форменный темно-синий китель. Поймали мы медведя и мичмана, науськали друг на друга и толкнули в объятия. Потискали они один другого и разошлись в разные стороны. Хорошо, что мичман не додумался от медведя в лес убежать. Не убежал бы.

Вообще охота это очень опасное дело. Другое дело стрелять курочек. Это уже не охота, а упражнение в тире в стрельбе по живым мишеням. Прямо на пустынном месте роешь канавку длиной два-три метра. Дно устилаешь полиэтиленовой плёнкой, наливаешь воду и уходишь на расстояние ружейного выстрела. Вокруг вроде бы всё пусто. Откуда ни возьмись, выбегает курочка и к воде. За ней вторая, третья и минут через десять у импровизированного водопоя не протолкнуться.

Не всегда охота заканчивалась триумфом охотника. Почему-то все любили охотиться в пограничной полосе, ограждённой сигнализационно-заградительной системой, и куда доступ посторонним, тем более разным контролирующим охоту органам, был запрещён. Охотились всегда в присутствии представителя погранвойск.

Однажды группа армейских офицеров поехала охотиться на кабанов. Как всегда это бывает, что нужно, то этого нет. Ходили,

ходили, а кабанов нет. Решили пострелять фазанов. Перезарядили оружие мелкой дробью, а в это время вышли кабаны. Азарт, стрельба дробью по кабану-секачу (клыки длиной около десяти сантиметров) привела последнего в расстроенные чувства. Всё равно как танкиста, по танку которого ребяташки стреляли из рогатки. Ответное нападение и один офицер получил серьёзные увечья.

Другой случай не трагический, но имел неприятные последствия. Служили два товарища в одном полку. Два комбата (командира батальона). Учились в одном военном училище. Служили в разных местах. Снова встретились в военной академии и после выпуска поехали служить в один полк под Башебадом. Друзья – не разольёшь водой. Поехали охотиться на кабанов. Кабанов не нашли, не нашли и фазанов. Присели отдохнуть. Один курит, а другой снизу залез в заросли ежевики и лакомится ягодой. Курильщик, шутки ради, взял товарища за два нежных шарика между ногами и несколько раз хрюкнул. Любитель ягод упал в обморок от неожиданности. Присутствие офицера-пограничника, конечно, предотвратило дуэль, которую офицеры хотели провести тут же без помощи рыцарского оружия, но дружбе офицерской пришёл конец.

Это было в годы расцвета застойных явлений в обществе, как принято сейчас говорить. Но социальные группы населения СССР существовали не в вакууме, отдельно одна от другой. Одна группа являлась потребителями всего самого лучшего по специальным ценам, а другая являлась поставщиками этого, пользуясь тем, что оставалось от потребления первой группы. Декларируемое равенство на фоне неравенства одних развращало, а других наоборот делало более стойкими в убеждениях идеального толка, считавших хозяев жизни халифами на час. Сейчас, оценивая происходившее и произошедшее, можно сказать, что от смены халифов ничего особенного и не произошло. Всё возвращается на те круги, по которым мы уже крутились. Ворон ворону глаз не выклюет.

Нам постоянно вдалбливали в голову, что наш адрес не дом и не улица, наш адрес – Советский Союз, но, всё равно, и в Средней Азии, и в Захребетье мы чувствовали себя чужими. Во всех республиках под прикрытием лозунгов об интернационализме шла кропотливая работа по воспитанию исключительности своей нации, вынужденно находящейся под протекторатом России, и грядущей свободе. Не зря один из

представителей народов бывшего Советского Союза, рассказывая сыну о дарвиновской теории происхождения человека, говорил:

– Сынок, люди произошли от обезьян. Русские произошли от большой глупой обезьяны по имени Гаврила. Армяне от маленькой обезьянки по фамилии Макакян. Грузины от такой же маленькой обезьянки по фамилии Шимпанидзе. Евреи от обезьяны по фамилии и имени Абрам Утан.

– Папа, а мы от какой обезьяны произошли? – спрашивает сын.

– Мы? Это от нас обезьяны произошли! – с чувством собственного достоинства ответил отец.

Гитлер, якобы, утверждал, что Дарвину в теории эволюции от обезьяны к человеку следовало бы сделать исключение для немцев, которые не имели никакого отношения к обезьянам, поскольку произошли немцы от древних греков.

Ну, не я же это придумал. Разве я придумал, что в одном из учебников на полном серьёзе утверждается о том, что Христофор Колумб - это запорожский казак Христоня Коломыець (из местечка Коломыя), а его ближайший сподвижник Хуан де Коса, не кто иной, как Иван Козак из тех же краёв. Опасаюсь я, что скоро США будут рассматриваться как заморская территория одной из самостоятельных республик бывшего СССР.

Все решения Центра нивелировались в республиках до того уровня, какой был выгоден руководителям, мечтавшим о том, как бы сделаться единоличными властителями своей республики. Посмотрите, сын простого дехканина стал Президентом республики. Одно никто не хотел понимать, что если бы не было вмешательства России в ход исторического развития, то Россия имела бы границы с огромными Оттоманской и Сефевидской иранской империями. В этом случае нам бы не пришлось участвовать в решении на территории Турции и Ирана карабахского, азербайджанского, аджарского, абхазского, чеченского, армянского, грузинского и других конфликтов. Может быть, это было бы и к лучшему. Эти конфликты решались бы там, по законам тех империй. Там, как мы знаем из истории, уговаривали только один раз, потом секир башка. Спросите у армян, у которых гора Арарат оказалась в Турции и где погибли миллионы их родственников и единоверцев.

В Туркестан ко мне привезли и мою дочь, которая родилась в Сибири. Сибирячка до трёх лет ни разу не видела снега. Однажды и в Туркестане выпал днём снег. Белый, пушистый. Кто

успел, тот встал на лыжи и два раза вокруг дома обежал, пока снег не растаял. Я гулял с дочкой на руках и хотел поставить её ногами на снег. Крик, подгибание под себя ног, отбрасывание от себя снежков.

На третьем году офицерской службы я был уже старшим офицером отдела, несмотря на юный возраст. И всё из-за высшего образования. Когда в отделе открылась вакансия, были более достойные кандидаты на её занятие, но они не имели высшего образования. Выбор пал на меня.

Ещё через год мне представилась возможность продолжить своё образование в военной академии.

Надо честно сказать, что в этом деле не обошлось и без протекции. И всё из-за языка фарси. На удивление быстро я овладел арабской письменностью. Мне даже нравилось писать справа налево, выписывая плавную линию с бугорками, очень похожую на кардиограмму. Каждый большой всплеск вверх с одной или двумя чёрточками под углом обозначает наличие букв «к» или «г», маленький всплеск – наличие других букв в зависимости от количества точек. Одна точка внизу – буква «б», две точки – буква «и», три точки – буква – «п». Также буквы различались и по количеству точек сверху: одна – «н», две – «т», три – «ш». Мне нравилось выписывать «ман дар эттэхадэ джемахирэ шуруви сусиалисти зэндеги миконам, что в переводе обозначает – я живу в Советском Союзе.

Когда это делаешь среди своих сослуживцев, то всё это воспринимается как само собой разумеющееся. Но однажды я попал на глаза нашему генералу, таджику по национальности, который видел, что я сам опрашивал задержанного нарушителя границы из Ирана. Таджикский язык несколько сходен с фарси, примерно, как русский и украинский языки. Он понимал, о чём я говорю, и был этим удивлён. После этого на совещаниях генерал не раз говорил, что очень много офицеров занималось изучением этого языка, а в таком-то пограничном отряде есть молодой русский офицер, который и занимается, и практически говорит с гражданами сопредельного государства. Естественно, в пример ставился и мой начальник, которому это было очень приятно.

Затем генерал решил перевести меня по службе в управление пограничного округа, что не очень-то улыбалось моему начальнику, и я был рекомендован на учёбу в военную академию в расчёте на то, что не поступлю на очное отделение и вернусь в отряд для заочного обучения. Но я поступил и не

вернулся, чем сильно огорчил симпатизировавшего мне генерала и моего непосредственного начальника.

Глава 5. Об иностранных языках

В Москву я снова попал через три года после окончания училища. Руководство моей работой было довольно. Некоторое владение фарси позволяло мне делать больше, чем офицеру, не знающему языка. В качестве поощрения меня направили в военную академию с параллельным изучением иностранного языка в Московском Государственном университете.

Погранвойска имели договорённость с университетом о подготовке небольшого количества своих офицеров, участвующих в погранпредставительской работе. Провели тестирование на предмет способности к изучению иностранного языка. Давали тесты на хинди и урду, самые трудные языки. Оказалось, что я с отсутствием музыкального слуха могу воспроизводить звуки и слова совершенного чуждого нам языка. Правда, в тестах всегда надо учитывать то, что вероятность случайного правильного ответа составляет примерно тридцать процентов из ста. К этим тридцати процентам необходимо добавить умственные способности и знания, и получится вполне приличный результат тестирования. Проверили и грамотность путём написания изложения. Оказался грамотным. Хотя очень и очень трудно быть грамотным в русском языке. Кроме правил надо знать, как пишутся те или иные слова. Есть компьютерные тесты на знание русского языка, и я до сих пор не могу получить по ним положительную оценку. Самому стыдно, и компьютер стыдит. Тесты - это ещё только цветочки. Самое главное было впереди.

В академию меня отпустили с обязательным условием, что я буду изучать фарси. А в то время погранвойскам потребовались специалисты китайского языка. Мне было поставлено условие (учёба дело добровольное, заставить не могут) – либо я соглашаюсь на изучение китайского языка, либо я автоматически отчисляюсь из академии и возвращаюсь к прежнему месту службы с сомнительными перспективами дальнейшей учёбы. Деваться некуда, согласился.

Повторно поступать и быть принятым случается не часто особенно у тех, кто отказался от изучения рекомендованного высшим командованием направления. Шуток здесь не бывает.

Сказано «люмень» и никакого «чугуня». Мой однокашник по училищу успешно сдал экзамены в академию им. Фрунзе и, перед тем как отдать приказ о его зачислении слушателем, ему приказали сбрить усы, иначе его просто отчислят. Кому усы мешали? Усы пышные как у С.М. Будённого. Видит, что кадровики из Советской Армии не шутят с пограничником, пошёл сбривать усы.

Побывал в трёх парикмахерских. Женщины-мастера категорически отказывались сбривать ему усы. Наконец мужчина-мастер сжалился над ним и аккуратно сбрил усы для изготовления театрального реквизита. А жена друга ни разу не видела его без усов. Когда он вместе со мной в форме офицера Советской Армии встречал её на железнодорожном вокзале, то его жена прошла мимо него ко мне, и сразу спросила, что случилось с её мужем, почему его нет на вокзале.

Почему такое резко отрицательное отношение к усам и бородам в Советской и сейчас в Российской армии? Всё очень просто. Мы были Иванами, родства не помнящими. Посмотрите на фотографии офицеров русской армии. Безусые и безбородые офицеры – редкость. Вытравливание традиций русской армии коснулось и бороды, и усов. Даже введение орденов имени русских полководцев, золотых погон не изменило большевистского отношения к традициям русской армии. Сейчас говорят, что борода и усы в армии – это не модно, но большинство мужчин носит щетину трёхдневной давности или трёхдневной небритости.

Что такое китайский язык, рассказывать я не буду. Скажу, что в этом языке слова произносятся на четырёх тонах, и в каждом тоне своё значение. Допустим, слово «ма». В одном тоне оно обозначает слово «мама», а в другом тоне – по матери. Слово написать нельзя, его можно только нарисовать в виде иероглифа. Некоторые иероглифы имеют свои мнемонические правила для запоминания. Например, иероглиф «любить» мы запоминали по правилу – когти в сердце так вцепились, даже ножки подкосились. Иероглиф дерево состоит из элементов: дерево, опять, корешок. И так далее.

Но языком мы овладели. Наши «европейские» коллеги сразу стали лопотать на своих языках, а мы начали говорить только на втором году обучения. Знаете, как у маленьких детей, ребёнок молчит, молчит, а потом вдруг прорывается речь и его начинает нести. У нас точно также. Мы заговорили. На первом этапе мы

понимали друг друга, но преподаватели нас не понимали. Затем преподаватели нас начали понимать. И чем дальше, тем больше и яснее мы начинали понимать, что китайского языка мы вообще не знаем.

Что-то спросить, что-то ответить, что-то перевести, что-то разъяснить – это ещё не знание иностранного языка. На изучаемом языке нужно ещё и думать. И когда подходишь к этому рубежу, то можно говорить, что в какой-то степени владеешь иностранным языком, особенно китайским.

На первом семестре я практически не различал тональности языка, что первый, что третий тон – для меня было всё одинаково. Мой преподаватель пророчил мне скорую разлуку или смену языка. Но у меня вдруг прорезался слух. А зрительная и механическая память помогали быстро запоминать иероглифы, которые я научился писать быстро и в целом довольно разборчиво.

В китайском языке есть один слог и много окончаний слов, которые по-русски обозначают не вполне приличное слово, заменяемое иностранным словом, рифмуемым со словом «теннис» и состоящим их трёх букв. Это слово всегда пишется на заборах. Но без этого слова в китайском языке никак не обойтись. Попытки сказать это слово в изменённом виде, приводили к непониманию того, что говоришь сам, и что говорят другие люди. Наш преподаватель, женщина бальзаковского возраста сказала прямо:

– Это слово говорится так, как пишется. Хуй. Думайте об иностранном языке, а не о том, что подумают люди, не знающие китайского языка. Слова: собрание, возвращение, окружение, содействие, валюта и многие другие не могут быть выброшены из китайского языка только потому, что они не совсем прилично звучат на другом языке. Не думайте, что миллиард китайцев заботит то, что думают об их языке люди, которым не нравятся их слова.

Свободное от учёбы время мы старались заполнить тем, что на границе уже не удастся посмотреть. Театральные постановки, музеи, экскурсии. Нам удавалось доставать билеты на премьеры и спектакли в Большой театр, театр им. Ленинского Комсомола, им. Вахтангова, в театр на Таганке, театр Эстрады, театр оперетты. Я большой любитель театральных постановок, смотрел и аплодировал игре многих знаменитостей, но пусть они не обижаются моей давней любви – оперетте. Я посмотрел все постановки с участием Татьяны Шмыги и Герарда Васильева. Боже мой, какая это прелесть. Выходящие из театра люди

напевали на остановке: «Любовь такая – глупость большая, влюблённых всех лишает разума любовь. Все это знают, все понимают, но все влюбляются опять и вновь, и вновь».

Мы неоднократно были в Оружейной палате, Алмазном фонде, в Кремле, Третьяковской галерее, музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, музее культуры и искусства народов Востока, выставках советских и зарубежных художников, ездили на крупнейшие промышленные предприятия и сельскохозяйственные объединения.

Нас учили быть не только офицерами, но и знать культурную и хозяйственную жизнь страны, хотя и на крупных предприятиях, но вся хозяйственная жизнь в основном строилась на этих предприятиях – гигантах индустрии и сельского хозяйства.

Однажды на московском заводе, выпускающем металлообрабатывающие станки, на встрече с директором завода мы поинтересовались причинами повышенного интереса японских промышленников к их продукции. Как мы были оскорблены полученной информацией, и как было неприятно директору говорить о том, что наша металлоёмкая продукция закупается для переплавки. А ведь об этом нигде не говорили. Рабочие выполняли план, старались сделать качественную продукцию, и всё для того, чтобы из этих станков выпускались высококачественные детали для японских автомобилей.

В крупнейшем племенном хозяйстве директору пришлось нам объяснять причины низкой продуктивности наших коров. Оказалось, что коров нужно лучше кормить и чаще заменять поголовье, так как от высоких надоев происходит быстрое старение структуры скелета. А наша политика была в том, чтобы одна корова давала молоко лет по десять подряд. И в целом она давала столько же молока, сколько даёт корова в Голландии за три года.

В процессе учёбы много внимания уделялось привитию нам хороших манер. Их знание, по-моему, не должно мешать никому.

Я уже не говорю о том, сколько потребовалось занятий, чтобы научиться правильно есть. Почему котлету не следует резать ножом? Потому, что она мягкая. Почему нельзя входить с мороженым в городской транспорт? Потому, что можно испачкать одежду окружающих людей. Всё очень разумно, просто.

Когда всё это выполняешь автоматически, то нет причин беспокоиться о том, будешь ли ты выглядеть культурно в любом обществе.

Нам всегда подчёркивали то, что мы относимся к интеллигенции и в любой ситуации не должны терять интеллигентности.

Кстати, об интеллигентности. Это не наличие высшего образования, а состояние души, образ мыслей.

Вы не замечали, что представители интеллигенции первыми заражаются всем негодным, что есть в мире? Какая-то секта возникла, мракобесы, дурь несусветная, а в первых рядах представители так называемой интеллигенции распевают песни типа «Хари Кришна, хари-хари». Я пойму, если это индийцы-буддисты или кришнаиты поют свои религиозные гимны, и никогда не скажу ничего плохого. Нужно уважать религиозные чувства других народов. Но, когда это поют православные интеллигенты?

Жена одного моего знакомого бросила мужа и детей и уехала в Индию постигать таинства чуждой религии. По-божески поступила.

Русские интеллигенты-мормоны, кришнаиты, сатанисты, адвентисты – это есть предательство православия, а не свобода религии. Я не слышал в последнее время о переходе из ислама в христианство. Кришнаиты и мормоны также не переходят в православие. Хотелось бы мне посмотреть на мусульман, допустим в Иране или Саудовской Аравии, которые бы создали православную секту и в рясах приходили на массовые мероприятия в каком-нибудь иранском или саудовском городке, или устроили поход с молитвами в городе. Самое малое, что они бы получили – по пятьдесят ударов палками по голым пяткам или их просто бы повесили на передвижной виселице, похожей на подъёмный кран, на одной из центральных улиц этого города в стране радикального ислама.

Свобода вероисповедания для религиозных конфессий. Мусульмане – пожалуйста. Католики – пожалуйста. Иудеи – пожалуйста. Кришнаиты (индийцы) – пожалуйста. Буддисты – пожалуйста. Хочешь перейти из одной религии в другую – переходи, но не выставляй это напоказ и приготовься к соответствующему к себе отношению со стороны тех, кого ты бросил ради своей прихоти. И не забывай принципа – свой среди чужих и чужой среди своих.

Мне кажется, что воспитание интеллигенции должно находиться под особым контролем государства именно в период обучения в высших учебных заведениях. Так же, как студенты

медицинских институтов находят у себя болезни, которые они изучают, так студенты всех ВУЗов от недостатка знаний и отсутствия настоящего воспитания подхватывают всё то, что обществом выбрасывается на свалку истории – коммунизм, фашизм, дианетику и т.п.

Студенчество - это самая питательная среда для всех движений экстремистского толка. Молодёжи свойственен максимализм, экстремизм и нигилизм. В сочетании с малограмотностью (начальные знания институтской программы являются малограмотностью для образованного человека) и невоспитанностью она способна на разрушительные действия, о которых впоследствии будет сожалеть. Достаточно включить музыку и дать бесплатную жвачку. Хорошо сказала Лиса-Алиса в сказке о Буратино: «На дурака не нужен нож, ему с три короба наврешь, и делай с ним, что хошь». Совсем недавние примеры – народовольцы и большевики.

В каждом ВУЗе должны изучаться история своего государства, политология, Конституция России, чтобы студенты не были благодатной почвой для наших врагов, а были проводниками российской государственности на всех постах служения своему Отечеству. Ещё бы элита наша была примером служения родине, а не примером разграбления её.

В ВУЗах стран содружества независимых государств (СНГ) обязательное изучение гимна своего государства, а какой процент российских граждан знает наизусть гимн России?

Если быть объективным, то нам будет стыдно за количество граждан, не знающих и не желающих знать гимн своей страны или путающих демократический гимн с коммунистическим, к числу последних отношусь и я.

Не стихи в нашем гимне, а какой-то тяжёлый верлибр и с не соответствующей словам музыкой.

*Ты прости меня, Россия,
Я тебя, как мать, люблю,
Новый гимн я не осилил
И со старым не в ладу.*

*Кто писал его, не знаю,
Ни читать его, ни петь,
Память детскую терзают
И мотив – ревёт медведь.*

*Неужели, мать-Россия,
Нет талантливых людей,
Чтобы песнь лилась красиво
Для всех нас и для гостей.*

*Чтобы песню знали в мире,
Гимн добра и гимн любви,
Чтоб улыбки были шире,
Не пугались в клетке львы.*

*Чтобы знали, что Россия,
Край из ситцевых берёз
Все болеют ностальгией,
Не стесняясь лёгких слез.*

Мне кажется, что найдётся человек, который не побоится встать во весь рост и сказать, что каждой эпохе соответствует свой гимн. Ведь не стали же большевики писать новый гимн под мелодию «Боже царя храни». Написали новый текст и новые слова. И не посмотрели на то, сколько славных побед было одержано Россией под звуки того гимна. А сегодня, в новой России под старую мелодию приспособили новые слова. И все большевики обрядились в новые одежды, а сущность осталась та же – «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем...». Как в математике, от перемены слагаемых сумма не меняется. Даже по третьему куплету гимна.

*3.1. Мы армию нашу растили в сраженьях.
Захватчиков подлых с дороги сметём!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведём!*

*3.2. В победе бессмертных идей коммунизма
Мы видим грядущее нашей страны,
И Красному знамени славной Отчизны
Мы будем всегда беззаветно верны!*

*3.3. Широкий простор для мечты и для жизни
Грядущие нам открывают года.
Нам силу даёт наша верность Отчизне.*

Так было, так есть и так будет всегда!

А в сумме получается:

*«Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
Нас вырастил Сталин — на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил!»*

Поём одно, слышим другое и делаем третье. О чём можно говорить? О каких инновациях и модернизации говорим, когда выученики Ленина и Сталина прямо заявили, что кибернетика – продажная девка империализма и этим сразу вывалили нашу страну на обочину мирового прогресса.

Кстати, интеллигентом нужно быть, а не говорить, что ты интеллигент или выходец из интеллигентной семьи. Как говорят в Англии, джентльменом является только тот, кто не говорит о том, что он джентльмен.

Несмотря на прогрессивные методы обучения, идеология доставала нас и в учебных стенах. Когда нам вполне серьёзно рассказывали о мощном влиянии личности генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева на руководителей других государств, мой соученик Сергей В. сказал:

– А я-то всё думаю, чего это Джеральд Форд (Президент США) задёргался после Владивостокской встречи.

Был такой период, когда США не могли найти общую линию сотрудничества с СССР. Этого было достаточно для того, чтобы Сергея В. третировали на всех предметах, имеющих отношение к общественным наукам, и чуть не отчислили из академии.

На этот же период пришлось и очередная кампания самокритики как средства повышения активности коммунистов. Чем сильнее коммунист себя критикует, тем выше его рейтинг, то есть коммунист говорит правду, правильно оценивает свои ошибки и возможности для достижения ещё больших результатов.

В тысяча девятьсот сорок первом году вышел фильм по роману Жюль Верна «Таинственный остров». Самый умный из островитян по поводу самокритичного рассказа пирата Айртона сказал:

– Когда люди так беспощадны к себе, они говорят правду.

А один мой знакомый юрист, преклонного возраста человек, всегда говорил:

– Молодой человек, чистосердечное признание всегда сокращает путь от свободы до тюремной камеры.

На партсобрании самокритики вдруг выступил старшина нашей группы и рассказал, что он не ездил в отпуск к семье, а провёл время со своей любовницей. Как сознательный коммунист, он не может держать это в тайне от партайгеноссе, и просит дать делу принципиальную оценку. Сознательный был коммунист, и всё понимал дословно.

Для нас это было потрясением. Мы не медики, чтобы давать оценку таким заявлениям. Оценка дало руководство. Через два дня старшина группы убыл в свою часть, где получил высшую меру по партийной и служебной линии. Личные дела - это не предмет для рассмотрения на партсобраниях.

Разводы – это всегда трагедия. Но, если у людей появился глубокий разрыв, то надо его оборвать и не мучить себя и своих близких. Для коммуниста это трагедия вдвойне. Развод будет обсуждаться по партийной линии, виноват, не виноват, партийное взыскание всё равно получишь. Затем административное взыскание. Это задержки в присвоении звания и перемещениях по службе и тому подобное.

Интересно получился развод у моего товарища. Перед окончанием академии его жена заявила, что больше на линейку (на государственную границу) не поедет. Если он останется в Москве, то она будет с ним жить, если нет – то развод. Деваться некуда, доложил по начальству создавшуюся ситуацию. Слушатель был примерного поведения и учёбы, поэтому руководство не стало применять к нему меры воздействия. Действительно не за что. Развелись. Через два месяца он познакомился с другой девушкой и женился. А у новой жены папа оказался немалый начальник в Минобороны. И оставили парня служить в Московском пограничном округе. Не у всех тесть начальник, у некоторых и простой рабочий бывает.

Компартия всегда исповедовала один принцип, традиционный для России – судить не по закону, а по совести. В зависимости от того, какая совесть у судьи.

Вспоминается мне случай разбора дела моего товарища по службе на Дальнем Востоке. Начальника связи отряда. Вследствие ошибки писаря, не проведшего по учётам акт на списание семи килограммов спирта, связиста обвинили в хищении спирта. На

складе оказался как бы излишек в семь килограммов, так как акт не был внесён в учёт. Приехала группа из политотдела округа, завели персональное дело.

Всем офицерам это дело представили так, что человек, занимающий серьёзную должность, оказался расхитителем казённого имущества на огромную сумму. С военным имуществом делают так. Ложка алюминиевая стоит, например, пятнадцать копеек. С учётом кратности раз в двадцать она уже стоит три рубля. Десять алюминиевых ложек – уже тридцать рублей, а это сумма, за которую можно привлекать к уголовной ответственности. То есть, за один рубль пятьдесят копеек можно сесть лет на пять (Да здравствует советский суд – самый гуманный суд в мире!). А килограмм спирта стоил рублей десять (на эти деньги в ресторане можно было поесть и выпить, как следует). С кратностью и коэффициентами по спирту получилось, что человек как бы украл машину «Жигули», она тогда стоила семь с половиной тысяч рублей. Доказательства невиновности в расчёт не принимались. Акт о списании спирта, находящийся в деле рассматривался как отягчающее обстоятельство. Усугубляло положение и то, что мой товарищ упорно не признавал своей виновности, что задевало приехавших партработников. Признай вину, раскайся, пообещай, что больше не будешь этого делать, признай себя преступником, и дело ограничится взысканием с занесением в учётную карточку. А нарушитель партийного спокойствия держался как коммунист на допросе в гестапо.

Фактически ему предлагали пойти на сделку со следствием, как это модно в американском правосудии и становится модным и у нас. На тебя вешают дело, если ты не признаешь вину, то тебя осудят по максимуму, если ты даже не виновен. Но если ты признаешь вину, то есть возьмёшь на себя не тобою совершенное преступление, то это будет считаться сделкой со следствием и тебе снизят наказание. То есть отсидишь меньше, чем если бы ты оставался до конца честным человеком.

В отношении виновных это, может быть, и справедливо, но в отношении невинных людей это ничем не лучше сталинизма и его массовых репрессий против собственного народа.

Заместитель начальника политотдела округа в частной беседе с членами партийной комиссии размышлял, как бы моего товарища побольней ударить, чтобы всем коммунистам страшно стало. Речь шла, ни много ни мало, об исключении из партии.

Молодые коммунисты, не знающие сути дела, в большинстве своём стояли за исключение из партии. В совокупности с теми, кто уже страдал по партийной линии и боялся выступать с собственным противоположным мнением, они могли составить те две трети, необходимые для принятия решения.

Пришлось нам, среднему возрасту, броситься в атаку за своего товарища. Начинали с самой нелюбимой критики и предлагали наложить самое строгое взыскание с занесением в учётную карточку. Молодых коммунистов я призывал к тому, чтобы они подходили к рассмотрению дела не только как коммунисты, но как люди, анализируя, что случится с человеком после исключения его из партии. Это конец всему. Призывал встать на его место, когда у человека нет ни одного защитника, а в зале одни враги.

Партийная принципиальность в данном деле равносильна несправедливому суду. Мы не суд, но по нашему решению будут приняты административные меры. Да, и по моей рекомендации товарищ всё-таки покаялся. Стыдно было мне, стыдно было ему. За то, что кривили душой, как в годы репрессий. А что делать? Мой друг, сосед, семья, двое детей, жена не работает, он один в семье кормилец. Исключают из партии, автоматически снимают с должности и увольняют из войск с волчьим билетом, обвинив в хищении материальных ценностей (излишки на складах приравнивались к хищению). Пенсии нет, на работу не устроишься, а выживать в этих условиях надо.

Добились мы наложения на него партийного взыскания. До сих пор стыдно. Будь это тысяча девятьсот тридцать седьмой год, получилось бы, что мы своими руками расстреляли товарища, офицера, с которым вместе служим. Честнейшего человека, прекрасного отца и авторитетного командира.

Ф. Раневская в то время говорила: «Если человек умный и честный – то беспартийный. Если умный и партийный – то нечестный».

Три года обучения в Москве пролетели как две ласточки перед дождём. В это время заканчивалась эпоха клубов весёлых и находчивых – КВН. В КВН можно играть везде, но только не в погранвойсках. У нас все весёлые на границе, а находчивые в Москве.

Периодически бывая в Москве, я сравниваю её с той Москвой, домашней, приветливой. И всегда сравнения выходят не в пользу нынешней Москвы.

Глава 6. На Дальнем Востоке

На Дальнем Востоке довелось прожить и прослужить почти пятнадцать лет. Начало службы выпускника академии в этих краях заслуживает отдельного упоминания.

В пограничный отряд я получил прямое назначение в Главке, поэтому в округе я долго не задержался. Отряд имел название города, в котором дислоцировался пограничный округ, считался, что находится в городе, но располагался в сорока километрах от городской черты на месте действительного слияния рек Амур и Усури.

Прибыв в пограничный отряд, я представился начальнику отряда, который очень тепло принял меня, порадовался тому, что ряды офицеров пополняются выпускниками академий. Пожав мне руку, полковник сообщил, что он переводится в другое место, сдаёт дела своему заместителю, начальнику штаба, и направил меня к нему представляться.

Представившись начальнику штаба, я вместо приветствия услышал слова, которые глубоко запали в душу молодого офицера:

– Это что у вас за усы? Либо сбривайте, либо возвращайтесь туда, откуда приехали. Мне такие офицеры не нужны.

До сих пор я считаю ошибкой, что остался в этом пограничном отряде. Я должен был сказать «Есть», развернуться кругом и уехать в пограничный округ. И не возвращаться в этот пограничный отряд, несмотря ни на какие уговоры. Задета честь офицера. Никто не имеет права так обращаться с человеком. Но я проявил мягкотелость. Сработал вбиваемый принцип: честь честью, а дело делом. Меня уговорили:

– Ну что ты, какая тут проблема, мало ли у человека неприятностей, ну попал ты под горячую руку, ну что не бывает, – говорили мне будущие коллеги.

Сбрил усы. Снова представился. Развязал руки хаму.

Хочу сказать, не бойтесь делать неожиданных поступков. Всё, что ни делается, всё делается к лучшему. Это очень хороший принцип, правда, пользоваться им нужно осторожно, как скальпелем у хирурга.

У нас этот начальник долго не задержался. Все чувствовали, что из него прёт антирусизм, воспитанный предками из крестьян,

принадлежавших тевтонам. Этот командир вскоре после принятия должности собрал собрание офицеров, сказал, что за службу их мало поощряют, чем вызвал одобрительный шум.

– Ну-ка, – сказал он, – поднимите руки, кто из вас не имеет медали «За отличие в охране государственной границы»?

Лес рук.

– А кто не имеет знаков «Отличник погранвойск»?

Тоже лес рук.

Мне запомнилась его улыбка, в которой ясно читалось: «С вами можно делать всё, что угодно, буду держать в руках знак или медаль, и вы у меня плясать будете». Так оно и было.

Принципов у этого начальника не было, вернее, были, но те, которые предписывали карабкаться наверх по черепам. Интересно было видеть, когда его однокашник по училищу, бывший закадычным другом в равных должностях и получивший досрочно звание полковника, бегал перед ним как пацан на цыпочках, чтобы дружок не поломал ему карьеры.

С воцарением на престол начальник пограничного отряда переехал в отдельный коттеджик на отшибе от домов офицерского состава. Отгородил свою семью от всех: как-никак, номенклатура, которая согласовывается в ЦК КПСС, также, как и кандидатура начальника политического отдела.

По поводу этого коттеджика родился анекдот, рассказываемый как событие, происходившее во всех пограничных частях.

С торцевой стороны от парадного входа в коттедж был ещё один вход в отдельную маленькую комнатку. По прежним временам, это помещение для проживания денщика или привратника-сторожа. Но времена изменились, и эта категория военнослужащих была исключена из штатных списков советских воинских частей.

Имея далеко идущие виды на судьбу своей дочери, начальник отряда поселил в эту отдельную комнату молодого неженатого офицера-медика, который превратился в главного героя всех анекдотов на офицерскую тематику. Он сам понимал нелепость своего положения и только краснел во время рассказов, не стараясь что-то сказать в своё оправдание, чтобы не вызывать новых насмешек.

«Герой нашего времени», как и все офицеры, работал допоздна, имея ненормированный рабочий день (то есть без нормы). Приходит он поздно ночью домой, на пороге снимает с

ноги один сапог и с матом бросает его в стенку. Затем снимает второй сапог и с такими же приговорами бросает в стенку. Затем садится на холостяцкую кровать и высказывается об отношении к офицерской жизни, командирам, коллегам, их родственникам до седьмого колена и так далее.

Через некоторое время начальник пограничного отряда вызывает его к себе и просит вести себя несколько тише, так как через стенку отдыхает его семья, он сам, а слышимость очень хорошая.

Несколько дней всё было тихо. Но, однажды, замученный лейтенант приходит домой, на пороге снимает сапог и с матом бросает его в стенку. Во время полёта сапога он с ужасом вспоминает о том, что его просили вести себя тише. Сняв второй сапог, он на цыпочках проходит к кровати и тихонько ложится спать. В четыре часа утра его будит громкий стук в дверь. Тревога? На пороге он увидел начальника пограничного отряда в спортивном костюме, который с металлом в голосе спросил его:

– Товарищ лейтенант, когда вы второй сапог в стенку будете кидать, вся семья не спит, ждёт!

Помимо коттеджика, на острове напротив отряда (половину этого острова и ещё один остров уже отдали китайцам в надежде на то, что вопрос с территориальными претензиями к России этим разрешится. До чего же наивные люди эти русские. Китайские территориальные претензии не закончатся никогда), были построены деревянная дача и шикарная баня, якобы как зона отдыха для офицерского состава. Строили всё солдатики, специально отобранные на учебном пункте по строительным и другим ремесленным специальностям. Рубленые домик и баня были украшены произведениями деревянного искусства, чучелами зверей, реставрированными хомутами, дугами, колёсами от телег. Вся мебель была деревянная, из экологически чистых пород дерева.

Комендантом дачного банного комплекса был назначен один прапорщик, этакий Митрич из «особенностей национальной охоты и рыбалки». Охотник и рыбак из числа местных жителей, души не чаявший в новом хозяине и называвший его «батей». На всех перекрёстках он, как импресарио, рассказывал, какой «батя» отличный человек. Однако, кроме него, никто командира части «батей» не называл.

Уверившись, что его все называют «батей», начальник пограничного отряда на одном из совещаний сказал, что его за

глаза называют «батей» (смех в зале) и он действительно, как отец родной, печётся о заботах своих подчинённых. На это ему был задан вопрос о том, когда офицеры смогут посещать зону отдыха и баню на острове. Вот ведь люди. Всё было так хорошо. Но тут пришёл поручик Ржевский и всё опошил.

Женщины начальника отряда не особенно жаловали, а вот жену его и дочку жалели. У жены по их местным правилам к корню фамилии добавлялось «чене», то есть жена, а дочери «чуте», то есть дочь. Для цивилизованности нашему лейтенанту Иванову к фамилии его дочери «Иванова» нужно добавить слово «дочь», как будто никто не видит, что это девочка и что фамилия у неё Иванова по отцу.

– Бедняги, – говорили наши женщины, – у нас в деревнях тоже раньше так было. У Петруши, например, жену все называли Петрушиха, а детей всех петрушатами. Тут и фамилий никаких не надо. Фамилии все от имён и произошли. А у них в этом деле пока недоразвитость есть.

Дача и баня не долго использовались первыми лицами пограничного отряда. На неё вскоре наложили лапу первые лица в пограничном округе, благо этот комплекс находился практически на окраине окружного города и соответствовал уровню приёма первых лиц в государстве. Рядом граница, пограничная полоса, охрана пограничников, изумительная рыбалка и красивейшая природа. Если бы на дачке была заведена книга почётных гостей, то куда там музеем с мировыми именами и с их книгами почётных гостей. В кетовую путину туда такие люди приезжали, о которых только шёпотом можно было говорить, в пустой комнате, под одеялом и в одиночку.

Сейчас я практически не осведомлён об обстановке в этих местах. Почти двадцать лет прошло. Но я сомневаюсь, чтобы в этом вопросе произошли какие-то изменения. Уверен, что этот комплекс уже кто-то приватизировал.

На Дальний Восток я попал в тот период, когда советско-китайские отношения, мягко сказать, желали быть лучшими. Во времена «культурной революции» была начисто забыта песня «Русский и китаец – братья навек». В тысяча девятьсот шестьдесят девятом году произошли события на острове Даманский, которые унесли немало жизней китайских и русских парней. Пресса двух стран подогревала антирусские и антикитайские настроения. Граница ошетилилась укреплёнными районами. Были расконсервированы оборонительные сооружения, строившиеся

ещё генералом Д.М. Карбышевым. Начавшаяся погранпредставительская работа изобиловала взаимными протестами и обвинениям в «агрессии».

Запомнился первый выход на встречу на китайскую территорию. Появление советских офицеров в Китае всегда воспринималось с огромным любопытством. Вполне возможно, что часть людей приходила «по приглашению» властей для воспитания чувства ненависти к противнику номер один. После отмены воинских званий в Китае на нас смотрели как на белогвардейцев.

Честно признаюсь, что я не помню ни одного лица из китайцев, встречавших нас на берегу. Потом пришло чувство привычки к ненависти, не подкреплённой ничем. Своим поведением мы старались показать, что мы не враги, а обыкновенные нормальные люди. Видели нормальное выражение людей, улыбки.

Особенно удивляло китайцев то, что советские офицеры знают китайский язык. При обращении к китайцам все бормотали: «Бу тун» (не понимаю).

Кстати, на географических картах этих районов есть много наименований типа Большая или Малая Бутунда. Когда русские картографы в давние времена спрашивали по-русски у китайцев, как называется то или иное место, те отвечали: «Бу тунда» (не понимаю).

На первой же встрече с китайцами я довольно сносно перевёл заявление советской стороны, но не понял ни одного слова, сказанного китайцами в ответ. Язык выучить это полдела, нужно преодолеть языковой барьер. Преодолевал его я месяца два. Потом было значительно легче общаться, когда выучишь специфические слова, относящиеся к погранпредставительской работе и лексику по речной и морской тематике.

Мой приезд в отряд, находившийся на слиянии рек Амур и Уссури, совпал со временем первого прохода китайских судов мимо г. Хабаровска.

Надо отметить, что реки Амур и Уссури сливаются возле села Казакевичево в сорока километрах от Хабаровска и соединяются между собой протокой Казакевичева. Это очень хорошо видно с вертолёта. Амурская вода несколько мутновата, а Уссурийская – более прозрачная. Место слияния было подтверждено и лабораторным путём. И в своё время, до тысяча девятьсот семнадцатого года, на китайской территории в месте

слияния двух рек стоял единственный пограничный столб с литером «Е» на речном участке границы.

Кстати, это самое отменное для рыбалки место. А в районе села Нижне-Спасское ловятся осётры в человеческий рост и больше. Отдельные экземпляры мы обкладывали брусковым льдом, свежесрезанной осокой, заворачивали в несколько слоёв плотной бумаги, обвязывали шпагатом и передавали на катер. Через сорок минут катер был у набережной города Хабаровска. За тридцать минут на автомашине его довозили до аэропорта. Ещё через семь часов он был уже в Москве. Ещё через два часа был то в Берлине, то в Праге, то в Варшаве, то в Будапеште в качестве презента для командующего погранвойсками той или иной страны Варшавского договора. Приятно сделать хороший экзотический тридцатикилограммовый подарок с чёрной икрой коллегам, если за это не надо ни одного рубля вынимать из собственного кармана.

Сколько утекало в Москву красной рыбы и красной икры, белой рыбы и чёрной икры. На период кетовой путины в наш пограничный отряд назначались инспекторские и другие проверки. Сколько выдающихся лиц из руководства партии, государства и Вооружённых Сил побывало на рыбацких станах, смотрело на процесс ловли неводом кеты и угощалось уловом. Сколько красной рыбы утекало в Москву в качестве подарков.

Недавно в журнале «Российская Федерация» видел фотографию Председателя Совета Федерации на рыбалке, вроде бы со спиннингом, но в камуфлированной одежде, с беретом десантника и в руках держит кету нерестового цвета.

Рыба на участке нашего отряда была самая сортовая – кета-серебрянка, а икра созревшая, не мягкая как в районе города Комсомольска-на-Амуре и не твёрдая, как в районе нереста.

Рыба являлась определяющим элементом в карьерном росте руководящего состава и многих офицеров, особенно учившихся заочно. Есть хвосты (рыба) – нет хвостов (задолженностей по учёбе). Нет хвостов – есть хвосты. Тавтология, но подмечено очень верно.

В своё время погранвойска входили в систему Комитета государственной безопасности и наших офицеров за успехи в службе по охране государственной границы награждали знаком «Почётный сотрудник госбезопасности». Этим знаком в КГБ награждают за особо выдающиеся чекистские мероприятия. У нас же по должности и ещё кое за что. Офицеры шутили, что для

нашего погранотряда надо выдавать знаки с рыбиной вместо карающего меча революции.

Сказать, что всё изменилось в России после перестройки и демократизации, значит попросту соврать. Уверен, что не изменилось ничего. Есть хвосты – нет хвостов. Нет хвостов – есть хвосты. Как было, так и осталось: подношения в разном виде существовали и существуют до сих пор. Ну, кто же посчитает за взятку скромный тусок свежей брусники, банку чёрной или красной икры, кетовый балычок со слезинкой, сушёные и солёные грибы, кто чем богат. Или борзые щенки.

Продолжая осетровую тему, нужно сказать, что в реке Амур водится и другая осетровая рыба – калуга. Худо, когда в сеть или в самолов попадает огромная калуга. Монстр килограммов в пятьсот или в шестьсот. Сеть можно выбрасывать. А самоловы вытягивают из воды трактором, вручную невозможно.

Самолов – это простая донная удочка. Только вместо лески в ней используются тросы. Трос привязывается обычно к трактору, стоящему на берегу. К тросу привязываются поводки из менее толстых тросов (тросиков). К поводкам прикрепляются кованые крючья. На каждый крюк надевается кусок пенопласта. Основной трос с большим грузом вывозится на глубокое место и бросается в воду с огромнейшими предосторожностями, чтобы крюки когонибудь не утащили на дно. На дне пенопласт держит крючья в вертикальном положении и играет по течению. Калуга подходит и своим любопытным носом проверяет, что это такое. В это время один из крюков впиивается в неё. Дёрнувшись, она нанизывается на другой. Вырывающаяся из плена калуга заставляет плясать трактор на берегу. Трактор заводят и вытаскивают калугу. Всё, как на обычной рыбалке, только размеры снастей и улова несколько побольше.

После ста килограмм веса количество икры в калуге определяется вёдрами. Триста килограмм калуга – три ведра отборной чёрной икры. Пятьсот килограмм – пять вёдер. В это трудно поверить, пока не увидишь своими глазами пойманную рыбину. В её пасть спокойно пролазит взрослый человек.

Только свежую икру есть нельзя. Её нужно солить, как красную, так и чёрную. Сначала икру освобождают из мешочков, в которых она вызревает в чреве рыбы, а потом её бросают в тузлук – солевой раствор такой концентрации, чтобы всплывала очищенная картофелина – для засолки. Для потребления сразу – пятиминутка, пять минут содержания в тузлуке и на сито для

стекания раствора. Икра получается нежная. Для хранения просаливают десять минут. Затем икру закрывают в банки.

Во время зимней рыбалки из-за калуги часто случаются трагедии. Леска очень крепкая, миллиметр или больше толщиной. Калуга блесну не чувствует – всё равно как слону дробина. Махнула хвостом, и рыбак, намотавший леску на руку, лежит рукой в лунку. Хорошо, если есть товарищи рядом. Раздолбят лунку да ножом отрежут леску. Хорошо, если леска порвётся, не поранив руку. А так лежит человек до тех пор, пока рука в лунку не вмёрзнет, а через некоторое время и человек не выдерживает неподвижного лежания на льду.

Конечно, определяющим для человека является кетовая путина. Как человек относится к красной рыбе, такой он и в жизни. Иной хватает в три горла, пользуясь должностью, и считает, что все такие, тоже нахватались и вопрос распределения сам собой отпадает.

На первой путине я терпеливо ждал, когда офицерам будет выдана какая-то положенная часть выловленной рыбы. Никто почему-то об этом не заикался, поэтому об этом заикнулся я. Взгляда, которым меня одарили, я не забуду никогда. Чего ты ушами хлопал, лопух? Да не привык я не своё хапать. Все сообщества сначала в общий котёл тянут, а потом делят по коэффициенту трудового участия или авторитету.

На других путинах уже пришлось более спокойно накладывать лапу на несколько рыбин и говорить: «Не тронь, моё!» Я всё ждал, что пойманная рыба будет как-то приходоваться, выписываться накладные, ну, в общем, всё то, что положено с материальными ценностями. Нет, коммунизм был полный. Всё вокруг колхозное – всё вокруг моё.

На пограничных заставах, худо-бедно, но большая часть улова приходовалась и шла на питание личного состава. Затем с годами рыбы становилось всё меньше и меньше, а контроль за её потреблением и распределением всё больше и больше.

Протока Казакевича отделяет от Китая два острова – Большой Уссурийский и Тарабаров, которые и в настоящее время являются камнем преткновения в российско-китайских отношениях. Однажды в передаче «Клуб кинопутешествий» сообщили, что Хабаровск находится на слиянии рек Амур и Усури. Что тут поднялось. Наши китайские коллеги сразу заявили, что даже центральное телевидение признает факт слияния рек Амур и Усури у г. Хабаровска. Следовательно, острова

Тарабаров и Большой Уссурийский бесспорно принадлежат Китаю.

Для организации нормального судоходства из Амура в Уссури по протоке Казакевича (что почти в три раза меньше по расстоянию, чем возле Хабаровска) необходимо регулярно проводить дноуглубительные работы на протоке, что китайской стороной почти не делается.

В то время, в тысяча девятьсот семьдесят седьмом году, китайская сторона пошла на обострение, чтобы утвердить принцип прохождения границы по фарватеру пограничной реки, а не по «красной линии», проведённой вдоль китайского берега, и подтвердить принадлежность Китаю островов Тарабаров и Большой Уссурийский.

Политика Китая была предельно понятной. Всемирно известный остров Даманский, из-за которого возник вооружённый конфликт, находился за линией фарватера в сторону китайского берега. Принятый в тысяча девятьсот восемьдесят шестом году Закон «О государственной границе СССР» официально определил, что граница на судоходных реках проходит посередине главного фарватера или по тальвегу (линии наибольших глубин). Но граница с Китаем проходила по договорам Российской империи и императорского Китая. Сейчас, когда прохождение российско-китайской границы по фарватеру пограничных рек никем не оспаривается, становится понятно, что жертвы острова Даманского были напрасны. Люди гибли из-за амбиций прежнего руководства страны. Потребовалось свыше двадцати лет, чтобы наше руководство наконец-то приняло меры по снижению напряжённости на российско-китайской границе и начало разбрасываться российскими территориями направо и налево.

Первая попытка самовольного прохода китайских судов по нашим внутренним водам была пресечена. Потом, после согласования на правительственном уровне, проход был разрешён в сопровождении пограничников.

Почти месяц пришлось мотаться на катерах от с. Казакевичево до с. Нижне-Спасское и обратно, пока китайцам самим не надоела эта канитель.

Прошло немного времени и остров Тарабаров, и ещё половину острова Большой Уссурийский отдали Китаю. Может и до Хабаровска дело дойдёт, ведь он по-китайски пишется Бо-ли, а Владивосток – Хай-шэн-вэй. Земли у нас много, чего её не отдавать тому, кто очень слёзно попросит?

Если кто-то думает, что Китай удовлетворится половиной острова Большой Уссурийский, то он глубоко ошибается. Попозже это будет второй остров Даманский прямо напротив набережной города Хабаровска.

Однажды вечером я находился на одной из пограничных застав нашего отряда. Дежурный по заставе доложил о стрельбе и взрывах гранат в китайском населённом пункте.

Прибыв в указанный район вместе с начальником заставы, мы не обнаружили пограничного наряда на определённом ему месте для службы, а увидели его лежащим на льду пограничной реки с автоматами в положении для стрельбы лёжа. Осмотрелись, ничего подозрительного нет, на сопредельной территории темно, тихо. Подошли. Никто не встаёт и не докладывает.

– Что случилось? – спрашиваем.

Отвечают:

– А вы позади себя посмотрите.

Оглядываемся, всматриваемся и видим невдалеке от нас лежащего на льду человека с автоматом, направленным в нашу сторону. Ситуация, лучше не придумаешь. Стоим между двумя автоматами. Кричу по-китайски:

– Ты кто такой?

Человек также по-китайски спрашивает:

– Вы действительно русские?

– Да, но сначала бросай оружие, – сказал я.

Человек встал, бросил оружие и поднял руки.

Оказывается, он имел желание вступить в ряды Народно-освободительной армии Китая (НОАК), чтобы гарантированно получать ежедневное питание, одежду, но староста деревни не давал ему рекомендации за хулиганское поведение. Дождавшись проведения в деревне массового политического мероприятия (в тот вечер был показ кинофильма), «герой» вскрыл склад с оружием народного ополчения, взял автомат, большое количество патронов и гранаты.

Несколько гранат он бросил в дом старосты, убив его престарелого отца, и бросился бежать в сторону границы. По пути ему встретился взвод вооружённых молодых бойцов НОАК, которые попытались его задержать. Убийца открыл стрельбу по безоружным солдатам и, отстреливаясь, ушёл в сторону советского берега.

Наш пограничный наряд вышел к нему на перехват и остановил, не зная, как сказать ему, чтобы он бросил оружие.

Несмотря на имевшиеся с Китаем противоречия, преступник, совершивший преступление в Китае, остаётся преступником и у нас.

На следующий день мы официально передали задержанного и находившееся при нем оружие сотрудникам китайского погранпредставительского аппарата. Как мы потом узнали, по счастливой случайности никто из китайских военнослужащих не пострадал. А на всех пограничных заставах стали усиленно заучивать китайские фразы, чтобы не лежать перед вооружённым нарушителем границы, проверяя свою и его выдержку.

О пользе знания иностранного языков может свидетельствовать и такой пример. Группа начальников пограничных застав на автомашине возвращалась с совещания в пограничном отряде. В районе стыка двух застав на дороге увидели китайца в военной форме с автоматом. Остановились. Кому-то надо идти выяснять обстановку и задерживать неизвестного. Кто пойдёт? Конечно тот, чей это участок. Вышел начальник погранзаставы из машины, взял у водителя автомат и им же показывает китайцу, чтобы тот бросил свой. На удивление тот понял «с полуслова» и бросил автомат. Задержан вооружённый нарушитель границы, надо готовить дырочку на кителе.

Задержанный мало чем отличался от предыдущего. Бывший пограничник, после увольнения в запас не смог найти себе место на «гражданке», приехал на свой погранпост, где был принят со всеми почестями. Изъявил желание сходить на службу в составе пограничного наряда, получил автомат, форму. Во время патрулирования расстрелял своих товарищей и вышел на советскую территорию. «Геройский» поступок стоил ему смерти двух товарищей, отмороженных по колено обеих ног и официальной передачи китайским представителям. После военного суда он был расстрелян.

Вообще о погранпредставительской работе, другими словами – дипломатической работе на пограничном уровне, можно рассказывать много. На китайской границе контакты между двумя странами осуществлялись только через аппараты пограничных представителей. Сотрудники погранпредставительских аппаратов имеют право беспрепятственного пересечения границы для решения служебных вопросов в любой точке обслуживаемого участка в сопровождении сотрудников сопредельного погранпредставительского аппарата.

О серьёзных проблемах этой работы в нашей среде как-то не принято рассказывать. Всегда вспоминаются курьёзы, которые становятся достоянием пограничной истории. Такие приключения всегда случались при передаче нарушителей границы или найденных животных, вещей и предметов.

Однажды мне пришлось передавать китайскую семью, которая в начале 70-х годов перешла в СССР по политическим мотивам в период культурной революции. Отдать её назад в то время, значит, обречь всю семью из семи человек на репрессии. С течением времени и нормализацией обстановки в Китае эта семья несомненно бы вернулась в Китай, и никто бы ей не препятствовал.

Всё началось с того, что мужская часть семьи (четыре человека) возмутилась тем, что они работают на самых низкооплачиваемых работах. Им предложили учиться на квалифицированных специалистов, но они отказались. Основной их довод – с Китаем у СССР отношения натянутые и советские власти на руках должны носить тех, кто пришёл к ним из Китая. Да у нас рук не хватит всех китайцев носить на руках. Тогда был найден главный их враг – управление КГБ по пограничному краю, которое специально создаёт им трудности. Полетели письма в Президиум Верховного Совета СССР (примерно, как к Президенту), в различные другие органы и в ООН. В конце концов, ими был устроен скандал в Управлении КГБ. На высоком уровне было принято решение вернуть их в Китай, как не граждан СССР, чтобы свои проблемы они решали там.

– Да, там мы решим все свои проблемы, – пообещали скандалисты.

Сказано – сделано. Правда, в этой семье за год до передачи случилась трагедия. Старшая дочь, девушка двадцати с лишним лет, хотела выйти замуж за русского парня. Отец был против, требовал, чтобы она вышла замуж только за китайца, избивал её. Не выдержав унижений, дочь покончила с собой. В СССР пришла семья из семи человек, а передавать будем только шесть человек.

Отношения с Китаем были не ахти хорошие, и мы понимали, что из-за этого вопроса могут возникнуть проблемы. Проблемы могут возникнуть и из-за того, что члены передаваемой семьи будут возводить на нас всякую напраслину, чтобы показать себя в наилучшем свете перед китайскими властями. Для локализации этих действий мы подготовили ксерокопии всех писем перебежчиков нашим властям по поводу оставления их на

жительство в СССР и материалы расследования по факту самоубийства старшей дочери.

Как мы и предполагали, на встрече по обсуждению условий передачи перебежчиков нас обвинили в плохом отношении к китайским гражданам. После получения ксерокопий документов эти обвинения сами собой отпали.

Передача китайцев сопредельной стороне была обставлена так, как это умеют делать только в Китае. Для сопровождения было выделено двенадцать автоматчиков в белых перчатках. Каждый человек передавался отдельно. О передаче писалась отдельная расписка. Переданного хватали за локти два автоматчика и тащили по льду в сопредельный город, где на набережной собралась толпа местных жителей.

Точно также поступили и со средней дочерью, в каракулевой шубе, в меховой шляпе и с собачкой на руках. Собачку в сторону, женщину за локти и потащили. Исключение было сделано только для матери семейства, женщине лет шестидесяти. Военнослужащие её просто сопровождали. Это был самый благоразумный человек в этой семье. Уходя, она говорила:

– Русики, вы собаки, вы звери, вы не обижайтесь на нас, я им говорила, чтобы они жили спокойно, а они меня не слушали. Что будет со всем добром, что мы нажили у вас?

Ей позволили взять только носильные вещи из груды домашнего скарба, привезённого на огромном грузовике. Китайцы не приняли мебель, посуду, одежду, телевизор, радиоприёмник, холодильник, велосипеды и всё то, что в Китае тогда считалось предметами роскоши.

Интересное началось потом. На следующий день нас вызывают на погранпредставительскую встречу. Это надо ехать на машине около ста километров, затем идти на лыжах километра три, а затем пешком через торосы переходить через замерший Амур.

Приходим. Заявление о том, что советская сторона незаконно удерживает седьмого члена семьи. Это, несмотря на то, что китайцам были переданы копии документов расследования самоубийства, чего на советско-китайской границе никогда не было. Вероятно, готовилась какая-то пропагандистская акция против нас. Заявление заканчивалось решительным требованием вернуть седьмого члена семьи. По-китайски оно звучит дословно так: «мы оставляем за собой право требовать возвращения седьмого члена семьи (liu xia quan li)».

Пытаемся объяснить суть дела, а натываемся на «оставление за собой права». Пришлось воспользоваться игрой слов. Отвечаю:

– Можете оставлять за собой своё право. Это ваше право, что хотите, то и делайте с ним.

По-китайски полное несоответствие значений, хотя слова применяются одни и те же. Снова «оставляют за собой право». Я им – на здоровье, ваше право, что хотите, то и делайте с ним. И так до бесконечности, пока я не сказал, что мы обменялись мнениями по обсуждаемому вопросу, и предложил закончить встречу.

На следующий день точно такая же встреча. Они оставляют за собой право, а я им не препятствую оставлять своё право себе. И так в течение десяти дней. Мне даже на пограничной заставе пришлось жить, чтобы не гонять машину туда-сюда. В конце концов, моя тавтология показала, что мы не собираемся втягиваться в дискуссию по этому вопросу и большего результата им не добиться. Вместе с тем, и в китайской печати не было материалов по этому вопросу.

Кстати, этот цикл встреч объясняет и такое понятие, как «четырёхсотое китайское предупреждение». Для нас предупреждение есть предупреждение. Китайцы для того, чтобы подчеркнуть важность этого предупреждения, будут заявлять о нем бесконечное число раз, уточняя, что они уже в пятьдесят шестой раз напоминают советской стороне о том или ином факте.

В период обострения ситуации на границе в конце 70-х годов было очень много заявлений по фактам фотографирования сопредельной территории. На той и на другой стороне служат ровесники из СССР и из Китая. Каждый гордится тем, что он пограничник. И каждому нужно дома рассказать и доказать, что он служил на китайской (на советской) границе. Естественно, доказать можно только фотографиями. И также естественно, что факты фотосъёмки фиксируются ими же – пограничными нарядами с наблюдательных вышек, которых очень много понастроено на границе. Факт зафиксирован и пограничные уполномоченные делают соответствующее заявление своим коллегам. Особенно активно такие заявления на нашем участке делала китайская сторона. Мы на такие заявления обычно отвечали, что разберёмся, но затем и сами стали делать такие же заявления. На наши заявления китайцы, хитро улыбаясь, обычно отвечали, что советские наблюдатели ошиблись, приняв обычный бинокль за фотоаппарат. При следующем заявлении по факту фотографирования советскими военнослужащими китайской

территории я сразу ответил, что китайские наблюдатели ошиблись, приняв обычный бинокль за фотоаппарат. На моих коллег стоило посмотреть. Они не знали, что ответить на моё заявление. Потом вдруг начали убеждать меня, что я не имею права отвечать на заявление в таком стиле, так как я европеец (?). Фу-ты ну-ты. Азиату можно дурить европейца, а европейцу никак нельзя отвечать по-азиатски. Мне, правда, опять досталось за то, что я использовал китайскую формулу ответа на китайское заявление.

«Дружба-08»

В конце семидесятых годов по Амуру ходил трёхпалубный китайский пароход «Дружба-08» с огромным гребным колесом на корме. За трое суток до появления парохода на горизонте был виден столб чёрного дыма, перемещавшийся соответственно изгибам реки.

Однажды, в день прибытия парохода в город N, на китайской наблюдательной вышке было поднято два красных флага – сигнал срочного вызова на встречу. Что-то случилось. Река – превосходная магистраль и мы уже через полтора часа причаливали к китайскому берегу.

После традиционного чаепития и перекура китайский погрануполномоченный встал и торжественно зачитал заявление:

– Такого-то числа на таком-то километре реки Амур при выходе парохода «Дружба-08» на траверз города F, проходившая по реке флотилия советских канонерских лодок создала большую волну, что привело к сильному раскачиванию парохода и поставило под угрозу жизнь свыше пятисот китайских граждан. Китайская сторона расценивает это как вооружённую провокацию и требует объяснений по данному вопросу.

Судя по виду, душа у него пела.

– Учтите, – сказал он, – данный факт наблюдали все пассажиры, а некоторые даже производили фотосъёмку.

По дипломатической практике, такие заявления называются нотами и передаются через послов, а здесь передача ноты на уровне пограничных уполномоченных. Что делать? До этого мы им протест – они его отклоняют, они нам протест – мы его отклоняем. И все довольны. Как объяснить заявленный факт, если я его видеть не видел и видать не видал?

В то время фотоаппараты имели считанные единицы китайцев, а на границе фотосъёмку производили только военные. Значит, на борту была группа фотокорреспондентов.

Отклоняем протест, журналисты подхватывают:

– Советский офицер отклоняет очевидный факт.

Предлагаем провести расследование:

– Советский офицер косвенно признает акт военной агрессии.

Связи с руководством нет, находимся в Китае. Ни о каких мобильных телефонах мы тогда даже и не мечтали. Встреча затягивается. Мучительно думаю, где же выход? Задаю ничего не значащие вопросы о взаимном нахождении судов, отбойных и прибойных местах на реке, количестве мужчин и женщин на пароходе, где они находились. Ага. Тут что-то есть.

– Так, вы говорите, что по случаю хорошей погоды все пассажиры находились на верхней палубе и смотрели на прохождение советских военных судов? – осторожно, боясь вспугнуть собеседника, задаю я невинный вопрос.

Уполномоченный отвечает:

– Да!

– В таком случае, – говорю я, – примите наше ответное заявление: «При прохождении советских военных судов пассажиры парохода «Дружба-08» в количестве около пятисот человек, находившиеся на верхней палубе, из любопытства перешли на одну сторону, создав одновременную нагрузку силой свыше тридцати тонн на левый борт (исходя из расчёта, что один человек весит шестьдесят килограммов), что привело к смещению центра тяжести и созданию опасного крена.

На моего коллегу стоило посмотреть. Если бы не официальная встреча представителей двух стран, то затяжной драки бы не избежать.

Мне сделали внушение за не совсем дипломатический ответ. А что прикажете отвечать в такой ситуации?

В конце службы мне довелось встретиться с этим уполномоченным уже в звании полковника. Мы от души посмеялись над этой анекдотической ситуацией, придя к общему выводу:

– Время было такое.

В другой раз возникла необходимость передачи китайцам сорванного большой водой буй. Буй это такой большой

металлический поплавок, указывающий прохождение фарватера. Ехать было очень далеко, поэтому мы полетели на вертолёт. В полёте видели тихоходный китайский катер, на котором добиралась китайская делегация. Прилетели на заставу, осмотрели буй, отдали распоряжение по подготовке к встрече. Так как времени до прибытия китайцев оставалось много, пошли на берег реки порыбачить. Карась уссурийский клевал отменно. С наблюдательного поста доложили, что на горизонте появился китайский катер. Мы сложили удочки, и пошли к месту встречи. А китайского буя на месте нет. Есть след, что его кто-то утянул в воду. Что делать? Надо как-то сохранять своё лицо и лицо своих коллег.

Подходит китайский катер, на берег сходят донельзя уставшие китайцы.

– Давайте, – говорят они, – сразу произведём приём-передачу буя, и мы сразу поедem обратно, чтобы засветло прибыть домой.

А я им говорю:

– Понимаете ли, вчера шёл сильный дождь, уровень воды поднялся и буй смыло в реку.

Ё-ё-ё-ё-ё-ё. Ничего не сказали китайцы, лишь головой мотнули, сели в свой катер и поехали обратно. Мы на вертолёт. Летим и ко всем судам приглядываемся. Смотрим, идёт наш обстановочный катер (тот, который следит за состоянием знаков судоходной обстановки) и на носу прикреплен китайский буй. Мы этот катер остановили и приказали доставить буй в район напротив места дислокации китайского погранпредставительского аппарата. На следующий день буй мы всё-таки передали, как-то загладив возникшее недоразумение.

Однажды, находясь в китайском ресторане, где проводилась неофициальная часть погранпредставительской встречи, зашёл в учреждение, в которое и цари пешком ходили. Слышу в соседнем отсеке наш русский мат. Какой же русский до ветру без мата выходит? Говорю:

– Ты чего там материшься?

Тишина, как будто я человека кувалдочкой по голове тюкнул. Выходит из кабинки поддатый мужик с квадратными глазами. Такие же глаза были и у наших челноков, когда мы сталкивались с ними на китайских рынках.

Оправдывается:

– Мы тут зашли с китайскими коммерсантами после подписания контракта немного посидеть, водки попить.

Спрашиваю:

– А чего купили?

Отвечает:

– Обувь.

– А цена какая?

Отвечает. Дороговато.

Спрашиваю мужичка-коммерсанта:

– А ты, друг ситный, ходил ли в универмаг, что через дорогу от ресторана? Там эта же обувь в полтора раза дешевле, чем вы обязались заплатить.

Убежал мужик.

Я вернулся в отдельный кабинет, где находились советская и китайская погранпредставительские делегации. Минут через пятнадцать в кабинет заглядывает китаец и вызывает китайского погранпредставителя. Вернувшись, погранпредставитель сообщает, что руководство уездной экспортно-импортной компании просит разрешения принять участие во встрече, чтобы выразить своё уважение к советским пограничникам, много делающим для укрепления дружбы между двумя народами. Я в двух словах пересказал нашему погранпредставителю ситуацию с русским коммерсантом и предположил, что обрабатывать начнут меня. Отказываться от встречи с коммерсантами было нелогично.

Вошли человек десять. Со своим питьём и закуской. Выпили за всех, а потом стали предлагать тосты за меня, и я обязан был выпить с каждым, так как они очень уважают тех офицеров, которые владеют китайским языком, и каждый мне говорил, что они взяли самые разумные цены за обувь. Понятно, что наш мужик успел сбежать в универмаг и отозвал свою подпись под контрактом. Пришлось вызвать мужика и вместе с ним провести торги. В конце концов, мы достигли того уровня цены, который удовлетворял обе стороны, в первую очередь нашу. Ну и мужик наш, наверное, в следующий раз умнее будет.

Начав говорить о дипломатической работе, нужно сказать и пару слов о переводчиках. Тех людях, которые обеспечивают работу погранпредставительских аппаратов и их взаимопонимание. Любой иностранный язык труден и у каждого народа есть свои особенности в понимании тех или иных понятий, которые просто напросто не подвержены переводу, и приходится иносказательно объяснять, что же хотел сказать тот или иной

начальник, ведущий переговоры. И этом страдают не только наши начальники, но и представители сопредельной стороны, которые хотят подчеркнуть свою образованность и начитанность или знание фольклора и литературы.

Как-то китайский погранпредставитель говорил о высоких деревьях и голой равнине, которая стелется кругом. Перевожу. Наш погранпредставитель пожимает плечами: где китайский начальник увидел голую равнину среди безбрежной тайги. Китайский переводчик тоже в затруднении, шепчет мне, что у его начальника много завихрений от прочитанных умных книг. Вежливо покивали на сентенцию китайского погранпредставителя, а дома я стал искать по справочникам, в чём суть этого выражения. Оказалось, что китайские поэты используют это описание для завуалированного противопоставления людей высоких устремлений и людей ничтожных. То есть при помощи этого художественного образа он старался тонко так довести до нас, что мы все стремимся к улучшению отношений между нашими странами, но есть и те, кто мешают этому процессу. А ведь это можно было сказать именно так, как это подразумевали поэты, а дипломатия это не поэзия, это проза, когда для достижения договоренностей, оформленных в договоры и соглашения и подписанные в позолоченных залах расфуфыренными вельможами приходится вести ожесточенную борьбу, чуть ли не перерастающую в рукопашную схватку.

Так наши начальники начинают либо декламировать стихи, либо юморить, либо использовать идиоматические выражения, которые для нас представляют какое-то значение, а для китайцев не представляют ничего, впрочем, как и наш юмор.

Как-то один наш начальник, желая сдобрить официальную атмосферу лирическими нотками, сказал, что по данному пункту повестки дня «у матросов нет вопросов». Я перевел, что у советской делегации нет вопросов по данному пункту повестки дня. Начальник подозрительно посмотрел на меня, посмотрел на китайцев и сказал, что я неправильно перевел, потому что китайцы не улыбаются его словам. Я ответил, что китайцы и не должны улыбаться, так как я им перевел только суть, понимаемую под шуткой «у матросов нет вопросов». Как один из многих начальников мой начальник взбеленился – переводи, что сказал и не вздумай никакой отсебятины. Ну что же, хочешь показать свою неповторимость – пожалуйста. Я поворачиваюсь к китайцам и говорю:

– Извините, я несколько не так перевел последнюю фразу нашего погранпредставителя. Он сказал дословно, что «у матросов нет вопросов».

У китайцев брови полезли на лоб.

– Какие матросы? Откуда матросы на наших переговорах, – стали допытываться они, – кто из членов делегации матрос? Почему вы не предупредили, что на переговорах будут присутствовать матросы?

Я всё добросовестно перевел начальнику. То же перевел и китайский переводчик.

Как всякий уверенный в своей гениальности человек, начальник стал втолковывать китайцам, что матросов нет, это просто у нас так говорят. Я добросовестно переводил эту ересь, видя, что дело заходит в тупик. Тогда я позвал к себе китайского переводчика и разъяснил ему суть того выражения, какое пытается сказать наш начальник. То есть я повторил то, что уже переводил вначале. Китайцы выслушали своего переводчика и согласно покивали головами с ехидными улыбками на лице.

Ещё был один случай с переводом другой ереси.

Китайско-финская баня

День выдался чудесный. Бабье лето было в полном разгаре, и ласковые лучи осеннего солнца грели лицо, душу, нежно отражаясь от гладкой поверхности реки Уссури, не подёрнутой мелкими морщинками волн.

Катер весело рассекал уссурийскую воду, которая радостно журчала, приветствуя двух офицеров, стоявших на площадке за кабиной водителя.

Время было непонятное: бывшая вражда между двумя социалистическими державами плавно переросла в отношения сотрудничества на общепринятых принципах международного права, осложняемая то советской антиалкогольной кампанией, то демонстративным снятием с должностей начальников, проявивших усердие в развитии нормальных отношений с Китаем. Социалистическая дурь, ясно видимая даже сегодня, в то время цвела, как конопля на заброшенном поле, или, как красное знамя на ветру, хлеставшее по физиономиям граждан, веривших в идеалы лучшего.

Предстояла дипломатическая встреча представителей противостоящих друг другу многомиллионных армий, которые

должны были разобраться с нарушениями границы китайскими рыбаками, протаскивавшими свои непомерно длинные сети вблизи советского берега.

Место встречи было назначено на китайском штабном теплоходе, выкрашенном в серо-стальной цвет, или, как говорят моряки, в шаровый цвет, (от названия краски – шаровая, у моряков свои прибабухи, поэтому и дальше мы не будем злоупотреблять морскими терминами, типа рапорт, компас, трап, гюйс, банка, обрез, концы, транец, комингс, камбуз, галюнь, кокпит, бак и прочее) и причаленном к заросшему кустами берегу практически в центре сплава китайских рыбаков.

Наш катер пришвартовался к теплоходу, по деревянному трапу мы легко взбежали на палубу, поздоровались с встречавшими нас китайскими офицерами и пошли в салон для проведения переговоров. Маленькая собачка, выскочившая неизвестно откуда, залилась громким лаем и стала хватать нас за сапоги. Вышедший из камбуза повар подхватил собачку и унёс с собой.

В салоне было тихо и уютно после солнечной палубы катера. Яркое солнце светило с неба и также отражалось от воды. Такое ощущение, что солнце не только вокруг, но и внутри, в складках одежды, в карманах, в руках.

Как это и положено на Востоке, переговоры начались с чаепития. Душистый цветочный чай в бокалах с крышечками, кристаллический сахар и неизменные сигареты «Чжун Хуа» («Китай») в ярко-красной пачке. Гостя нужно сразу угостить чаем и предложить сигареты. Не успеешь выкурить одну слабую для нас сигарету, как тебе настойчиво предлагают другую и так далее, пока не найдёшь достаточно убедительного занятия, чтобы отказаться от предложенной сигареты, никак не обидев хозяина.

Потихоньку попивая чай, мы добрались и до сути того дела, которое заставило нас встретиться в этот послеполуденный час. В принципе, ничего сверхстрашного не произошло. Нарушения фарватера - это не Бог весть какое нарушение, но необходимо довести это официально до сопредельной стороны, как нашу озабоченность этой ненормальностью обстановки на границе. Всё было обыденно, как всегда: мы им протест, они его отклоняют, как необоснованный; они нам протест – мы его отклоняем, как необоснованный. Но каждая сторона знает, что всё сказанное фиксируется и докладывается наверх, вплоть до их

Председателя КНР или нашего Генерального секретаря ЦК КПСС. Шутки шутками, но могут последовать и неприятные кое для кого оргвыводы в зависимости от ситуации на международной арене.

После обсуждения служебных вопросов мы сели в сторонке от стола, чтобы не мешать солдатам убрать карандаши и бумагу и накрыть стол для неофициальной части встречи, во время которой происходит выяснение извечного вопроса: «Ты меня уважаешь?»

Во время лирической беседы ни о чём мой начальник вдруг заявляет:

– Я очень удовлетворён тем, как мы сегодня плодотворно поработали. А вот в Финляндии такие же точно вопросы решают в бане.

Китайский переводчик сразу же споткнулся на банном вопросе, сомневаясь в том, правильно ли он понял.

Я тихонько шепнул начальнику, что я сейчас с переводчиком замну этот вопрос. А он пусть расскажет о приёмах приготовления рыбы горячего копчения в собственном соку, мастером чего он действительно был.

Но начальнику вожжа попала под хвост:

– Да какое Вы имеете право указывать старшему Вас по воинскому званию и должности офицеру? Я Вам приказываю переводить то, что я говорю, а не рассуждать, переводить это или не переводить.

В дипломатии разногласия между участниками переговоров одной стороны всегда являются явлением порядка из рук вон выходящим. И все китайцы с интересом прислушивались к нашему разговору, а китайский переводчик довольно дословно перевёл всё сказанное. И пять пар глаз уставились на меня – сейчас очередь за мной. Надо как-то смазать неловкость и представить всё как выяснение вопроса, который мне малоизвестен, чтобы дезавуировать правильность перевода, сделанного моим коллегой.

– Извините, - начал я, - мой начальник раньше служил недалеко от города Ленинграда на границе с Финляндией. Там есть свои особенности в решении пограничных вопросов с представителями сопредельной стороны. И часто, все сложные вопросы решаются в финской бане.

Практически я ни на йоту не отступил от истины. Китайский уполномоченный критически посмотрел на своего

переводчика, и тот растерянно посмотрел, как бы ища у меня поддержки. Извини, брат, сейчас каждый сам за себя.

Переведённое заявление заставило китайцев совещаться между собой, чтобы что-то ответить нам. Китайский уполномоченный с покрасневшим лицом, что доказывал, другие китайские офицеры его убеждали в чём-то противоположном. Доносившиеся обрывки слов «баня», «мыться», «судовой души» давали представление о том, что сентенция о бане поставила их в тупик и вызвала нешуточное раздражение.

Наконец сопредельная сторона озвучила ответное заявление:

– Нам очень интересно мнение представителя советской стороны о способах разрешения пограничных проблем, но китайским представителям мыться не надо. Мы уже ходили в баню, а если советские представители хотят помыться, то в каюте командира корабля есть души с горячей водой.

Мой начальник с квадратными глазами повернулся ко мне:

– Ты чего им перевёл? Я же тебе сказал перевести только то, что в Финляндии все сложные вопросы решают в бане.

Если у человека трудно с умом, то ему надо помочь понять это, иначе все сумасшедшие, за которых подчинённые говорят умные слова, заполонят всё вокруг, и остальным людям придётся быть тоже сумасшедшими, чтобы не быть признанными сумасшедшими людьми, у которых ума не было. Сложно-мудрёное философствование, если кто-то не поймёт, то это совершенно не важно, поэтому и я, как послушный переводчик, перевёл слово в слово то, что мне было сказано. Сложного в этом переводе совершенно ничего нет, только в китайском языке все термины имеют описательный характер, и «баня» переводится как «помещение для мытья тела».

Китайский уполномоченный вообще побазгрел, начал кричать, что он не потерпит, чтобы его иносказательно обзывали грязным китайцем. Пусть советский офицер смотрит за собой, а китайские военнослужащие живут по своему внутреннему распорядку.

Смотрю, китайский переводчик переводит:

– В связи с тем, что время приближается к вечеру, китайская сторона не сможет устроить баню для советских представителей.

Тупит, паразит. А вообще-то молодец. Если перевести то, что кричал его начальник, то можно достучаться до драки и до пограничного конфликта с обоюдным участием военной силы.

Сейчас начал орать мой начальник:

– Ты плохой переводчик, ты даже не можешь правильно перевести, что в Финляндии сложные вопросы решают в бане.

Зациклился. У Салтыкова-Щедрина градоначальник был, «Органчиком» звали. Такой же.

Тут уже тупить стал я. Переводчика поближе к себе и говорю:

– Я тебя не выдам, что ты переводил совсем не то, что говорит твой начальник, но ты будешь переводить повторно только то, что буду говорить я. Основной смысл: Финляндия буржуазная капиталистическая страна. И только капиталисты могут себе позволить решать вопросы в бане. А представители социалистических государств не могут брать пример с капиталистов. Понял? Поехали.

Я слово в слово выдал это на китайском. Китайский уполномоченный упокоился. Головой кивает, верно всё русский начальник говорит. Капиталисты они и есть капиталисты.

Перевожу начальнику. Тот удивлён, при чём здесь капиталисты. В Финляндии, он даже по слогам это слово повторил - Фин-лян-дии (по-китайски Финляндия – Fing lang) все сложные вопросы решаются в бане!

Одновременно с китайским переводчиком делаем перевод, что нам нет необходимости брать пример с капиталистов, у нас свои традиции, и китайский уполномоченный пригласил всех за стол.

А за стол Бог подал немало чего. Одни пельмени под водочку чего стоили. Ну, икру красную, кету жареную в кисло-сладком соусе и кету солёную я в расчёт не беру. Рыба и есть рыба, чего с неё возьмёшь.

Мой начальник никак не мог понять, с какой стати традиции финско-советской границы обозваны капиталистическими и почему вдруг китайская сторона успокоилась. Во время обеда он с подозрением поглядывал на меня и соотносил содержание каждого тоста с интонацией говорившего. Естественно, я чувствовал, какая меня ждёт перспектива. А, плевать!

Хорошо выпив и закусив, вышли на верхнюю палубу. Встретили повара, поблагодарили за хорошо приготовленное

угощение. Я тихонько спросил, а из чего пельмени. Повар показал на шкуру, которая сушилась на леерах. Некоторые подозрения у меня были, но тут какой-то комок начал быстро подниматься вверх. Быстро спустившись вниз, выпил большую рюмку водки и закусил жареной рыбой.

Попрощавшись с китайцами, мы перешли в наш катер. Начальник всё шипел, что я плохой переводчик, и он это отразит в моей аттестации. Ну, что же, кто предупреждён, тот защищён. Я заглянул в кабину катера и приказал водителю обойти китайский теплоход с другой стороны. И когда проходили около кормы китайского теплохода, показал своему начальнику на шкуру, сушившуюся на леерах.

Я ушёл в пассажирский салон, а начальник всю дорогу травил через борт. Я остался на границе, а начальник уехал в город, в отряд. Потом говорили, что он отравился и три дня не был на работе. Отношения у нас с ним были отвратительнейшие, а пельмени, в принципе, были неплохими.

В неофициальной части встречи, то есть за обеденным столом, работа переводчиков превращается в мучение. Все по очереди говорят тосты, переводчики переводят и ещё должны пить эти тосты, переводя их содержание и не успевая закусить. На какие только ухищрения не приходилось пускаться, чтобы успеть закусить, иначе можно просто опьянеть и работа будет ещё труднее.

Хотя, для китайского языка есть одна особенность, помогающая работать плодотворно. Можете это воспринимать как хотите, но пятьдесят граммов водки перед официальной частью встречи позволяют снять языковое напряжение и обеспечить ровный и качественный перевод сложных текстов об обстановке на границе.

Служба на Дальнем Востоке не лёгкая. Летом жара, зимой стужа. Расстояния большие. Участки по сорок-шестьдесят километров. Автотранспорт имеет обыкновение ломаться в самый неподходящий момент. Наши солдаты и в день, и в ночь, и в холод, и в жару несут службу по охране государственной границы. Геройский, неприхотливый народ. Сам себе устраивает праздники, концерты художественной самодеятельности на заставах, иногда сами мастерят музыкальные инструменты и играют на них.

Поварёнок со временем превращается в повара, новичок в бывалого пограничника, молоденький лейтенант в заматеревшего капитана.

Сама по себе служба обыденная. Каждый день одно и то же. Днём спим, ночью службу несём. Но, если взглянуть на эту службу со стороны, то каждый день случается что-то новое, что может быть темой для небольшого рассказа.

Однажды с начальником пограничного отряда мы были в гостях у знакомого ветеринарного врача, часто помогавшего пограничникам в срочном лечении служебных животных, так как наш врач по времени не имел возможности оказать экстренную помощь. Допустим, при солевом отравлении собаки. Сильно солёной пищей её кормить нельзя. В гостях нас кормили свежей медвежатиной. Начальник отряда спросил врача:

– Расскажи-ка нам Петрович, как ты этого медведя в пограничной зоне завалил?

– При чём здесь я, – начал оправдываться ветеринар, – это твои ребята застрашали медведя до такой степени, что у него разрыв сердца образовался. Меня начальник заставы и угостил мяском.

Мы, конечно, не очень-то поверили в этот рассказ. У нас всегда так, то коза в проволоку запутается, то изюбрь рогами в бампер машины ударится. Поехали разбираться по факту охоты на медведя на пограничной заставе.

На заставе мы осмотрели шкуру медведя и не обнаружили ни одного следа от пули. Случилось всё так.

Рядовой К., коренной горожанин, за своё пристрастие к животным был назначен заведовать подсобным хозяйством заставы, в котором имелось несколько коров, десятков свиней и десятка два кур. Благодаря его стараниям на заставе всегда имелось свежее молоко, а по праздникам все дружно лепили пельмени со свежим мясом. К., как и все, ходил на службу. После службы он сразу шёл проверять своё хозяйство. Одно ему не нравилось, что товарищи в шутку называли его фермером.

В тот роковой день К. был занят вечерней дойкой и уже успел поругаться с четырьмя сослуживцами, которые пришли с кружками и просили:

– Доярка, плесни на пробу.

Выведенный из себя, К. сказал, что если кто ещё придёт и будет обзывать дояркой, то получит ремнём по определённому месту. Солдаты ушли от него не солоно хлебавши.

Какое-то время всё было спокойно. Вдруг К. услышал, как кто-то крадучись подходит к забору. Затем услышал скрип забора от навалившегося на него тела.

– Ну не имётся людям, – подумал он. Продолжая доить корову, К. расстегнул ремень, взял его в руку и с диким воплем бросился к забору, размахивая ремнём. Кто-то в сумерках, получив удар, убежал в лес.

О случившемся К. доложил начальнику заставы. Проверили весь личный состав. Ни у кого нет следа от удара бляхой ремня. Пошли смотреть на место. У забора увидели медвежьи следы, а в ста метрах и самого медведя, лежащего у огромной лиственницы. Ударился медведь о ствол и не выдержало его сердце такого испуга. Да и товарищи перестали шутить над К. Мало ли что ещё случится.

Мой сослуживец капитан Барсуков, начальник одной из застав охотился вообще без оружия. За енотами. Весной, когда еноты просыпаются и нагуливают вес, он выезжает в поле. Замечает енота и бежит за ним с криком: «Стой! Стрелять буду!». Енот слышит крик. Замирает, сжимается в комок и какое-то время лежит. За это время расстояние между ним и капитаном сокращается. Капитан всё хвастался: «Раз пять крикнешь – и енот твой». Охотники мало чего рассказывают. Я бы тоже не поверил, если бы сам не видел этот процесс.

Еноты, а вернее енотовидные собаки насколько хитрые, настолько и глупые. Притворится мёртвым, и ведь веришь в это, а он улучит момент и ускользнёт от охотника. Не разевай рот. Но попадаетея в такие ловушки, в которые ни один уважающий себя зверь не попадёт. Мне вообще всегда было жалко енотов. Это симпатичная собака, которая подсознательно чувствует доверие к человеку, и охотиться на неё просто грешно.

Таёжные байки настолько невероятны, насколько естественны в тех условиях, в которых они случаются. Завалить кабана или сохатого в ста километрах от дома – не велика заслуга, а кто мясо по тайге домой доставлять будет? Поэтому и исхитряются охотники либо зверя к дому поближе подманить, либо на тракторе по тайге поездить.

Как-то мой товарищ поехал в кедровник пошишковать со своими знакомыми. Выезжают в кедровник с утра, а добираются до него, как правило, к вечеру. Пока вещи и припасы разложили, костёрчик разожгли, похлёбку варить поставили, уже и вечер поздний наступил. Надо подкрепиться. С закуской и по рюмочке

за успех выпили, потом по второй, по третьей. Одним словом, масть пошла. Принцип старый: чем лучше с вечера, тем хуже с утра. С утра взяли колотушки по деревьям постучать. Да какие тут колотушки, когда мышь по траве ползёт как танк и всё в голове отдаётся. Опохмелиться – значит ещё один день потерять. Решили работать скопом. Взяли вшестером бревно да как стукнули им по кедр, мешок шишек свалился. Разбежались, чтобы по другому дереву стукнуть, да промахнулись и пробежали мимо кедра прямо в кусты. Бревно на бегу не бросишь – ноги поломаешь. А тут, как на грех, за кустами спуск вниз. Ну, мужики и побежали ещё быстрее. Несутся и думают, как бы дерево большое по дороге не попало. Дерево-то не попало, но на лесную дорогу выбежали как раз в тот момент, когда там машина проезжала. Как будто в засаде сидели и именно эту машину поджидали. Ну и вдарили бревном по мотору. Машину остановили и сами остановились. Какое уж тут шишкование. Вернулись за своей машиной, вещи собрали, поломанную машину на буксир взяли и поехали в ближайший леспромхоз. Подбитую машину отремонтировали, кедровых орехов купили, да и домой воротились.

Народ в пограничных сёлах весёлый, простой. Умеют работать, любят и погулять вволю. С началом перестройки, когда спиртное по мановению волшебников Горбачёва и Лигачёва исчезло с прилавков не только сельских, но и городских магазинов, жить стало легче жёнам, но не весело мужикам.

До того как было? Загорелся у мужиков трактор, потушили его, а начальство заподозрило, что трактористы выпивши были. Повезли их на экспертизу. Врачи в обморок попадали: у тракториста семь смертельных доз алкоголя, а у его помощника – пять. И ничего, работают.

Начали мужики всякую гадость пить, какая спиртом пахнет. Был в одном селе кореец старый, всегда к нему спиртное на пробу приносили. Выпьёт он, подумает, губами почмокает, а потом скажет, что это пить можно или нельзя. Однажды принесли какую-то гадость. Выпил кореец и замертво свалился. Сутки мужики ждали, очухается или не очухается. А то ведь получится, что сами мужика и отравили. Через сутки кореец очнулся. Встал, воды напил и говорит:

– Эту заразу не пейте, коньки можете в сторону откинуть.

Такой сильный наш народ. Никакой его гадостью не уничтожишь. И не нужно его уничтожать. Нельзя забирать то, что

является валютой и без чего не обходится любое значимое событие.

В каждой деревне свои чудики были. В одном селе, названном по фамилии известного адмирала – первооткрывателя дальневосточных земель, жили Кочубей и Чумиза. Чумиза ходил по деревне и говорил: «Волга», «Волга», я «Кама», приём». Одиноко мужику, никто на его позывные не откликается. Однажды Кочубей, проходя мимо Чумизы, откликнулся: «Кама», «Кама», я «Волга», слышу вас хорошо, приём». Ну и получил за это по шее от Чумизы, который обиделся на то, что на его волне работают посторонние.

Кочубей был личностью неординарной. Фамилия его была нормальная, но мало кто помнил её. Все его звали Кочубеем после просмотра одноименного фильма с Николаем Рыбниковым в главной роли, когда он заявил, что этот фильм о его батьке. Его батька ему же и врезал за это, навечно пришив деревенскую кличку Кочубей. Был он неплохой печник, но постоянно доставал своих сельчан тем, что рассказывал им про свои подвиги во время Великой Отечественной войны, на которой он якобы был адъютантом Маршала К.К. Рокоссовского.

Когда я приехал на пограничную заставу, дислоцированную в этом селе, вечером туда же заявился и Кочубей. По-военному зашёл в канцелярию, руку к козырьку кепки и попросил у старшего по званию разрешения обратиться.

– Пожалуйста, – говорю.

А он, – разрешите представиться, капитан запаса Кочубей, бывший адъютант Маршала Советского Союза Константина Константиновича Рокоссовского, кавалер орденов Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды. Хотел попросить у офицера штаба пограничного отряда помочь написать прошение в Министерство обороны по поиску представления к званию Героя Советского Союза.

Чувствую, что-то неладно, у меня нюх на таких людей. Самое главное, не обидеть их смехом. Они сами подозревают, что несут чушь, и сами в неё верят. И начальник заставы мне записку подсовывает с разъяснением его личности, и что печку в пекарне он сложил с дефектом и, если его сейчас не осадить, то он будет хвостом ходить всё время моего пребывания на заставе.

– Очень приятно, – говорю, – товарищ Кочубей. Специально приехал провести служебное расследование по факту того, что сложенная вами печка обвалилась, и придавила солдата.

Кочубея такое заявление сразу к земле прижало. Шапку в охапку и домой.

Зато на следующий день по всему селу пересуды шли о том, что на заставу приехал какой-то грозный начальник, который полдеревни пересадить хочет и всё обо всех знает. Ну, болтун. Все в деревне затаились. Кто-то сена колхозного домой прибрал, кто-то ещё чего-то, кто-то в колхозной мастерской вкладыш для ружья смастерил (ружье охотничье, а лупит коз метров на пятьсот, как винтовка). Сколько из-за него времени пришлось потратить, чтобы восстановить нормальные отношения с населением.

В этом селе мне пришлось разбираться и с появлением антисоветских листовок. Чрезвычайное происшествие! Антисоветская листовка! Сразу по команде в Москву доложили. Приехал, почитал. Дело выеденного яйца не стоит. Написано, дословно: «Долой клику Пиночёта и его супруги». Пиночётом называли директора совхоза, который раньше был бухгалтером (счетоводом), а после назначения директором стал суровым начальником как Пиночет, диктатор чилийский. Ну и от слияния счетовода с Пиночетом получился Пиночёт. Супруга у него была властная женщина и мужа своего держала в ежовых рукавицах, определяя экономическую политику совхоза. Получилась не семья, а клика Пиночёта и его супруги.

Когда наступила относительная демократия, директоров совхозов стали не назначать, а выбирать, то Пиночёт и выставил свою кандидатуру. Местное население с помощью листовки и выразило своё отношение к нему. Чего в глаза-то прямо говорить? Как ещё аукнется, если вдруг выберут. Дураков кричать с трибуны много, а потом житья не дадут. Демократия демократией, а заработная плата и все остальные вопросы материального бытия в руках у директора. И они правы оказались. Пиночёта и выбрали почти единогласно открытым демократическим голосованием на общем собрании. А охальников-демократов ещё и посрамили, куда, мол, вы против начальства прёте. Антисоветчины, конечно, в листовках никакой не было, но начальство наше, воронами пуганое, и куста боялось, чтобы потерю политической бдительности не пришили.

На службе пограничной всегда происходят события, которые в большей степени можно назвать трагикомическими.

Однажды, проезжая по участку одной из пограничных застав, я увидел двух пограничников, идущих вдоль контрольно-следовой полосы. На китайской границе нарядов из двух человек

нет. В интересах безопасности в наряды назначались три человека. Больше огневая мощь – раз, троим о преступных замыслах сговориться трудно – два, один из состава наряда – старший, а другой – комсорг – три. Будем исходить из того, что чем больше, тем лучше, хотя на скрытности службы это сказывается отрицательно. Заметив машину, пограничный наряд замаскировался. Действия правильные.

Подъехав и приняв доклад старшего наряда – младшего сержанта, поинтересовался, где находится третий солдат?

– Маскировался.

– Вызывай.

Сержант свистнул два раза. Тишина. Ещё свистнул. Результата никакого. Говорю:

– А ну-ка свистни, как положено, в два пальца.

Результата никакого. Стали искать на том расстоянии, на каком положено быть младшему наряду от старшего. Никого.

– Давно оглядывался?

– Регулярно оглядываюсь.

Стали искать солдата. Нет солдата. Чрезвычайное происшествие. Спросил, а где маскировались в последний раз? Поехали к тому месту, километрах в двух. Лежит у дороги замаскированный солдат.

– Ты что здесь делаешь?

– Получил задачу замаскироваться.

– Почему за старшим не ушёл?

– Команды не было.

Можно было предположить, что солдат хотел подставить старшего наряда, но такое на границе не прощают никому. Солдата этого я знал, как педанта, не отступающего ни на один пункт от уставных требований и даже спорившего с офицерами по точности знания Устава. Бывают такие. Из них вырастают хорошие исполнители. При инициативном командире они незаменимые заместители. Но без приказа ничего сами не сделают.

– Ну, что скажете, товарищ сержант?

– А что говорить, насвистелся на всю жизнь.

После этого он будет через каждые полминуты оглядываться назад. Я только недавно отделался от многолетней привычки оглядываться назад через полминуты.

В тысяча девятьсот восьмидесятом году пришлось снова побывать в Алма-Ате, где я не был девять лет. За это время город

похорошел. Построили новые микрорайоны, дома ни один не похож на другой.

В Алма-Ату нас направили на курсы повышения уровня знания китайского языка. В преподаватели набрали людей из разных учебных заведений. Долго не могли определиться с концепцией преподавания языка. Начали как в ВУЗе со студентами, окончившими языковые школы. Сидели мы на занятиях и не понимали, чего от нас хотят. Задания на уровне вторых-третьих курсов заведений, которые мы уже окончили. Но мы-то уже по три-пять лет поработали переводчиками. Нас даже слушать не хотят. Товарищи слушатели, смиренно! Стоять.

Начали на китайском языке рассказывать, кто мы, чем занимаемся, какие проблемы обсуждаем на погранпредставительских встречах, проблемы речных и морских участков границы и видим, что преподаватели наши начали задумываться, так как они до тридцати процентов говоримого нами не понимали. Чтобы это понимать, надо знать терминологию, применяемую в погранвойсках. А после того как я сказал преподавателю, что не подготовил изложение материалов XXII съезда КПСС на китайском языке, так как был «занят домашними делами», меня подняли на смех: какие могут быть домашние дела у командированного офицера? Через два дня преподаватель спросил, то ли я имел в виду, говоря о «домашних делах», что написано в словаре старого издания. Я сказал: «Да». В словаре было написано, что иероглифы, переводимые, как «домашние дела» (fang shi) на самом деле являются идиоматическим выражением, выражающим отношения между мужчиной и женщиной. После этого к нам стали прислушиваться и получилось взаимное обучение преподавателей и слушателей. Они набирались нашей лексики, мы совершенствовались в обиходной лексике.

Правда, на экзамены нам дали письменный перевод в том количестве вариантов, сколько было слушателей. По существующим методикам всем слушателям даётся перевод одного текста, на основании чего делается вывод об уровне знаний учащихся. Мне достался текст на юридическую тематику. Как его перевести, если я даже по-русски не знаю, что обозначает тот или иной юридический термин (ну, совсем как квадратный трёхчлен). Два часа я бился над переводом первого абзаца и сдал текст непереверждённым. Получил отметку номер два. Но зато на устном экзамене я по-китайски высказал всё, что думал об их системе преподавания. Минут двадцать меня никто не перебивал, затем

стали говорить, что им это известно, что у меня прекрасные знания китайского языка, что они учтут мои замечания. Но я договорил до конца. За устный экзамен получил «отлично», а общую «хорошо». Всегда за экзамены по языку получал отличные отметки, а здесь на курсах нам понизили уровень иностранного языка.

После пятимесячного отдыха снова вернулся на Дальний Восток. В то лето жара стояла страшная. В аэропорту утром пахло как в бане запаренными берёзовыми вениками. Пришёл на работу, а там и конь не валялся. Что запланировано на полугодие, ничего не сделано. Трудился как вол, гонял своих лейтенантов, но план выполнил. На подведении итогов в присутствии начальства из округа мой начальник отдела, характеризуя руководителей групп, сказал, что я первые полгода трудился ни шатко, ни валко (о том, что я пять месяцев был на курсах, даже не обмолвился), но зато второе полугодие работал активно.

Меня сразу же поднимают. Грозным голосом спрашивают, почему я, такой сякой, полгода баклуши бил. Я начинаю говорить о курсах. Молчать, что это за оправдание. Я снова о курсах, а меня мордой об стол. Да кто ты такой, чтобы оправдываться? Если хочешь со мной разговаривать, то стой и молчи! Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать...

Пришёл я домой совсем никакой. Жена меня за каждую рюмку пилит (молодец!), а тут, ни слова ни говоря, наливает мне стакан водки. Выпил я его и лёг спать. Утром встал, поднял правую руку вверх, резко опустил и сказал: «Да пошло оно всё к едрене фене» и пошёл на работу. Иногда такое пофигистское отношение к незаслуженной критике помогает оставаться нормальным человеком, а не забитым ягнёнком, постоянно ожидающим укуса какого-нибудь волка.

Через пять лет службы после академии в пограничном отряде меня перевели в пограничный округ. В отряде я был на хорошем счету и не понимал, почему задерживается перевод в округ. Звания получал вовремя. Получал задания по руководству погранпредставительскими делегациями при решении сложных вопросов. Самостоятельно работал со всеми нарушителями границы. Группой подчинённых офицеров руководил уверенно. В округе меня знали.

Уже после перехода в округ я узнал, что у моего руководства трижды запрашивалось мнение о переводе. И всегда следовал ответ – малоинициативен. Ничего себе? Всё время говорили: ты куда лезешь, чего тебе всё время нужно, сиди и работай! Почему

мне никто не говорил, что я малоинициативен, а кроме всего прочего избирали и секретарём цеховой партийной организации, на всякие конференции посылали?

Специально приезжал заместитель начальника войск округа, чтобы посмотреть на меня в работе на границе. По окончании командировки он мне сказал:

– Через неделю будешь работать в округе, хотя мне и не нравятся твои усы. Мне надо было раньше приехать и посмотреть на тебя. Малоинициативный, а никто за это не ругает. То одно поощрение, то другое. Мешало, что округ и отряд в одном городе находятся. А твой начальник и без тебя в Ленинград переберётся.

Мой начальник всеми правдами и неправдами хотел перевестись в Северо-Западный пограничный округ в г. Ленинград и поэтому держал без движения работоспособных офицеров.

В округе была штабная творческая работа с постоянными выездами в пограничные отряды для непосредственного участия в решении сложных задач на границе. Три года, проведённые в округе, много значили для становления офицера-руководителя.

Выезды на границу в составе группы под командованием либо начальника войск пограничного округа или его заместителя дело, конечно, ответственное и почётное. Минусом работы в такой группе была необходимость в точно определённое время идти в составе группы на приём пищи. За стол садятся в соответствии с рангами и воинскими званиями. Молодые майоры в конце стола. Пока принесут первое, во главе стола уже заканчивают доедать второе. Частенько приходилось выходить из-за стола, не доев. Хорошо, когда группу возглавляет человек, помнящий себя не в генеральских, а в офицерских званиях.

– Ну, как там наша молодёжь, успела поесть? – спрашивает генерал.

– Успели, – отвечаем ему.

– Тогда небольшой перекур и за работу, товарищи офицеры, – говорил генерал и все расходились по своим службам.

Затем перевод на более высокую должность в пограничный отряд в верховьях р. Амур, на юге Якутии. В Амурской области температура минус двадцать, а у нас тоже Амурская область, но температура минус сорок. Этот отряд всегда считался местом ссылки, но при внимательном рассмотрении оказалось, что это одно из самых лучших мест, где мне довелось служить.

В закоулках амурской тайги,

*Где река изгибается в кольца,
Поздней ночью не видно ни зги
И не слышно вблизи колокольца.*

*Здесь такие морозы стоят,
Что в стекло превращается сталь,
А на сопках изюбри трубят,
Говоря что-то родичам вдаль.*

*Здесь начало Амура, Якутии юг
И багульник огнём расцветает,
Здесь товарищ спасает от вьюг
И снега только в мае растают.*

*Будем помнить амурский мы край,
Здесь наш дом, здесь граница России,
Может быть, это раньше был Рай,
Пока льды этих мест не достигли.*

Небольшой городок. Тайга, дальние расстояния, морозная зима, умеренное лето, грибы, ягоды (в основном крупная брусника, которая преспокойно хранится в мороженом виде на балконе. Попробуйте как-нибудь смешать свежую бруснику со сгущённым молоком. Деликатес – пальчики оближете! Очень пикантный вкус), рыбалка (её не буду касаться, потому что о ней можно писать бесконечно. А как там клюют огромные караси!), охота (здесь я впервые попробовал сырую печень дикой козы. По вкусу шоколад с солью и перцем и никаких гематогенов не надо), снабжение продуктами хорошее (возьмёшь банку сливок, а они как масло. Или, возьмёшь ящик костромского мороженого, отрежешь кусок, средненький такой, посыплешь его шоколадом и сидишь, смотришь телевизор с вазочкой мороженого).

Дочь здесь получила прекрасное музыкальное и общее образование (высококвалифицированные преподаватели-жены офицеров) и спокойно сдала экзамены в педагогический институт в областном центре в Сибири.

Армия собирает под своим крылом очень талантливых людей. Когда я был курсантом и стажировался в должности заместителя начальника пограничной заставы, то моим начальником был настоящий Кулибин, о котором ходили легенды по всему пограничному отряду. У него дома в шесть тридцать утра

автоматически включался чайник (тогда о фирме «Тефаль» и её произведениях, которые всегда думают о нас, никто и слыхом не слыхивал), включался самодельный тостер с приготовленными с вечера кусочками хлеба, в шесть сорок пять раздвигались шторы и металлический голос говорил: «Вставайте, сударь, вас ждут великие дела!». Терморегулятор выключал чайник.

Всё было хорошо, пока не случилось небольшое замыкание, бывшее током всех, кто пытался умыться. Путём логических умозаключений господа офицеры вычислили злоумышленника, который преспокойно спал у себя дома, не подозревая о неполадках в системе побудки. Зато потом он сделал такой мини-полигон, который с минимальными затратами позволял проводить тренировки наводчиков орудий по целям на различные дальности, изменяя только размеры целей. Единственным поощрением изобретателю было то, что его наконец-то оставили в покое, махнув рукой на его странности.

Другой, военный врач на Дальнем Востоке, одним из первых подпольно занимался нетрадиционными методами лечения. Это как раз пришлось на пору Кашпиоровских и Чумаков, дававших сеансы массового гипноза по телевидению. Борис Васильевич, назовём его так, самостоятельно овладел методами гипноза, изучил акупунктуру, мануальную терапию. Военно-медицинское руководство объявило все эти методы шарлатанством и категорически запретило военным врачам заниматься нетрадиционными методами лечения. Подпольно и я прошёл курс акупунктуры, и после одного сеанса иглоукалывания бросил курить. Люди с радикулитом выходили от нашего доктора обновлёнными.

После одного выступления заезжих гипнотизёров Борис Васильевич с трудом получил у командования части разрешение дать сеанс личному составу, чтобы показать возможности человеческого организма. Все с раскрытыми ртами смотрели на молодых людей, которым на сцене было предложено заняться тем, чем они занимались в детском саду. Водитель из автороты начал катать по полу воображаемую машинку, писарь из отделения кадров сидел и чинно рассматривал картинки в книжке. Затем каждому из загипнотизированных Борис Васильевич проткнул ладонь иглой для сердечных инъекций. Длинные такие иглы, которые он держал в пробирке со спиртом. Только один человек сказал, что его, кажется, комар укусил в руку. Другому солдату доктор дал в руку тонкостенный стакан, налил в него воды и

включил кипяtilьник. Солдат спокойно стоял и смотрел, как кипит вода. По просьбе зрителей кипяtilьник был отключён. Никаких ожогов и покраснения кожи на руке. Таким образом, он практически доказал, что под гипнозом можно делать операции без наркоза. Затем Борис Васильевич босиком ходил по разбитому стеклу, ложился на него спиной и не получил ни одного пореза. После этого сеанса даже командование стало лечиться нетрадиционными методами у Бориса Васильевича. К сожалению, Борис Васильевич погиб, нелепо и случайно. Почему так получается, что талантливым людям отводится небольшой срок для их таланта?

Другой мой товарищ был призван на два года с должности заведующего хирургическим отделением клиники и назначен врачом пограничной мотоманевренной группы (можно назвать её батальоном, хотя некоторые армейские товарищи под этим названием подозревают две-три мотострелковые дивизии, усиленные танковой дивизией с авиационным прикрытием). По-русски сказать, это если подполковника медицины гражданской службы назначить старшим лейтенантом медицинской службы в армии. Таких асов войска не видели. На коленке операции делал (не на коленном суставе, а в смысле блоху на коленке подковал). Он со мной посоветовался:

– Николай, оставаться мне в кадрах армии или вернуться в гражданскую хирургию?

Что ему посоветовать? Как войсковой патриот, я должен был посоветовать ему остаться в войсках. Кем он будет? Талант его заметят. Но он будет долго пробиваться, чтобы его перевели в окружной госпиталь и там добиться соответствующей его должности и закончить службу в звании подполковника. Сказал ему:

– Сергей, езжай домой, я верю в твоё будущее.

Через несколько лет он составил серьёзную конкуренцию знаменитому Елизарову в области травматологии. Пробыться там невозможно. У Елизарова кольцевые аппараты и, в основном, только на конечностях. У Сергея аппараты – плоские. То есть, их можно ставить куда угодно. Очень трудно представить елизаровский аппарат на ключице. Это будет круг диаметром метра полтора-два, и тело ваше проткнут насквозь. Неизвестно, чем это обернётся. А плоский аппарат носится под одеждой незаметно, хоть на ноге, хоть на пальце, хоть на ключице.

На моих глазах Сергей согнал одного своего пациента с крыши гаража, заставил снять штаны, осмотрел аппарат, подтянул винт и погрозил пальцем.

– Ну не волшебник же я, – сказал он, – если нога снова сломается, её же труднее будет вылечить.

Об этом враче районной больницы ходили легенды. К нему привозили людей на носилках, а через пару месяцев они самостоятельно уезжали домой. Единственное условие лечения – ношение аппарата на территории района, иначе – снятие аппарата. По-другому нельзя. Аппарат не запатентован. Предлагают – бери в соавторы, в два счета запатентуем. Товарищ мой ни с кем не стал делиться и мучился почти десять лет, пока запатентовал изобретение, имея на своём счету около четырёх сотен излеченных больных.

Однажды, при мне с Сергеем мило поздоровалась такая красивая девушка, от которой, честно говоря, глаз нельзя оторвать. Да и приятель мой парень симпатичный. Я понимающе улыбнулся, а мой товарищ говорит:

– О ней я тебе говорить ничего не буду, не поверишь, жена расскажет.

Его жена рассказала такую историю. Приходит в клинику девушка, на лицо красавица, а ноги колесом. Для девушки это величайшая трагедия. Доктор, вылечите. А у Сергея принцип: лучшая операция – это не сделанная операция. Никакие уговоры не помогают. Вызвал родителей, объяснил, что для исправления дефекта надо делать восемь переломов на ногах. Очень сложная операция. Родители плачут, но говорят, – доктор, помогите. Девчонка заявила, что если ей не сделают операцию, то она повесится на воротах клиники и напишет письмо, что в её смерти виноват доктор. Додали доктора. Взял у всех письменные заявления и сделал операцию. Выправил ноги и удлинил девчонку на полтора сантиметра. Сделал человека счастливым.

Когда я в недавнем разговоре по «скайпу» напомнил Сергею об этом случае, он засмеялся и сказал, что эта девушка подавала на него в суд с требованием материальной компенсации за перенесённые ею страдания, так как для выправления ног пришлось ломать кости, естественно, под наркозом.

– Зачем ты это сделала? – спросил Сергей пациентку.

– Ну, мне тоже деньги нужны, – просто сказала она.

Даже трудно сказать что-то по этому поводу.

Как травматолог, Сергей использовал и нетрадиционные методы. Однажды привезли совершенно разбитого в аварии мужчину. Счёт шёл на минуты. Времени на определение метода анестезирования не было. Ошибись в применении наркоза и одним крестом на кладбище будет больше. (Пусть врачи не обижаются, если я излагаю что-то не по-медицински, не специалист). Воскресенье, время вечернее. Никого под рукой нет. Камфара. Привёл человека в себя, поговорил и усыпил при помощи гипноза. Операция без наркоза. На следующее утро пациент просыпается, спрашивает:

– Доктор, долго я в реанимации провалялся?

– А не был ты в реанимации, только вчера операцию сделали, – ответил Сергей.

Этого человека я сам видел. Живой, здоровый, хотя по всем показателям, среди нас его могло и не быть, и никто бы не обвинил в этом Серёжу.

Другой случай. Мальчик сломал ключицу. Острый край кости мог повредить артерию. Нужно оперировать. Общий наркоз для ребёнка чреват последующими осложнениями. Остался один вариант – гипноз. Родители не возражают. Операция без наркоза. Приходит Сергей на следующий день в клинику, а ему докладывают, мальчик не шевелит рукой. Узнай кто, что операция без наркоза, а в результате неподвижность руки – врачебной карьере конец. Мысленно прошёл всю операцию. Сделано всё правильно. Пришёл в палату, спрашивает своего тёзку:

– Ты почему рукой не двигаешь?

А маленький Серёжа отвечает:

– Вы мне не разрешили рукой двигать.

– Ну, так двигай же, черт тебя возьми!

Нормально рука двигается.

Так что на границе не только «Джонсон и Джонсон» заботятся о нашем здоровье. В академии наш главный врач лечил народными средствами. При простуде все полоскали горло керосином, помогало лучше чем «Бромгексин», а для мужчин все препараты со словом «бром» были строго противопоказаны. При ушибах и других болях ставил пчёл, которые жили у него в банке в нижнем отсеке холодильника. Медпрепараты назначал микродозами. И болящих у нас было очень мало.

Ностальгия

*Вся Россия больна ностальгией,
Вспоминают умильно царя,
Кто террор назовёт терапией
И большие в тайге лагеря.*

*Кто-то горло лечил керосином,
Кто-то улей занёс на балкон,
Кто-то лечится лампочкой синей,
Кто-то сиднем сидит у икон.*

*Кто-то вспомнит икру в магазинах,
Море водки, цена - три рубля,
Продавищица, красавица Зина,
Материлась, ну суцая бя.*

*Футболисты у нас чемпионы,
Первым в мире был русский хоккей,
Физкультурников или легионы
И болельщики разных мастей.*

*Как летали мы первые в космос
И ловили на танцах стильяг,
Под подушками прятали комикс
И в наушники слушали «шляг».*

*Мы над ними сейчас улыбнёмся,
Но и наши промчатся года,
Может, так же и мы соберёмся,
Посудачить, чья слаще вода.*

У нас, как всегда. Возьмись откуда-нибудь Ломоносов, Иванов, Ленин или ещё какой-нибудь гений, их нормально зачислят в разряд сумасшедших и слушать никто не будет. Но если появится не совсем грамотный Свенсон, Гейдельберг, Смит, Маркс (пусть не обидятся однофамильцы этих людей), то их осыплют золотом и будут говорить, что наши-то дураки до этого дойти не смогут. Наши-то всё могут, им бы только не мешали и руководство было потолковее, из русских, или пусть не из русских, но из истинных патриотов России. Чтобы не они прислушивались к тому, что говорят на Западе о России, а чтобы Запад прислушивался к тому, что о них в России говорят.

О Дальнем Востоке можно говорить очень много и всё в превосходной степени. Если рыба – так рыба. Если зверь – так зверь. Если дороги – то такие дороги, которые сняты по ночам через много лет. Скорость машин измерялась в ЖУС или ЖУМ (жопоударах в секунду или в минуту).

Служба была нелёгкая, но воспоминания остались только хорошие. На моих глазах и при непосредственном участии смягчалась обстановка на границе. Китай и Россия становились более открытыми друг перед другом. Особенно большие перемены происходили в Китае.

Провозглашённый китайской компартией курс на модернизацию социалистического хозяйства всколыхнул весь Китай. Коммуны (по-нашему – колхозы) приказали долго жить. Всех крестьян наделили землёй, хотели они этого или не хотели. Кто не хотел – тот продал свою землю и уехал в город или на вырученные деньги купил автобус или автомашину и занялся частным извозом. Кто хотел – тот прикупил себе земли для посевов или под пастбище.

Крестьяне стали заключать договоры с государством на поставку зерновых или других продуктов. По плану – одна цена, сверх плана – цена много выше. Отдельные крестьяне стали кооперироваться в производстве тех или иных видов продукции. Получалась естественная коллективизация хозяйств, вызванная объективной необходимостью. Это уже не насильственная и не всеобщая коллективизация. За коллективизацией будущее, но не такой, если ты не колхозник, то ты враг социализма. Хочешь работать один и пользоваться результатами своего труда? На здоровье. Но если кто-то хочет с кем-то объединиться, пожалуйста.

В китайских магазинах появилось всё. Начали поступать иностранные товары. Китайские производители стали копировать иностранные образцы, добавляя в фирменное наименование, известное во всём мире, что-то своё. Например, пишут не «Kent», а «Kemt», вместо «Adidas» – «Adadis». Всё как у аналога, а не то. Пусть качеством похуже, но зато как у других. И не придерёшься, что для рекламы используются мировые марки продукции.

Наши ещё только прицеливались, не подорвёт ли это основы социализма, а китайцы под красным флагом шли к рынку семимильными шагами. Иногда недооценка возможностей соседа играет злую шутку.

У нас тоже происходили перемены. Мы были заражены гигантоманией. Делали самое большое, а мелкое бросали. Сейчас все промышленные и сельскохозяйственные гиганты на боку лежат. Занялись бы как следует кооперацией производства, и не надо было делать огромного цеха для производства каких-нибудь шпилек для танка или резиновых пяточков для стиральных машин. С этим могла бы справиться любая мастерская в любой деревне и прислать на гигант машиностроения необходимое количество деталей. Везде нужно подходить разумно к организации производства.

Куда у нас делись те маленькие животноводческие фермы, которые были практически в каждой деревне? Свезли всех на большое подворье, и в маленьких деревнях делать стало нечего. Стали вымирать деревни.

Лет пять назад довелось мне побывать на месте, где стояла деревенька моих родителей. Даже следов от домов не осталось. И кто-то тополя срубил. Кому они мешали? Речка осталась, да рыбу в ней почти всю аммиаком потравили. Плотину снесли и мельницу разобрали. Плотина всегда поддерживала нормальный уровень воды в реке, а теперь она обмелела. Как будто орда варваров пронеслась.

Примерно в это же время и на Дальнем Востоке случилась такая же история.

Жили-были старик со старухой на берегу, нет, не Синего моря, а на берегу реки Амур. И были они последними жителями некогда большого казачьего села, названного по фамилии одного из сподвижников генерала Муравьева-Амурского – сотника Перемыкина.

Место для села выбиралось действительно знающими людьми: возвышенный берег, заливные луга, пахотные поля, к селу примыкает смешанный лес, рыболовные угодья на реке и на четырёх озёрах. Между селом и озёрами, в низине, был устроен погост.

Река и лес давали обильное кормление людям. На Дальнем Востоке всё большое. Если рыба, то крупная. Если карасик, то по пять рублей. Если зверь, то дикий и здоровый. На полях колосилась рожь, росла соя, а на огородах, несмотря на свирепые морозы зимой и близкую к поверхности вечную мерзлоту, выращивались различные овощи. С соседями – китайцами отношения были неплохие, велась обменная или товарно-денежная торговля, в селе люди жили зажиточно, при необходимости

выписывая для себя товары из Благовещенска или из приграничного китайского городка Хэйхэ.

В селе находился и пограничный казачий пост, охранявший границу с Китаем. Недалеко от села, на высоком утёсе был поставлен зелёный деревянный крест в память сотника Перемыкина. В экспедиции Муравьева-Амурского сотник был казначеем. Однажды, проверяя кассу, он обнаружил недостачу нескольких рублей. Проверил ещё раз. Недостача. Будучи человеком кристальной честности, Перемыкин застрелился. Независимая проверка отчётности не выявила никаких недостатков. А человека уже не было. Поэтому и назвали ближайший сторожевой пост по его фамилии. А зелёный крест виден с Амура издалека, и каждый год краска на нем обновляется местными жителями.

Места в этих краях особенные. Воздух всегда чистый и прозрачный. Если находишься на возвышении, то невооружённым глазом можно увидеть так далеко, что сознание человека отказывается верить в то, что на такое расстояние можно видеть. Ночью на небе так много звёзд и они так чётко видны, что создаётся ощущение, что звезды в этих краях намного ниже, чем в других районах мира, и человек находится ближе к космосу, чем космонавты, летающие как бы в стороне от космоса.

Человек на Дальнем Востоке приживается быстро и становится дальневосточником на всю жизнь. Люди стараются не менять места жительства, потому что каждый кусок Дальнего Востока по-своему красивый и в него влюбляются так же, как влюбляются в женщину.

Прошедшая революция не принесла особых изменений в жизнь села, гражданская война обошла его стороной, коллективизация окончилась созданием колхоза. В Отечественную войну часть мужиков сгинула на Западном и Дальневосточном фронтах. Но подрастало молодое, сильное поколение. И так было, пока не началась оттепель Никиты Сергеевича Хрущёва. Низкий поклон ему в бараний рог.

Партия и правительство советское решили, что продовольственную программу могут решить только крупные хозяйства. Все колхозы стали собирать в совхозы, т.е. советские или совместные хозяйства. Небольшие населённые пункты, вроде села Перемыкино, были брошены на произвол судьбы. У села отрезали связь (электричества не было), закрыли почту, магазин, школу, механическую мастерскую, животноводческую ферму,

медпункт, переведя всё это на центральную усадьбу совхоза километрах в семидесяти от Перемыкино.

Людям надо работать, учиться, лечиться, покупать товары, писать письма, слушать радио, читать газеты. Поэтому практически всё работоспособное население побросало дедовские, построенные на века дома, и переселилось на центральную усадьбу. И даже пограничную заставу из пустого села передислоцировали на три километра подальше от границы.

Нежилые дома без окон, как слепые у дороги, безмолвно вопрошали:

– Что мы вам сделали, почему вы нас бросили? Помогите нам, люди!

К концу семидесятых годов в селе осталось только два человека, категорически отказавшихся уезжать от могил предков: дед Гриша и баба Нюра. Летом у них гостили дети, внуки и правнуки, а зимой квартировали лесорубы.

Частенько стариков навещали пограничники: как-никак, а они форпост на пограничной реке, да и по-человечески по-иному нельзя – надо с дровами и продуктами помочь, рассказать, что в мире делается. По субботам и по праздникам за стариками приезжала автомашина. Их привозили на пограничную заставу, где старики смотрели телевизор, кино на стенке, общались с молодыми людьми и на праздниках сидели на почётных местах.

Несмотря на почтенный возраст, дед Гриша и баба Нюра хозяйство своё не запускали. У них была корова, дед Гриша занимался рыбалкой и охотой, приглядывал за заставской скотиной, пасшейся у села. Баба Нюра выпекала изумительный пшеничный хлеб с румяной хрустящей корочкой, который в сочетании с кружкой деревенского молока всегда занимал бы первые места на конкурсах гурманов. Кроме того, баба Нюра занималась обучением молодых поваров-хлебопёков с пограничной заставы. Заставской хлеб пользовался большой популярностью у офицеров и солдат соседних пограничных застав, и все хлебопёки мечтали выпечь такой же хлеб, как баба Нюра.

Дед Гриша был инвалид – в молодости покалечил ногу, и ему было трудно ходить. Раньше ездил на велосипеде, но с возрастом и с велосипедом стало трудно управляться. Жившие у деда лесорубы подарили ему сломанный и списанный трактор ДТ-54, выпущенный действительно в тысяча девятьсот пятьдесят четвёртом году. С помощью пограничных специалистов дед

Гриша восстановил трактор и разъезжал на нем по участку, как в инвалидном автомобильчике, с той лишь разницей, что трактор «Гришевец» проходил в тех местах, где и человек с трудом пробирался.

Зато застава никогда не знала проблем с рыбой. Для деда наловить удочкой ведро крупных карасей – час-полтора трудов. Нет проблем козу стрелнуть и большую часть отдать на пограничную заставу в качестве приварка к солдатскому пайку. Добыть крупного зверя, как например, изюбря, проблем нет. А как его доставить до дома? В нём веса килограмм триста. Вывод – мясо доставлять по частям. Только охотник часть мяса взвалит себе на плечи и пойдёт домой, а хищники остатками полакомятся, и поблагодарить охотника забудут. Но не таков дед Гриша. Изюбря на солонце стрелнёт, лебёдкой на трактор поднимет и до дома привезёт. Мужики местные всё деду Грише завидовали. Живёт на природе. Трактор под боком. Рыба, зверь рядом. Грибов и ягод немеряно.

– Переселяйся к нам, – говорил дед Гриша завидовавшему мужику.

– Да нет, я только вот могилки родных проведать приехал, а так надо к семье и детям обратно ехать, – отвечал тот ему.

Беда пришла внезапно. Весной, в бездорожье у бабы Нюры случился инсульт. До ближайшего райцентра, где могли бы оказать хоть какую-то квалифицированную помощь, километров двести. Дороги непроходимы, распутица. Одна надежда на пограничный вертолёт. А как его поднимать в воздух не для решения задач охраны границы? Прав таких нет. Гражданской или санитарной авиации вблизи нет. Пошли на хитрость: доложили, что заболел вольнонаёмный работник пограничной заставы. Кое-как получили разрешение на вылет и доставили бабу Нюру в больницу. Почти два месяца она лечилась, а потом с сыновьями приехала в старое село Перемыкино.

– Куда я отсюда денусь, – говорила баба Нюра, – здесь мой отец похоронен, здесь мама моя лежит, и меня здесь похоронят.

Через месяц баба Нюра умерла. Тихо, без мучений. Дед Гриша пережил её ровно на семь дней.

В пору, когда не было электропроигрывателей, а были патефоны, я взял и покрутил ручку, чтобы диск вращался быстрее. Сломал любимый в семье патефон. Крутился бы он себе спокойно до приобретения электропроигрывателя. Всему своё время.

*Мне всё снится граница России
На большой полноводной реке,
Берега от народа пусты,
Только створы стоят вдалеке.*

*Но порой перед утром в тумане
Многих сел нам слышны голоса,
Эти призраки нас к себе манят,
Приглашая в свои чудеса.*

*Слышен топот казачьих лошадок,
То разъезд подъезжает домой,
И мерцает там свет от лампадок,
И несут молоко, хлеб ржаной.*

*Так и вижу я утренний завтрак
И хозяйку, что держит коня,
Видел я в кинохронике кадрах
Их расстрел у родного плетня.*

*До сих пор неприкаяны души,
До сих пор коммунизм, ВЧК,
Почему же заткнули мы уши
И не слышим, что шепчет река.*

Клокотание страстей в центре всегда доходили тихим отзвуком до Дальнего Востока. Дальневосточники всегда с ухмылкой воспринимали все политические баталии. Даже разделение голосов во время выборов Президента между Б. Ельциным и В. Жириновским не нарушило единства дальневосточников. Приписываемый дальневосточный сепаратизм являлся следствием того, что мы жили в III поясе и у цены нас были по III поясу, а зарплату мы получали по I поясу.

Наконец перестройка и все её последствия коснулись Дальнего Востока. Потребовались кадры для решения межнациональных вопросов. Граница с Китаем стала отличаться стабильностью и в горячие точки поехали офицеры и солдаты с Дальнего Востока.

СЕКРЕТНО. НАЧАЛЬНИКАМ ПОГРАНИЧНЫХ
ОТРЯДОВ. НАЧАЛЬНИКАМ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТДЕЛОВ.

ОТКАЗ ОФИЦЕРОВ ОТ СЛУЖБЫ В ЗАХРЕБЕТЬЕ РАСЦЕНИВАТЬ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ТРУСОСТИ И ЖЕЛАНИЕ ОТСИДЕТЬСЯ В ТЕПЛОМ МЕСТЕ С СООТВЕТСТВУЮЩИМИ ВЫВОДАМИ В ЗАНИМАЕМОМ ИМИ СЛУЖЕБНОМ ПОЛОЖЕНИИ. ПЕТРИЧЕНКО. ЛЕЗВИН. ПЯТНАДЦАТОГО ЯНВАРЯ ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ПЕРВОГО ГОДА.

(Телеграмма не является копией. Даже не копией копии. Примечание сделано для возможных сверхбдительных читателей, которые уже влезли в книгу о моем выпуске пограничного училища).

– Прочитали? Распишитесь – кадровик любезно протянул свою авторучку.

Согласен – не согласен, телеграмме это не скажешь, а раз прочитал, то надо расписаться, чтобы контрольные органы могли знать, кому персонально доводилось содержание. Подпись, дата. Потом не говори, что не знал.

– Поймите, Николай Иванович, – сказал офицер управления кадров, – о вас персонально звонили из Москвы, вам надо получать очередное воинское звание, не всю же жизнь быть подполковником. Начальник, который задерживал ваше продвижение, переведён в группу по демаркации границы и вам снова открыта дорога по служебной лестнице.

– Я это понимаю, – сказал я, – но я владею китайским языком и больше пользы принесу здесь, на китайской границе, занимаясь погранпредставительской работой. Вы считаете целесообразным использовать человека с китайским языком на иранской границе?

– Да какая разница, – кадровик смотрел на меня как на не совсем нормального человека. – Вы же коммунист и считайте это приказом партии. Партия вам доверяет, партийная характеристика готова, вопрос перевода согласован с Вашим начальником не только в округе, но и в Главке. Вы знаете, какие могут быть последствия в случае вашего отказа? Исключение из партии, значит – отстранение от должности. Новое назначение с понижением, а может быть и увольнение из армии. И коту под хвост ваша безупречная служба в течение двадцати лет. Вы сами подумайте, что кроме вас посылать некого. У того дети маленькие, у этого жена по здоровью не подходит. У вас дочь взрослая, учится в институте. Если вас там убьют, то хоть сирот малолетних не останется. Потом удостоверение участника боевых действий

получите, льготами будете пользоваться. В молодые годы вы уже служили на иранской границе.

– Спасибо вам за тёплые слова и пожелания, – рассыпался я в благодарностях. – Посылаете меня в пекло, а говорите, что я хочу отсидеться в тёплом месте в краю вечно зелёных помидоров. У нас лето всего два месяца, минус сорок пять средняя температура зимой. (Заметки фенолога и народный календарь. Четвёртого июня – Степан Летогляд. Если в этот день ещё лежит снег, то лето будет коротким и холодным. Пятнадцатого августа – Виталий Колотун. Пора первых заморозков. «На Виталия отморозишь гениталии». Двадцать первого августа – Акулина Горчичница. «На Акулин день валенки надень, На Акулину клади компресс на грудь и спину». Начало первых простуд.). Ехать туда я не хочу не из-за боязни быть убитым, а потому, что кадры нужно использовать целесообразно. У нас и так не хватает офицеров со знанием китайского языка. Лейтенантам платят меньше, чем среднему рабочему. Языковая надбавка смехотворна и офицеры-специалисты бегут в разные стороны. Кто их здесь учить будет?

– Ладно, Николай Иванович, – вздохнул кадровик, – идите, посоветуйтесь с семьёй, подумайте, завтра с утра дадите мне ответ. В полдень мне надо докладывать в Москву. Мой вам совет – не ломайте себе карьеру. Партия – сила, которая всё определяет и решает. Прикажет – поедете руководить сельским хозяйством или мосты строить. До завтра.

Был июнь тысяча девятьсот девяносто первого года. Дома слёзы. Такое уже не раз приходилось видеть, когда приходили сообщения о ранениях или гибели друзей в Афганистане. Будем думать. Последнего слова я ещё не сказал. До завтра время есть. Откажусь – в краевой центр уже не переведут. Квартиры не получим. Могут и отсюда выпереть. А куда ехать? У жены специальность есть. Будет детей в школе учить или на кинофабрику устроится. Институт киноинженеров звучит неплохо. А кому нужен человек со знанием китайского языка в центре России или общевойсковой офицер с высшим общим образованием? Если из партии выгонят, то даже военруком в школу не возьмут. Будут шарахаться как от прокажённого. Критиковали «беруфсфербот» (запрет на профессии по политическим и иным мотивам) в Германии, а у нас этот запрет намного жёстче. Одна дорога в дворники или учеником автослесаря. Это одна сторона.

Другая сторона. Еду вместе с женой. Войны там нет. Есть движение антикоммунистической направленности. Может быть, успокоится всё. Люди там живут, служат. И мы поживём. Экзамены по языку я сдал на отлично и освобождён от подтверждения квалификации на пять лет. Языковую надбавку за знание китайского языка буду получать и на иранской границе. Дочь у бабушки в Энске. Вдвоём куда легче всё пережить. Надо обсудить, что берём с собой, что продаём, что выкидываем.

Жалко дочь. Как-то так получилось, что для неё папа стал всем. Всех людей она сравнивает только с папой. Это плохо. А я её учил, чтобы она не была тихоней и показывала, где надо, свои зубы. И это получилось. Правда, она до сих пор вспоминает, как папа ножницами вырезал дыру не её кофточке. Решила она ножницами подрезать шёлковую бахрому на парадной скатерти в зале. Вы можете, конечно, себе представить, что из этого получилось. Моя воспитательная беседа наткнулась на полное невосприятие. Следовательно, нужен пример, чтобы до человека дошло, что так делать нельзя. И я ножницами вырезал клоч материи на её трикотажной кофточке. Этот вой надо было слышать. Мать сразу увела её в комнату, чтобы решить, как можно восстановить кофточку. Через два часа дочь победно вошла в мой кабинет в кофточке с роскошной ромашкой, которая никогда бы не появилась на кофточке без моего хирургического вмешательства. Объяснение достигло своей цели. Но затаённую обиду дочь напомнила мне уже в возрасте около тридцати лет.

Чувствую, что назначение пройдёт быстро. Вперёд поеду один. Осмотрюсь. Жаль покидать место, где прослужил ровно шесть лет. За эти годы подошла и очередь на покупку дефицитных вещей: кухонный и спальный гарнитуры, новый холодильник, малогабаритная стиральная машина, ондатровая мужская шапка. Приходило время становиться «зажиточным» человеком потому, что за два-три года службы на одном месте очередь на приобретение дефицита не подходит.

Ехал сюда на повышение с перспективой последующего роста. Шёл тысяча девятьсот восемьдесят пятый год. Во всю ивановскую шла кампания борьбы с пьянством и алкоголизмом. Глоток вина по своей значимости стоял на втором месте после измены Родине. Начальнику огневой подготовки отряда по прозвищу «отец родной» объявили строгий выговор с занесением в учётную карточку по партийной линии только за то, что он

поставил экскаваторщикам бутылку водки за вырытый котлован под баню и немного выпил с ними.

На партийной комиссии, на которой присутствовал начальник отдела кадров округа, «огневик» в отчаянии («тринадцатая» зарплата, очередное звание, служебное продвижение и учёба – всё побоку) воскликнул:

– Кунаев намного больше меня натворил и ему тоже строгий выговор с занесением!

Кадровик быстро записал фамилию и спросил:

– А в каком подразделении служит Кунаев?

– Как в каком? Он в ЦК КПСС, первый секретарь в компартии Казахстана, ему строгий выговор с занесением в учётную карточку за развал экономики и социально-политической сферы союзной республики. И мне строгий выговор с занесением за сто грамм водки. Разве это справедливо?

Несмотря на местный трагизм ситуации, члены парткомиссии от души посмеялись над приведённым примером и начальником отдела кадров округа, но строгий выговор с занесением оставили.

Этот начальник огневой подготовки вскоре отличился снова, но уже на трезвую голову. Надо было поставить столб для электромагнотальника (громкоговорителя) на стрельбище. Ходил огневик по полю, и так примерялся, и так присматривался, выбрал место, отметил подошвой сапога крест – бурить здесь. Бурильщик начал бурить и точно перерубил трансконтинентальный кабель связи, обеспечивающий связь на линии Москва-Токио и далее с пересадками. Если бы кто-то знал, что здесь проходит такой кабель, то за версту это место бы обходили, но утончённая интуиция огневика сделала так, что наше забытое Богом место стало на какое-то время знаменитым в международном масштабе.

Через полгода командование округа направило меня в Москву за назначением на должность заместителя начальника пограничного отряда. Как всегда, всё срочно: аллюр три креста. Из захолустного городка в столицу. На поезде до Читы, так ближе на запад. Из Читы достал место на маленький самолёт до Иркутска. В Иркутске труба. Ни билетов, ни самолётов. Раньше все летали активно. От Москвы до Хабаровска билет стоил рублей сто двадцать. Между городами рублей тридцать-тридцать пять. В принципе, даже инженер и учитель могли себе позволить полёт в отпуск на самолёте.

Пошёл на пограничное КПП – контрольно-пропускной пункт. Тоже пограничники. Помогли обратиться в кассы. Полный облом. Не могут взять даже на приставные сиденья у выхода (когда билетов нет, то и это неплохое место.)

Начальник КПП, майор, куда-то сходил, потом прибежал, говорит:

– Быстро пошли, там борт из Москвы, привезли министра обороны Монголии, какой-то маршал его сопровождает. Минут через сорок полетят обратно в Москву.

Самолёт нашли быстро. Новенький ТУ–154. У трапа группа военных, папахи с красным верхом, красные лампасы. Офицеры поодаль.

Начальник КПП говорит:

– Видишь мужика с погонами главного маршала. Это Оганов. Он даёт разрешение, кого взять на борт. Я своё дело сделал, остальное от тебя зависит.

А мне-то что. Поверил правильность размещения кокарды на шапке. Поправил серую повседневную шинель и двинулся к маршалу. По дороге меня перехватывает какой-то генерал-лейтенант в возрасте предельном для службы в этом звании:

– Вы куда, товарищ майор?

– К маршалу, просить разрешения лететь с его бортом в Москву, – сказал я. – Должен вовремя прибыть на Военный Совет погранвойск.

У генерал-лейтенанта глаза стали квадратными:

– А кто вас туда вызывал?

– Начальник пограничных войск СССР, – говорю.

– Сам лично? – не верит мне генерал-лейтенант.

– Сам лично, – и говорю это твёрдо, чтобы ни у кого не было сомнений в том, что я говорю.

Генерал-лейтенант на полусогнутых бежит к главному маршалу, докладывает.

– Пусть запишут в полётный лист, – сказал маршал, не прерывая беседы с монгольским генералом.

Я пошёл к командиру экипажа, майору, который стоял у трапа. Тот только рукой махнул:

– Давай быстрее на борт, пока не передумали.

В Москву летели как короли. В первом салоне четыре человека: главный маршал, генерал-лейтенант, военный атташе Монголии – генерал майор и сопровождавший его полковник. Во втором салоне пять человек: капитан первого ранга из Генштаба –

старший самолёта (как старший машины), два полковника инженерных войск, старший лейтенант фельдфебельской (фельдъегерской) службы и я.

Из аэропорта на генштабовской машине довели до метро, а там я уже добрался до нашей гостиницы. С утра в главк.

Приехало нас четверо. Наши кандидатуры подбирались первым заместителем начальника Главка, так как начальник был в отпуске. Ради нас начальник Главка вышел из отпуска и мы, как дураки, несколько дней отирали спинами стены коридоров Главного Управления погранвойск. Накурились до одури. Никто не принимает, никто и ни о чём с нами не беседует. Потом поняли, что начальник искал зацепки, чтобы не утвердить кандидатов, подобранных его первым заместителем.

«Шефа» я знал давно. По его милости мне пришлось изучать китайский язык вместо фарси. Наверное, и судьба моя сложилась бы совсем иначе, не вмешайся он в неё. До перевода в Москву он служил в этом же пограничном округе, где сейчас служу я. Офицеры дали ему кличку «Удав». Своих подчинённых он топтал. Уходил на обед и оставлял ключ от кабинета в дверях. С обеда приходил выспавшимся незадолго до окончания рабочего дня и допоздна находился в своём кабинете, вынуждая этим самым подчинённых находиться на своих местах. Также и мы сидели в отрядах допоздна, а вдруг позвонит. Объяснялось это большой разницей во времени между Дальним Востоком и Москвой. Москва в восторге, когда ни позвонишь, начальник на месте и подчинённые под рукой. Москве вообще было наплевать на разницу во времени и на то, что живущие на Дальнем Востоке – тоже люди, имеющие семьи и свои личные, кроме служебных, дела. Легко работать допоздна, когда основательно отдохнёшь. А ведь офицеры работали без отдыха.

Система воспитала этого «шефа». Продолжила воспитание, заложенное его родителями – преподавателями старой закалки. Своего сына они воспитывали в строгости, непременно прямо указывая на его недостатки, не применяя тех педагогических приёмов, которые положено применять в воспитательной работе. Какие там Сухомлинов и Ушинский, когда речь идёт о своём сыне, призванном стать великим человеком? Человек с детства учился говорить людям гадости прямо в глаза (конечно, стоящим ниже него), не прощать ошибок, действовать в основном принуждением. Отец «шефа» жил на моем участке работы и мне частенько приходилось обеспечивать его рыбалку на кетовой путине и

организовывать передачу рыбных посылок в Москву своему ребёнку.

Беседы у «шефа» продолжались часа по полтора, чего никогда не бывало при его занятости. Выходит первый – еду домой ни с чем. Второй тоже. Ребят хорошо знаю, с кем-то вместе учился, все люди положительные, хорошие работники. Я – третий. Состоялась такая милая беседа. Уж такой я хороший и расхороший. И там молодец, и здесь молодец. И в округе меня ценят, и в Главке уважают. А расскажи-ка, как ты лично выполняешь Постановление партии и правительства о борьбе с пьянством и алкоголизмом от мая тысяча девятьсот восемьдесят пятого года.

– Мне говорят, – сказал он, – что, когда тебе приходится произносить тост, у тебя глаза блестят.

Во куда зацепил. Здесь я чист. С выхода постановления грамма в рот не брал.

– Хорошо, – говорю, – выполняю.

А перед заходом к начальнику друзья меня предупредили:

– Будь осторожен, о тебе какой-то «доброхот», кому ты дорогу перебежал по службе, звонил лично шефу.

Вот она, где собака зарыта. Знаю тебя дружок, знаю, чем ты козыряешь, и знаю, зачем ты меня всегда так настойчиво к себе в гости приглашал. Дорожку я тебе не перебежал, а назначение на Дальний Восток получил непосредственно в Главке. И ведь давно это было. Служим в разных местах, должности и звания одинаковые, а червячок внутренний покоя тебе в жизни не даёт.

Шеф задаёт последний вопрос:

– Я тебя давно знаю и хочу узнать, насколько ты откровенен со мной. Выпил ли ты хоть грамм вина после выхода Постановления ЦК?

То, что он за эти дни собирал информацию о нас, сомнений не вызывает. На меня никакой «компры» быть не может. Чего нет, того нет. Глоток холодного шампанского после не протопленного спортзала на коллективном «кофейном» праздновании прихода нового тысяча девятьсот восемьдесят шестого года до сих пор отзывается внутренней изморозью. И ведь был рядом один партийно-политический информатор, который за коммунистические идеалы и мать родную не пожалеет. Понятно. Шампанское на Новый год не Бог вещь какое преступление. Есть предположения, основанные на слухах. Запираться глупо. Ох уж эта офицерская порядочность. Ещё папаша Мюллер в

«Семнадцать мгновений весны» говорил, что верить нельзя никому, даже себе. И ведь какую подоплёку вопросу создал.

– Мне скрывать нечего. На Новый год я по традиции выпил бокал шампанского.

– Хорошо, – сказал начальник. – Я удовлетворён твоим ответом. Сейчас мы тебя назначать не будем. Пойми, что полгода в новой должности это очень мало, чтобы быть назначенным на должность начальника. Давай вернёмся к этому вопросу через год. Перспективы у тебя хорошие, возраст ещё небольшой. Я тебе обещаю, что у тебя всё впереди.

Из кабинета я вышел спокойный. Страшного ничего не произошло. Сегодня не назначили. Впереди ещё есть время. Четвёртого тоже не утвердили. Стали жертвами разборок между начальником Главка и его первым заместителем. Приехал я в отряд, а меня спрашивают:

– Какие пьяные оргии ты устраивал на Новый год, ведь ты с женой до четырёх часов утра был на безалкогольном новогоднем вечере, а утром первого января был уже на работе?

Кто поверит майору, что генерал в угоду своей амбиции может лгать как сивый мерин?

Обещание своё шеф выполнил – шесть лет от звонка до звонка на одном месте. А сейчас этого шефа перевели в группу по демаркации границы, куда переводят всех, кого некуда пристроить. Поэтому и граница наша «кривуляет» вопреки всем международным принципам проведения границ, а приморцы до сих пор не согласны с тем, что исконно русские земли передаются соседям.

И снова – всё, что ни делается, всё делается к лучшему. Эти шесть лет я и моя семья считаем, пожалуй, самыми лучшими в нашей службе на границе, несмотря на задержку в служебном продвижении и получении очередного воинского звания. Трудные условия всегда сближают людей. Слабым не дают спотыкаться и терять уверенность в своих силах. Сильные ещё более укрепляются без демонстрации своей силы перед слабыми. Взаимопомощь на первом месте. Ни одна машина не проедет мимо другой машины, стоящей на обочине, особенно зимой. Если в течение тридцати минут неисправность не устранена, то сливай воду и разводи костёр рядом с машиной.

Мой приезд в отряд совпал с трагическим происшествием, выбившим все канализационные люки на дороге от отряда до вокзала. Отряд находился на возвышенном месте, а вокзал внизу.

Между ними стоял ресторан. Во время мойки автомашин отработанная вода сливается в канализацию и идёт на очистные сооружения. Машина является носителем горюче-смазочных материалов (ГСМ) и во время мойки они смываются в канализацию. Как показало расследование, пары ГСМ скопились в подвале ресторана. Как всегда это бывает, в подвале не было света, и один из рабочих воспользовался открытым огнём, вызвавшим взрыв.

Помните, как меня встретил первый пограничный отряд на Дальнем Востоке? Так вот, второй меня встретил ничем не лучше. Если в первый отряд я приехал старшим офицером отдела по работе с нарушителями, то во второй я приехал заместителем начальника отдела по погранпредставительской работе.

В краевом центре я сдал прекрасную двухкомнатную квартиру в новом микрорайоне. Рядом, в двухстах метрах школа, где училась моя дочь и работала жена. Они быстро, как и положено семье военного, упаковали все вещи, погрузили в контейнер, отправили его и сами сели в поезд к месту новой жизни и службы.

В отряде мне выделили двухкомнатную квартиру, хотя по моему новому положению у меня должна быть трёхкомнатная квартира. Квартира моего предшественника была передана одному прапорщику, обслуживающему интересы начальника пограничного отряда.

Описать выделенную мне квартиру трудно. На пятом этаже и в таком состоянии, что когда моя жена увидела это, то она села на чемоданы и заревела. Не заплакала, а заревела.

– Зачем ты привёз нас сюда, – говорила она мне сквозь слезы, – я здесь жить не буду, делай, что хочешь, но я завтра же уезжаю...

Моя жена не из генеральской или министерской семьи, но такое отношение к нашей семье покорило не только её.

Я уже был не из молодых офицеров, а майор в возрасте, пошёл к начальнику пограничного отряда и попросил трое суток на обустройство личных дел.

– Что это у вас за личные дела, на обустройство которых нужно трое суток, – спросил он.

– Первое, – ответил я, – отправка семьи к родителям жены. Второе – переадресовка туда же контейнера с личными вещами. Третье – подача рапорта об увольнении.

– Да вы что себе позволяете? – завёлся будущий генерал зброи Украины и политработник пограничных войск СССР.

– Что нужно, то и позволяю, – ответил я и пошёл на вокзал заказывать билеты в Сибирь для жены и дочери.

Мой начальник отдела только и сделал, что позвонил в округ о создавшейся ситуации.

В этот раз я был настроен решительно. Если на тебя плюют, то ты должен плюнуть не с меньшей силой, иначе тебя заплюют вообще.

В округе такое отношение к бывшему окружному работнику тоже посчитали оскорбительным для себя. Начальнику отряда навтыкали в разные места, не посмотрев на то, что он относится к номенклатуре ЦК КПСС и в течение одного дня вопрос с моей квартирой решился положительно. Выделили другую, требующую ремонта, но соответствующую должности квартиру.

Когда я пришёл домой, то увидел жену, которая на две трети выпила припасённую для новоселья бутылку коньяка и смотрящую на меня как Ленин на буржуазию. Я её прекрасно понимал. Жить в краевом центре. Иметь престижную работу и жильё. И поехать за романтикой в то место, куда ссылают всех проштрафившихся офицеров? И там получить такую встречу? Моё терпение тоже не беспредельно. Офицер должен быть офицером, а не тряпкой. Я уложил её спать на расстеленных на полу шинелях, оставил около неё дочь и пошёл на работу, чтобы узнать, что и как, а также написать рапорт об увольнении в запас. Если родина нуждается в таких начальниках, как мой начальник, то и пусть целует его во все места. А я не пропаду на гражданке. Могу водителем устроиться или тоже пойду в газосварщики, как и мой отец. В СССР не редкость газосварщики с высшим образованием и со знанием китайского языка.

Мой начальник отдела сразу сообщил мне, что квартиру мне заменили и что будут выделены солдаты для её ремонта и попросил больше не звонить в округ по этому вопросу, так как ему влетело по первое число за то, что он не авторитет для местного руководства.

– Хорошо, – сказал я, – с утра посмотрю выделенную квартиру, а там буду решать, что буду делать дальше.

Принёс домой купленную в магазине сковороду, десяток яиц, масло, хлеб, пожарил яичницу, накормил дочь и легли спать на полу, завернувшись в шинель. Шинель она и одеяло, она и пальто, и мать родная.

Утром посмотрели с женой новую квартиру. Не ахти что, но в порядок привести можно. Я никогда не пользовался услугами солдат для ремонта квартиры. Для переезда и перетаскивания вещей – да. Но все солдаты после работы получали по пачке сигарет, и все обедали у меня моим фирменным борщом со сметаной, котлетами с рисом и пили свежезаваренный чай с вареньем, чтобы не чувствовать себя наёмными работниками, а просто товарищами, помогавшими мне при переезде. Потом водитель мой говорил:

– Товарищ полковник, а ребята из комроты говорили, чтобы вы не брали никого других, если вздумаете переезжать.

А как по-другому? Ремонт мы произвели сами. Сами затёрли все трещины, наклеили новые обои. Получили контейнер и расставили мебель. Навели уют в доме. Я с ребятами затащил пианино в квартиру, а потом к нам забрёл маленький чёрненький котёнок, которого никто не искал и который стал нашим домовёнком, черным котом по имени Иннокентий, Кешкой, который как собака ходил около моей ноги и сидел около столба на волейбольной площадке, когда я выходил играть в волейбол. По утрам кот отправлял свои естественные надобности на унитазе. Причём дрессировку понял сразу, как будто всю жизнь только и пользовался унитазом.

Начальник отряда хотел сразу сбить окружную спесь у меня и это ему не удалось. Служба офицера закаляет. Как политработник, он переменил тактику, и через пару лет моя жена в течение четырёх лет была председателем женсовета части, а мои отношения с ним были модной в то время эпохой мирного существования.

Правый фланг участка отряда, примыкающий к административной границе с Читинской областью, для Китая считался самой северной точкой Китая. Одним словом, китайский Северный полюс. В китайском населённом пункте, напротив нашего села Игнашино, был поставлен специальный знак, чтобы все приезжающие люди могли прикоснуться к нему и получить памятную медаль о пребывании здесь с указанием точной даты. Китайские военнослужащие, проходящие здесь службу, имеют особые льготы, как в выслуге лет, так и в денежном содержании. У нас тоже были сделаны льготы для этого района – бесплатное протезирование зубов, которые почему-то быстро разрушались здесь.

В селе Игнашино есть минеральный источник с газированной водой, которую до революции купец Игнашин поставлял в бутылках в обе столицы и ко двору его императорского величества. Вода нарзанного типа очень помогала при лечении заболеваний опорно-двигательного аппарата. До революции там был небольшой санаторий. Пытались сделать небольшой санаторий и при советской власти, но все благие начинания утонули в громаде планов.

У источника стоят обыкновенные ванны, такие же, что стоят во всех квартирах, белые и чугунные. В ванну вёдрами наливается вода, под ванной разводится костёр, вода нагревается, и больные принимают ванны даже в сорокаградусный мороз. Эффект бесподобный. Приезжающие на носилках люди остаются там жить, боясь, что при обострении болезни они уже не смогут помочь себе.

Уровень газированности воды несколько ослаб, так как сторонники интенсификации хотели увеличить дебет источника (иными словами, производительность) и решили пробурить ещё дырку. Количество воды от этого уменьшилось и количество газа тоже. В стороне от источника-матери есть небольшие роднички-дочки, в которых такая сильно газированная вода, что от выпитого залпом стакана воды газ начинает выходить через нос, рот и уши. Если налить такую воду в старую, помятую флягу для молока и провезти её километров пятьдесят, то флягу вы вообще не узнаете. Все вмятины выпрямятся. А если во фляге вы оставите свободное место между крышкой и водой, то получите в автомашине маленький атомный взрывчик, в результате которого вы в любое время года будете с ног до головы в воде и всё, что у вас было сухое, будет мокрым.

В речушках, текущих с гор в реку Амур, водятся могучие таймени, грациозные ленки (можно назвать их форелью, они на это не обидятся) и быстрые хариусы.

Вечная мерзлота выдавливает из земли воду, особенно в сильные морозы, и она разливается на дороге, образуя, особенно на глухих поворотах, ровные ледяные площадки. Однажды мне пришлось на машине переезжать через такую площадку с поворотом. Приказал остановить машину, включить передний мост, пониженную передачу, указал, по какому направлению необходимо ехать и категорически запретил водителю поворачивать руль. Всё, что требовалось от командира-организатора, я выполнил. Поехали по прямой дороге, без

поворота. И вдруг, в самом широком месте ледяной площадки оказался кусочек льда, проезд по которому мы бы и не заметили. Но водительский инстинкт требовал изменить направление движения, чтобы объехать ледяной камешек. Движение рулём, и мы заскользили по стеклянному льду к довольно глубокому обрыву с порубленными деревьями, диаметром до десяти сантиметров, торчащими вверх в виде специально врытых заострённых кольев. Поворот руля в сторону заноса положения не исправил, наклон льда был в противоположную сторону. Мы подкатились к краю обрывчика, затормозились о вмёрзшую в лёд деревяшку и начали медленно переворачиваться вверх колёсами с одновременным падением в обрыв.

У кого-то это происходит медленно, у кого-то очень быстро, но наблюдать за этим интересно. Нам повезло. Перевернувшись на крышу, мы на ней, как на салазках съехали в обрыв, поломав торчащие черенки ёлочек. Водитель быстро эвакуировался из машины с помощью моего мата, предварительно потоптавшись по мне ногами. Вины он за собой не чувствовал и ему было интересно посмотреть, как сидящий головой вниз полковник будет вылезать из машины.

В такой ситуации шутки и безалаберность очень плохи, так как в перевёрнутой машине из бензобака выливается бензин, а водитель не отключил массу. Достаточно любой искры, чтобы превратиться не в киношный, а в настоящий факел. Машина не сильно повреждена, ремонта большого не будет. Водителя с радостным лицом и румяными щеками я послал в машину выключать массу, предупредив, чтобы был осторожнее, так как машина в любой момент может вспыхнуть, а сам пошёл звонить по пограничной линии связи на ближайшую пограничную заставу. Вернувшись, минут через пять, увидел, что водитель топчется около машины с растерянным видом и докладывает, что он не может найти кнопку массы. Действительно, с такими квадратными глазами не то, что кнопку, себя не разглядишь. Пришлось самому залазить в машину и отключать массу.

Вскоре приехала машина ГАЗ-66 с пограничной заставы. Нас поставили «на ноги» и вытянули из обрыва. Во избежание воспламенения бензина нашу машину на буксире дотянули до заставы, где водители коллективно устранили все неисправности. Моему водителю пришлось прочитать лекцию об ответственности водителя за состояние автомобиля, безопасность находящихся в ней пассажиров и правила вождения автомобиля в скользких

условиях. Молодым это проходит бесследно, а мне стоило клока волос, диаметром с металлический рубль, выпавших внезапно с головы прямо на проборе. Через два месяца облысевшее место заросло волосами, но нервные клетки, говорят, не восстанавливаются.

Летом и ближе к осени в тайге бушуют лесные пожары. Издалека и по телевизору они представляют собой большие костры. Но не дай Бог оказаться в это время в лесу. Однажды, во время командировки нашу лесную дорогу перерезало полосой пожара. По обочине горят деревья, и думается, что по дороге можно проехать. Может быть, и можно, если не вспыхнет автомашина, и, если на дорогу не вывалится подгоревшее дерево. Не маленькая берёзка, а огромная лиственница или корабельная сосна. Треск, и ты в капкане. Вперёд нельзя, и назад нельзя. Едешь от ручья к ручью. Обливаешь водой машину, намачиваешь тент «уазика» и вперёд. Машина раскаляется, но останавливаться нельзя, нужно выбираться из пожара.

Когда ночью подъезжаешь к массиву сгоревшего леса и выключаешь фары, то создаётся впечатление, что подъезжаешь к огромному городу, расцвеченному уличными фонарями, светом огней в окнах домов и рекламой. Это на краю земли, где до ближайшего населённого пункта километров пятьдесят-семьдесят. Включаешь фары, и видение рассеивается, превращаясь в огромную дымящуюся массу, в которой отдельные тлеющие угольки создают иллюзию ночного города.

Зимой замерзает тормозная жидкость и её приходится разбавлять спиртом или, в крайнем случае, водкой. На складах в магазине водка крепостью ниже сорока градусов превращается в сметанообразную жидкость. Дед Мороз лучше всякого ОТК. Ёлочки украшаются морозными узорами, похожими на бриллианты в свете фар. Медведи ложатся в берлоги и по тайге ходят волки-хулиганы.

*Вдоль дороги хрустальные ели
Нам расставил вчера Дед Мороз
Прилетели к ним сестры-метели
С ледяными гирляндами роз.*

*За стеклом у меня минус тридцать,
Под машиной хрустит серебро,
Улыбается мне фельдшерница,*

И её тронул бес за ребро.

Однажды группой офицеров мы ехали на одну из пограничных застав. Наша машина заглохла, когда до заставы оставалось не более километра, а напрямую метров пятьсот – были видны огни в казарме. Молодой офицер, начальник клуба, вызвался добежать до заставы и пригнать машину для буксировки. Он убежал, а наш водитель нашёл неисправность и снова завёл машину. Мы спокойно доехали до заставы, но начальника клуба там не было. Мы сразу бросились на поиски, благо заблудиться в маленьком перелеске перед заставой было просто невозможно. Пошли по нему и вдруг слышим песню: «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает». Смотрим, наш культработник сидит на дереве и поёт песню. А под деревом следы волков. Когда он пошёл на заставу, то наткнулся на волков. Удивительно быстро он вскарабкался на корабельную сосну метров на пять и там остановился. Нижние ветви сосны начинаются на высоте не менее десяти метров. Чувствует, что руки замерзают и могут разомкнуться, а волки сидят под деревом и ждут, пока клиент созреет. Волков мы спугнули, а начальника клуба еле-еле с дерева сняли, никак руки расцепить не мог.

Лётчики

С самого детства я мечтал стать лётчиком. Мне даже сны на эту тему снились. Я буквально чувствовал точку отрыва и плавно поднимал аэроплан в воздух, идя в набор высоты по рекомендованной траектории, но в том же детстве я сломал ногу и закрыл себе дорогу в воздух в качестве пилота. Но затем эта дорога открылась в качестве пассажира, руководившего поисковыми мероприятиями с помощью приданных летательных аппаратов. Хотя я и боюсь высоты, но почему-то совершенно не ощущал страха, сидя у открытой боковой дверцы МИ-8 или уткнувшись носом в лобовой фонарь, сидя на привинченной к полу трёхногой металлической табуретке. Азарт погони захватывает всех: командир на подсознательном уровне выполняет команды «влево», «ещё левее», «осматриваем рожицу по краям». Штурман ведёт наблюдение вправо, бортмеханик на своей сидухе выглядывает из-за моего плеча, спрашивая: «а что это там такое?» «Ничего, лучше прикури папиросу». Затянувшись папироской, вижу налетающую на нас линию ЛЭП-пятьсот. Слов

нет. Тычу кулаком в бок командира и мотаю головой вперёд. Резкий набор высоты по-самолётному, переваливание через ЛЭП, окурок командиру в рот, «садимся там», «штурман, дай координаты места стоянки для осмотра местности», резкий набор высоты до двух тысяч, связь с базой и резкое снижение на выбранную площадку. Поисковая группа на коленках вылезает из вертолёта: сначала все кубарем укатились в хвост машины, затем так же кубарем прикатились к дверце кабины экипажа, затем резкий набор высоты и такой же резкий спуск. Не у каждого такой подготовленный вестибулярный аппарат. Во всём виноват бортмеханик:

– Васька, твою мать, ты куда смотрел. На землю три человека пялились, а ты должен был вперёд смотреть!

– Виноват, товарищ капитан, – оправдывался бортмех.

– Виноват-виноват, где папиросы? – ворчал командир экипажа.

– Да вот же они у вас в кармане, – показывал пальцем механик.

– Спички давай! И всех угости папиросами, – и, обращаясь ко мне, – ну что, капитан, с днём рождения. Как ты голову умудрился поднять?

– Дым в глаза попал, да и сомнения у меня были, что мы под ЛЭП сумеем пролететь, – сказал я.

Вечером отмечали «день рождения» в домике на вертолётной площадке. Надо сказать, что никто из поисковой группы так и не понял, что за эволюции вытворялись во время полёта, поэтому и информация об этом никуда не просочилась. На следующий день плановых полётов не было.

Многое связано с этими краями. Когда наш МИД выбивался из сил для улучшения отношений с Китаем, наши дальневосточные пограничники пошли семимильными шагами. На пограничном уровне стали ездить в ознакомительные поездки по приграничным населённым пунктам, сидели в президиумах на государственных праздниках, принимались в китайские пионеры. Таким же образом и китайские офицеры участвовали в наших мероприятиях.

Министр иностранных дел того времени А.А. Громыко сказал многозначительно:

– Ну, дают пограничники.

Этого было достаточно для того, чтобы снять с должности наиболее активного начальника пограничного отряда, погранпредставителя из Благовещенска, и засунуть его в Тмутаракань (перевели в Одессу чуть ли не как врага народа). Всю нашу деятельность свернули. Контроль установили такой, как будто все работники погранпредставительского аппарата, а особенно офицеры, знающие китайский язык, рассматривались как потенциальные изменники Родины.

Китайцы были в шоке. Мы их вызывали на расширение сфер пограничных отношений, и они согласились. Но мы вдруг начали всё сворачивать. Следовательно – это государственная политика свёртывания отношений с Китаем. В МИДе паника. Оказалось, что Андрей Громыко с восхищением отозвался о деятельности пограничников, а пограничные начальники поняли это наоборот. Пошли развивать отношения с китайскими пограничниками по второму кругу, но соседи уже были настороже. А вдруг советская сторона опять выкинет какой-нибудь фортель. Убедили китайцев, что намерения у нас серьёзные. А тут грянул тысяча девятьсот восемьдесят пятый год со злополучным Постановлением ЦК о борьбе с пьянством и алкоголизмом.

Первого октября тысяча девятьсот восемьдесят девятого года наша делегация поехала в Китай на празднование сороковой годовщины образования КНР. Юбилей. Китайцы загодя готовились к нему и обещали нам множество сюрпризов. Однако сюрприз преподнесли им мы. Для контроля над исполнением Постановления ЦК в нашу делегацию был включён офицер-политработник. На инструктаже всех предупредили, что, если кто-то хоть понюхает спиртное, то сразу положит партбилет на стол начальника политотдела.

Стол китайцы накрыли отменный: салат из сельдерея, салат из огурцов с перцем, салат из редьки с луком, салат из цветной капусты, салат из грибов с овощами, салат из крахмального желе с креветками, салат из почек, креветки в коричневом соусе, свинина кисло-сладкая, говядина ароматичная, консервированные яйца (song hua dan – тухлые утиные яйца с отвратительным запахом и пикантным вкусом), ростки бамбука жареные, цветная капуста жареная, рыба жареная в кисло-сладком соусе, ножки курицы фри, филе кур жареное с соевой пастой, утка по-пекински, вырезка жареная с сычуаньской капустой, пельмени мясные и овощные, пампушки, хворост, яблоки в карамели, грецкие орехи фри, водка «маотай» (только для дорогих иностранных гостей), пиво

баночное и бутылочное, орешки солёные, орешки сладкие, чай цветочный, конфеты, яблоки, груши, печенье. Была подготовлена разнообразная культурная программа после обеда. А получилось так, что мы сидели за одним концом стола и пили чай (не попробовав все имевшееся на столе изобилие блюд китайской кухни), а на другой стороне стола китайские офицеры своей компанией поднимали тосты за своё государство и убеждали нас в том, что на китайской территории Постановления ЦК КПСС не действуют и приглашали посмотреть, как пьют водку китайские коммунисты. Праздник был полностью испорчен. Годами налаживаемые отношения рухнули в один момент. Над нами смеялся не только Китай, весь мир смеялся над нами.

Идеологическое давление на людей было до такой степени сильным, что идеология заменяла здравый смысл. Что говорить о людях, по двадцать и более лет учившихся в системе марксистско-ленинской учёбы? Эта учёба была нужна не столько для изучения марксистских догм, сколько для постоянного контроля умонастроений граждан. (Старшина: «Мне не надо, чтобы было чисто, мне надо, чтобы вы задолбались. А поэтому берите ломы и метите плац»).

Поздно вечером после ненормированного рабочего дня (а вернее, рабочего дня без нормы и выходных) сидишь и конспектируешь какую-нибудь критику Готской программы или материализм с эмпириокритицизмом, а рядом дочь, с которой надо пообщаться, проверить дневник, поговорить об учёбе, послушать подготовленное задание по музыке. Да и просто отдохнуть хочется. Все как зомбированные сыпали к месту и не к месту ленинские цитаты или «как лично сказал Генеральный Секретарь Политбюро ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев ...». Ни одна научная работа не принималась без марксистско-ленинского понятийного аппарата и марксистской методологии. Действительно «о влиянии духовых оркестров на духовное содержание советского духовенства».

Нынешний неидеологизированный библиотекарь разложит по полочкам все труды классиков, но что из этого получится? В раздел медицина попадёт «Детская болезнь левизны в коммунизме», в раздел культура (танцы народов мира) – «Шаг вперёд, два шага назад», спорт – «Как организовать соревнование», путешествия, приключения – «Письма издалека», сексология – «Что делать?» и «Советы постороннего».

Идеология происходит от слова идея. Идея – это мечта. Идеология – это пути достижения мечты. Классики мечтали о коммунизме. Об этом мечтали и утописты со своим обществом Солнца. Об этом мечтал и незабвенный Козьма Прутков с его трактатом «О введении единомыслия в России». Последователи Маркса и Ленина в России взяли на вооружение идеи Козьмы Пруткова.

Идеология была везде. Вспоминается случай, когда дочь пришла из детского садика и сообщила:

- Нам сегодня рассказывали про дедушку Ильича.
- А ты знаешь, как полностью зовут дедушку Ильича?
- Знаю. Леонид Ильич Брежнев.

Идеология была даже в пограничном столбе. Пограничный столб СССР (он же почему-то является пограничным столбом обновлённой России) раскрашен красными и зелёными полосами. Понятно, что красный цвет – цвет революции, символ коммунизма и социализма, а зелёный – пограничный. На столбе девять полос: четыре зелёных и пять красных. А почему не пять зелёных и шесть красных или три зелёных и четыре красных? Четыре зелёных полосы обозначают границу государства с четырёх сторон. При нанесении на красный столб четырёх зелёных полос всегда остаётся пять красных полос. По-другому не получится. Но и этим пяти красным полосам был придан идеологический смысл. Пояснение мы нашли году в тысяча девятьсот восьмидесятом. При утверждении образца пограничного столба в конце двадцатых годов было высказано, что пять красных полос олицетворяют победу идей коммунизма на всех пяти континентах (Америка, Австралия, Азия, Африка, Европа).

Раньше детей называли типа ВИЛОР – В.И. Ленин организатор революции. Сейчас детей называют по-другому. В апреле двухтысячного года одна семья в Казахстане назвала своего сына в честь Президента США Билла Клинтона. Мальчика полностью зовут Биляклинтон Серикулы. Билл Клинтон, – говорят, – был в диком восторге от этого.

У нас тоже были детские проблемы. Но они заключались не в выборе имени, соответствующего определённому политическому моменту, а в воспитании детей дошкольного возраста. В пограничном отряде это было проще. Хотя и маленький, но всё же город. На пограничных заставах дети получали домашнее и казарменное воспитание, подкреплённое деревенским воспитанием, если застава дислоцировалась в населённом пункте.

Сын моего подчинённого, переведённого в штаб пограничного отряда, Вовочка в возрасте пяти лет, отчебучил такое, что повергло в шок всех детей и родителей и вогнало в краску его родителей с соответствующими действиями воспитательного характера.

Неординарным событием является приезд нового ребёнка в детский коллектив двух однотипных пятиэтажных домов, охраняемых общей собачкой, знавшей в лицо всех жильцов и остервенелю нападавшей на посторонних. Женсовет провёл работу с родителями, родители провели работу с детьми, чтобы Вовочка был ласково встречен детьми и вовлечён в общую игру. Наконец, из подъезда появился Вовочка, опрятно одетый симпатичный парнишка, похожий сразу на обоих родителей, с машинкой в руках. Дети, как им и было рекомендовано, сразу подошли к нему, назвали свои имена, рассказали, где у них работают папы и мамы, что знают его папу и маму и предложили принять участие в игре по строительству песочного городка. Вовочке предложили роль главного подвозчика строительного материала вместе с мальчиком, у которого был подъёмный кран. Родители и члены женсовета стояли поодаль, с благоговением наблюдая картину детского радушия. Насупленный Вовочка постоял, поглядел на всё исподлобья да как выдал тираду, достойную разве что кочегара, затюканного критикой по поводу слабого поступления тепла в квартиры:

– Да пошли вы все к ё*аной матери!

Мне кажется, что это очень удачная режиссёрская фраза для отработки немой сцены в повести Н. Гоголя «Ревизор».

Кстати, Вовочка уже не Вовочка, а Владимир Александрович, статный красавец с майорскими погонами работает в одном из областных центров на Дальнем Востоке.

Дети границы – это статья особая. Моя дочь в куклы начала играть только лет с десяти:

*В «Детском мире» сплошная стрельба,
С автоматом девчонка трёх лет,
И в парадном мундире стоит лейтенант,
Улыбается людям в ответ.*

*Может, купим, Лариса, мы куклу, как все,
На заставе с ней будешь играть,
Пап, купи автомат, чтоб такой как у всех,*

Мне границу идти охранять.

*Вот девчонка, приходит всегда на расчёт,
Провожает, встречает наряды,
По «тревоге» всех раньше встаёт,
Трудно будет на базе в отряде.*

*В школе сельской везде командир,
Если надо, пройдётся и матом,
Ей военный по нраву мундир
И мужчины такие, как папа.*

Моя дочь в детстве была такая хитрюля, что иногда даже не найдёшься, что ей сказать. Однажды увидел, что стоит она, опершись носом в балконное стекло и грустная такая прегрустная.

- Что случилось?

- Меня папа не любит, - и плачет.

- Кто тебе такое сказал?

- Дядя Лёёняня! (брат жены).

- Да как он тебе мог такое сказать, если он уже второй год в армии служит?

- А он мне перед армией сказал, - и плачет всё громче.

Ну, как тут отец не возьмёт на руки свою любимую дочь? Вот, почувствовала немного невнимание и привлекала его своими женскими методами в три года. Что значат гены?

В гарнизонах всегда более успешно приспособляются те, кто умеет делать всё. Я никогда не препятствовал своей жене получить высшее образование, учиться на различных курсах и посещать кружки по рукоделию, руководствуясь принципом: «ремесло не коромысло, плеч не оттянет, а само в рот протянет» (эту поговорку я узнал ещё в раннем детстве по старинной пепельнице с ребусом этой поговорки, написанной со знаками «Ъ»). Поэтому мой тыл, семья, был достаточно надёжно прикрыт, не препятствуя мне полностью отдаваться службе, не забывая, конечно, семью и её досуг. Часто мы всей семьёй распевали под аккомпанемент дочери на пианино странную песню, очень популярную в те годы:

*«В час, когда тебе взгрустнётся одиноко,
В дверь тихонько боком входит Вероокка,
Он стихи тебе читает из блокнота*

И вздыхает удивительно глубоко.»

Вероюкка, это вообще-то такой бородатый разбойник из детских сказок, который обижает всех слабых, но имя примечательное, редкое, поэтому и придумали песню про исправившего разбойника со звучным именем.

А иногда я один включал проигрыватель, и весь дом чувствовал моё лирическое настроение:

*«Если б я, сквозь ночей тишину
Мог войти в царство дремлющих звёзд,
Я бы взял осторожно луну
И её на руках к вам на Землю принёс».*

На Дальнем Востоке мы часто ездили в дома отдыха и в санатории по всему Советскому Союзу. Санаторно-курортное лечение было по карману каждому офицеру и прапорщику. Путёвки не являлись дефицитом. Военнослужащий оплачивал четверть стоимости путёвки, члены семьи – половину. На всю семью проезд в санаторий и обратно бесплатный. Скопив за зиму тысячу или полторы тысячи рублей, ты уже чувствовал себя, по крайней мере, Крезом или Ротшильдом (в миниатюре) и не отказывал себе ни в чём.

Приятно из дальневосточной глуши выйти на пляж где-нибудь в Сочи, Ялте, Юрмале или Паланге, посмотреть на оголённые попки женщин и сказать:

– Да, какой же здесь отдых? Тут дел невпроворот.

Офицеры, в большинстве своём, трудоголики и отдыхают так же, как и работают. Выезд в санаторий и местная терапия курорта позволяли на год забыть мнемонические врачебные правила о том, что, если в сорок лет человек просыпается утром и у него ничего не болит, то это означает, что он умер. Не умер, просто нервы в порядке, нейро и вегетососудистые дистонии положены в долгий ящик, а впереди предстоят служебно-трудовые будни на благо Отечества. Честно сказать, в тот период Отечество не забывало и заботилось о своих защитниках.

Что было, то было. Это наша история и никуда от неё не денешься. Но дважды входить в одну реку нельзя никому. А, может быть, проще было раздать каждому избирателю грабли, и пусть они наступают на них перед каждыми выборами.

Глава 7. Закавказские мотивы

Назначение в Захребетье состоялось через неделю без вызова в Москву на смотрины. Больших проводов в отряде не устраивал. Не на праздник еду.

Лето. Кое-как добрался до Москвы. Сутки просидел во Внуково. В глаза бросилась разница между вылетающими туда и прилетевшими в Москву оттуда. Прилетающие – интернационал без национальных и сословных различий. В России все равны. Улетающие – делятся на группы по национальным и сословным признакам, определяемым достатком.

В Москву прилетают налегке. Улетают обременённые огромным багажом. Мальчик лет пятнадцати из Джорджии в жёлтом из маечной ткани костюме Буратино (длинный колпак до пояса с кисточкой, рубашка с короткими рукавами навыпуск, короткие до колена штанишки и сандалики типа сабо) демонстрировал полное безразличие ко всем присутствующим как единственный «цивилизованный» человек во всём аэровокзале.

Это было обыденным делом продемонстрировать свою цивилизованность перед нецивилизованными русскими, оккупировавшими их страну. Сами воспитали. Когда Россия пухла от голода в начале тридцатых годов, в Джорджии, по свидетельству очевидцев, шаг нельзя было ступить, чтобы не наткнуться на продавца жареных сосисок и шашлыков. Феодалные окраины стали процветающими республиками СССР. За счёт чего? За счёт их ресурсов? Каких?

Кое-как я достал билет до старинного города, где располагался пограничный округ. В самолёте теснота. Все с мешками, с баулами. Сидят в проходе. Шум, гам. Шашлыки, правда, не жарил никто. Безусловно, иначе самолёт превратился бы в пылающий шашлык, падающий на горы. Такое только в кино показывали про гражданскую войну. Тогда поезда такие были, а сейчас самолёты.

Каждый пассажир политик. Все пытаются доказать русскому империалисту, что национальные окраины без России жили бы лучше. У них выше культура. У них мандарины. Россия их постоянно грабила и не давала развиваться по историческим принципам. И такая снисходительность в разговоре, что хочется спросить, а почему самолёт еле оторвался от взлётной полосы из-за перегруза, если у вас всё есть?

– Интересная петрушка получается, – говорил незабвенный Максим в революционном фильме о своих приключениях. – За всю историю человечества ни одна колония не процветала. Ни один порабощённый народ не пользовался преимуществами перед порабощителями. Никогда представитель порабощённой нации не становился во главе государства-поработителя или занимал другой высший государственный пост. И это было во все времена Российской империи и СССР. Даже советская энциклопедия признавала, что «несмотря на колониальный характер присоединения окраин к России, окраины получили значительное экономическое и культурное развитие». Не признавать этого нельзя.

Но ведь самое главное состоит именно в непризнании этого непреложного факта. Обижали бедных «родственников». Заставляли изучать Пушкина и Лермонтова. Заставляли говорить на русском языке. (Очень трудный этот русский язык. Настя – это девушка, а не Настя – это плохая погода). Заставляли строить заводы и фабрики. Заставляли после окончания институтов и университетов ехать на работу то в Россию, то в Прибалтику, то на Украину, то ещё в какую-нибудь Белоруссию. Вывозили национальные таланты. Все делали, чтобы они там женились (выходили замуж), создавали семьи, занимали должности и не возвращались на свою родину. Хитрая политика у русских империалистов. Правда, когда во главе «империи» стоял их знаменитый земляк, то никто не смел пикнуть об имперских замашках или ещё о чём-нибудь подобном. Человеку любой национальности выдавали бесплатную путёвку в Колымский заповедник-санаторий, и он успокаивался, иногда навечно.

Разве русский империалист дал оценку каждому из народов, особенно Захребетья, как он будет себя вести в годину военной опасности для Родины? Нет, русский бы до такого не додумался. Из русских можно верёвки вить. Плевать им в морду, бить палкой по голове, но внимательно смотреть в глаза. Если по ним побежала чёрная искра, то бросать всё, что нажито, и бежать в горы. И там русский достанет. Но до этого его надо ещё довести.

Иной раз, когда слышишь вопли про империю, хочется крикнуть: «Да, империя!» и начать действовать по имперским законам. Двери открывать только ногой. За косой взгляд палкой по хребтине и так далее.

Я представляю, какой мохнатый вой тогда вознёсся бы к небу во всех республиках и среди демократов, мечтающих о том,

чтобы пьяная Россия валялась в придорожной канаве, и чтобы её можно было безнаказанно поливать грязью.

Мне кажется, что «освобождённые» народы ещё сами будут искоренять самостийников, чтобы самим не оказаться в роли жертв империализма, который обеспечивал достойную жизнь каждой нации. Но, как говорят, то, что проспали, то проспали. Это мысли уже сегодняшнего дня, а тогда и мыслилось совсем по-другому.

В центре внимания в самолёте был, конечно, американец, с которым все пытались поговорить, заменяя незнание английских слов цоканьем языка (на ломаном английском языке глухонемой жестами пытался что-то объяснить). Я английского языка никогда не учил и в глазах пассажиров выглядел просто неучем – офицер-пограничник, а с иностранцем поговорить не может. На всякий случай спросил американца, говорит ли он по-китайски (на это у меня хватило английского словарного запаса).

Американец довольно сносно знал китайский язык. Бизнесмен, окончил университет, учился и работал в Китае. Едет знакомиться с экономической ситуацией в Захребетье в связи с надвигающимся развалом СССР для установления первичных контактов с местными деловыми кругами.

Когда мы заговорили по-китайски, вокруг установилась тишина. Все вслушивались в разговор, улавливая транскрибированные на китайский манер географические названия. Ке-лу-сия, су-лиэнь, э-луо-сы, а-эр-мэн-ни-я, тэ-бие-ли-сы, мо-сы-кэ.

Наших бывших «братьев» всегда изумляло, а порой оскорбляло, когда в их присутствии говорят не на русском языке, хотя они сами в применении своего родного языка в присутствии русских не стеснялись.

К моему однокурснику, казаху, однажды пришли в гости коллеги-земляки. Разговор шёл на их родном (хотя все прекрасно знали русский) языке, и мой друг переводил мне содержание беседы. Я по-китайски предложил ему переводить с его родного языка на китайский, и тренировка, и дураком за столом сидеть не буду. Получилось интересно. Я стал участвовать в беседе. Сидят пять человек, разговаривают на трёх разных языках и друг друга понимают. Это надо видеть. Минут через тридцать, может быть, что-то заподозрив неладное, а, может быть, почувствовав неловкость создавшегося положения, гости предложили всем говорить на русском языке. Вечер прошёл превосходно.

Роберт, так звали моего собеседника, не выразил никакого удивления моему китайскому языку, как и я знанию им этого же языка, начал интересоваться вопросами будущего устройства СССР.

По его мнению, основанному на данных американской прессы, распад СССР предрешён. Все империи рано или поздно разваливались. Великобритания, Австро-Венгрия, Римская, Оттоманская, Византийская империи. Основная причина – рост национального самосознания, национально-освободительная борьба. То же происходит и в СССР.

Насильственное объединение искусственно созданных республик, не имевших своей государственности, особенно в Средней Азии, запутанность национального вопроса в Захребетье, оккупация Прибалтики, национализм западных славян ни при каких условиях не позволят сохранить единое государство.

Армия составлена из представителей различных национальностей, которые не будут воевать против своих народов.

Сложные территориальные проблемы с Украиной и Казахстаном не могут быть решены мирным путём из-за амбиций национальной элиты. Поэтому Западу представляется бесперспективным развитие каких-либо отношений со страной, где на национальных окраинах в любой момент может вспыхнуть гражданская или национально-освободительная война, масштабы которой не поддаются даже воображению.

В какой-то степени в то время он был прав. Искусственно созданные и укреплённые российскими территориями республики ещё преподнесут нам сюрприз. Но мы, воспитанные в духе пролетарского интернационализма, братской дружбы народов, даже и представить себе не могли, что СССР может развалиться как картонный домик. Всё это я и объяснил Роберту в духе марксистско-ленинской теории.

– Роберт, а ты, случайно, не сотрудник ЦРУ? Уж больно ты лихо разбираешься в вопросах геополитики? – спросил я.

– Нет, просто я интересуюсь той страной, с которой мне придётся работать, – ответил мой собеседник.

В конце концов, я по-дурачки обвинил его во вмешательстве США во внутренние дела СССР и на этом наш разговор закончился.

Наконец, в репродукторах самолёта раздался достаточно приятный женский голос, упоминающий «батону» и «халбатону». Я понял, что подлетаем к месту назначения. Потом узнал, что

«батано» означает «господин», «мужчина», а «халбатано» – это «пол господина», то есть «дама», «госпожа», «женщина».

Окружной город встретил темнейшей ночью, дикими ценами на такси и полуторачасовым ожиданием багажа, который подавался по страшно скрежещущему транспортёру. С трудом нашёл военную автомашину, на которой и добрался до окружной гостиницы. С утра всё бегом. Привёл себя в порядок. Доложил о прибытии и через пять минут уже спешил в аэропорт к вылетающему в Магелан военному самолёту.

– Обстановку узнаете на месте, – проинструктировали меня в округе.

«Бинокль» АН-74 круто взмыл по взлётной полосе. В салоне сидели незнакомые офицеры, с интересом поглядывавшие на пришельца из другого мира. Погранвойска маленькие. Люди сближаются быстро. Через несколько минут я уже был со всеми знаком и узнавал обстановку в округе. Спокойный тон офицеров принёс успокоение и мне, впервые въезжающему в район, готовый в любую минуту вспыхнуть, как говорили в прессе, «незаконными хулиганскими действиями националистов».

Сорок минут полёта и Магеланский аэропорт. Круг над городом – ГЭС, водохранилище, посадка. Прохлада самолёта сменилась изнуряющей жарой. Ноги вязнут в асфальте. Небольшой аэропорт небольшого городка, хотя взлётная полоса предназначена для приёма самолётов типа ТУ – сто пятьдесят четыре. Везде асфальтированные дороги. Качество невысокое, но асфальт есть асфальт. Слоняющиеся без дела люди. Шеренги мужчин, присевших в тени у дороги. Виноградники. Продавцы хлеба.

На центральных улицах зелёные фуражки пограничников – офицеры, сержанты, солдаты. Самое главное, что все пограничники не одинаковые. Одни как настоящие, другие – искусственные. Я милого узнаю по походке, – поют у нас. Если солдат или офицер приветствуют старшего офицера в ответ на строгий взгляд, то это не пограничники. Так оно и оказалось. В Магелане раньше дислоцировалась мотострелковая дивизия, которая по решению правительства была переведена в состав войск КГБ и переодета в пограничную форму. Форма формой, а вековые традиции войск одной зелёной фуражкой не приобретёшь. После путча в августе тысяча девятьсот девяносто первого года дивизию снова сделали мотострелковой, что вызвало недовольство

всего личного состава. Взаимоотношения среди пограничников совершенно не похожи на взаимоотношения в армейской среде.

Первый месяц пролетел незаметно. Приём должности. Знакомство с людьми и с охраняемым участком. Обстановка нормальная. Отношение людей благожелательное, как к гостю, который скоро должен покинуть гостеприимный дом. Заверения местных должностных лиц в нерушимости братских связей между русским и магеланским народами, преданности идеям коммунистической партии и уважения к «старшему брату». Всё это как-то мало сочеталось с сожжёнными наблюдательными вышками на границе и жгутами колючей проволоки, оставшейся от недавно построенной сигнализационно-заградительной системы, снесённой толпами народа в декабре тысяча девятьсот девяностого года.

Народный фронт, требовавший открытия границы и передачи власти партаппаратом представителям фронта. Председатель Верховного Совета автономной Магеланской республики Гейдаров, бывший член Политбюро ЦК КПСС, занявший позицию суверенитета от столичных властей. Странное географическое и геополитическое положение Магелана отдельно от всей Назырской республики в подбрюшьи Араратии и отсутствие даже коридора для общения с основным Назыром. Наличие большого количества древних христианских захоронений и остатков христианских храмов. Опоры мостов через Аракс, построенные воинами Александра Македонского, прошедшими через всю Персию и вышедшими в Магелан и Назыр. Пьянство среди мусульман и аскетическая трезвость в соседнем Иране. Ежедневные давки, крики людей, стрельба в воздух на пунктах упрощённого пропуска через границу, баулы, мешки, тюки, коробки. И вся эта масса колыхается, движется, рвётся, кричит. Что толкает людей за границу? Официальный ответ – жажда встретиться с родственниками в Иране. С этого и начались все волнения в Магелане.

Сначала всё было хорошо. Пограничная полоса занимала мало места и не мешала хозяйственной деятельности граждан. В течение дня обеспечивался доступ на реку Аракс. Чужие быстро выявлялись и задерживались. Контрабанды как таковой не было. Хотя нарушения границы были.

С началом демократических процессов в СССР всем стала мешать сигнализационно-заградительная система и работа под контролем пограничников. Это было характерно для всех без

исключения участков границы. В Магелане Народный фронт пошёл дальше. Просто так ломать установившиеся порядки противозаконно. Вспомнили, что северная часть Ирана называется иранский Назыр и там проживает очень много родственников граждан советского Назыра. Появилось основное требование – обеспечить свободу общения родственников через границу. Криком этого не решить. Нужно согласие и соседнего государства.

Ирану не особенно улыбалась перспектива наводнения приграничных районов мусульманами, употребляющими спиртное и не знающими, как правильно совершить намаз. Пока решались эти вопросы, Народный фронт не сидел без дела. Всегда есть результат, когда есть враг. А, если его нет, то его надо выдумать, иначе зачем затевать всё это дело. И враг нашёлся – пограничники. Это они мешают оказать материальную помощь «страдающим» родственникам в иранском Назыре. Наконец-то нашёлся повод выплеснуть годами воспитываемое недовольство против русских и самим диктовать, что нужно делать на своей земле.

Идеи национализма заразительны. Немало людей откликнется на призыв – «Идём грабить». Но на призывы – «Идём возвращать своё», «Освободим нашу Родину» – откликнется абсолютное большинство. Остаётся только выбрать момент и крикнуть, – «Бей!». И дело сделано. Многотысячные толпы устраивали демонстрации у сигнализационно-заградительных систем. Раскачивали столбы, срывали проволоку, ломали конструкции наблюдательных вышек.

Ситуация напоминала тысяча девятьсот шестьдесят девятый год на китайской границе. Наши парни, взявшись за руки, не пускали китайцев на острова, утирали плевки, сносили оскорбления. Тот, кто думает, что это эффективный путь решения вопроса, тот глубоко заблуждается. Безнаказанность всегда влечёт за собой беззаконие. Если хотите решить вопрос, скажите об этом прямо и регулярно информируйте недовольных о ходе решения этого вопроса. Доводите информацию до всех.

Неинформированность развязывает руки подстрекателям. Ничего этого в полной мере сделано не было. Крики «Разойдись!» веселили толпу. До сих пор уважением магеланцев пользуется начальник штаба отряда Татарцев. На особо активном участке он после предупреждения применил способ, который нельзя назвать цивилизованным, но ни у кого из десяти тысяч человек – участников массового забега от заграждения до железнодорожной

магистралами, в том числе и у одного из заместителей Гейдарова, не осталось сомнений в том, что этот человек делает то, что говорит.

На другом участке, возглавляемом приехавшим из Москвы ну уж очень большим пограничным начальником, «фронтовики» собрали тысячи три человек, блокировали пограничную заставу, угрожая расправиться с начальником пограничной заставы и его семьёй, если не будет подписан акт о капитуляции пограничной заставы. Начальник заставы, капитан, вятский уроженец, категорически отказался от участия в подобном фарсе. Взяв пулемёт и, стреляя над толпой, он один погнался туда, откуда она пришла.

Затем последовали массовые нарушения границы, сдерживаемые нашими и иранскими пограничниками. Два погранкомиссара, советский и иранский, находились на нашей наблюдательной вышке и координировали действия своих подразделений. Иранские муллы выходили для увещевания назырских мусульман, но всё было бесполезно. Десятки тысяч беснующихся людей на сопредельной территории. Жесточайшими мерами иранским властям удалось выдворить нарушителей из Ирана и хоть как-то закрыть границу. Свыше пятнадцати тысяч человек были учтены как нарушители границы и не имели права на посещение родственников в случае открытия пункта упрощённого пропуска. Этот факт и информация об этом, доведённая до всех, снизила накал страстей и позволила навести относительный порядок на границе.

К моему приезду было открыто два пункта упрощённого пропуска. Вместо посещения родственников, о которых забыли сразу же, в Иран беспощадно потекли товары со всей России. У нас, оказывается, выпускали автомобильные пылесосы, наши фотоаппараты-мыльницы ЛОМО (Ленинградское оптико-механическое объединение) не уступали аналогичным «Кодакам» и «Олимпусам», наши кухонные процессоры выглядели как «Ровенты» и «Мулинексы» и прочие товары. Всё это было недоступно для обыкновенного советского потребителя, пряталось под прилавками для элиты и для блатных, или шло на экспорт, но для спекулянтов был создан режим наибольшего благоприятствования. Кем? Да теми же, кто и сейчас восседает в немалых креслах и задумчиво рассуждает о судьбе России.

После пересечения иранской границы этот дефицит оседал в мелких лавочках, в которых можно было купить прекрасный советский радиоприёмник, гармошку, совковую лопату,

дятьковский хрусталь и гжельский фарфор, индийский чай иркутской чаеразвесочной фабрики со слонком, швейные машинки с ручным приводом, гвозди, зубные пасты «Мятная», «Чебурашка», «Детская», самые разнообразные победитовые резцы для обработки металла, самарский (куйбышевский) шоколад и московскую карамель.

Иранцы удивлялись:

– Наверное, от таможенных пошлин вы имеете очень большую выгоду?

Это был самый большой секрет, не подлежащий разглашению, чтобы вообще не потерять авторитет государства.

Создавались интернациональные группы людей, достающих дефицит в России, Украине, Белоруссии, Прибалтике, перевозящих его в Магелан и переправляющих к «родственникам» в Иран. Полупустой поезд Тегеран-Москва превращался в перегруженный поезд Москва-Тегеран. Такое ощущение, что в мешке, похожем на карту СССР, прорезали дырку, через которую рекой потекло всё то, что находилось под прилавком и не доставалось простым гражданам великого Советского Союза.

Затем наступила очередь шарикоподшипников, которые охотно покупались мелкими торговцами. Стояли трактора, машины, комбайны, а в Иран тащили тяжёлые палки, унизанные разнокалиберными подшипниками. Оказывается, Иран поставлял эти подшипники в Японию, где из них производили отличные бритвенные лезвия.

Одновременно с официальной переправкой товаров в Иран наступила очередь и нелегальной переправы товаров: автопокрышек, агрегатов для техники, драгоценных металлов, наркотиков, оружия, сигарет.

Без поддержки местных властей борьба с этими преступлениями вообще не имела никакого смысла. Суды просто не хотели привлекать к ответственности нарушителей, задержанных российскими пограничниками. Ещё недавно человек, задержанный с оружием при переходе границы, сидел в камере предварительного заключения, и следователи скрупулёзно фиксировали и документировали признаки совершенного им преступления. Проходит суд, дающий ему условное наказание, и человек спокойно ходит по улицам, смеясь над пограничниками.

Особенно непримиримой к пограничникам была женщина-адвокат, которая везде писалась как русская и имела русскую фамилию. Более нетерпимого к русским человека я не встречал

даже среди коренных магеланцев. Это характерно не только для Захребетья. В других республиках точно такая же ситуация. Люди, имеющие российские корни, становились святее Папы Римского. Так было всегда, что новообращённые, неопиты, намного праведнее носителей коренной религии или традиций. Русские в Прибалтике активно голосовали за независимость, обрекая себя на положение «унтерменшей» (недочеловеков). За что боролись, на то и напоролись.

Контрабандисты начали вооружаться и нередко вступали в перестрелки с пограничниками. Появились первые потери.

Задержанная контрабанда, переданная в таможенный Комитет Магелана, повторно задерживалась на границе. Обнаружилось это случайно. В ходе перестрелки с контрабандистами была задержана крупная партия сигарет «Бонд» и «Магна», поступавших в различные области России в качестве гуманитарной помощи (на ярлыке был даже написан адрес получателя в РСФСР). Один ящик с сигаретами был пробит пулей и у отверстия осталась кровь переносчика. В другой ящик попала отрикошетившая пуля.

Контрабанду передали в республиканский таможенный комитет. Через две недели снова перестрелка (без жертв) и задержана примерно такая же партия сигарет. При осмотре снова было обнаружено кровавое пятно и след отрикошетившей пули.

Запускать контрабанду по третьему кругу? На заставах денег нет. Курильщики одинаково страдают от отсутствия табака, а мы выполнением пока действующего законодательства возвращаем контрабандистам отобранную контрабанду. (Чей окурочек? Ничей, берите, товарищ сержант). Хватит. Все задержанные табачные изделия стали раздаваться в равных пропорциях солдатам и офицерам. Большая часть оставалась на той комендатуре, где произошло задержание.

Этим мы повысили заинтересованность личного состава в результатах охраны государственной границы и как-то отвадили охоту ходить с крупными партиями контрабанды, которую уже никто не вернёт. Во времена Российской империи пограничники имели материальную заинтересованность от задержания контрабанды (четверть стоимости от задержанного), но о ней забыли в тысяча девятьсот семнадцатом году и не помнят до сего времени.

Перед моим приездом был случай, когда солдат задержал российского гражданина с миллионом рублей в «атташе-кейсе»

(это были огромные деньги в ценах тысяча девятьсот девяностого года). Нарушитель отдавал солдату «кейс», чтобы он его спрятал и никому не говорил о наличии этих денег. Но солдат был человеком сознательным. Сдал задержанного и деньги. Получил премию в сто рублей. Вдумайтесь в цифру поощрения – целых СТО рублей за задержанный МИЛЛИОН (это тысяча тысяч рублей). Буквально через несколько месяцев эти сто рублей превратились в один «кайф», то есть в стоимость одного посещения платного туалета в славном городе Москве. В следующий раз этот солдат и его товарищи откажутся от премии в сто рублей и будут довольствоваться тем, что попало им в руки.

Вся деловая жизнь столицы и райцентров крутилась вокруг пропусков на упрощённый переход границы. Это была основная валюта. Пропуска выписывались Министерством внутренних дел автономной республики, но должны быть заверены либо пограничным комиссаром, либо одним из двух его заместителей. Все деловые люди старались стать друзьями этих должностных лиц.

Мы также знали, что «фронтовики» и местное население охотно отвечают на все вопросы, задаваемые им сотрудниками соответствующих ведомств сопредельной стороны. По этой-то причине иранцы принимали меня за человека, который использует своё служебное положение для нанесения политического ущерба Ирану, вероятно, за знание китайского языка и остатков фарси. Иранские офицеры мялись при ответах на самые невинные вопросы. Вместе с тем, отдельные офицеры сами напрашивались на разговоры политического и другого характера. Но с такими собеседниками у меня почему-то не было охоты беседовать.

Иранские офицеры информации (контрразведчики) знали о том, что я являюсь главным должностным лицом по расследованию нарушений границы, ну а выводы из этого можно сделать разные. Как Василий Иванович в известном анекдоте о логическом мышлении: если ест селедку, то пьёт воду, если пьёт воду, то ходит мочиться, если мочится, то есть гениталии, а если есть гениталии, то он (она) естественно интересуются противоположным полом. Внешне это никак не проявлялось, но изучение фактов выдворения назырских граждан из Ирана показало, что выдворяли и неоднократно проверяли лиц, имевших подписанные мной пропуска. По пятницам мы с командиром части подписывали примерно по три сотни пропусков каждый. С его подписью не выдворяли никого. Аллах им судья.

Однажды, когда я встречался с помощником иранского погранкомиссара по решению вопросов передачи нарушителей границы, приехал начальник уголовного розыска Магелана, который просил передать погранкомиссару письмо с просьбой разрешить поиск пропавшего мальчика на территории Ирана.

С точки зрения международного права, такая просьба должна решаться на уровне министров иностранных и внутренних дел двух государств. Но Магелан, хотя и считал себя самостоятельной республикой, не имел официальных связей с правительством Ирана и поэтому не являлся участником переговорного процесса. Даже у Назыра не было официальных контактов с сопредельными властями. Всё делалось на неофициальном уровне. Хочешь не хочешь, но нужно идти к пограничникам, через которых только и можно передать официальный запрос властям сопредельного государства.

Я, как заместитель погранкомиссара, взял на себя ответственность за передачу этого письма. Интересно было посмотреть на реакцию сопредельных властей и на то, как сотрудники магеланского МВД будут проводить розыскные мероприятия на территории сопредельного государства. Я ещё тогда не знал о том пристальном внимании иранских властей к моим действиям и моим знакомым.

Помощник иранского погранкомиссара взял письмо и дал разрешение начальнику уголовного розыска проехать в Иран на своей автомашине. Милиционера я встретил только через две недели. Оказывается, в Иране его сразу задержали и отправили в тюрьму по приказу погранкомиссара.

По существующему там порядку, погранкомиссар является командиром пограничной воинской части, начальником полиции, прокурором, начальником контрразведки и начальником ещё бог знает чего. Милиционер никак не мог взять в толк, по какой причине он был арестован и почему из него пытались выбить показания о действительной цели приезда в Иран, кроме поиска пропавшего мальчишки. Если бы письмо передал не я, то его в Иран просто бы не пустили. Я же письмо передал, только уступая его настойчивой просьбе и учитывая то, что он является родственником моего заместителя. Вообще-то, своих граждан надо искать на своей территории. А на сопредельной территории, если даже там живут братья по крови, должны искать сами братья.

По вечерам Магелан раскрашивался разноцветьем маленьких кафе и ресторанов. Устроенные по типу скворечников с

открытыми в одну сторону летками, они освещались цветными лампочками. Искусственные фонтаны-водопады с подсветкой и музыкой в сочетании с эйфорическим воздействием разнообразных напитков создавали иллюзию картин из «Тысячи и одной ночи». В синей комнатке и шашлык был синим, синими были и лица посетителей. Соответствующие цвета принимало всё, что находилось в разноцветных комнатках. Утренний осмотр кафе сопоставим пробуждению в лачуге после сладкого сна грёз и приятных прикосновений. Так и вся жизнь этой окраины представляла внешнюю респектабельность центральных улиц и чиновников и скромность образа жизни основной массы населения, старающейся по-своему украсить быт и проявляющей большую человечность и порядочность, чем их избранные.

– Восток – дело тонкое, – говорил красноармеец Сухов.

То же говорил и офицер, которого я менял:

– Улыбка – это не показатель мыслей человека. Смотри на руку, которая за спиной – там может быть и кинжал.

Россия, как это ни прискорбно признавать, не является самообучаемым государством. Где бы ни лежали грабли, Россия, россиянин (вернее русский человек) всегда пойдёт туда и наступит на них. Куда ни положи грабли, он их найдёт и наступит. Получит удар по лбу, выматерится семиэтажно и пойдёт по всё той же дороге. Стоит только зажечь ушибу, он уже готов наступить на новые грабли. Такая ему уготована судьба, или как сейчас модно говорить – харизма. Когда слышу это слово, то всегда обращаю внимание на физиономию говорящего, сравниваю её совпадение с харизмой.

Ситуация на Востоке и в Закавказье повторяет с абсолютной точностью обстановку тысяча девятьсот семнадцатого - тысяча девятьсот двадцатого годов. Не надо быть большим мыслителем, чтобы спрогнозировать ситуацию. Достаточно быть читателем, чтобы прочитать документы по реализации ленинского принципа самоопределения вплоть до отделения. И на основании этих данных решить, укреплять ли Союз или безболезненно решить вопрос о его распаде.

Все союзы, рано или поздно распадаются. Распадётся и последняя империя в мире – США. Никакого злорадства. Просто констатация факта. Американцы решили многие вопросы создания устойчивой империи. Нам бы поучиться у них.

Развитие не может идти бесконечно. На смену прогрессу приходит регресс. Начнутся экономические трудности и вот тут-то

каждый регион начнёт считать, а кто и кого кормит. Богатые штаты не захотят давать. Бедные штаты начнут требовать. Власть, которая станет делить их, окажется врагом и тех, и других. А там начнут выплывать давние обиды. Кто-то вспомнит, как штат Луизиану купили у французов. Вернее, заставили их продать, а так бы они были французами и шпрыхали по-французски.

Аляска вообще бы сказала:

– Мы исконно русская территория, но в Россию не пойдём, а создадим свою Аляскинскую республику. Богатств хватит. Проживём и сами.

Курортные штаты тоже будут отделяться. Сами будут эксплуатировать туристическую отрасль и грести с неё денежки для безбедного проживания.

Штаты мексиканского происхождения, то есть оттяпанные в результате мексикано-американской войны, те вообще сразу начнут строить мононациональные латиноамериканские республики, как прибалты, и начнётся исход негроидов и европеоидов из этих штатов. Всему свой срок.

Учтите, это не фантастика. Забудется всё, что было до этого. Грузины мгновенно забыли, как их посольства осаждали русского царя, чтобы взял под свою руку и спас от уничтожения могущественными соседями. Забыли и забыли. Хрен с ними, с грузинами, пусть будут джорджианцами-два. Пусть их американский царь под свою руку возьмёт. Но как только будет худо, они сразу забудут, что сами просились в Америку дубль-штатом, будут говорить, что американцы их притесняли и вообще, нэхороший они народ.

Второе и самое главное. Эти штаты начисто откажутся от использования английского языка и перейдут на один из древних диалектов испанского языка. Через двадцать-тридцать лет основная масса населения напрочь забудет английский язык. Не все же они такие продвинутые, как индийцы, которые понимают, что владение одним из официальных языков ООН есть прямой путь в большой мир и в большую цивилизацию.

Промышленные предприятия будут закрыты. Население займётся торговлей и самобытными промыслами, выравниваясь по уровню развития с аналогичными территориями Латинской Америки.

При планировании всегда надо учитывать отрицательный вариант, а не мечтать о том, что всё пойдёт гладко. Нелишне и почитать историю о том, как решались национальные проблемы в

Российской империи, которая не являлась тюрьмой для народов, а способствовала росту национальных окраин на основе тесных связей с Россией.

Никто не лез на национальные окраины со строительством университетов и гигантов индустрии. Никто не стремился удивлять людей из феодального строя паровозами и доменными печами (постоянно могут удивляться только верблюды и ишаки) и перескакивать через несколько общественно-политических формаций в развитии той или иной нации.

Мы не американцы, которые просто разрешили проблему аборигенов путём их физического уничтожения и заключения оставшихся в резервации. В России всегда велась скрупулёзная работа с национальными окраинами.

Магелан издавна был миной, заложенной турецким правительством под Россию, чтобы посредством её взрыва можно было снова вернуться к решению вопросов возвращения утраченных территорий. В Договоре между Россией и Турцией, подписанном шестнадцатого марта тысяча девятьсот двадцать первого года и подводившем итоги первой мировой войны, о Магелане сказано немного.

«Обе договаривающиеся Стороны (Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Правительство Великого Национального Собрания Турции) согласны, что Магеланская область в границах, указанных в приложении один (С) настоящего Договора, образует автономную территорию под протекторатом Назыра, при условии, что Назыр не уступит сего протектората третьему Государству».

На каком основании соседнее государство диктует форму государственного устройства России? Господину большевику Георгию Чичерину, подписавшему Договор, было наплевать на Россию и на её интересы. Этим же договором половина Армении была отдана Турции и гора Арарат, символ армян всего мира, возвышается в Турции.

Через шестьдесят лет эта бомба взорвалась. Началась назыро-аратская война. И Магелан там был не последним островком, нарушавшим спокойствие на этом участке границы.

Я не специалист в национальном вопросе, но мне представляется, что все беды России идут от отсутствия самоидентификации (отношение личности или государства к самому себе) русских.

Обидели человека какой-либо национальности и все его соплеменники уже рядом, кричат, шумят, лезут в драку. И все вместе.

Обидели русского, тут же должна собраться такая толпа, которая всё сметёт на своём пути и заслуженно, и незаслуженно. Ничуть не бывало. Пройдут мимо, да ещё и осудят. Хорошо, если только осудят, ещё и в грязь втопчут.

Другой пример. Нужда заела человека другой национальности. Собираются его земляки и в складчину помогают дом построить.

Вышел русский из нужды, дом себе построил, крышу железом покрыл, в амбар зерно засыпал, человеком стал. Соседи места себе не находят, «петуха» бы ему кто под крышу запустил или молния бы в дом ударила.

На Магеланском водохранилище была замечательная рыбалка. На третий день я выбрал время съездить половить рыбу спиннингом. В четыре часа утра на «таблетке» (автомобиль УАЗ – 452) выехали на водосброс ГЭС. За три часа впятером наловили килограмм двести рыбы. До сих пор в руках дрожь от борьбы с десятикилограммовым жерехом, схватившим блесну на перекате. А потом все вместе резали леской руки во время вываживания шестидесятикилограммового сома.

Для первого месяца и достаточно. Пора в отпуск за семьёй. Начиналась вторая половина августа тысяча девятьсот девяносто первого года.

Девятнадцатого августа тысяча девятьсот девяносто первого года было обыкновенным солнечным днём. Отпускной билет лежал в кармане, а в аэропорту выписывался билет. По заведённому царём Петром порядку зашёл к командиру представиться по случаю убытия в очередной отпуск. Всё командование отряда было в сборе. Кивком головы показав на моё место за столом, командир продолжал доведение телеграммы о введении чрезвычайного положения в стране и ограничении отпусков офицерскому составу. Ситуация неординарная, никаких прямых распоряжений в телеграмме нет, а это означает, что каждый командир должен принимать решение о порядке последующих действий самостоятельно.

– Прошу высказывать свои мнения, – предложил нам командир.

Молчание. Что посоветовать? Замполиту всё понятно. Партия приказала – надо ехать во все парторганизации и

проводить разъяснительную работу. А что разъяснять? Партия у власти и партия же берет всю власть в свои руки. От кого? От партии в лице Генерального Секретаря, который внезапно «заболел» в Крыму. Хрущёв тот просто не успел вовремя приехать.

Кто может блокировать Горбачёва? С моря и с суши только пограничники, а также личная охрана, подведомственная одному из Управлений КГБ. И погранвойска относятся к системе КГБ. Как ни крути, а все же погранвойска угодили в эпицентр событий, хотя ни к чему не были причастны.

По телевидению с утра «Лебединое озеро». Новостей никаких. Нет данных и нет базы для принятия решений. Мало-помалу, но все сошлись в одном мнении: осуществить сбор информации по своим каналам, выяснить реакцию сопредельной стороны, Народного фронта, прослушать сообщения корреспондентов зарубежных радиостанций, а затем снова собраться вместе и принять какое-то решение.

Город будто вымер. Оживлённые улицы опустели. Личного транспорта не видно. «Фронтвики» из Народного фронта исчезли. Зато руководители административных органов республики не скрывали своего восторга: наконец-то всё пойдёт по-старому. Прикажут из Центра – сделаем, нужны средства – помогут. Все уверяют в полнейшей преданности идеям коммунизма-социализма, как главной, объединяющей силы людей всех наций.

Встретившийся руководитель «фронтвиков» заискивающе поинтересовался, защитят ли их пограничники, если начнётся облава на представителей демократических движений? Что ему ответить? А если нам самим прикажут прижать к ногтю демократов?

Успокоил его заверением, что всё будет делаться только на законных основаниях. А законы-то у нас все направлены на защиту шестой статьи Конституции. И в присяге мы говорили, что готовы по приказу партии и советского правительства сделать то-то и то-то.

Западные средства массовой информации сообщают о военном перевороте в СССР. Танки на улицах Москвы. Иранские представители уклонились от оценки событий, заявив, что в любой ситуации они выполняют функции охраны границы, которая должна оставаться незыблемой независимо от смены правительства. Мудро.

После обеда продолжение совещания. Связь требует ответа на полученную телеграмму. Мнение командования одно – продолжать охрану границы в нормальном режиме. От оценки событий воздержаться. Офицеров из отпусков не отзывать. На этом и закончился «путч» тысяча девятьсот девяносто первого года. Заговорщики арестованы, а утром двадцать четвёртого августа я уже летел в Москву. Начинался отпуск.

Сборы и отправка вещей с Дальнего Востока прошли быстро и организованно. Зашёл в партучет отряда, чтобы быстрее отправили документы о снятии с партийного учёта. Инструктор партучета спросила:

– Учётную карточку на память забирать будете?

Как? А так, после возвращения Горбачёва в Москву партия практически прекратила своё существование. Действительно колосс на глиняных ногах. Горбачёв пальцем ткнул, и нет «вдохновителя и организатора всех наших побед». На чём же всё держалось? На страхе партийного наказания и снятии с должности, назначения на должность только по партийной рекомендации, травле людей за инакомыслие.

Послеотпускной Магелан встретил жарой и уличным оживлением. «Фронтвики», оправившись от августовского испуга, активно занимались вопросами независимости и выкорчёвывания памятников коммунистического прошлого. Небольшой памятник Ленину в пограничной назырской Хайфе был разбит вдребезги, осталась одна арматура. Труднее было с оригинальным ленинским монументом в республиканском центре. Памятник представлял собой одну массивную, весом до пяти тонн, бетонную голову, закреплённую на мраморной плите. Закрепить тросы невозможно, взяться не за что. Кое-как голову сорвали, и она покатила в толпу. Жертв не было, но испугу народу хватило.

Бывшие дворники и слесари стали полковниками Комитета обороны Магелана.

Председатель Комитета обороны, бывший учитель географии, сказал:

– Переходи к нам, мы тебе сразу присвоим звание полковника, а то в своей армии ты ещё долго будешь ждать третью звезду.

Всё напоминало тысяча девятьсот семнадцатый год за исключением знаков различия на погонах революционеров да оставшаяся мощь армии, не позволяющая им разобрать себе всё наличное оружие и ввести в действие закон «человека с ружьём».

Нередки стали случаи остановки военных автомашин и конфискации оружия у офицеров и солдат. Сверху кричат о позоре отдачи оружия без сопротивления.

Говорим – дайте приказ на сопротивление.

Отвечают – руководствуйтесь действующими законами.

А они не действуют на территории Назыра. И как объяснить солдатам и офицерам арест лейтенанта в Кабусе, открывшего огонь для защиты жизни своих солдат и застрелившего нападавшего, смертный приговор, вынесенный ему назырским судом? Сидит лейтенант в камере смертников, ждёт своего последнего часа, а никаких действий по его защите не предпринимается. А, если и предпринимаются, то никто об этом не знает.

На спусковой крючок нажать легко. Пуля сама найдёт себе жертву. Человек к убитому даже и не прикоснётся. А что за этим стоит? Кровь, боль и слёзы родственников, ненависть. Мы это понимаем. Но понимает ли это другая сторона, для интереса обстреливающая иранских дорожных рабочих на сопредельной территории или спокойно пускающая реактивные снаряды в соседнюю Араратию, нисколько не заботясь о том, куда они попадут?

Для войны с Араратией нужны войска. Была сделана попытка приватизировать российские части. Началось с малого. По местному телевидению выступил Гейдаров и объявил о национализации всех войск и вооружений на территории Магеланской республики. По существу, был поставлен ультиматум: или вы подчиняетесь нашим приказам (другими словами, участвуете в войне с Араратией) или складываете оружие и убираетесь, куда глаза глядят.

Позиция Москвы странно напоминала позицию Л.Д. Троцкого на Брест-Литовских мирных переговорах тысяча девятьсот восемнадцатого года – ни мира, ни войны. В конфликты не вступать, оружие не отдавать, выполнять приказы Центра. Такое же указание поступило и командиру мотострелковой дивизии, до августовского путча являвшейся дивизией войск КГБ и носившей зелёные фуражки.

Гейдарову таких указаний не поступало, и просто так отступать он не собирался. Старый, грамотный аппаратчик, прошедший большую школу партийной работы и руководства аппаратом союзного КГБ, прекрасно понимал, что решение поставленной им проблемы затянется на неопределённое время.

Пока информацию носят по коридорам, московское руководство можно поставить перед свершившимся фактом – во избежание кровопролития войска и спасения жизни заложников войска вынуждены отдать большую часть оружия. Этим достигалась цель деморализации войск и достижения перевеса вооружённых людей в сторону местных воинских формирований.

Однако старый аппаратчик просчитался. Всегда оглядывающееся назад командование частей и соединений, поставленное в условия жёсткой необходимости принятия самостоятельных решений, когда любое из возможных решений будет признано неправильным, приняло единственное решение, активно поддержанное всем личным составом частей. Боевая готовность повышенная, усиленная охрана объектов, членов семей, минирование подходов к частям, отражение любых нападений всем имеющимся оружием. Подготовка к эвакуации членов семей.

О решении был поставлен в известность и Гейдаров, который накануне заявил:

– Вы хотите крови? Вы её получите.

Боевой дух частей поднялся на небывалую высоту. Резко снизилось число нарушений воинской дисциплины. Усилилась бдительность при несении службы. Офицерский состав кроме личного оружия получил автоматы с подствольными гранатомётами. Днём и ночью оружие при себе. Дома ночью автомат около кровати, подсумок с магазинами и подсумок с гранатами на тумбочке. Пистолет постоянно оставлял жене для защиты. Она у меня четыре года прослужила прапорщиком в Амурской области и с оружием обращаться умеет.

Разрядка началась после того, как была применена сила для разблокирования двух самолётов с членами семей армейских офицеров в местном аэропорту. Два боевых вертолётки носились на предельно малой высоте над Магеланом, срывая с домов крыши и зависая напротив окон Магеланского парламента. Боевая группа во главе с заместителем командира дивизии прибыла в аэропорт и поставила ультиматум, если в течение десяти минут взлётно-посадочная полоса не будет освобождена, будут приняты меры по разблокировке силой и уничтожению сопротивляющихся.

На обычное – давайте проводить переговоры – заместитель командира дивизии ответил уклончиво с эротическим уклоном и закрыл люк боевой машины пехоты.

А в это время председатель Комитета обороны и министр внутренних дел Магелана через силу пили чай в кабинете командира вертолётчиков. «Чаепитие» закончилось после того, как самолёты с семьями улетели.

Командиры соединений на ультиматум Гейдарова ответили своим ультиматумом:

– Нам нечего терять и рассчитывать на чью-то поддержку. Но честь и достоинство военнослужащих российской армии мы защитим любой ценой.

Кончилось всё тем, что Гейдаров снова выступил по местному телевидению с разъяснением того, что военные неправильно поняли его заявление, в котором он говорил, что войска, находящиеся на той или иной территории должны уважать нравы и обычаи населения и не поддерживать врагов народа, то есть Араратию. Призвал население Магеланской республики с уважением относиться к российским пограничникам, охраняющим границу и другим войскам, которые в случае войны могут защитить магеланский народ.

Поддействовала на г-на Гейдарова и молниеносная, проведённая в течение двух часов эвакуация на вертолётах членов семей офицеров границы. Теперь на пограничных заставах были развязаны руки. Нужно было заботиться только о своей жизни, не подвергая опасности женщин и детей.

Чтобы загладить неприятную ситуацию, Гейдаров подарил командиру дивизии и начальнику пограничного отряда по новенькому «Москвичу двадцать один сорок один», которые они почему-то приняли, вызвав тем самым глухое возмущение офицеров и личного состава.

Москва в восторге от решения проблемы. Командиров наших ставят в пример способности решения очень сложных вопросов. Москва никак сама не хотела решать эту проблему, и поэтому была довольна восстановлением хоть какого-то статус-кво. Не знала и не хотела знать, что волк, кричащий ягнёнком, не перестаёт быть волком. Если атака в лоб не приносит успеха, то применяется обходной манёвр круговым охватом, уступом влево или вправо. Началась атака на личный состав и офицеров.

В этот же период проводились мероприятия по национализации частей и в столичном Кабусе. На воинских складах в выходной день русские офицеры, перешедшие на службу Назыру, вывели личный солдат на отдых на пляж, одновременно произведя замену караульных солдатами назырских

частей. На пляже офицеры предложили солдатам (!!!) выпить шампанского, после чего появились патрули, задержавшие «перепившихся» российских военнослужащих. Чего только мы не наслушались о моральном состоянии российских солдат, угрожающих безопасности назырского населения.

Пришлось нам увидеть и российских офицеров в назырской форме. Этим в России вообще податься некуда. В Кабусе есть квартира, но обменять её на Россию невозможно. Либо вступай в назырскую армию, либо катись на все четыре стороны. Помощи от своих никакой. Стали офицерами другой армии по типу «свой среди чужих и чужой среди своих». Какая у них перспектива? Никакой. Подготовят себе смену и их выметут как отработанный материал. Как военспецов после гражданской войны.

Представляясь командованию отряда после отпуска, я слышал от своих коллег один и тот же вопрос, представлялся ли я своему заместителю? Считая это шуткой, я не обращал на неё никакого внимания, пока мне не сказали, что мой заместитель Джангаров, получивший звание подполковника перед моим отпуском, уже получил звание полковника назырской армии и назначен начальником Первого назырского пограничного отряда, ходил к действующему начальнику отряда узнавать о сроках передачи должности. Ничего себе шуточки. Поднялся к себе в отдел, вызвал заместителя, который был «безмерно рад» моему благополучному возвращению.

– Давай, рассказывай, кем стал в моё отсутствие? – спросил я у заместителя.

Смущение Джангарова было такое, как будто я уличил его в каком-то неблагоприятном поступке. Суть дела заключалась в том, что мой предшественник на должности заместителя начальника отряда получил звание генерал-майора и был назначен председателем Комитета охраны границы Назыра. Во время моего отпуска он вызвал Джангарова в Кабус и предложил ему пост заместителя председателя Комитета и начальника Первого пограничного отряда с одновременным присвоением звания полковника.

– Ну что же, поздравляю с назначением и новым званием, – сказал я. – Комитет охраны границы выдал тебе документ по всей форме с печатями, подписями, в сафьяновых обложках, как у министра. Бери бумагу и пиши на моё имя рапорт, чтобы я ходатайствовал о твоём увольнении из российских пограничных

войск в связи с переходом на службу в пограничные войска Назыра.

– Это почему? Кто мне будет платить деньги за службу, и на какие средства я буду содержать свою семью? – спросил мой заместитель.

– Как кто будет платить? – удивился я. – Комитет охраны границы Назыра. Он тебя принял на службу, присвоил звание, он и должен оплачивать твою работу. У нас в двух армиях одновременно не служат. Сдавай дела старшему офицеру и занимайся вопросами организации охраны границы Магелана.

– Вы не имеете права отстранять меня от должности. Это может сделать только командующий пограничным округом, – протестовал новоиспечённый полковник.

– Не волнуйся, я имею право принимать такие решения и знаю, что начальник отряда и командующий округом меня поддержат, – отпарировал я.

Начальник отряда немного пожурил меня за быстроту принятия решения, но подписал телеграмму в округ. Зато в лице своего заместителя я нажил смертельного врага, гадившего мне с приветливой улыбкой. Восток – дело тонкое.

Затем началась обработка офицеров других национальностей. В ход пошло всё: обещания служебного роста, задерживаемое россиянами, высокое денежное содержание, решение жилищной проблемы, угрозы, запугивание мезтью, физические оскорбления.

Комендант одного из погранучастков, местный уроженец, прошёл через весь этот круг. Как ответственный и добросовестный офицер он подал рапорт о переходе в армию Назыра. В наших кадровых аппаратах такие вопросы решаются долго. Если начальник приказал уволить, то сделают с блеском в течение нескольких дней. Если же поступает личная просьба, то дело намного сложнее.

Соотечественникам коменданта время, необходимое для решения вопроса увольнения, показалось слишком длительным, и издевательства над офицером продолжались. Тогда комендант во время своего отпуска выехал в район боевых действий на назыро-араратской границе и принял участие в боях. Как кадровый офицер он хорошо зарекомендовал себя, и его кандидатура стала рассматриваться в качестве начальника штаба Первого пограничного отряда. Практическая деятельность со своими соотечественниками является, пожалуй, самой действенной

формой привлечения на свою сторону нужного человека. Из отпуска возвратился совершенно другой офицер с чуждыми нам взглядами и убеждениями.

Командир части поручил мне встретиться с ним, чтобы окончательно решить вопрос о его нахождении на должности коменданта пограничного участка. По телефону мы договорились о встрече, но встреча не состоялась. На следующий день он сам вышел со мной на связь и сообщил, что руководством Народного фронта ему запрещено выходить на встречу в связи с опасностью ареста и доставки в пограничный отряд для проведения показательного суда. Комендант сказал, что это абсурдные опасения, так как заместитель начальника пограничного отряда прямо указал цель встречи и дал слово обеспечения его безопасности. «Я вам верю, они не верят». После этого разговора комендант передал командованию части письмо о том, что в данной ситуации он вынужден перейти на службу в армию Назыра до официального решения вопроса о его увольнении из российской армии. Ушёл в горы, прихватив с собой полученные как комендантом на подчинённых ему пограничных заставах несколько автоматов, боеприпасы и радиостанцию.

Нелегко было офицерам других национальностей, особенно народностям Захребетья. Всюду проповедовали принцип кровного единства народов Захребетья, угнетения и завоевания Захребетья Россией. Ставка делалась только на офицеров с низкими моральными качествами. Нормальные офицеры любой национальности не воспринимали оказываемое на них давление, считая делом чести выполнение воинского долга и поддержание офицерских традиций.

В связи с начавшейся эвакуацией и вывозом личных вещей офицеров «остро встал вопрос о защите национального достояния Назыра». Для нагнетания страстей по «ограблению» Магелана использовалась и гибель транспортного самолёта АН-12, перевернувшегося при взлёте. Погибло большое количество офицеров и членов их семей. Катастрофа потрясла всех, но не о горе людей говорили. Говорили о том, что на месте катастрофы были обнаружены чемоданы с российскими деньгами и иностранной валютой, которую пытались вывезти из Магелана. Никто этих денег не видел. Зато нам приходилось наблюдать «досмотр» вещей армейских офицеров в аэропорту. Сжимающий кулаки безоружный офицер и рыдающая жена, глядящая на

копающегося в женском белье «суверена». Какое национальное достояние они могут вывезти, кроме ненависти и презрения?

Такое же представление, но на строевом плацу, собирался устроить новый начальник Первого пограничного отряда под предлогом поиска оружия, которое вывозится его бывшими сослуживцами. Но для такого представления нужен весомый предлог, так как проверка только мужских вещей в присутствии командования отряда не выявила ни одного предмета, относящегося к национальному достоянию Магелана. И вдруг, во время одной проверки в вещах холостого офицера, представителя одного из народов Захребетья, обнаружили тяжёлые банки с детским питанием. В банках оказались десять ручных гранат с запалами, среди вещей три с половиной килограмма тола и три новенькие современные радиостанции. Причём этот офицер сам предложил проверить его вещи, так как вполне могло статься, что его не стали бы и проверять.

Самое главное оказалось не в обнаружении этих предметов, нужных в основном для террористических мероприятий. Офицер вдруг заявил, что взрывчатые вещества принадлежат русскому офицеру, который попросил их вывезти. И назвал фамилию молодого офицера, в порядочности которого никто не мог усомниться. Получался какой-то заколдованный круг. Никому нельзя верить. Мой офицер – мне и идти в своё бывшее подразделение разбираться, кто прав, а кто виноват.

В стане местных пограничников оживление, как перед делёжкой добычи. Бывшие сослуживцы прячут глаза, а новоявленные командиры из проштрафившихся прапорщиков ходят гогаем. Не надо было раньше хватать за руки. Не ваше добро воровали, а общенародное.

В кабинете начальника Первого погранотряда находился и начальник штаба погранвойск Назыра – бывший командир строительного батальона. Был подполковником, сразу стал полковником и ключевой фигурой в войсках. Сразу обвинения в военной провокации и вывозе национального достояния республики. Выслушал молча. Это ещё больше раззадорило всех: на наши слова внимания не обращает, значит, считает себя выше нас. Дал возможность высказаться всем. Страсти начали утихать. Объяснил суть происходящего и потребовал привести офицера для проведения очной ставки.

Это была не очная ставка, это было окунание в дерьмо. Прошу прощения за такое сравнение, но другое просто голову не приходит.

Задержанный офицер пришёл в полном спокойствии. Выдержкой это назвать нельзя, так как я помню, как он волновался, когда видел, что его деятельность не вызывает одобрения руководства. С каменным выражением на лице он заявил, что пришедший со мной офицер попросил его вывезти взрывчатку в Россию.

Мой светло-русый паренёк, пунцовый как мак, перебил его и сказал:

– Как ты можешь это говорить? Мы с тобой были друзья. Жили в одной комнате, вместе питались. Я одолжил тебе свой «кейс» для перевозки книг, хотя он мне самому нужен.

На лице задержанного не отразилось ни одной эмоции. Спокойствие полнейшее. Так мог говорить человек, уверенный в своей безнаказанности или человек без малейших признаков стыда или совести. Китайская психология оправдывает совершение самых неблагоприятных поступков, обмана, если они совершены во благо Китая. Неужели и здесь такое? Ради достижения национальных целей можно пустить побоку всё, что нас связывало на протяжении веков. Или это жажда мести за то, что произошло несколько веков назад? Негры мстят белым, индейцы мстят белым, жители Захребетья мстят россиянам.

Сначала уважаемые люди и акыны с детства поют песни об имаме Шамиле и его кунаках, о белых воинах, взрывающих старинные крепости. Затем дедушка Ленин с его мыслями по национальному вопросу о том, что русский по факту того, что он принадлежит к великой нации, уже с момента рождения является угнетателем любой другой меньшей нации. А вершиной этого обмана явилось создание в СССР новой общности людей – «советский народ». Где эта общность? Где этот советский народ? Ещё несколько месяцев назад все сидящие в этом кабинете люди стучали себе коленкой в грудь и клялись в верности идеям пролетарского интернационализма, принимали присягу на верность делу партии и советского правительства. В одном строю присягу принимали.

Присягают только один раз. Почему для меня присяга остаётся присягой, а для этих людей слова присяги всю жизнь были пустым звуком? Надо что-то решать. Собравшиеся в комнате кричат о проведении суда над расхитителями взрывчатки.

Правильно. В нашей армии - это уголовно наказуемое преступление. Покрывать я никого не собираюсь.

– Хорошо, – сказал я, – если вы хотите судить человека, у которого вы нашли взрывчатку, то судите его. Если хотите, чтобы его судили мы, я его забираю с собой и передаю в органы военной прокуратуры. Но офицера, которого я привёл с собой, я вам не отдам.

Этого почему-то не ожидал никто. Все думали, что мы будем оправдываться, умолять не предавать дело гласности, что разберёмся сами и т.д. Все предвкушали торжество над людьми, сотни лет «унижавшими бесправное коренное население».

Удивился и задержанный. Именно удивился, а не испугался, что его никто не защищает. Парень, да если бы ты только дёрнулся, сказал бы, чтобы тебя не оставляли здесь с ними, разговор был бы совсем другой. Никогда мы не дали бы тебя в обиду, несмотря на то, что ты причинил нам такой огромный моральный ущерб. Не хочешь? Как хочешь.

Я поднялся и заявил, что разговор окончен. Дальнейшее переливание из пустого в порожнее ни к чему не приводит. Выигрывает тот, кто ставит последнюю точку.

– Добро, – сказал я, – мы с вами обменялись мнениями по возникшей проблеме. Ваш человек затеял эту провокацию, вы с ним и разбирайтесь. У меня вышло время беседы с вами. Если я не вернусь к шестнадцати часам, сюда придут люди, чтобы помочь мне вернуться в часть. До свидания.

И мы пошли на выход. В комнате зашумели на местном языке. Я ждал, что нас будут пытаться остановить, но этого так и не произошло.

Следующими на очереди были военнослужащие-украинцы. Их численность составляла примерно пятьдесят процентов личного состава. До сих пор ничего плохого не могу сказать о тех украинцах, с которыми мне пришлось служить вместе, да и вообще обо всех украинцах, с которыми мне пришлось встречаться. Даже сейчас не могу понять, что же нас всё-таки может разделять. Подспудно понимаю, что разделяет нас национализм. Почему стесняются говорить об этом? Боимся обидеть друг друга?

Для проведения разъяснительной работы с украинцами была командирована представительная дама NN бальзаковского возраста. В её распоряжении был самолёт украинских ВВС для перевозки солдат и офицеров на историческую родину и самое

благожелательное отношение Народного фронта. Что привозили на этом самолёте для Назыра, не знаю, ясно, что не бананы и сало.

Госпожа NN, подполковник запаса, бывший преподаватель военной академии им. Фрунзе, внучатая племянница бывшего начальника пограничных войск СССР, человека весьма авторитетного и до сих пор уважаемого многими пограничниками, активист «Руха». С куска на кусок не перебивалась. Но в приватной беседе призналась, что немало офицеров-москалей завалила на экзаменах. В той же беседе мне безапелляционно было заявлено, что «русские дураки, не умеют жить и ничего у них не получится». Причина очень проста. Все нации используют принцип «Усе до себе» (Всё для себя), а «москальи» пытаются облагодетельствовать всех. В этом я, пожалуй, с ней соглашусь.

Методика работы с украинцами была очень проста. Солдат собирают отдельно от офицеров и заявляют:

– Присяга «москалям» не действительна, вы граждане Украины, если вы не покинете часть, служба «безпеки» (безопасности) займётся вашими родителями, и вы после окончания службы в российской армии будете гражданами второго сорта. Самолёт стоит наготове. Народный фронт Назыра обеспечит ваше пребывание в укромном месте до окончания поиска сбежавшего.

Как быть двадцатилетнему парню? Командир призовет к выполнению воинского долга и сам не отпустит из части. А вдруг и вправду с родителями что-то сделают? Кто даст совет? Офицер-украинец тоже не сможет дать дельный совет, он и сам в таком же положении. И начались побегі солдат из части. Правда, без оружия. Здесь дама NN не преуспела. Почти все сбежавшие солдаты оставляли своим товарищам записки примерно такого содержания, чтобы их не считали дезертирами и предателями, просто они боятся за судьбу своих родителей.

Труднее было с офицерами-украинцами. Те мялись, отворачивались, но слово, данное один раз – держали. Ни один офицер-украинец не покинул часть. Вместе служили, вместе вышли из Захребетья, и мы проводили их на Украину, сохранив на всю жизнь дружеские отношения. Даже оголтелый руховец-начальник клуба ни единым действием не запятнал офицерской чести и не скомпрометировал ни Россию, ни Украину.

Другое дело г-жа NN. С офицерами ничего не получается. Надо посеять недоверие в офицерском корпусе. До командования части была доведена информация о том, что готовится нападение

на пограничный отряд и есть договорённость с офицерами-украинцами о том, что во время нападения они будут стоять на плацу с поднятыми руками и их никто не тронет.

Держать эту информацию в тайне и копить недоверие к офицерам в такой ситуации просто преступно. Как поступить? Собрать всех офицеров и объявить, что это дезинформация или поговорить только с украинцами, не доводя информации до остальных офицеров? Было принято решение поговорить со всеми. Собрание было посвящено обычным служебным вопросам. Затем командир предоставил слово мне. Сценария выступления отработано не было. Необходимо было начинать разговор в соответствии с обстановкой совещания. Офицеры были немного уставшие, и поэтому пришлось привлечь их внимание напоминанием о важности предстоящего разговора.

– Товарищи офицеры, – начал я своё сообщение. – Обычно мы доводим информацию, а затем делаем выводы из неё и принимаем соответствующее решение. Сейчас я доложу выводы, а затем доведу содержание информации. Нами получена информация о том, что приехавшим представителем «Руха» NN предприняты попытки скомпрометировать офицеров-украинцев и посеять семена недоверия среди офицеров. От имени командования я заявляю, что у нас нет оснований не доверять кому-то из офицеров, какой национальности они бы не были.

Затем я изложил суть полученной информации. После этого пришлось утихомиривать всех офицеров, которые восприняли действия г-жи (пани) NN как личное оскорбление. Командиру части пришлось приказать всем держать эту информацию при себе и не предпринимать никаких действий отношении г-жи NN. На этом инцидент можно было считать законченным.

Откуда появилась пани NN, почему она работала в военной академии им. Фрунзе, была подполковником с презрительным отношением к офицерам? Вероятно, сказалось её близкое родство с бывшим сверхвысокопоставленным пограничным начальником, бывшим членом Коллегии КГБ.

Я прибыл в Махачкалу с последней партией наших военнослужащих и сразу попал на застолье по проводам украинцев на Родину. Радость выхода в Россию соседствовала с грустью расставания с верными друзьями.

Отдельно надо остановиться на процессе передачи пограничного отряда из рук в руки. Оговорюсь, что я не думаю издеваться над отсутствием опыта у военнослужащих Первого

пограничного отряда. Хочу показать, к чему приводит надменность, стремление во всем видеть враждебные происки русских и меркантильные интересы отдельных приёмщиков.

Началось всё с места размещения первого подразделения. Двухэтажного деревянного домика, где я провёл первые дни в отряде до получения квартиры. Рядом с домиком был небольшой бассейн, увитая виноградом беседка, небольшой фруктовый садик. Это и стало первой базой новых пограничников.

Полковнику Джангарову президент Гейдаров подарил пистолет «ГТ». Форма формой, оружие оружием, а человеческий организм требует принятия пищи три раза в день. В ответ на просьбу Джангарова об оказании помощи в организации питания личного состава тыл отряда выделил полевую кухню на дизельном топливе.

Специалисты-тыловики предложили научить назырских поваров обращению с кухней. Предложение было воспринято как величайшее оскорбление. В результате через два часа раздался взрыв. Два солдата получили ожоги, а кухня вышла из строя. Дали новую кухню. Ситуация повторилась. Ну, братцы, извиняйте. Учиться надо не только грамоте, но надо учиться и картошку чистить и с полевыми кухнями обращаться. Кто думает, что поварское дело простое, тот глубоко ошибается.

Аналогичная ситуация получалась и с новыми комплектами радиостанций. Начальник связи подробно рассказывал правила работы на радиостанции, как выбираются и фиксируются частоты. Особое внимание уделял красной кнопке, которую ни при каких обстоятельствах нельзя нажимать при питании радиостанции от стационарного источника питания. Да лучше бы он этого не говорил, хотя и обязан был это сделать, чтобы никто не нажимал на эту кнопку. Не успевали мы доехать до следующей пограничной заставы, как связь с переданной заставой прерывалась. У всех чесались руки нажать на красную кнопку, а вдруг русский начальник связи обманул. Не обманул, а радиостанция вышла из строя.

Сроки передачи отряда и нашего выхода в Россию никак не могли решить в Москве на уровне высшего руководства. Наконец, боевиками Народного фронта под командованием бывшего коменданта погранучастка была блокирована стыковая на «границе» с Араратией пограничная застава. На заставе в то время находились начальник тыла и заместитель начальника отряда по

технической части, кавалер орденов и медалей за Афганистан. Да и начальник тыла человек с немалым опытом.

Особенность России в том, что наверх докладывают только то, что хотят там услышать, а не то, как на самом деле обстоят дела. Даже сейчас устраивают потёмкинские деревни и затягивают картинками трущобы, а народ хором кричит – спасибо, у нас всё хорошо, кормят нас хорошо, зарплаты нам хватает и ещё остаётся, на остатки мы покупаем сухари и грызём их, когда денег нет.

Приказ два заместителя получили суровый – держаться до последнего. Застава в котловине. Боевики на высоте. Застава простреливается вдоль и поперёк. На заставе двадцать человек. Оружие и боеприпасы есть. Пути подхода помощи блокированы и ждать её неоткуда.

Вопрос, сколько времени продержится застава?

Ответ – от получаса до часа.

Вопрос, будем ли мы здесь оставаться охранять границу с Ираном?

Ответ – нет.

Вопрос, нужно ли приносить в жертву молодых парней в угоду чьим-то амбициям, и кто будет отвечать перед их родителями?

Ответ – если бы это была наша земля, наша граница, с которой мы никогда не уйдём, то никаких вопросов быть не может. Ни один живой солдат не позволил бы нарушить границу и ни один родитель не проклинал армию, которая призвана защищать государство даже ценой жизни солдат и офицеров.

Подумали-подумали два командира, связались с командованием и доложили своё решение – передать заставу Народному фронту, не сегодня-завтра будем передавать весь отряд.

Москва на прямую связь выходила. Уж как отцов-командиров только не обзывала, и предателями, и трусами. Приказали командующему войсками округа выехать лично и на месте разобраться с правильностью принятого решения.

Думали, что дело дойдёт до трибунала. Спасибо командующему округом, приехал, посмотрел и утвердил принятое решение.

Заставу передали за пятнадцать минут. Через полчаса начальник тыла попросил принести ему чаю в канцелярию. Принесли воды в такой помятой кружке, что слова начальника

тыла по этому поводу могли бы украсить любой словарь идиоматических выражений русского языка.

На кухне и на складе уже практически не было никакой пригодной посуды. Во дворе заставы жарили шашлыки из заставских свиней. Мусульмане шибко любят свиной шашлык. У склада обозно-вещевого имущества лежала гора новых простыней, кто-то и что-то куда-то носил. Плюнули наши командиры на это дело и дали команду личному составу грузиться с личными вещами в присланную из отряда машину.

С этого момента вопрос о передаче отряда можно было считать делом решённым. Все заместители начальника отряда стали готовить к сдаче свои хозяйства, а мне, оставшемуся без погранпредставительской работы, поручили процесс непосредственной передачи всех подразделений.

Начали с управления комендатуры на стыке трёх границ. Передали быстро. Труднее дело обстояло с оружием. Только начали пересчитывать оружие, как несколько человек, схватив автоматы, убежали неизвестно куда. Принимающая сторона не обратила на это никакого внимания. Стоять. Передачу комендатуры закончить. Вооружить личный состав. Начать поиски украденного оружия. С территории комендатуры удалить посторонних людей. Решение было утверждено командиром, и передача имущества была прекращена.

Наконец выяснилось, что «кража» была спланирована на случай, если русские обманут, то у принимающей стороны останется несколько автоматов. Логика странная. Получить полцарства, хапнуть сто рублей и убежать. Принимают всё оружие. В случае нехватки автоматов российской стороне нечем подтвердить соответствие учётных данных фактическим и акт приёма-сдачи будет подписываться по фактическому наличию. Несколько автоматов будут являться «приватизированными». Неужели и линию границы будут также «приватизировать»? Дайте мне в аренду полтора метра границы, чтобы мог пройти я и мой чемодан. В конце концов, принесли все автоматы и подписали приёма-сдаточные документы. Через сколько часов эти автоматы будут сеять смерть на находящейся неподалёку назыро-араратской границе.

Личный состав отправили в отряд, и я сам поехал потихоньку в сторону Магелана. На подъезде к городу по рации на связь вышел командир и приказал возвращаться, чтобы на месте разобраться с фактами «уничтожения» техники российскими

солдатами. Комиссия Верховного Совета Магелана уже выехала на место. Вопрос серьёзный. Каждому солдату говорили, что любая небрежность будет расцениваться как вредительство и повлечёт политическую оценку.

По пути к комендатуре встретил четыре бывшие наши автомашины с заклинившими двигателями. Одна из них дошла почти до отряда и встала. Беглый осмотр показал, что машина без масла. Мой водитель сказал, что он присутствовал при передаче автомашин. Новые водители откручивали поддоны картера и медленно выливали масло на землю, чтобы убедиться, что к маслу ничего не примешано. Затем поддоны прикручивали на место. Заливали масло снова или нет, мой водитель не знает. Судя по всему – не заливали. А машина без масла долго не ходит.

На комендатуре уже ждали представители МВД и прокуратуры, направленные г-ном Гейдаровым для проведения расследования по важному политическому делу. Сходу мне было заявлено, что наши солдаты насыпали песок в дизель-генератор, и при включении он вышел из строя. Кроме этого, «вредители» вывели из строя четыре грузовые автомашины.

Не вступая с представителями в разговоры, я пригласил их пройти к автопарку и показал разлитое моторное масло в местах стоянки четырёх автомашин. Вот акты о передаче исправных автомашин. А это масло из этих автомашин. И на дороге четыре неисправные автомашины. Вопрос считаю закрытым. Идёте разбираться с «песком» в дизель-генераторе.

Новенький стокиловаттный дизель-генератор представлял собой жалкое зрелище. «Показал кулаки», как говорят специалисты. Картер разбит и из проломов в чугунном корпусе торчат шатуны. Движок пошёл в разнос. Попросил водителя принести два куса стекла и промыть их бензином. Опустил стекла в масло картера, затем сложил их вместе и потёр друг о друга. Никаких признаков посторонних примесей. Насыпал песок между стёклами и потёр. Звук пренеприятнейший. Предложил членам комиссии сделать то же самое. Все принялись усердно тереть стекло о стекло и были вынуждены согласиться с тем, что песка в масле не обнаружено.

Вызвали «специалиста», заводившего двигатель и попросили условно показать все действия по запуску двигателя. Всё он сделал правильно за исключением одной маленькой детали – нагнетания масла в двигатель. Сначала включается маслонасос, давление масла доводится до определённой отметки, а затем уже

включается стартер. Давление масла не было доведено до необходимой отметки, и оно не попало в систему смазки, обеспечивая дальнейшую циркуляцию. Без масла двигатель поработает минут тридцать и его можно выбрасывать. Что и не было сделано. Когда факты налицо, трудно говорить о каком-то вредительстве.

Затем пошла черед застав. Передачу начали с «придворной» заставы, которая ближе всех находилась к отряду, чтобы можно было своевременно решить все проблемы. Новых хозяев интересовало только оружие. Мы понимали, что после передачи оружия, нам будут выдвинуты заведомо невыполнимые требования, которые остановили бы передачу застав или явились бы поводом для обвинения нас во всех смертных грехах. Поэтому мы твёрдо держались позиции – передача имущества, подписание актов, а затем передача оружия.

Почти полдня ушло на то, чтобы достигнуть договорённости по этому вопросу. Дважды я останавливал все переговоры и готовился к отъезду. Наконец после долгих консультаций наше предложение было принято.

После приёма имущества новый старшина вытащил и свалил в кучу вещи, которые не были вписаны в приготовленные ведомости. Я потребовал, чтобы это имущество было внесено в опись. Новые простыни, наволочки, несколько комплектов годного обмундирования, несколько пар новых ботинок. Старшина имел свой неприкосновенный запас, который позволял ему в любой момент восстановить необходимое количество имущества.

Новый руководитель заставы категорически отказался принимать это имущество и вносить его в опись, заявляя, что ему не нужно это «барахло». Бесхозяйственность полнейшая. Ещё начались обвинения в том, что мы стараемся подsunуть всякие ненужные вещи.

Получив ещё раз уверения в том, что эти вещи никому не нужны, и они их сожгут, я приказал водителю плеснуть на них грамм сто бензина (это был уже тот период, когда бензин считали бутылками) и поджечь. Что тут началось. Ну, сказали бы, что эти вещи они приготовили для себя, можно было бы понять. Чуть не плачущие люди начали раскидывать костёрчик из вещей, затапывать огонь. Оказалось, что на каждого русского трудилось по двенадцать граждан Магелана, что мы их объедали и не давали достойной жизни.

Вероятно, те двенадцать человек, которые трудились непосредственно на меня, были величайшими в мире бездельниками, так как мой уровень жизни по всем принятым меркам являлся намного ниже уровня, являющегося средним.

Эти обиды были скрашены передачей оружия. Какой был восторг. Каждый автомат был проверен на годность практической стрельбой в окно прямо из комнаты для хранения оружия, из каждого сигнального пистолета был произведён выстрел. Слава Богу, что не проверяли годность ручных гранат и выстрелов для гранатомёта.

Затем пошла рутина передачи всех застав. Местное население подходило к нам и спрашивало:

– Зачем вы уходите, кто нас будет охранять?

Один пожилой крестьянин сказал, что такого покоя на границе они уже не почувствуют:

– Мы знали, что днём и ночью нас охраняют, даже стреляют, чтобы никто не ходил за границу. А что будет сейчас?

На именной заставе, гордости отряда, произошёл совершенно дикий случай, который неизвестно как можно квалифицировать. Ретивые борцы за сохранение национального достояния схватили на заставской помойке своего земляка, местного парня лет двадцати пяти, который сдирал оплётку с выброшенных электрических проводов. Насобирав он грамм пятьдесят меди. Его схватили как злостного преступника и бросили в вольер к служебным собакам.

Больше всего была удивлена собака, которая недоуменно смотрела на нас и рычала на каждое движение съёжившегося человечка в своём отсеке. Я был просто шокирован. Не к своим землякам, а к нам обратился бедняга с просьбой спасти его. Не помочь, а спасти. До сих пор стыдно за свой ответ ему:

– Извини, друг, сейчас вся власть у твоих земляков, как они решат, так и будет, а я ничего сделать не смогу.

Ретивых «законников» остановило только то, что я обещал сообщить обо всем Гейдарову, мало надеясь на то, что он будет разбираться в этом.

Однажды на заседании магеланского правительства выступал русский армейский офицер из части, дислоцированной в Аратии, чудом сбежавший из магеланских застенков и которого несколько раз выводили на расстрел как аратского шпиона. Резюме Гейдарова по его выступлению было такое:

– Это настолько чудовищно, что в это невозможно поверить.

И не поверил. Эта ситуация также настолько чудовищна, что в неё невозможно поверить. Но, что было, то было.

Приёма-передаточная комиссия достаточно быстро передала всё имущество. После отъезда комиссии по переданным заставам как будто пронёсся смерч: переставала работать техника, пропадали аккумуляторы на автомашинах, отключался свет, новые пограничники сидели голодные и холодные, хотя буквально за несколько часов до этого другие пограничники здесь жили, несли службу в трудных, но человеческих условиях. Если бы всё делалось по-людски, то приём-сдача застав происходили бы постепенно с одновременным втягиванием в службу новых солдат и обучением новых офицеров. Но нетерпение самостоятельности было выше реальной оценки положения.

При сдаче последней, но первой по нашей нумерации заставы, находящейся на границе с Араратией, я обратил внимание на то, что новые пограничники перебегают через плац бегом, и пригибаются. Оглядевшись, я не увидел ничего подозрительного.

В чём дело? Оказывается – опасаются араратских снайперов. А почему я не боюсь? Они по русским не стреляют.

Форма у всех одинаковая. Высота, которая видна с территории заставы, находится километрах в трёх. Винтовочные пули под большим углом теоретически могут долететь только на излёте с полной потерей убойной силы. Кроме того, на таком расстоянии даже в оптический прицел различить национальность невозможно.

Однажды г-н Гейдаров попросил нас разобраться с «танковой атакой и артиллерийским обстрелом» приграничного с Араратией района. По докладу одного из заместителей министра внутренних дел Магелана, боевые действия могут прекратить только вмешательство регулярных российских войск.

Приехав на место, я не увидел никаких танков и не нашёл свидетелей, видевших какие-либо танки. Наблюдатели на близлежащей пограничной заставе также не видели танков и не слышали никакой артиллерийской стрельбы.

Нашёл подвал дома, из которого делался доклад, и выгнал всех оттуда. Хотя и приезжал разбираться по просьбе руководителей Магелана, но моему докладу не поверили: русский, значит христианин, а раз христианин, то помогает араратцам.

В ходу геббельсовский принцип пропаганды – ври больше, во что-то да и поверят легковёрные западные обыватели, для

которых отсутствие туалетной бумаги уже является гуманитарной катастрофой.

Всю поступающую информацию от представителей борцов за независимость нужно делить пополам, от оставшейся половины отнять четверть и сказать, что, предположительно, данные соответствуют действительности.

После передачи последней пограничной заставы назырцы-мусульмане ели свиной шашлык из заставской свиньи и пили араратский коньяк. Извините, уже не коньяк, а бренди, и даже не бренди, а арбун.

На этой же заставе мне достался и герб СССР с последнего пограничного столба в отряде.

Трудно представить, что сейчас делается на этой границе, если на последней погранкомиссарской встрече иранский погранкомиссар предупредил своих новых коллег, что на каждую пулю из Магелана они получают десять ответных.

О последней погранкомиссарской встрече необходимо рассказать подробнее. На встречу мы вышли в обычном составе. Полковник Джангаров прибыл в форме с новыми знаками различия, напоминавшими турецкие, что явно не понравилось иранскому погранкомиссару с фамилией, созвучной фамилиям в соседней Араратии.

Согласно протоколу, мы уведомили погранкомиссара о прекращении деятельности нашего погранкомиссарского аппарата, утрате действительности с сего дня всех печатей, штампов и подписей, поблагодарили за плодотворную работу по обеспечению порядка на совместно обслуживаемом участке границы, пожелали мира, счастья, здоровья всем присутствующим офицерам и членам их семей, представили нового погранкомиссара Назыра.

Ответное заявление сопредельного погранкомиссара нас несколько ошеломило. Началось оно с упоминания факта обстрела иранских дорожных рабочих с участка заставы, которая была передана самой первой, угроз и оскорблений в адрес иранских граждан на другом участке. Наш погранкомиссар, извинившись, предложил не ворошить то, что уже было, и расстаться по-хорошему. Но иранский руководитель думал о совершенно ином.

– Господин погранкомиссар, – сказал он, – я очень внимательно выслушал ваше заявление и мне просто нечего сказать по этому поводу, кроме как пригласить вас на торжественный ужин и прогулку по ночному городу. Прежде чем сделать это, позвольте мне решить служебные вопросы с новым

погранкомиссаром. Вас эти вопросы уже не касаются, вы просто мои очень дорогие гости.

Пришло время изумиться господину Джангарову, которому было очень неприятно начинать свою деятельность с заявления об ответных мерах иранской стороны.

Пограничный город, в котором проходила встреча, имел одно и то же название, как на иранской, так и на магеланской сторонах. Город разделялся Араксом и соединялся металлическим мостом с воротами по центру, которые закрывались на время окончания работы таможни и контрольно-пропускного пункта.

До середины моста с иранской стороны гирлянда горящих лампочек и разбитые лампочки на сопредельной стороне. Иллюминация и разноцветное освещение на иранской стороне и темнота на сопредельной. Открытые лавочки и магазины, заваленные самым разнообразным товаром и закрытые магазины на сопредельной стороне. Весёлые, улыбающиеся граждане, гуляющие по улицам, расположившиеся семьями на красиво ухоженных газонах и понурые, злые лица, слоняющиеся по пыльным улицам на сопредельной стороне. Два мира, две системы.

Думаю, что в разделе «светская хроника» приёму, устроенному в нашу честь, было бы отведено не менее половины газетного листа и большую часть газетной площади занимало описание блюд и их вкусовых качеств, а также восточных выражений благодарности, произносившихся то с одной стороны, то с другой.

Угощение началось с традиционного чаепития. Густой чёрный свежесваренный чай в хрустальных стаканах. К чаю подавался мелко-мелко наколотый сахар, а также яблоки, персики, хурма, бананы, апельсины, лимоны, гибрид апельсина и лимона, сок которого высасывался или выжимался из специально сделанного отверстия, дыни, арбузы, очищенные гранаты и маленькие огурчики-корнишоны. По совету иранского погранкомиссара, я немного подсоллил зерна граната. Вкус изумительный.

После чая есть уже не хотелось. Однако после небольшого отдыха был подан плов, один вид которого вызывал сомнения в возможности его съесть.

Это не тот узбекский плов, который мы представляем при слове «плов». Это отварной белый рис, выложенный на индивидуальное блюдо большой горкой, венчающейся рисом,

отваренным в шафране (ярко жёлтого цвета). К рису подаются шашлыки из баранины и индюшатины, а также жареное баранье мясо на косточках. Большое количество огромных луковиц сладкого лука. Стручки горького перца. Запечённые помидоры. Много специй. И всё это запивается большим количеством кока-колы. Плов едят двумя ложками. Печёные помидоры разминают и смачивают ими рис. Всё это посыпается перцем и сушёными гранатами. Вкус потрясающий.

После завершающего чаепития (смотри выше) была устроена прогулка по ночному городу, залитому неоновыми огнями. Всюду чистота. Улыбающиеся люди. Большие семьи выходят на улицы подышать вечерней прохладой. Устраиваются с принесённой из дома или купленной в одной из множества лавочек едой прямо на газонах.

Всё хорошо в Иране, но паранджи и хиджабы смазывают ощущение реальности происходящего, как бы в одночасье попал в другой век.

*Чары сказок волшебных Востока
Исчезают в тени паранджи,
Будто стихло журчанье потока
По приказу злодея-раджи.*

*В рубаи нам воспетые пэри
В капюшонах и в черных платках,
Может быть, я открыл не те двери
И очнулся в прошедших веках.*

*Эй, проснитесь, на улице солнце,
Не одни вы себе на уме,
Современными стали японцы,
Закопав «бусидо» на холме.*

Тёплое прощание на мосту иранской и советской погранкомиссарских делегаций наблюдалось толпой с темной стороны города, которые оценили это коротко, как «прощание России и Ирана».

С этого момента переставала существовать веками стоявшая российско-иранская граница, являющаяся одним из важнейших условий развития нормальных межгосударственных отношений.

Всё начинается по-новому и иранской стороне такая перспектива не казалась особенно радужной.

Несмотря на заверения нашего командования о том, что отряд выйдет на территорию России боевой единицей, мы вышли без оружия и без техники. Даже Знамя части было в полиэтиленовом пакете, а под чехлом на древке пионерское знамя из музея отряда.

Горячие головы, недовольные медленными темпами принятия решения о выводе отряда, предложили напасть на пост и захватить боевое Знамя части с орденом. Согласно Уставу, это повлечёт расформирование части и вопрос о выводе решится сам собой. Какой-то резон в этом есть, а возможностей для этого предостаточно. Мимо Знамени ежедневно и ежечасно ходили и сновали представители той и другой стороны. Достаточно толкнуть часового, обезоружить его и Знамя в руках.

В нормальной обстановке такого бы не допустили. А в этой обстановке, когда не знаешь, о чём думает улыбающийся тебе сослуживец из числа коренных жителей, возможно всё. Были такие, которые днём служили одному командованию, а ночью – другому. Этим было хуже всех. Свои им не доверяют, и мы стараемся не поручать им такие дела, срыв которых принёс бы нам большой ущерб, и скомпрометировал бы их как «пособников» россиян.

Скрытно, под видом приведения Знамени в походное положение, заменили Знамя. Знали об этом несколько человек из числа командования. Но охрану Знамени усилили. Наконец, настал тот момент, когда часового у Знамени поприветствовал меня «под козырёк». За четверть века службы это было впервые. Остановившись, я увидел, что у часового нет автомата. Кивком головы спросил: «Где?». Часовой жестом показал: «Сдал».

Что лучше: безоружный отряд со Знаменем или вооружённый отряд без Знамени? Так и так дело позорное. По пути в аэропорт впереди отряда «Знамя» в чехле, а за ним знаменный взвод без оружия. Отпущены на милость победителя со Знаменем.

Кстати, по прошествии уже значительного количества лет оказалось, что в спасении знамени принимало очень много офицеров и все проявляли героизм, вынося Боевое знамя части на своём теле. Примерно так же несколько тысяч человек несли бревно вместе с Лениным на ленинском субботнике. Но не будем тыкать пальцем.

Стройной колонной мы шли в магеланский аэропорт, где нас ждал прибывший транспортный самолёт ИЛ-76.

*Вертолётны трещат, вертолётны дрожат
И трясёт в вертолётных приборы,
Я мешками куда-то в угол зажат,
Мы взлетаем, сметая заборы.*

*Вертолёт наш по метру ползёт в высоту
В облаках над хребтами Кавказа,
Здесь орлы не летают лишь мы в пустоту
Улетаем по воле приказа.*

*Мы могли бы лететь по другому пути,
Но Кавказ весь пылает в огне,
Это Див над людьми лишь слегка пошутил,
Обещая всем счастье цветком на окне.*

*Улетел навсегда наш ковёр-вертолёт,
Пусть живут эти люди, как знают,
Может, дети когда-то предъявят им счёт,
В чайхане похлебав с водкой чаю.*

Честно говоря, мы уходили из Магелана без всякого сожаления. Как у Михаила Лермонтова: «Была без радостей любовь, разлука будет без печали». Мне кажется, что с таким же чувством выходили мои коллеги и из других бывших советских республик. Баба с возу – кобыле легче.

Глава 8. Каспийский прибор

Отлёт из Магелана последней партии военнослужащих нашего отряда был обставлен очень торжественно. Прибывший личный состав лежал в тени самолёта, ожидая прибытия товарища (или господина) Гейдарова, который хотел лично попрощаться с командованием и пожелать им счастливой дороги.

Мне кажется, основная часть населения Магелана искренне сожалела об уходе российской пограничной части, которая сама выполняла законы и требовала их выполнения от приграничного населения. Ничего плохого мы не сделали и жителям столичного

Магелана, которые в большом количестве пришли проводить нас. Простые граждане под предлогом утоления жажды солдат поили их пивом, прохладительными напитками и водкой. Личный состав пьяным не был, но и вполне трезвыми отдельных из них назвать было нельзя.

Руководство административных и правоохранительных органов, особенно те, с кем мы тесно взаимодействовали в охране границы, не скрывали своего сожаления. На капотах приехавших «Волг» стояли бутылки шампанского. В жару шампанское стреляло как охотничье ружье, подбрасывая пробку выше киля самолёта ИЛ-76. А это достаточно высоко для шампанского.

Наконец прибыл г-н Гейдаров, который очень тепло попрощался с командованием отряда и пожелал счастливой дороги в Россию. Мы видели, как он стоял на лётном поле до взлёта самолёта.

ИЛ-76 огромный самолёт. Неслышно взлетел и незаметно набрал высоту. Магеланская жара сразу сменилась прохладой. Самолёт большой. По лестнице на второй этаж поднялся к командиру экипажа. Там не так интересно. Интереснее у штурмана в полуподвальном (цокольном) помещении с окнами почти под ногами. Всюду приборы различного назначения. Сели на ступеньке. Прибор показывает, что высота постоянно меняется, но по самолёту это не чувствуется, значит, летим над горами. Через час лета мы уже были в Махачкалинском аэропорту.

К месту расположения отряда в кемпинге напротив санатория «Дагестан» прибыли уже затемно. Войдя в ворота кемпинга, увидели тёмную, ползущую на нас массу. А рядом с ней заместитель начальника штаба. Что это такое? Приведение личного состава в чувство.

Выходящие из боевой обстановки военнослужащие утрачивают чувство определённой уставом воинской дисциплины. Всё видели, всё знают, требования командиров – придирки. Всегда от трёх дней до недели личный состав приводится в порядок. Гауптвахты переполнены. Наряды на самые тяжёлые работы. Изучение уставов. Сдача зачётов по уставам. Караульная служба. Внутренний наряд. Развод на занятия. Занятия. И жизнь постепенно входит в русло мирной жизни, когда обыденной нормой становится поощрение за ревностное отношение к воинской службе.

Вечером мы положили пакет со Боевым Знаменем части в командирский сейф, а утром оно уже стояло во временном штабе

под охраной вооружённого часового. Автоматы на время дала местная милиция.

Пока личный состав воспитывался, командование занималось обеспечением жизнедеятельности части, рекогносцировкой предполагаемых участков границы, организацией взаимодействия с правоохранительными органами, налаживанием взаимодействия с местными органами власти.

Население Северного Кавказа своеобразное. Там проживают десятки народов, и всех объединяет русский язык как язык межнационального общения. По этой причине всех жителей СССР за границей называли русскими. (В лифте едут два грузина. Заходит японец и говорит: «Удивительно, как эти русские похожи друг на друга»).

Самым своеобразным является кавказское гостеприимство. Я не привык, чтобы платили за меня в ресторане, где приходилось питаться при выездах на участок границы. Отказ воспринимался как оскорбление.

Я понимаю это, но я должностное лицо и не имею права быть обязанным кому-то в чём-то личном. Я с удовольствием помогу любому человеку бескорыстно. Но один раз тянет за собой другой раз и человек привыкает пользоваться услугами за чужой счёт, «на халяву». А это путь к зависимости должностного лица от кредитора.

Когда кредит превысит возможности кредитуемого, может последовать предложение снизить задолженность путём предоставления не вполне законных услуг. Поэтому, как бы на тебя не обижались, расплатись за себя сам. Умные люди поймут, если почувствуют твоё участие и бескорыстную помощь.

Обеспечение жизнедеятельности подразумевает заключение договоров на поставку продовольствия, коммунальных услуг, электроэнергии, помывку личного состава, стирку обмундирования и прочее, и прочее.

Начальник тыла после первого дня заключения договоров приехал с тремя договорами и пьяный как бревно. На следующий день такой же. На совещании командования ему было сделано внушение о нецелесообразности приёма спиртных напитков в рабочее время, хотя мы знали, что новый начальник тыла человек практически непьющий.

На наше внушение начальник тыла попросил дать ему в помощь заместителя по технической части, так один не может отбиться от руководителей организаций, не подписывающих

договоры без обмывания. Поехали начальник тыла с зампотехом, вернулись два бревна с тремя подписанными договорами.

Тогда решил командир части показать, как надо работать на подписании договоров. Приехали, переговорили, руководитель организации дал команду готовить договор, а гостей пригласил к скромному столу. Коньяк, водка, икра чёрная, осетрина копчёная, осетрина вяленая, уха из осетрины, фрукты, овощи. Лежало, понимаешь ли, в шкафу, гостей ждало.

Командир занял жёсткую позицию: мы на работе, пить не будем. Руководитель организации говорит, – ладно, договор подписывать не будем, до свидания, – подчинённым скомандовал – договор не готовить.

Вышел командир из кабинета, минут пять походил, смотрит – люди не шутят. Вернулся и говорит – наливай. Руководитель организации от удовольствия аж подпрыгнул. Позвонил по телефону – срочно готовить договор. Приехали к вечеру два дерева с двумя договорами. После этого начальнику тыла была дана команда: бери в помощь, кого хочешь, делай, что хочешь, но чтобы договоры были. Я от этого поручения открутился. Своих дел много.

Магеланская аура или её энергетическое поле, по-другому не могу назвать пронизывающие нас магеланские атомы, очень агрессивна и держит тех, кто в ней живёт. После выхода в Дагестан стали гибнуть все домашние животные. Ветеринары даже не знали, в чём причина, когда совершенно здоровые животные стали на глазах чахнуть и погибать.

Удалось спасти щенка у моего друга. Старый дагестанский ветеринар посоветовал вливать в рот по чайной ложке водки, смешанной с чесноком. У бессильного щенка не было сил даже поморщиться, лишь только взгляд говорил о безграничном доверии к хозяину и к людям вообще. Через месяц щенок начал грызть всё, что попадалось его зубам и приглашал поиграть с ним в мячик.

Люди в целом чувствовали себя удовлетворительно, но стали частыми обращения к стоматологу. Недалеко от нас располагался медицинский институт и нас пользовали на кафедре стоматологии под руководством остепенённых врачей.

Заболел зуб и у меня. Он болел у меня ещё в училище, но это было в далёком тысяча девятьсот шестьдесят девятом году. Со мной напросился и мой лейтенант – представитель одного из народов Кавказа. Сидим в креслах рядом. Мне высверливают

пломбу и никак не могут высверлить. Выпускница института пошла к ведущему врачу и позвала его на помощь. Мужик с трудом высверлил старую пломбу.

– Да, – говорит, – знатная пломба, сейчас такие не ставят, не умеют.

Зуб мне вылечили.

С моим лейтенантом работала очень красивая даже с повязкой на лице девушка. Она сверлит, а у лейтенанта лицо белое и пот тычет градом. Я остановил девушку, говорю:

– Вы спросите пациента, может ему больно?

– Больной, вам больно? – спросила девушка.

– Конечно, – гордо говорит лейтенант, – но разве я скажу девушке, что мне больно.

После обезболивающего укола всё пошло своим чередом.

Раньше обезболивание применялось только в экстренных ситуациях, и я сам помню, как у меня летели из глаз искры от острой боли при высверливании повреждённых тканей зуба.

Через месяц я поставил вопрос о возвращении на китайскую границу, так как чрезвычайная ситуация, потребовавшая моего приезда, уже прошла. Однако ситуация в Дагестане только начинала обостряться.

Как она обострилась, известно всему миру. А всё началось с перекрытия каналов нелегальной перекачки чёрной икры, добываемой браконьерскими методами.

Первый ответ – взрыв дома офицерского состава в городе Каспийске, куда из Махачкалы передислоцировался бывший Магеланский пограничный отряд.

Проблема Северного Кавказа существовала всегда. Я не буду останавливаться на ней, потому что в двух строчках о ней не расскажешь. Она существенно отличается от тех проблем, которые существуют в странах СНГ. Северный Кавказ – это район особый, где наше и не наше так переплелось, что никому не под силу нас разъединить или ещё сильнее объединить. Это судьба наша общая и боль наша общая. И как лечить её, никто не знает.

Глава 9. За Байкалом

Забайкалье. Глядя на него, не думается ни о чём другом, кроме как «Степь да степь кругом, путь далёк лежит. В той степи глухой замерзал ямщик». Я человек таёжный и более уверенно

чувствовал себя на правом фланге отряда, где были леса и очень тоскливо в степи. Степь такая же, как и пустыня, и к ней надо привыкнуть, но на привыкание у меня времени не было. После Захребетья, после жары попасть в зону вечной мерзлоты несколько трудновато для молодого организма, не говоря уж об обстрелянных полковниках, которым уже за сорок лет.

Кавказ с трудом отпускал меня. Самолёт АН-24, на котором я улетал из Махачкалы, попал в сильную зону турбулентности над Каспийским морем. Самолёт бросало во все стороны и ударяло как будто об асфальт. Точно также происходит с моторной лодкой, когда идёшь на большой скорости поперёк высокой волны: взлетающая лодка ударяется о твёрдую воду как об асфальт. Честно говоря, мало кто был уверен в том, что самолёт останется цел. Кто-то ударился головой о кресло. Кто-то получил травму, не успев пристегнуться. Минут через десять самолёт перешёл в плавный полёт. Ещё через какое-то время весь пассажирский салон разделился на несколько компаний, отмечавших благополучное преодоление опасной зоны.

Мой приезд совпал с размораживанием системы отопления в штабе и казармах отряда. Даже не так. Систему разморозили раньше. Я приехал несколько позже. В кабинетах было холоднее, чем на улице, а на улице было минус тридцать. Всю зиму шла борьба за выживание отряда. Решались проблемы с помывкой и ежедневным умыванием солдат, ежедневным и неоднократным отправлением естественных надобностей людей, которые затруднены в связи с практическим отсутствием в казармах канализации. Хорошо хоть солдат кормили досьята.

Любая армия мира в таких условиях уже бы разложилась или вышла из повиновения. А наш солдат, это золотой солдат, шилом бреется, дымом греется, портянкой утирается, на службу ходит и Родину защищает.

Конечно, было бы очень хорошо, если бы в казармах солдаты жили по три-четыре человека в комнате. В казармах все удобства, пища от пуза, пива под завязку, в автопарке казино, в парке боевых машин бордель (пересказываю содержание американских военных фильмов). Но всё это зависит не только от офицеров, как пытаются представить это наши досужие журналисты и мадамы из комитета солдатских матерей, делающие политический капитал на горе солдатских семей. По деньгам и армия. То есть по тем деньгам, которые доходят до простого солдата.

Даже в самом забытом Богом месте надо стремиться найти что-то хорошее. Чем-то разнообразить скудный продуктовый набор. Это самое главное. На голодный желудок мысли хорошие не идут. Помните, как голодный, замерший солдат был впущен в один дом переночевать. Ему совсем ничего не было нужно, только укрытие от дождя и возможность закрыть глаза. А посмотрите, через полчаса, умывшийся, сытый, сидит на лавке, ковыряет спичкой в зубах и говорит: «Что ты там хозяйка насчёт секса говорила?».

Голодные художники эпохи Возрождения писали превосходнейшие натюрморты из отборных продуктов и жирных сатиров, пьющих вино и пожирающих огромные количества земных плодов или плодов земли. Помните у Некрасова: «В мире есть царь. Этот царь беспощаден – голод название ему. Водит он армии, в море судами правит, в артели сгоняет людей...». Стоит решить продовольственную программу и жизнь сразу приобретает совсем иные оттенки.

Многие этого не понимают и продолжают жаловаться на огромные трудности, и это не так, и то не так... И у меня такое же было до тех пор, пока мы с женой не придумали печь собственный хлеб в чудо-печке. В Забайкалье в то время почему-то выпекали препаскуднейший хлеб. Что с ним не ешь, всё не вкусно. А домашний хлеб и стол разнообразил, и настроение поднял.

Начали брать молоко в селе, творог, сметану. В речках стали ловиться караси и прочая рыба. В степях и гуси, и утки. Огромные поля шампиньонов в степи. Десять минут – ведро. Весной распахали участок земли размером три метра на три и посеяли овощи, которые начали бурно расти. Огурцы, помидоры, петрушка и прочая зелень. В зимний период на подоконнике свежие огурцы и помидоры. Жить можно.

Отряд наш находился на стыке трёх границы: Россия, Китай, Монголия. Пришлось одновременно работать заместителем пограничного представителя на китайской границе и заместителем пограничного уполномоченного на монгольской границе.

Половина участка российско-китайской границы была сухопутная, для меня не привычная по Дальнему Востоку, а вторая половина родная – речная. Основное направление вдоль железнодорожной линии и автомобильной дороги на посёлок Забайкальск через станицы-станции Даурия, Мацевская, Отпор («Дальневосточная, даёшь отпор») и далее на китайский город Маньчжурия (Маньчжоули).

Погранпредставительская работа ничем необычным не отличалась от других участков, разве только тем, что с потеплением международной обстановки мы выезжали двумя делегациями поужинать в китайские рестораны в г. Маньчжурия, в которых в большинстве своём работали официантками российские девушки, выезжающие за границу на заработки.

Во время посещения города Маньчжурия мы заходили и на оптовый рынок, где нашими «челноками» закупалась всякая низкосортная продукция: изделия из кожи, спортивные костюмы с надписями «Adidas» и «Adadis», зажигалки, дешёвая водка, от которой у русских мужиков звонко трещала голова поутру, парфюмерия и прочее.

Челноки, завидев на китайской «оптовке» советских офицеров-пограничников, делали попытки прятаться, но потом понимали, что они находятся здесь на законных основаниях, и продолжали на русско-китайском сленге договариваться о покупке ширпотреба. Маленькие китайские пацаны приветствовали нас отборным российским матом.

Мат воспринимается во всех странах, как русский разговорный язык. Однажды, во время поездки на экскурсию на хайларский пивоваренный завод, я прочитал китайцам лекцию об особенностях русского ненормативного языка и о соответствии одного русского слова десяти китайским. Слушалось это внимательно и очень серьёзно.

На этом участке нам довелось подписать с китайцами первый совместный российско-китайский документ о проведении проверки единственного пограничного знака на этом участке границы, копча – груды камней, который оказался ниже на один камень, упавшим в результате сильных ветров и дождей. Документ подписывали в месте встречи на нашей территории в специально поставленной палатке с белым пологом при температуре примерно сорок градусов ниже нуля. Затем из палатки мы перешли в китайские машины и возвращались домой по китайской территории, заехав по пути в китайский погранпредставительский домик, где по случаю подписания первого документа китайцы поставили трёхлитровую бутылку шипучего вина, типа шампанского.

К лету начались работы по демаркации российско-китайской границы, и мне было поручено возглавлять переговоры китайских и российских топографов по уточнению на картах мест нахождения пограничных знаков.

Разительная перемена произошла с Китаем с тысяча девятьсот семьдесят восьмого года по тысяча девятьсот девяносто третий год. Тогда наши машины УАЗ–469 представлялись китайцам самыми передовыми по сравнению с небольшими армейскими автомобилями марки «Пекин». А сейчас наши «уазики» выглядели очень бледно перед шеренгой новеньких «Тойота Паджеро», выстроившихся в месте перехода границы. Наши топографы вместе со мной в количестве четырнадцати человек приехали на двух «уазиках», представьте, как мы ехали. Вся наша делегация разместилась в четырёх «Тойотах», причём мне, как руководителю делегации, была выделена отдельная машина, в которой я ехал вместе с китайским пограничным представителем, слушая стереофоническую музыку соло для саксофона. Вам не стыдно? А мне было стыдно.

Кроме отсутствия нормального транспорта для военных дипломатических представителей, нам дали команду отказаться от приёма пищи в Китае, чтобы не нести расходы по питанию китайских топографов во время очередного раунда их встреч на нашей территории. Плюшкинизм и крохоборство, которые просто дискредитировали такое государство как Россия. Так может сделать только нищая страна. Время для переговоров ограничено. Поездки на обед туда-сюда отнимут большую часть времени, отведённую для работы. О ночёвке в Китае и думать нечего. Поставленные нашим руководством условия создавали видимость работы. Об этом китайцы прямо заявили, когда я довёл до них установленный график. При этом они заявили, что понимают трудности российского руководства, и не будут придерживаться принципа взаимности при нахождении топографов на российской территории, те привезут с собой свою пищу или купят её на месте. Есть от чего испытывать чувство глубокого стыда.

Мы с китайским пограничным представителем, полковником, в работе топографов не участвовали. Наше дело обеспечить переход линии границы и организовать работу. Пирог должен печь пирожник, а сапоги тачать сапожник. Китайский коллега настойчиво расспрашивал меня о том, почему российским армейским офицерам запрещено обедать в Китае. Этим самым нарушается принцип гостеприимства, а выезд на обед к себе свидетельствует об изменении политической линии российского руководства по отношению к Китаю.

– Ты сам прекрасно понимаешь, – сказал он, – о чём я буду докладывать своему руководству по результатам встречи с

российским заместителем пограничного представителя. Ты тоже будешь докладывать об обеспокоенности китайской стороны изменением уровня отношений сторон.

Он был прав. Я действительно доложил об обеспокоенности китайцев. На границе лишнее слово, нетактичное поведение воспринимается как политический жест. Очень серьёзную оценку китайского руководства получил наш отказ здороваться за руку с китайцами в феврале тысяча девятьсот семьдесят девятого года во время нападения Китая на Социалистическую Республику Вьетнам.

Категорический отказ от обеда в Китае китайской стороной будет воспринят как политический жест. Согласие – нарушение установок нашего руководства. Отъезд на обед на российскую территорию означает срыв графика топографических работ. В девять часов переход границы. Поездка, размещение, начало работы в одиннадцать часов. В двенадцать нужно выезжать на обед на советскую территорию. К шестнадцати часам – продолжение работы. В семнадцать часов выезжать обратно, чтобы не ездить по китайской территории в темноте. Два часа на работу. Кроме как саботажем работы демаркационной комиссии это не назовёшь. Топографы – офицеры Советской Армии, в Китае впервые, на меня смотрят на как отца небесного.

– Добро, – говорю коллеге, – санкционирую ужин на китайской территории без выезда на обед. Но необходимо обеспечить делегацию чаем, печеньем, конфетами, чтобы они не свалились от голода до ужина.

Фюньф минут, Маргарита Павловна. Китайский представитель позвонил куда надо, предложил пройти посмотреть, как две делегации пьют чай. Старший из топографов сказал мне, что их руководство никогда бы не приняло такого решения, потому что тогда Особый отдел закрыл все пути роста офицера, принявшего такое решение. Все офицеры довольны, потому что рабочие планы совершенно не соответствовали политическим установкам.

Работа идёт, а мы с китайским погранпредставителем поехали посмотреть место, где будет устроен ужин, меню и всё прочее. По моему заказу в меню был включён горький жареный перец. Ну, нравится он мне. И Председателю Мао, говорят, он тоже нравился.

Ужин прошёл отменно. На российскую территорию мы возвратились вовремя. После моего доклада страсти в

руководящем звене улеглись. Никто не высказал особых претензий, но и похвал тоже не было. Значит, всё хорошо.

По окончании работы топографических комиссий между Китаем и Россией был подписан торговый договор, открывший в Россию путь товарам не кустарного, а промышленного производства, того, который успешно конкурирует на мировых рынках с товарами признанных производителей. Товары пошли железной дорогой через станции Маньчжурия и Забайкальск. И тут началось нечто невообразимое.

Проходящие вагоны грабились местными жителями и приезжими людьми во время движения поезда. Группы людей сбивали замки и выкидывали коробки с товаром, другие люди растаскивали их в разные стороны. На барахолках, организованные рынки появились позже, за бесценок продавались кожаные куртки отличного качества, спортивные костюмы, белье с маркой «Дружба», термосы, радиоприёмники и всё, что нужно самому взыскательному покупателями. Доярки в окрестных сёлах надевали спортивные костюмы в качестве одноразовой одежды для дойки. Малые пацаны хрустели десятками тысяч новеньких рублей и покупали себе навороченные спортивные мотоциклы к изумлению своих родителей. Такие деньги трудящиеся люди не могли заработать месяцами упорной работы,

Потери на железной дороге были колоссальными. Охрана была усилена в несколько раз, по грабителям открывался огонь на поражение. Было убито несколько человек. Никто Родину свою под огнём противника так не защищает, как люди грабили эту Родину под огнём её защитников. Самыми жесточайшими мерами вал нападений был сбит. Началось обыкновенное воровство на железной дороге, которое не прекращается и сейчас без перерыва на день или ночь.

На монгольском участке границы были свои особенности, определявшиеся тем, что Монголия и СССР долгое время находились в дружественных отношениях, а граница существовала чисто номинально. Пограничники учились в наших пограничных училищах, все хорошо говорили по-русски. Единственным отличием между нашими и монгольскими пограничниками было только продольное расположение звёздочек на погонах. Если смотреть только на погоны.

Встречи пограничных уполномоченных России и Монголии проводились регулярно, существенных вопросов не обсуждалось,

протоколировались договорённости по совместной охране границы.

С моим приходом совпало начало демаркации границы установки пограничных знаков.

Обычно пограничные знаки устанавливаются на возвышенных местах по водоразделу местности. Водоразделом, чтобы это было понятно, называются самые высокие места, не затопляемые наводнением. Антонимом этого понятия является фарватер – линия судоходства. Граница по всем международным нормам проводится либо по линии самых высоких точек (водоразделу) или самых больших глубин (фарватеру), или по прямой линии от одной чётко выраженной точки до другой.

На монгольском участке пограничные столбы располагались то на ближних к нам, то на обратных скатах высот. Так, однако, границу провели.

Затем на монгольской границе были выставлены таможенные посты и контрольно-пропускные пункты, ограничившие бесконтрольное передвижение граждан через границу и сократившие поток товаров, на которые требуется соответствующее разрешение на ввоз и вывоз. Это, естественно, вызвало недовольство местного населения, не привыкшего к подобным ограничениям, и лиц, с огромной выгодой для себя перемещавших различные товары за границу (лекарства, меха, кожаные изделия и т.п.).

Особо ценными являлись шкурки тарбаганов. Тарбаганы – это такие степные суслики, но очень крупные и очень любопытные. Как что увидят, так сразу встают столбиком и глазеют, и глазеют. Это любопытство их и губит. Зверёк, в общем, пугливый, близко к себе не подпускает, но охотники используют его любопытство и в больших количествах добывают его. Один охотник держит в руках простыню, прячется за ней, и сверху помахивает палочкой с пучком травы. Второй охотник с ружьём смотрит на тарбагана в дырочку на простыне. Так они очень близко подбираются к своей добыче. Тарбаган людей не видит. Но ему любопытно, что это за штука потихоньку передвигается по степи. И любопытство открывает ему прямую дорогу на шапку или на воротник пальто человека.

Монгольская военная форма также претерпела большие изменения – из советской она стала более европейской. Звёздочки на погонах заменились священными буддийскими изображениями, символизирующими замкнутость пространства и противостояние

злым духам. У старших офицеров – линии двух сердец, наложенные друг на друга, переплетённые между собой, и с двух сторон защищающие себя копьями. У младших офицеров – квадрат, состоящий из четырёх квадратов, где каждый маленький квадрат является началом другого маленького квадрата. У старшин – три маленьких квадрата в линию, нарисованные одной линией, не имеющей разрывов.

Монголы гостеприимный народ. Приёмы на монгольской территории всегда отличались большим радушием. Гостей встречает красивая луноликая девушка в национальной одежде, держащая на голубой ленте, символизирующей чистоту неба, серебряную чашу с молоком, обозначающую чистоту помыслов. Каждый гость должен отпить из этой чаши, чтобы показать чистоту своих намерений.

Основным угощением является мясо во всех его проявлениях: мясо варёное в котле, мясо варёное прямо в туше при помощи раскалённых камней, мясо жареное, мясо холодное, мясо вяленое, котлеты, пельмени типа казахских мант. И много-много водки. Монголы пьют много, и по статистике, являются одной из наиболее пьющих наций в мире. Пить умеют при хорошей закуске.

Осень следующего года была для меня последней в Забайкалье. Комиссия признала меня ограниченно годным к службе в военное время, и я стал простым гражданином Российской Федерации. Лучше сразу уезжать из того места, где служил и не появляться в конторе, где ты был не последним человеком в руководстве, чем смотреть, как на глазах меняется к тебе отношение бывших сослуживцев и подчинённых. Надо запечатлеться таким, каким ты был. Самый лучший друг и гость – это далёкий друг и гость. Приезд его желанный и радостный.

Заключение

Я специально не стал писать о том, что было в моей жизни после увольнения в запас. Это другая жизнь, практически равная той, которую я прожил до неё. Мне, как и всем, пришлось жить в эпоху перемен. А это что-то да значит.

осень пришла, журавли улетели, листья дорогу мою устилают,

*в каждом листочке четверостишие, дворник метлою по кучам
сгребают.*

*скоро поблекнут упавшие буквы, станут обычным от листьев
скелетом,*

будто летали небесные рыбки, с моря сюда прилетевшие летом.

*ветер сентябрьский опять каруселит, лето пригонит, зиму и
весну,*

так по секундам года пролетели, черные кудри спрямив в седину

Раньше я думал, что коммунизм вечен, а коммунисты – несгибаемые, как сталь. Однако я сильно ошибался. Человек – это главная ценность нашего мира. Он изгибался под действием ВКП(б)/КПСС и будет изгибаться под воздействием имеющей конституционное большинство временной партии «Единая Россия», но он останется человеком, победно глядящим на приходящих и уходящих металлургов – что, взяли? Никакое иго, в том числе и партийное, не смогло согнуть российский народ. И мы, военные, неотъемлемая часть это народа. Нас согнули, но мы разогнёмся. Разогнёмся и построим новую Россию, которая не будет являться угрозой для всего мира.

Как-то так получилось, что военная судьба разбросала нас по тысячекилометровым рубежам «необъятной родины моей» и я не встречался ни с кем из нашего учебного взвода. Потом прошла перестройка, развал СССР, закончилась служба, а границы разделили всех нас. С появлением Интернета границы стали исчезать и стали появляться мои однокашники в социальных сетях типа «Одноклассники» или «Мой мир».

Это не реклама ресурсам, они и без такой рекламы объединяют в себе миллионы людей, но стали появляться мои друзья. Мгновенная радость встречи и тишина. Похоже, что нас что-то объединяло раньше, а потом это всё осталось в прошлом, люди изменились, у всех свои интересы и ностальгия по старым временам исчезала при умильном рассматривании старых фотографий.

По крупицам я стал собирать данные о ребятах из моего взвода и вот такая стала вырисовываться картина.

Один стал муаллим-полковником в пограничной академии суверенного государства. Вроде были друзьями в училище, есть координаты, но общения не получается.

Другой уволился в звании капитана, положив партбилет на стол начальнику политотдела в знак протеста против того, что всё

время был молод для учёбы в академии и в одночасье стал старым для учёбы. Работал военруком в школе суверенного государства, в перестройку работал водителем, таксистом, трактористом, выжил, вырастил и выучил детей и живёт неподалёку от альма-матер. Ему-то и довелось чаще встречаться с нашими сослуживцами, и он тоже отметил, что между старыми друзьями наметилась дистанция разной величины. Вполне естественно. С ним мы разошлись по вопросам оценки событий на Украине и не общаемся до сегодняшнего дня.

Третий поселился в городе, откуда призывался, женился по третьему разу и вполне доволен своей жизнью, но затем умер и оказалось... Что оказалось, я не буду воспроизводить, чтобы не травмировать его третью жену, потому что две первые жены совершенно этим не удивлены.

Четвёртый, с училищным прозвищем «шерстяной» по причине своей волосатости, уволился полковником, был начальником пограничного отряда в Восточном пограничном округе, жил неподалёку от меня в Сибири, а потом переехал в Подмоскowie, где скоростижно скончался от остановки сердца.

Пятый, «мужик через чёрточку пограничник», умер, а сын его приезжал на встречу выпускников курсантом пограничного училища.

Двое других стали свояками, один дослужился до генерал-майора, другой остался майором и оба умерли скоростижно, а семьи закрылись на замок и не желают общаться ни с кем.

Наш замкомвзвода, окончивший училище с золотой медалью, так и остался капитаном в училище и умер по неизвестной для нас причине.

Из двадцати человек нашей учебной группы умерли десять человек. Три человека находятся в суверенных государствах Украины и Белоруссии о них ни слуху, ни духу.

О других у меня совершенно отрывочные сведения, но я обязательно уточню их и напишу о каждом пару слов в книге «Второй дивизион ВПКУ Алма-Ата, выпуск тысяча девятьсот семьдесят первого года».

По идее, я сейчас должен был охаять всё, что происходит у нас в России, «тлетворное влияние Запада», нигилизм в молодёжной среде и в искусстве и прочее.

Конечно, это можно принять и за брюзжание пожилого человека. Все мы в молодости с улыбкой слушали старших, что во времена из молодости и вода была мокрее, и сахар слаще, и

девушки красивее и вообще. И молодёжь точно так же должна относиться и к моим словам, воспринимая их с определённой долей юмора, потому что всякая молодёжь лучше нас. Это им строить новую жизнь и им в этой жизни жить, и я спокоен за будущее наше страны, потому что у них чистые и непромытые марксизмом и ленинизмом мозги. Дай Бог, чтобы и последующие «измы» пролетели мимо них.

Сегодня на календаре двенадцатое июня. День России. СССР канул в вечность и мы, каждый, можем гордиться тем, чтобы были гражданами Великого государства, а у будущей России есть все возможности расправить крылья и полететь высоко в небо.

Моя дочь, когда прочитала эту книгу, сказала:

- Папа, ну почему всё так мрачно? Все книги должны заканчиваться хэппи-эндом, чтобы у людей была какая-то перспектива и надежда на счастливое будущее.

Я с ней полностью согласен и предлагаю каждому читателю придумать свой хэппи-энд для этой книги, учитывая, что книга была написана в тысяча девятьсот девяносто седьмом году, а вы живете сегодняшним днём в далёком две тысячи восемнадцатом году.